

Лига Культур

№17/2020

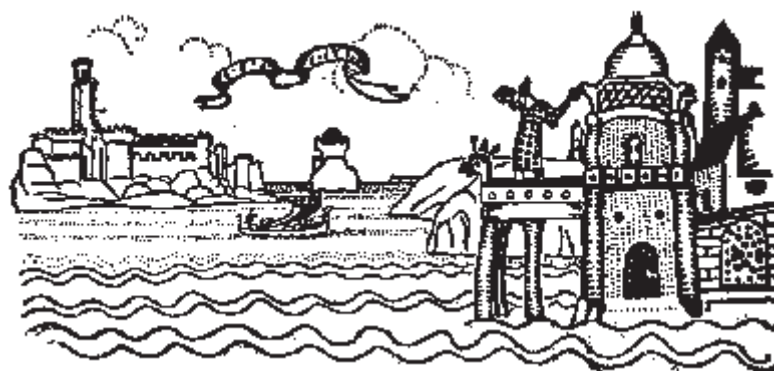
Н. К. Рерих. Победа (Змей Горыныч). 1942. Холст, темпера, 76,2 x 122
Дом Ученых СО РАН, Академгородок, г. Новосибирск, Россия

Институт Лиги Культуры
и социального содружества
Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха

Лига Культуры

№ 17 / 2020

Журнал выходит 2 раза в год
 Основан в декабре 2000 года
 Учредители: *Институт Лиги Культуры*
и социального содружества
Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха
Украина – Израиль

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Татьяна Слонимская. Израиль

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственные редакторы:

Елена Петренко
Татьяна Слонимская

Злата Зарецкая. Израиль
Надежда Егорова. Россия
Елена Карпенко. Украина
Елена Петренко. Украина
Галина Петрова. Россия
Галина Подольская. Израиль
Надежда Полунина. Россия
Ольга Тарасенко. Украина

Оформление:

Елена Петренко. Украина
Татьяна Слонимская. Израиль

Составление:

Вячеслав Жердецкий. Украина
Елена Петренко. Украина
Татьяна Слонимская. Израиль

Компьютерная верстка и графика:

Вячеслав Жердецкий. Украина

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
 При перепечатке статей ссылка
 на журнал «Лига Культуры» обязательна.
 Первая страница обложки:
 Н. К. Рерих. «Победа». 1942
 Четвертая страница обложки: Иерусалим.
 В заставках использованы графика и произведения
 живописи Николая Константиновича и Святослава
 Николаевича Рерихов.
 Надруковано у типографии издательства «Астропринт»
 65091, Одеса, в. Разумовська, 21
 тел. (0482) 33–07–17, 37–14–25, 7–855–855
 Свідощтво суб'єкта видав. справи ДК № 1373 від 28. 05. 2013
 Тираж 125 прим. Зам. № 632(26).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Украина:

ул. Б. Арнаутская, 47, г. Одесса, 65012, Украина
 Тел.: +38 048 704 58 58; +38 063 150 90 88
 E-mail: roerich.house@gmail.com
 http://www.odessa-roerich-house.od.ua

Израиль:

ул. Дана 4/11, г. Ганей-Авив, Израиль
 E-mail: rada-st@yandex.ru

Николай Рерих. ОГНЬ ПРЕТВОРЯЮЩИЙ.....5
Николай Рерих. ПРЕДСКАЗАНИЯ.....6

Татьяна Слонимская. Израиль.
 ВЕЛИЧИЕ УР. Памятные даты и вехи
 витиеватого пути эволюции.....8

МИР

Николай Рерих. НАРОДНАЯ ПОБЕДА.....12
Яков Басин. Израиль. ЕВРЕЙСКИЙ СЛЕД
 НА СТАТУЕ СВОБОДЫ. Леди Ли. Одна на всех,
 судьбою обделенных.....13
Константин Гилевич. Нидерланды.
 ПАКТ РЕРИХА И ЗНАМЯ МИРА –
 ЗОЛОТОЙ ВЕК В ИСТОРИИ XX СТОЛЕТИЯ.
 К 85-летию подписания Пакта Рериха (1935–2020)...23
Надежда Егорова. Россия. БЕССМЕРТНЫЙ
 ВЗВОД. Вспомнить всех поименно –
 по страницам военных биографий.....32

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Николай Рерих. СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ.....42

НАУКА

Николай Рерих. КРЫЛЬЯ.....46
Елена Огнева, Галина Биленко. Украина.
 СЕМЬЯ РЕРИХОВ И КИЕВСКИЙ МУЗЕЙ
 ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА.....48
Зоя Белякова. Россия. ИМПЕРАТОРСКАЯ
 ФАМИЛИЯ И БАЛКАНСКИЕ ПРИНЦЕССЫ.....51
Фуад Мамедов. Азербайджан. РОЛЬ
 ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В
 ПРЕОДОЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
 КРИЗИСА. Выступление на III секции «Глобальная
 дипломатия и международные отношения»
 VI Международного научного конгресса
 «Глобалистика-2020. 21 мая 2020 года.....64
Елена Твердислова. Израиль. СВЕТОПИСЬ
 ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО. Отрывок из
 рукописи «Фотографичность в поэзии Бродского как
 событие мысли».....68
Алексей Пахомов. Россия. СЕРГЕЙ СНЕГОВ
 И ЕГО МИРАЖИ.....78

ИСКУССТВО

Николай Рерих. НАПОМИНАЙТЕ.....82
Николай Рерих. БИТВА.....82
Татьяна Балановская. Украина. «ПОРТРЕТ
 ПАМЯТИ ЖОЗЕФА МАРИ ЖАККАРА».
 К истории создания.....83

<i>Александр Баршай. Израиль.</i> «НАША КУЛЬТУРА С НАМИ». О творчестве иерусалимского художника Виктора Рубинова.....	86
<i>Ирина Глебова. Украина.</i> «РАФАЭЛЬ – НАВСЕГДА». Выставка графики из фондов Одесского музея западного и восточного искусства 7.06.2020–7.08.2020.....	90
<i>Светлана Крижевская. Украина.</i> ОБРАЗ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ГАРМИДЕРА.....	91
<i>Марина Пономаренко. Украина.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ИКОНОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА. На примере триптиха М. Пономаренко «Семейные реликвии».....	95
<i>Светлана Малыш. Украина.</i> НОКТЮРН. (Этюд-новелла).....	100
<i>Светлана Мартыанова. Россия.</i> ЦИТАДЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА. Издательская деятельность как одна из форм библиотечной работы.....	105
<i>Ольга Щербакова, Юрий Щербаков. Украина.</i> ИДЕАЛ КРАСОТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ МЕТНЕРА.....	109
<i>Андрей Тарасенко. Украина.</i> «ПРИСТАНИЩЕ ДУХА»: ОБРАЗ БОРИСА ЛИТВАКА В ГОРЕЛЬСФЕ СКУЛЬПТОРА ГЕОРГИЯ ФРАНГУЛЯНА.....	113
<i>Злата Зарецкая. Израиль.</i> ИГРА КАК ПУТЬ, СТРАСТЬ И СВЕТ. Актер на сцене театра «Гешер».....	115

ВОСПИТАНИЕ

<i>Николай Рерих.</i> ПОДВИГ.....	120
<i>Яков Басин. Израиль.</i> «И СКОРБНЫЕ СЛОВА НЕМЕЛИ НА УСТАХ».....	121
<i>Светлана Мартыанова. Россия.</i> БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ. О чем говорят старые фотографии.....	127

РЕМЕСЛА И ТРУД

<i>Николай Рерих.</i> ТРУД.....	130
<i>Николай Рерих.</i> ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ.....	130
<i>Александра Шпетная. Украина.</i> ЖИЗНЬ ЗА СТЕНОЙ МОЛЧАНИЯ. Творческий путь скульптора Эльзы Швалбе-Матвеевой.....	131

КООПЕРАЦИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

<i>Николай Рерих.</i> КОРАБЛЬ КУЛЬТУРЫ.....	136
<i>Яков Басин. Израиль.</i> ПОРОДНЕННЫЕ ИЕРУСАЛИМОМ.....	137
<i>Валентина Устинова. Украина.</i> 30 РОКІВ ДРУЖБИ. Товариство «Україна–Індія» як платформа розвитку українсько-індійських культурних зв'язків та народної дипломатії.....	142

<i>Володимир Ничипорук. Україна.</i> УКРАЇНСЬКІ Й ІНДІЙСЬКІ МЕДИКИ МОЖУТЬ СПІВПРАЦЮВАТИ.....	148
<i>Владимир Ничипорук. Украина.</i> ПОДАРОК ЛЮДЯМ БОГА ШИВЫ.....	150

ОХРАНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Николай Рерих.</i> ОПЯТЬ ВОЙНА.....	154
<i>Людмила Костынчук. Нидерланды.</i> ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА. Анри Дюнан (8.05.1828–30.10.1910).....	155
<i>Анна Морковина. Россия.</i> ГЕНИЙ ИЗ «ПРОВИНЦИАЛСКА» В.Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ И ЕГО БИОГРАФ К. В. ШИЛОВ. К 150-летию В. Э. Борисова-Мусатова и 75-летию К. В. Шилова.....	162
<i>Галина Подольская. Израиль.</i> ПРИТЯЖЕНИЯ.....	166
<i>Елена Студнева. Россия.</i> О БАРОНЕ ФАЛЬЦ-ФЕЙНЕ С ЛЮБОВЬЮ. Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн (1912–2018).....	179

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И СТРОИТЕЛЬСТВО

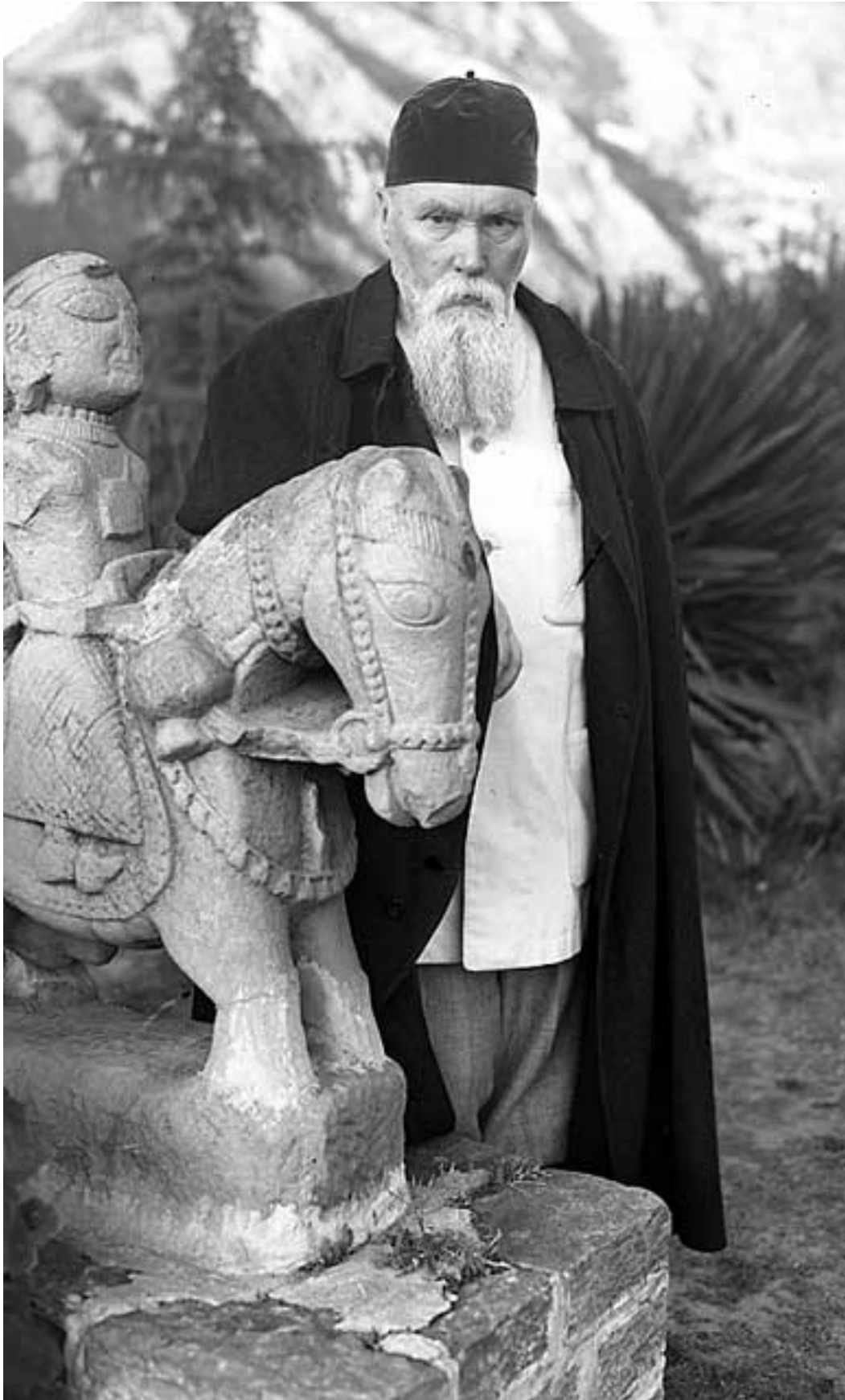
<i>Николай Рерих.</i> ГЕРОСТРАТЫ.....	184
<i>Николай Рерих.</i> ОПАСНОСТЬ.....	184

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

<i>Николай Рерих.</i> ОГРУБЕНИЕ.....	186
<i>Николай Рерих.</i> АНТИФОБИН.....	186
<i>Николай Рерих.</i> ИСТИННАЯ СИЛА.....	187
<i>Елена Рерих.</i> ВЫДЕРЖКИ ИЗ УЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ.....	188
<i>Елена Петренко. Украина.</i> ЗАГРАДИТЕЛЬНАЯ СЕТЬ АУРЫ ЧЕЛОВЕКА. Связь сети с иммунитетом.....	196

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

<i>Александр Аграновский. Израиль.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ КУЛЬТУРЫ. Как это делается в Одессе.....	200
НАШИ АВТОРЫ.....	203

Н. К. Рерих. 1936–1937. Наггар. Индия

ОГНЬ ПРЕТВОРЯЮЩИЙ

«И тогда – в гремящей сфере
Небывалого огня –
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня».

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: «Потому что там говорят о Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, – все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амесе, о рыкающем Льве пустыни.

«И пожрет огонь чертоги,
Ибо злое это время».

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» – проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Ригведы, Плающую Чашу Зороастра и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то, точно вновь открытые, Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие

Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет». «Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет», – пожелал Толстой моему «Гонцу».

«Не смотри в бегущую воду», – говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые, и сами разбиваясь в стоне, стараются подсесть твердую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая

в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч, восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно,

но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед, или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тепл», – говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма не знающее, но сотрудник творящий Бытия – ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить руслу больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения» (I, 481. «Знаки Агни-Йоги»).

«Три огня. Затем чаша подвига» (I, 465). Зовет к мужеству и познанию Агни-Йога.

Гималаи. 24 января 1932

Николай Перих

ПРЕДСКАЗАНИЯ

«Марс и Венера через сто лет будут обитаемы». Такое научное предсказание недавно сообщилось газетами. Выпишем дословно, как мы его читали:

«Двухчасовой рабочий день, уничтожение старости, и вместо нее вся жизнь как бы в промежутке от 22 до 35 лет, доставка воды на Марс, а также снабжение кислородом Венеры, сделают их обитаемыми. Таковы предсказания на следующие сто лет, сделанные американским химическим обществом на торжестве одного юбилея в Америке».

«Десять тысяч ученых присутствовали на этом торжестве».

Предсказания эти были высказаны доктором Томасом Мидглеем, химиком и вице-президентом Этил-Петроль-Корпорейшен.

«Д-р Мидглей говорит, что через сто лет будет уничтожена причина простуды, инфлюэнцы, туберку-

леза, вероятно, также рака и многих других болезней, которые сейчас считаются опасными».

«В синтетическом доме будущего столетия вы будете, за ненужностью, выбрасывать постельное белье, нагревать комнату немедленно, лишь нажимая кнопку, бросите ваши пижамы в мусорную корзину, ибо продукты целлюлозы будут настолько дешевы, что не будет иметь смысла их стирать».

«Несварение желудка делается неизвестным с открытием определенных гормонов, и принятие одной пилюли избавит от всех неприятностей».

«Сон не будет тревожным, и дурные сны исчезнут. Будут сонные таблетки, производящие лишь приятные сны, или другого сорта таблетки – вообще избавят от снов».

«Инженерное дело ждет от химии такое топливо, которое освободит все прочие подобные надобности.

Изобретение такого топлива сделает возможным междупланетное сообщение».

«Газолин, взрывчатые вещества и другие материалы получают такое преобразование, что новый запас энергии должен быть найден, может быть, в деятельности радия».

«Я не хочу создать впечатление, что междупланетное сообщение немедленно станет общедоступным. Многие приготовления к этому нужны. Марс нуждается в воде, Венера – в новой атмосфере, – все это требует работы будущих химиков и инженеров».

«Мир будет здоровее. Лучшее здоровье, которое будет найдено, позволит развить такие условия жизни и умственных занятий, что ученые проблемы, нерешимые сейчас, будут находить разрешение в один день».

«Возраст будет под полным контролем, будет найдена возможность для каждого заказать бесконечно долгую жизнь, избавляясь от случайностей и удерживая ее приблизительно на одном уровне. Жизнь может быть продолжена, примерно, как бы в возрасте от 22 до 35 лет».

«Земледелие делается точной наукой, посредством мощных удобрителей и синтетических гормонов для производства урожая. Это будет означать также гораздо большее и скорейшее снабжение мясом. Цыплята будут расти до величины свиньи, свиньи будут рости с корову, а корова величиной с мастодонта, но питания, чтобы воспроизвести такой рост, потребуется не больше, чем в настоящее время».

Еще раз оговоримся, что эти предсказания взяты из научного доклада, опубликованного в газетах. Многие заманчивые предсказания наводят на особые размышления. Так, например, ученый, знающий о том, что в овощах заключается больше витаминов, нежели в мясе, заключает свой доклад чем-то, вероятно, для него самого более привлекательным, а именно уродливым рращением цыплят величиной со свинью. Также забавно и то, что ученый заботится о Марсе и Венере, чтобы привести их в земные условия обитаемости. Почему-то ученый ограничивает свое мышление, желая подчинять другие планеты условиям Земли, может быть, их наименьшей сестры.

Вероятно, ученому не раз должно приходиться на ум, что в то самое время, когда он мечтал бы подчинить прочие планеты условиям Земли, существа, обитающие на других планетах, в то же самое время, наверно, думают о том, как бы дать Земле их наилучшие условия. Не будет ли самомнением полагать, что обитатели их на других планетах должны ходить в пиджаках и кепках земных? Неужели же величие небосклона может вызывать мысли, полные земного самомнения?!

Конечно, было бы прекрасно, если предсказания ученого химика относительно искоренения земных болезней исполнились через сто лет. Конечно, чего же лучше! Но, к сожалению, одна химия вместе с инженерным делом не преуспеют в этом отношении. Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении, прежде всего, условий быта. Можно глотать всякие таблетки и в

то же время прозябать в необыкновенной грязи и нечистоте. Можно думать об инженерных открытиях и грязнить их небрежностью, лживостью и человеконенавистничеством.

Конечно, все земные жители будут приветствовать предсказания ученого химика, если в них будет отведено должное место духовному развитию, будет оценена великая психическая энергия, которая, в конце концов, мощнее всяких химических таблеток. Спрашивается, к чему людям долгий век, к чему внешнее пребывание в возрасте до 35 лет, если люди будут уже с малых лет духовными стариками? Зачем людям насилловать свой великий дар здорового сна, навязывая себе, подобно опиумоодам, насильственные грезы? Ведь всякие морфинисты, героинисты и тому подобные наркоманы и пьяницы тоже вместо здоровой, мыслительной жизни хотят привести себя насильственно в миражное состояние. Сейчас все правительства мира начинают бороться со злом наркомании. Значит, не насильственными таблетками, но именно здоровым бытом можно достичь и здорового, ободряющего сна. Ведь не для насильственных сновидений спят люди, а для чего-то гораздо более существенного.

Насильственное порождение жизни также уродливо, как и равные свиньям цыплята. В этом насильственном прикреплении себя к земным оболочкам сказывается нежелание подумать шире, именно в пределах тех бесчисленных планет и небесных тел, на которые желал бы отправиться ученый химик, вероятно, одевшийся бы для такого торжественного путешествия уже не в пиджак, но во фрак.

Думается, что уже прошло то время, когда кому-то можно было мечтать лишь о грубо материальных решениях. Правда, были такие дни, когда отрубленная голова собаки, под насильственными токами, начинала лаять, а устроившие это насильники оповещали о том, что смерть побеждена. Такого сорта победители смерти прежде всего доказывают, что сами-то они так называемой смерти очень боятся и ограничивают свое мышление земными оболочками.

Если люди чаще заглянут в необозримый небосклон и подумают о соотношении Земли и беспредельности, то не только о химических таблетках они помыслят. Мощь мысли, мощь психической энергии укажет им совершенно другие пути, на которых им не нужны будут насильственные сновидения.

Цаган Куре. 21 июня 1935

ВЕЛИЧИЕ УР

Памятные даты и вехи витиеватого пути эволюции

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение.

Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса.

Н. К. Рерих (Твердыня Пламенная)

Идея Николая Рериха – сохранение памятников культуры, художественных и научных ценностей – это идея пробуждения международного импульса к обороне всего самого драгоценного. Продолжая свою мысль, автор проводит аналогию: «...Если Красный Крест печётся о телесно раненых и больных, то наш пакт ограждает ценности гения человеческого, тем охраняя духовное здоровье». Н. К. Рерих

Справедливость высказывания Н. К. Рериха обусловлена рядом научных фактов, выявляющих основную проблему человечества: привычку принимать здоровье за ценность мира объективного, но неспособность связать отсутствие здоровья с миром причин – духовной сферой Мироздания. Задача «Лиги Культуры» способствовать сохранности духовного здоровья, его обогащению и через среду культурного взаимодействия подчеркивать незыблемую связь Миров, которая, согласно философской Доктрине Востока, покоится на причинно-следственных взаимодействиях, являя тем самым Высшую меру справедливости.

Почему памятники культуры и художественные ценности?

Если речь идет об истинных ценностях гения человеческого, в широком смысле данного понятия, то речь, прежде всего, идет о фиксации мысли в прекрасных образах. Именно они, образы, отражают ступени эволюционного развития и являются тем самым эталоном для многих поколений идущих... Что же касается Памятников Культуры, то ими разумно считать все лучшие достижения человечества, нашедшие свое воплощение во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем, особого внимания требует сегодня вопрос о признании ценностей. Сложность заключается в выборе человека, который непосредственно связан с представлением его собственного сознания и определенными критериями качества.

С момента выхода первого номера журнала «Лиги Культуры» мы старались обратить внимание наших читателей на важнейшую роль синтеза и не только между конкретными сферами жизни, но и самими процессами их организующими. Процессы, о которых идет речь, не являются тайными – они есть факт сознательной жизнедеятельности человека и отвечают за качество *продукции*, производимой в той или иной сфере, за идею внедрения этой продукции в Жизнь, за цели и

задачи. Лишь ленивый не проведет параллель с сегодняшним состоянием Мира, но состояние Мира теперь таково, что способность дифференцировать процессы обозначенных сфер, ради того самого верного выбора, нуждается в необходимости эволюционного сознания.

Какое же сознание можно считать эволюционным? На данный вопрос имеется вполне конкретный ответ – то сознание, что согласуется с Законами Природы! Но много ли мы знаем о них, о высших Законах, если в выборе своем, получив пусть даже желаемый результат, посмели быть выше?! «*Малые сознания не имеют горизонта, и часто почти невозможно заставить их выйти из их курятника, потому так прискорбно, когда малые сознания занимают большие посты. Эти малые сознания делятся на два вида: одни постоянно опасаются, как бы не унижить своего достоинства, и потому всегда отрицают и отвергают все непонятное им; другие, будучи не в состоянии подняться сознанием выше малой очевидности, представляют себе все в соответствующих умаленных мерах. Вред от таких сознаний по следствиям почти одинаков. <...> Малое сознание всегда во всем начинает снизу, расширенное – сверху*» (Е. Рерих, письма, 16 авг. 1937 г.). Журнал «Лиги Культуры», в рубрике «Духовное совершенствование» не раз подчеркивал разницу между интеллектуальным и духовным развитием личности, соответственно понятие «малое сознание» из приведенной выше цитаты следует относить с дефицитом не интеллектуальных, но именно духовных накоплений, ведь именно отсутствие таковых приводит к печальным последствиям от неверного выбора за страстно желаемый результат. Интеллектуальные накопления при остром духовном дефиците неизбежно ведут к искажению Законов Природы. И все следствия такого искажения правомерно считать результатом самой опасной войны, которую позволило себе человечество.

Творческий синтез, как аспект культурной преемственности, мог бы подготовить прекрасную почву для роста эволюционного сознания. Через синтез науки, философии и религии, через искусство и здравоохранение, воспитание, духовное совершенствование и прочие сферы человечеству суждено было строить Мир без войны. Но выбор делался сознательно и предпочтение, на протяжении безудержно долгих столетий, отдавалось иному пути, причем всякий раз радикальному, в корне меняющему то, что заповедано было Природой.

Что суждено и что заповедано?

Заповедано было не рвать нить связующую. Помнить, что ею ткется ткань всего Мироздания. Но нанести свой рисунок и не ужаснуться при этом – великое достижение, которое могла обеспечить великая Лига!

Если вспомнить год создания международной организации «Лиги Культуры» – 1932 г., то за два года до подписания Пакта Рериха (1935 г.) об охране культурных ценностей и без малого 10 лет до начала Второй мировой войны, можно говорить о выстраивании мощнейшего пространственного щита для защиты незабываемых ценностей, без которого было бы сложно предугадать ход дальнейшей истории.

Но любая идея живет подкреплением, нуждаясь в корректной поддержке. Через структуру журнала, его идею мы призываем авторов и читателей видеть возможность приобщения к Лиге, как к некоей формации, способной фиксировать в пространстве то лучшее, что создано и создается человечеством для духовной эволюции. Чуть позже мы рассмотрим условия формирования такой Лиги и расскажем, как редакция журнала видит решение этой задачи, а пока вернемся к главной тональности номера.

17-й выпуск журнала продолжает неразрывно связанные между собой темы: 85-летие с момента подписания Пакта Рериха и 75-летие победы в Великой Отечественной войне. Сошлись две юбилейные даты, значимость которых переоценить невозможно, но учитывая вехи истории, отмеченные вооруженными конфликтами, холодными войнами, напряженными политическими взаимоотношениями, так или иначе задаешься вопросом – могло бы человечество жить без войн? Или такова драматургия Жизни, согласно которой мы воюем за Мир, а в перерыве между войнами ищем пути его сохранения? В чем причина такой активности человечества? Почему нам ближе язык ультиматума, санкций, войны, нежели язык Культуры? Почему всякий раз мы нуждаемся в юридическом документе, в бесконечных конвенциях, новых постановлениях, вместо простых согласованных действий за сохранение Мира? Если мы проследим историю претворения в жизнь договоров за сохранение мира на примере Пакта Рериха, то убедимся, что понадобилось 7 конвенций и столько же подготовительных лет для его подписания. Далее, 10 лет потребовалось для утверждения другого Пакта – *об экономических, социальных и культурных правах*. Пакт был утвержден Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., однако ратифицирован лишь в 03.01.1976 г. У данного договора своя непростая история. В основе утвержденного документа лежит всемирная декларация о правах человека, согласно которой представитель каждого народа должен быть свободен от страха и нужды, что оказывается достижимо при выполнении определенных условий, а именно: возможности на реализацию социальных, экономических и культурных прав.

Но что мы имеем сегодня? Пакт Рериха (1935 г.) был предан забвению, вместо него выдвинуто немислимое количество иных договоров, весьма отдаленно напоминающих положения Пакта Рериха. И если глубже подойти к изучению каждого из позже выдвинутых международным сообществом документов, мы поймем абсурдность самой ситуации.

Для начала постараемся ответить на прямой вопрос: *«в чьих руках мир может ощутить себя, по-настоящему сохранным?»* Если в руках культурного сообщества, то возникает и другой вопрос, *как его вырастить?* И вот оказывается, что вырастить такое сообщество без осознания Пакта Рериха невозможно. Все упирается в вопрос осмысления Культуры как основного понятия.

Всякий раз, когда мы говорим о Culture, мы обязаны учитывать проблему соответствия Эталону. Подступы к осознанию Culture, как Эталона, Н. К. Рерих нарек (обозначил) ступенями Красоты и Знания. Но что подразумеваем под Красотой и что под Знанием?

У каждого из нас имеется свое представление о Culture. В конце концов, мы опираемся на общепризнанные устойчивые определения и признаем, что Culture есть некая совокупность достижений человечества, в связи с чем и подразделяем ее на материальную, социальную и духовную составляющие. Далее мы начинаем отстаивать свои предпочтения, рассуждать о вкусах и своем личном праве на выбор в сфере социальной и научной относительно кооперации, воспитания, просвещения, здравоохранения, строительства и т. д. Наиболее показательной с точки зрения уязвимости можно назвать сферу искусства. Она, как и любая другая сфера, имеет широкое осмысление, но давайте остановимся на ее материальном и социальном ракурсе.

Мы ходим в театр, смотрим фильмы, слушаем музыку... Даже если мы являемся лишь потребителями *искусства*, мы так или иначе являемся участниками сферы его влияния и распространения. В своем выборе мы привыкли руководствоваться личными ощущениями – «нравится» – «не нравится» и мера сия, увы, для нас – эталон?! Легко доказать, что критерии наши зыбки, ведь зачастую они следуют веяниям моды. Ими сегодня легко оперируют критики или так называемые эксперты, именуя искусством и творчеством то, что не имеет никакого отношения к этим понятиям. Мы привыкли доверять ощущениям и даже не задумываемся над тем, что ощущения эти пропорциональны нашим желаниям, которые легко подогревают популярные «авторитеты». Но что поразит, если взвесить новомодные критерии на чаше весов пространственных, неподдельных? Чем обернется нам наша мера, ответственность за предложенное качество?

«Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Culture, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Culture есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию». Н. К. Рерих «Culture и цивилизация».

И если мы проанализируем разделы по Culture, предоставляемые СМИ (освещаемые рубрики), рассмотрим их в ракурсе сфер материальной и социальной, то увидим картину, которая должна как минимум

настораживать. Нам предлагают спектакли, фильмы, музыку, передачи, где наряду с высоким соседствует, прямо скажем – «непотребное» с точки зрения духовной составляющей. Подумайте, грани так называемой Культуры в своем «материальном», «социальном» воплощении хорошо очерчены и удовлетворены согласно принципу: «хлеба и зрелищ». К тому же на *непотребное* имеется большой спрос. И если не искать, не задаваться вопросом, что же такое истинное искусство в аспекте *духовной категории*, если руководствоваться исключительно своим вкусом и впечатлениями, значит сознательно закрывать дверь в сферу высоких энергий – Духовную. Что получится, если исключить третью составляющую – духовную культуру из материальной и социальной сферы? Мы получим все то, что наблюдаем сегодня. У нас мало что имеется в арсенале, чтобы противостоять понятию «зло». Больше того, мы чаще всего неспособны увидеть *зло* во благе цивилизации. Отсюда проблема – невозможность распознавания и оценки ситуации.

Условие для безусловного почитания Ур

Еще один очень важный момент в познании вопросов Культуры. Необходимо опираться на концепцию Н. К. Рериха. Автор Пакта рассматривает «Культ» как почитание «Ур» – Света. Придерживаясь данной концепции, нам придется согласиться с тем, что почитание это действие, оно всегда действие, как глагол: почитать, значит действовать, почитать можно

только в действии или действием. Действие не может остановиться и, если мы говорим об истинном значении почитания, то должны учитывать непрерывность момента, что дается весьма непросто.

Почитать Свет – это значит: неуклонно и постоянно созвучать вибрациям высокочастотным, без всяких «но» и оговорок, без малейшего права на остановку. Это и есть – соответствовать Эталону.

Если мы стремимся войти в «Лигу Культуры» в истинном смысле этого понятия, значит, мы должны стать той энергостанцией, которая будет питать различные сферы жизни и пространство в целом. Если данное условие невыполнимо, в силу известных и объяснимых причин, значит, мы не можем говорить о почитании безусловном.

Разумеется, все в этом Мире относительно, но тот, кто протестует против всяких условных характеристик, должен знать, что *Лига* – есть, в первую очередь, выстраивание моста к себе. В эволюционной системе координат без моста к себе не может выстраиваться мост вовне, соответственно считать себя культурными людьми и обществом вне данного условия попросту некорректно, не этично по отношению к самой идее и ее носителям. Но если мы готовы рассматривать проблему именно с такой стороны, значит, готовы говорить о своем стремлении к почитанию Света, готовы учиться настраивать свой индивидуальный «инструмент», свое Сердце на вибрации Красоты и Знания, на эталон, на Культуру!

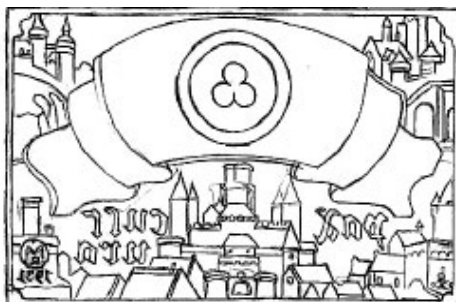

Н. К. Рерих. Белый Камень. 1933. Холст, темпера. 80 x 103. Музей Николая Рериха. США, Нью-Йорк

В своём яром устремлении народ может мыслить о будущем. В нём не будут растрчены никакие достижения. Всё ладное, творческое, строительное будет любовно бережено.

Н. К. Рерих

МИР

НАРОДНАЯ ПОБЕДА

Среди победных известий значительно звучат и культурные голоса. Вот географ-профессор рассказывает, как войсковые части зовут учёных приехать на фронт. Встречают их, как жданных братьев, и внимательно слушают воины научные сообщения. На очереди самого профессора ещё одиннадцать таких докладов. Видано ли раньше, чтобы войска звали учёных на фронт, чтобы ждали слово науки и восторженно радовались ей!

У других народов войска увеселяются песенками из кабаре. Там нужны лёгкие певицы и танцовщицы. Но русский народ и в окопах, в блиндажах ждёт научное слово, а песни полны героических порывов. Не только всколыхнулся народ русский, он вырос в сознании своём, и такое достижение уже неизменно.

Народ негодует, когда враги оскверняют Ясную Поляну, или дом Чайковского, или музей Римского-Корсакова, или могилу Шевченко, или храм Новгорода. Народ осознал, где его культурные сокровища. И это знание уже нерушимо. Мало ли что бывало в прошлом:

«Быль молодцу не укор!» Но теперь, в трудную годину, когда идёт война народная, священная война, народ поднялся на ступень Культуры. На такую ступень, которая завоёвывается лишь сердцем насторожившимся, воспрявшим.

В своём яром устремлении народ может мыслить о будущем. В нём не будут растрчены никакие достижения. Всё ладное, творческое, строительное будет любовно бережено. Сотрудничество не по приказу, а по сердечному осознанию вознесёт все отрасли труда.

Вспоминаю, как на Иртыше, в поездах, в гостиницах приходила молодёжь и настойчиво хотела знать. Для них после дневной работы ничего не стоило бодрствовать до петухов, слушать, спрашивать, допытываться, желать знать. И вот воины перед ликом опасности стремятся не только сразить врага, но и восполнить своё познание. Такая устремлённость к знанию есть верный путь победы. Народ будет знать, народ преуспееет, народ сложит ступени светлого будущего.

8 января 1942

Н. К. Перих. Три варяга приближаются (вариант). 1906. Картон, пастель. 42 x 45,5
Собрание Дж. Стюарта. Великобритания, Лондон

ЕВРЕЙСКИЙ СЛЕД НА СТАТУЕ СВОБОДЫ Леди Ли. Одна на всех, судьбою обделенных

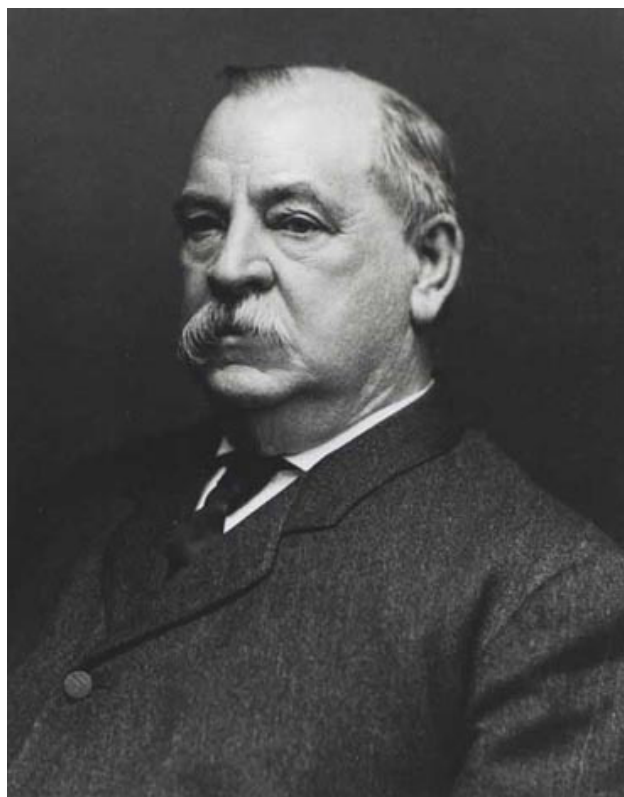
28 октября 1886 года в Нью-Йорке, на острове под названием Бедлоу-Айленд, в трех километрах на юго-запад от южной оконечности Манхэттена, в торжественной обстановке, в присутствии многотысячной толпы президент США Гровер Кливленд открыл статую Свободы. По замыслу автора, статуя, выполняя функцию гигантского маяка, должна была приветствовать людей, прибывающих в Америку из всех уголков Земного шара. Соединенные Штаты уже тогда были едва ли не самым привлекательным местом для иммиграции, поэтому горящий факел, вознесенный над Нью-Йоркским причалом на стометровую высоту, предназначен был для того, чтобы символически освещать иммигрантам путь к новой жизни.

Девятнадцатое столетие было отмечено высокой степенью политической и экономической нестабильности, царившей в Европе, а это неизбежно приводило к появлению большого количества желающих начать новую жизнь за границей. Соединенные Штаты в этом отношении были вне конкуренции. Особенно значительный рост числа иммигрантов был отмечен, начиная примерно с сороковых годов XIX века. Всего до начала двадцатого столетия в США обустроилось порядка 20 миллионов переселенцев. Это им в первую очередь предназначались слова президента Г. Кливленда: **«Мы всегда будем помнить, что Свобода избрала это место своим домом, и алтарь ее никогда не покроеет забвение».**

Благодаря журналистам эта фраза закрепилась в лексиконе газетчиков, и очень скоро, почти с первых же дней статуя получила название «Свобода, озаряющая мир». В результате монумент уже в конце XIX века превратился в некий мировой символ. Он олицетворял стремление людей к освобождению от оков рабства, необходимость обретения ими личной независимости и возможность беспрепятственного выбора собственного жизненного пути.

Думается, в мировой истории вряд ли найдется еще хотя бы один пример, когда одно государство дарит другому столь невероятный по своим размерам и своему общественному звучанию подарок. А статуя Свободы – действительно подарок. Его преподнесла Соединенным Штатам Франция. Поводом для такого необычного подарка стал столетний юбилей принятия Вторым Континентальным конгрессом Декларации независимости. Конгресс состоялся 4 июля 1776 года в Филадельфии. Тогда британские колонии в Северной Америке объявили о своем суверенитете и создании нового государства. Французский подарок, правда, на десять лет опоздал к юбилейным торжествам, но ценность его от этого не стала меньше.

Сегодня – это самая знаменитая скульптура в мире. Кроме того, это самый крупный монумент в истории человечества – 46-метровая женская фигу-

22-й Президент США Гровер Кливленд

ра на 56-метровом пьедестале. «Леди Свобода» – так ласково называют эту статую американцы. Statue of Liberty. «Леди Ли». А Бедлоу-Айленд ныне носит имя «Острова Свободы».

«Леди» наряжена в тогу – символ республик Древней Греции и Рима. В древний период римской истории тогу носили все: мужчины, женщины, дети. Сначала она использовалась как некое покрывало (от лат. Тего – «покрываю»), но позднее стала одним из элементов торжественного одеяния, причем мужско-

Эдуард де Лабулэ

Фредерик Огюст Бартольди

го. Не случайно древнеримский оратор и философ Цицерон заметил в свое время: «Да отступит оружие перед тогой!». Лицам, не имевшим статуса граждан республики, ношение тоги не позволялось. Одним из неперемных условий ношения тоги было обнажение правого плеча и правой части груди. При создании статуи Свободы это условие было строго соблюдено: в левой руке «Леди Ли» держит скрижаль – Книгу Законов, а в правой – поднимает высоко над собой факел, символ Просвещения. Ногами «леди» попирает

разорванные цепи – символ тирании. Надпись на скрижали состоит из четырех букв на латинице и римских цифр – «JULY IV MDCCLXXVI». Читается это так: «4 июля 1776» – дата принятия Декларации независимости США.

За два года до этого в Вашингтоне был открыт монумент в честь первого президента США Джорджа Вашингтона. Мраморный обелиск высотой 169 м разместили между Белым домом и Капитолием. Для своего времени это было самое высокое сооружение в мире. Но одно дело – обелиск, и другое – женская фигура, поднятая на 100-метровую высоту. Тут нужно совсем иное архитектурное и конструктивное решение. И оно было найдено.

1

Надо сказать, что, когда французский ученый, писатель и общественный деятель Эдуард де Лабулэ (1811–1883) предложил своему правительству сделать свободолюбивому американскому народу такой подарок, ему и в голову не могло прийти, что созданная для осуществления этой цели статуя станет неким мировым символом. Работая с 1849 г. профессором сравнительного правоведения в Колледж де Франс, Э.Лабулэ был среди тех, кто яростно отстаивал идеи свободы и демократии, провозглашенные Великой французской революцией. Он был активным поборником личных свобод граждан, дающих полнейший простор всем способностям человека и потому развивающих в нем инициативу и самостоятельность, особенно в экономической сфере.

Прочитав своим студентам курс истории Соединенных Штатов, Лабулэ изложил его в отдельной книге. Он был восхищен успехами экономического развития молодого американского государства и, анализируя причины такого успеха, пришел к выводу, что в его основе лежит двухпалатная система устройства парламента. В своих статьях он с гордостью отмечал ту роль, которую сыграла Франция в становлении Штатов. Он был прав. Борьба колониальной Америки с метрополией длилась 8 лет, и без огромной финансовой и военной помощи Франции победа Штатов в борьбе за свою независимость вряд ли состоялась бы. Лабулэ писал, что американская Декларация независимости была первым шагом к торжеству демократии. Вторым же шагом стала Конституция Франции, принятая спустя 17 лет, в 1793 г., в ходе Великой французской революции и провозгласившая главный нравственный принцип человеческого сообщества – принцип «свободы, равенства и братства». Вот почему он считал, что Франция и США – сестры.

А когда в 1861 году в США началась Гражданская война, и федеральное правительство выступило против одиннадцати южных штатов, объявивших о своем выходе из федерации из-за несогласия с планами президента Авраама Линкольна об отмене рабства, Лабулэ открыто выступил с поддержкой федералов. Четыре года длилась война в США – война Севера

и Юга. Завершилась она принятием 13-й поправки к Конституции США, согласно которой рабство в стране было официально запрещено. Эдуард де Лабулэ с восторгом встретил известие об окончании 23 июня 1865 года военных действий в США и поделился однажды с друзьями своей идеей подарить Америке к столетию обретения ею независимости статую, которая бы воплощала собой идею свободы. Собрав у себя группу единомышленников, он рассказал о своем замысле и нашел у них единодушную поддержку. К воплощению замысла приступили немедленно.

Среди гостей, которых собрал в тот исторический день в свой дом Лабулэ, был известный скульптор Фредерик Огюст Бартольди (1834–1904). Его специально пригласили на эту встречу. Именно ему и было поручено разработать проект статуи. То, что создание статуи Свободы было заказано именно Бартольди, не было случайностью. Как раз в те дни шла активная подготовка к открытию Суэцкого канала, что уже само по себе было мировой сенсацией. Одновременно реализовывались и другие проекты. Например, в Каире строился оперный театр, и предполагалось, что премьеры в нем состоятся в дни открытия канала.

Именно тогда и родилась у Бартольди идея установить больших размеров фигуру античной богини на входе в канал у Порт-Саида. Но правитель Египта Исмаил-Паша в те дни вынужден был отказаться от этого проекта в силу его дороговизны. Тем не менее, оперный театр в Каире был построен, и в 1871 году в нем состоялась премьера написанной по специальному заказу оперы Дж.Верди «Аида». Что касается идеи создания грандиозной символической женской фигуры, которая могла бы не только украшать, но и служить неким символом, к примеру, человеческой свободы и независимости, то она у Бартольди сохранилась и нашла свое выражение в создании статуи Свободы для США. Американцам Бартольди был уже известен. Из 35 его скульптур, разбросанных по всему миру, три находились в США. Это были фигуры четырех трубящих ангелов в церкви в Бостоне (1874), статуя генерала Лафайета в Нью-Йорке (1876) и «Фонтан Капитолия» в Вашингтоне (1878). Бартольди принял предложение, но работы смог начать лишь спустя 10 лет. Одной из причин этого был его отъезд в Италию, где он вступил в армию Джузеппе Гарибальди и провел почти пять лет в качестве адъютанта этого народного героя Италии.

Пять лет длилось национально-освободительное движение итальянского народа за объединение раздробленной Италии, и в Париж Бартольди вернулся лишь в 1870 году. На следующий год он по просьбе Эдуарда де Лабулэ совершил поездку в США, чтобы лично выбрать место установки памятника. После обсуждения с американцами он принял их предложение соорудить у входа в Нью-Йоркскую гавань маяк. Это был архитектурный замысел, но его самого, скульптора, никак не устраивало возведение обычной башни, и он предложил вместо башни возвести в полный рост человеческую фигуру.

Во Франции его соратники согласились с этим предложением, но в те дни, разумеется, никто не мог предполагать, что в результате будет возведен монумент 100-метровой высоты, потребовавший колоссальных финансовых вложений. И то, что столь нетривиальная и весьма дорогостоящая затея в конечном итоге вообще удалась, немаловажную роль сыграл тот факт, что в 1871 г. Эдуард де Лабулэ был избран депутатом Национального собрания Франции, а в 1875 г. – его пожизненным сенатором. Это он, используя сегодняшнюю лексику, лоббировал весь проект и в итоге вписал свое имя в список создателей одного из сооружений, достойных именоваться Чудом света.

2

О том, как должна выглядеть скульптура, которой предстояло выполнять функции маяка в Нью-Йорке, сомнений не было. Это должна была быть Марианна – молодая женщина во фригийском колпаке, символ Французской Республики. Именно такой вид – стоящей женщины с копьем – имела печать свободной Франции, утвержденная Национальным собранием еще в 1792 году.

По преданию, имя Марианны, составленное из двух наиболее часто встречающихся женских имен – Мари и Анна, тогда же стало и прозвищем самой Франции. Скульптурные изображения Марианны и в наше время являются обязательным атрибутом любого учреждения органов власти французского государства. На первый взгляд, вариантов у Фредерика Бартольди не было – нарушить национальную традицию он не мог. Но сам Бартольди был иного мнения. Поскольку его проект маяка у Порт-Саида с установкой колоссальной женской фигуры, держащей факел, не был воплощен, он решил использовать его для создания аналогичного маяка в Америке.

Это, естественно, не могла быть француженка Марианна, но прототипом могла послужить и какая-нибудь традиционная женская фигура из пантеона античных скульптур. Уроженец Кольмара, одного из красивейших эльзасских городов, Фредерик Бартольди получил академическое образование в Париже, в Высшей школе изящных искусств. В свое время он предпринял ознакомительную поездку в Египет и Йемен и пришел в восхищение от увиденных там огромных античных скульптур. Такую статую он обнаружил во Флоренции в базилике Санта-Кроче (Церковь Святого Креста), самом крупном в мире францисканском храме, согласно легенде, основанном еще в XII веке самим святым Франциском Ассизским.

Церковь приобрела мировую известность тем, что в ней находятся гробницы целого ряда великих людей Италии. Достаточно назвать имена Данте Алигьери, Галилео Галилея, Николо Макиавелли, Микельанджело Буонарроти, Джоаккино Россини, Энрико Ферми. Фигура Свободы поэзии, возвышающаяся над могилой итальянского известного поэта и драматурга XIX века Джованни Батиста Николлини ра-

Эжен Делакруа. «Свобода на баррикадах». 1830
Лувр. Париж

Скульптура Свободы поэзии
Базлика Санта-Кроче. Флоренция. Италия

Гюстав Эйфель

боты крупнейшего итальянского скульптора Пио Федди поразила Бартольди. Эту скульптуру и хотел использовать в качестве прототипа для создания маяка Порт-Саида Фредерик Бартольди.

К созданию статуи приступили в 1875 году. Все работы – от начала и до конца – велись в парижской мастерской автора и длились 9 лет. В основу конструктивного решения статуи Свободы фактически лег тот проект, который Бартольди предлагал осуществить в Порт-Саиде. Однако, если чуть-чуть заглянуть в прошлое, то можно выяснить, что история знаменитой статуи начинается еще раньше – в июне 1844 года, когда два талантливых инженера – Эмиль Нугье и Морис Кехлин – предложили уже известному тогда специалисту по возведению металлических сооружений Гюставу Эйфелю проект создания 300-метровой металлической башни. И хотя Эйфель не имел ни малейшего представления, кому может понадобиться подобное строение, что-то все-таки подтолкнуло его выкупить проект у инженеров.

Интуиция не подвела Эйфеля. Когда Фредерику Бартольди потребовалась помощь специалиста для решения конструктивных вопросов, он обратился именно к Эйфелю. Проект массивной стальной опоры статуи как раз и выполнил Морис Кехлин, помощник Эйфеля. Спустя год после того, как статуя Свободы была торжественно открыта, Гюстав Эйфель принял участие в конкурсе на строительство сооружения в честь столетнего юбилея Французской революции 1789 года и к открытию в Париже в 1889 году Всемирной выставки. Он выиграл конкурс. Вот тогда и он вспомнил о предложении своих помощников, сделанном сорок лет назад. Так что, думается, славу возведения башни, являющейся главным украшением столицы Франции и носящей имя ее создателя – Густава Эйфеля, следовало бы разделить между самим Эйфелем и двумя его помощниками – Эмилем Нугье и Морисом Кехлиным.

3

Одной из самых сложных задач, которые пришлось решать скульптору Фредерику Бартольди, был выбор натурщицы. Разумеется, он не мог и представить себе, что облик этой статуи обретет бессмертие воплощенным в ней символом Свободы, и, тем не менее, проблема представлялась серьезной: уж больно грандиозным был замысел. Но, в принципе, какие вообще могут возникнуть проблемы у скульптора с выбором натурщицы в Париже, славящемся в XIX веке столицей искусств?! Как ни странно, но отдал предпочтение Бартольди не просто красивой и умной женщине. Он пригласил к себе в студию одну из самых богатых женщин – не только во Франции, но и во всем мире – Изабеллу Бойер, вдову и наследницу всего капитала «мирового короля швейных машинок» Айзека (Исаака Меррита) Зингера (1811–1875).

То, что швейную машинку в том виде, в каком она покорила мир, изобрел еврей, нет ничего удивительного. Если и был в XIX веке какой-то механизм, без

которого не могла обойтись ни одна еврейская семья, так это была швейная машинка. Профессия портного была самой популярной среди еврейских эмигрантов в США. Не случайно в центре Нью-Йорка в 1984 году был установлен памятник еврейскому портному – мужчине с обликом религиозного еврея, сидящим у за швейной машинкой фирмы «Зингер». Памятник работы Джудит Уэллер, ваятельница и педагога из Нью-Йорка, находится на 7-й авеню в нью-йоркском Гармент-дистрикте – «Швейном квартале», где в свое время начиналась местная швейная индустрия, откуда расходились по Штатам современные моды, где бывшие местечковые «портняжки» вырастали до теперешних дизайнеров новейших фасонов одежды и тканей.

В середине XIX века все известные модели швейных машинок были громоздкими и неудобными в пользовании. Зингер решил усовершенствовать их механизм и в основу своего варианта положил конструкцию американца Орсона Фелпса, которая была меньше и проще в устройстве. Но и у нее был недостаток: нитки запутывались в игле-челноке. Десять дней на раздумывание, и все недостатки были устранены. Достаточно было расположить челнок горизонтально, а иглу заставить двигаться вертикально, и нить перестала запутываться. Появилась ножка – держатель иглы, и стало возможным делать непрерывный шов. Появился столик – доска для ткани. И наконец, появилась ножная педаль для привода, что дало возможность человеку работать над тканью двумя руками.

Запатентовав эти свои находки, Исаак Зингер гарантировал себе место в ряду американских миллионеров, ибо слово «Зингер» на долгие десятилетия стало синонимом швейной машинки. В 1851 году появилась фирма «И. М. Зингер и Ко», и уже спустя семь лет по миру расходилось свыше трех тысяч швейных машинок в год, а стоимость одной машинки составляла всего 10 долларов. В 1863 г. было выпущено 20 тысяч машинок, а в 1875 – 200 тысяч.

Внешне Исаак Зингер совершенно не соответствовал сложившемуся стереотипу кабинетного ученого-изобретателя, этакого рафинированного интеллигента, проводящего сутки за письменным столом. Это был жизнерадостный гигант двухметрового роста – авантюрист и страстный любитель противоположного пола – «лучший друг портних всего человечества». У него было шесть официальных жен и 23 ребенка. Свою судьбу с последней женой, Изабеллой, он связал, когда ему было уже 52 года. Жена была моложе его на 30 лет, и с ней он провел последние 12 лет жизни – преимущественно в Европе. Изабелла принесла ему еще двух детей, а когда после его смерти завершились все дела с оформлением оставленного Исааком наследства, выяснилось, что в руках у молодой вдовы 14 миллионов «тогдашних» долларов.

Изабелла Бойер (1841–1904) пережила своего мужа почти на 30 лет, прославилась благотворительными акциями и успела еще дважды побывать замужем. Она не очень стремилась к известности, и имя ее так и не сохранилось бы в истории, как остаются безымян-

Портрет Исаака Зингера. Эдвард Гаррисон Мэй, 1869

Изабелла Бойер

Ричард Моррис Хант

ными натурщицы великих живописцев и скульпторов, если бы она не была вдовой одного из самых известных людей XIX века – Исаака Зингера.

4

Масштаб задачи, которую поставил перед собой Фердинанд Бартольди, был им явно недооценен, и в 1876 г. к столетнему юбилею подписания Декларации Независимости в США на выставку в Филадельфии была отправлена лишь рука статуи, сжимающая факел. Но дело было не только в масштабе и конструктивных проблемах. Дело было и в том, что создание такого гигантского сооружения требовало огромных материальных затрат.

Согласно взаимной договоренности французская сторона взяла на себя обязанность создать статую и установить ее в США, а американская сторона – построить пьедестал для нее. Нехватка денег ощущалась по обе стороны океана. Но, когда одно государство делает другому такой уникальный подарок, проект обретает всенародный характер.

Во Франции благотворительные пожертвования наряду с различными увеселительными мероприятиями и лотереей позволили собрать 2,25 млн франков. В Соединенных Штатах для сбора средств устраивались художественные выставки, аукционы, боксерские бои, проходили благотворительные концерты и театральные представления, но дело все равно продвигалось медленно. Не давали должного результата и публикующиеся призывы к бизнесменам вносить средства в специально созданный фонд.

Проектирование пьедестала возглавлял известный американский архитектор Ричард Моррис Хант (1827–1895), один из тех, кто в XIX веке определял, в каком направлении будет развиваться мировая архитектура. К слову, когда Хант занялся возведением постаментов для статуи Свободы, он уже был автором проекта первого небоскреба – Трибьют билдинг (1876).

Проект уже был готов, а средств для закладки фундамента под будущую статую в достаточном количестве еще не было. И тогда в дело вступил газетный магнат Джозеф Пулитцер.

Жизнь Джозефа Пулитцера – еще один пример огромного вклада евреев в создание современной городской цивилизации. На сей раз дело касается средств массовой информации.

Выходец из эмигрантской семьи венгерских евреев, Пулитцер (1847–1911) начал свою жизнь в США с участия в Гражданской войне. Когда он поступил на работу репортером в германоязычную газету города Сент-Луис (штат Миссури), ему был 21 год, но уже спустя три года он приобрел акции этой газеты, стал ее главным редактором и занялся преобразованием модели издания. Одно из серьезных нововведений Пулитцера – проведение постоянных газетных кампаний по различным поводам с политическими разоблачениями и кричащими заголовками.

Эти кампании приковывали внимание читателей, поднимали тираж газеты и приносили солидный доход издателю. Его журналисты активно занимались поиском сенсационных материалов и отличались большой оперативностью в их публикации. Кроме того, Дж. Пулитцер добивался, чтобы в статьях всегда присутствовало сочувствие бедным людям и дискриминируемым слоям общества. Это обеспечивало газетам особую популярность у беднейших слоев американского общества.

С первых же дней своей издательской деятельности Пулитцер начал проводить в жизнь политику слияния газет в один газетный концерн, подчиненный единой идее. Он продавал акции одной газеты, чтобы приобрести акции другой, более серьезной и влиятельной. Добившись слияния двух-трех газет в одно

издание и достигнув финансового успеха, он вкладывал деньги в очередной проект. Закончилось все тем, что, перебравшись в Нью-Йорк, он купил газету «The New York World», тираж которой быстро достиг 300 тысяч экземпляров, а доход от нее стал приносить ему до полумиллиона долларов в год. К 1887 году в руках Дж. Пулитцера уже была целая газетная империя, финансовый успех которой целиком зависел от инноваций и газетного мастерства хозяина. Именно он выработал внешний вид газет, сохранившийся в общих чертах до наших дней.

Публикации его газет по большей части носили откровенно скандальный характер. Джозеф Пулитцер, как и другие газетные магнаты, например, Уильям Херст, стали использовать новые способы повышения уровня популярности своих изданий. Тиражи их газет успешно раскупались не только благодаря оперативному освещению интересных фактов (в первую очередь, сенсаций), но и благодаря особой манере их подачи, ориентированной не столько на освещение достоверных событий, сколько на пробуждение эмоций.

Газеты Пулитцера были доступны по цене, печатались на дешевой, желтоватого оттенка газетной бумаге и носили чаще всего откровенно развлекательный характер. В газетах превалировали сексуальная тематика, освещение скандалов, преступлений, насилия. Цвет бумаги и определил общее название такого рода газетной продукции – «желтая пресса».

Когда возникла идея создания в Нью-Йорке статуи Свободы, Джозеф Пулитцер стал одним из самых ярких ее приверженцев. Поскольку государство отказалось финансировать проект, к его осуществлению был привлечен частный капитал. Газеты Пулитцера создали вокруг создаваемой статуи особый романтический ореол и стали громить в своих газетах всех: политиков – за отказ от субсидий, богачей – за то, что не дают денег, обывателей – за равнодушие. Он же и предложил еще один проект сбора денег. Он объявил конкурс на лучший текст надписи, который должен был быть выбит на постаменте статуи. Все поступившие предложения он опубликовал в своих газетах. Но тот, кто захочет принять участие в голосовании при выборе лучшего варианта текста, должен прислать в Фонд создания статуи благотворительный взнос. Достаточно было отправить один доллар. Замысел сработал. Необходимая сумма была собрана.

К концу жизни состояние Джозефа Пулитцера составляло 20 млн долларов – 3 млрд по сегодняшнему курсу. Еще в 1904 году Пулитцер составил завещание, в котором жертвовал два миллиона долларов Колумбийскому университету. Три четверти этих денег предназначались на создание высшей Школы журналистики, а оставшаяся сумма – на премии для американских журналистов. Предполагалось, что 4 премии будут вручены за достижения в области журналистики, 4 – за успехи в области литературы и драмы, еще 4 были «плавающими» – их должны были присуждать за достижения в гуманитарной области и еще одну за вклад в образование.

Джозеф Пулитцер

«Отец желтой прессы»

Колумбийская Школа журналистики была основана в 1912 году, через год после смерти Пулитцера, а премию его имени стали вручать ежегодно, начиная с 1917 года. Всего присуждается 25 премий в год. Лауреаты получают по 10 тысяч долларов. Особо отмечается номинация «За служение обществу». Как мы понимаем, Джозеф Пулитцер был родоначальником «желтой прессы», о которой мы сегодня говорим с некоторым оттенком презрительности. Но мы не должны забывать, что именно «желтая пресса» стала первым сигналом по возникновению того, что мы сегодня называем «массовой культурой».

Работы по созданию статуи Свободы были завершены лишь в 1884 г., и 4 июля на торжественной церемонии огромная, возвышающаяся над Парижем скульптура высотой в 47 метров была официально вру-

Статуя Свободы встречает приплывающие в гавань Нью-Йорка корабли

Париж. Лебединый остров. Статуя Свободы

чена американцам как подарок Франции. После этого всю эту громадину весом более 200 тонн разобрали на 350 частей, погрузили в 214 ящиках на фрегат «Изер», перевезли через океан и собрали снова. Вся эта процедура заняла более двух лет. Говорят, что на торжественной церемонии Бартольди произнес только одну фразу: «Сбылась мечта моей жизни».

Памятник был размещен внутри форта Вуд, который был построен специально к войне 1812 года в форме звезды. Первые несколько десятилетий комплекс обслуживала служба маяков США, и лишь в 1924 году он стал национальным памятником. В 1937 году площадь памятника расширили до границ всего острова Бедлоу, а в 1956 году переименовали его в остров Свободы. Позднее, как бы возвращая свой долг французам, американцы подарили Парижу уменьшенную копию ставшей уже всемирно известной Леди Ли. Благодарные парижане установили ее у моста Гренелль, став первыми, естественно, после ньюйоркцев, счастливыми обладателями символа Демократии и Свободы.

5

В одном из парков в центре Манхэттена стоит небольшая стела с бронзовой пластиной в центре. На пластине выгравировано: «В честь Эммы Лазарус, поэта-патриота, автора сонета «Новый Колосс», начертанного на статуе Свободы». Речь идет как раз о том самом

сонете «The New Colossus», который собрал наибольшее количество голосов американцев, считавших, что именно этот текст и должен находиться на пьедестале возводимой статуи. А имя этого «поэта-патриота» как раз и было – Эмма Лазарус.

Но почему автор назвала свой сонет именно так – «Новый Колосс»? И в истории, и в искусстве под словом «колосс» обычно понимают одно из «семи чудес света» – Колосса Родосского. Эта гигантская, 36-метровая статуя древнегреческого бога Солнца Гелиоса стояла в портовом городе Родосе на одноименном острове в Эгейском море. Что заставило Эмму Лазарус сопоставить два монумента из истории Древней Греции – женщину в тоге со сводом законов в руке и стройного юношу в облике бога Солнца? Что она нашла общего между ними? Гигантские размеры? А ведь ей был гораздо ближе образ Свободы, воплощенный французским живописцем Эженом Делакруа в картине, созданной по мотивам революции 1830 года, положившей конец режиму монархии Бурбонов.

И действительно, кем еще как не соратницей Леди Ли могла бы быть Марианна – национальный символ Франции, девушка во фригийском колпаке и с обнаженной грудью?

Не ее ли символическую фигуру изобразил Эжен Делакруа на своем полотне «Свобода на баррикадах»? Фригийский колпак – колпак красного цвета со свисающим вперед верхом, головной убор, перенятый у жителей древней Фригии – государства в Малой Азии. В Древнем Риме его носили только свободные люди. Рабы могли надеть его, только получив свободу. Обнаженная грудь – символ самоотверженности, доказательство готовности идти за свою свободу с голыми руками («голой грудью»).

Все гораздо сложнее. Когда Эмма Лазарус писала свой сонет, она уже была известной в США поэтессой. Дочь богатого плантатора, потомка изгнанных из Португалии евреев, она уже в 17 лет сочиняла стихи и быстро стала известным в стране литератором. Автор нескольких романов и поэтических сборников, Эмма и не думала принимать участие в конкурсе, объявленном Пулитцером, тем более что она уже знала об участии в нем таких мастеров американской литературы, как Уолт Уитмен, Генри Лонгфелло, Брет Гарт и Марк Твен. На предложение написать свой текст она заявила, что не пишет стихов по заказу. Но в ответ она услышала: «Вспомните беженцев из России». Этого оказалось достаточно. Через два дня сонет «Новый Колосс» был опубликован. К Пулитцеру посыпались тысячи писем, и в итоге именно этот сонет получил максимум читательских голосов, стал первым призером, а заодно еще собрал 21000 долларов в фонд создающегося монумента.

Путь к этому триумфу у Эммы Лазарус не был простым. Она родилась с серьезной врожденной патологией, была обречена на постоянное домашнее пребывание, там же, в своей квартире, получила образование и все свое время тратила на книги и сочини-

тельство. Семья была достаточно ассимилированной, и большой потребности писать на еврейские темы у Эммы не было. Но в 1876 году произошел переворот в сознании: она прочла роман Джорджа Элиота (псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс) «Даниель Деронда».

Эта книга в те годы стала рубежной для многих молодых евреев. В России аналогичный процесс произошел с будущим создателем разговорного иврита Элизером Бен-Иегудой. Эмма остро ощутила свою причастность к еврейству. Она стала изучать еврейскую историю, иудаизм, серьезно занялась ивритом. И вот уже появились переведенные на английский язык стихи средневековых еврейских поэтов, поэтический сборник «Песни семитки», трагедия в стихах «Пляска смерти». А с 1881 года, после волны еврейских погромов в России, еврейская тематика стала определяющей в творчестве Эммы Лазарус.

Погромы в России, грянувшие после убийства народовольцами Александра II, вызвали во всем мире шок. С этого момента начался необратимый процесс возрождения у евреев национального самосознания и осознания ими невозможности полного слияния с коренным населением стран рассеяния. Позиции тех, кто призывал евреев растворяться в окружающей массе коренных жителей и уже одним этим обрести безопасность и свободу от дискриминации, если не рухнули окончательно, то, во всяком случае, сильно пошатнулись. Этот процесс затронул не только Россию, и Эмма Лазарус оказалась среди тех, кто резко выступил против ассимиляторства, расценивая это как измену своему народу. Показательна в этом отношении ее статья, посвященная премьер-министру Великобритании, крещеному еврею Бенджамину Дизраэли «Был ли лорд Биконсфилд на самом деле евреем».

Эмма серьезно задумалась о судьбах своего народа. Один за другим появляются ее полные психологизма рассказы и стихотворения о еврейской жизни в диаспоре, поэтический сборник «На реках Вавилонских». В серии статей под общим названием «Послание к евреям» Лазарус обращается с призывом возродить еврейскую национальную жизнь в США и в Палестине. Ее статьи получают широкий общественный резонанс и пробуждают интерес к идеям палестинофильства. Но вот наступил момент, когда все эти процессы стали прямо затрагивать интересы США и простых американцев.

6

Массовый поток беженцев из России возник после того, как в начале 1880-х гг. практически вся территория Украины была охвачена кровавыми еврейскими погромами. США к этому времени уже были центром общеевропейской иммиграции, но в эти трагические для российских евреев времена их количество начало составлять почти 80% от общего числа иммигрантов. Евреи буквально тысячами садились на пароходы в Гамбурге или в Лондоне, в совершенно невыносимых

Эмма Лазарус

Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс)

условиях пароходных трюмов пересекали океан, страдая от туберкулеза и кишечных инфекций.

Сначала благополучные американские евреи в ужасе отшатнулись от своих бедных и глубоко религиозных восточноевропейских братьев. Но на Эмму они произвели совсем другое впечатление. На какое-то (очень небольшое) время она даже перестала писать стихи и целиком отдалась социальной работе среди новоприбывших, остро нуждающихся в обретении места жительства и в медицинской помощи. В публицистических статьях она (как и ее младшая сестра, литератур-

ный критик Жозефина) обличала американских евреев за черствость и равнодушие в приеме нуждающихся иммигрантов.

Эмма была одним из инициаторов создания сети еврейских технических учебных заведений, предназначенных для приобретения иммигрантами специальности. Именно тогда, в разгар всех этих событий, она и получила приглашение принять участие в конкурсе на лучшую надпись на пьедестале будущей Статуи Свободы.

Мысль о том, что США может стать прибежищем всех, страдающих от дискриминации и лишенных нормальных условий для существования, что именно здесь они могут обрести желанную свободу, овладевает ею. Факел, который будет освещать беженцам путь в эту страну, становится для нее символом обретения благополучия и душевного спокойствия. А ведь именно факел держал в руках более двух тысяч лет назад легендарный Колосс Родосский, освещая кораблям путь в Грецию, колыбель демократии. Вот почему и назвала она свой сонет «Новый Колосс». И именно из этого сонета в 1903 году были взяты пять строк, чтобы быть высеченными в бронзе на постаменте статуи Свободы. Но до этого момента талантливая поэтесса не дожила: она ушла из жизни в 1887 году. Ей было только 38 лет. А сонет Эммы Лазарус «Новый Колосс» остался

потомкам как призыв к исходу из духовного рабства в мир, где существует свобода воли.

Стою я с факелом у врат морских.
Передо мной людских судеб сплетенье,
И с каменных, безмолвных губ моих
Вот-вот сорвется страстное моление:

«Я жду вас всех, кто, вопреки судьбе,
Лишен того, над чем всю жизнь трудился.
Кто в нищете, в крови, в крошечной тьме
Мечтал о том, чтобы погром не повторился.

Как символ воли я стою одна
Для вас, к открытой жизни устремленных.
Ведь это я, Свобода, вам нужна –
Одна на всех, судьбою обделенных.

Пусть знает всяк, людскою злобою гонимый,
Что факел этот мой – в веках неугасимый».

(Перевод с английского автора)

Плита, размещенная на постаменте статуи Свободы в Нью-Йорке, с отрывком из сонета Эммы Лазарус «Новый Колосс»

ПАКТ РЕРИХА И ЗНАМЯ МИРА – ЗОЛОТОЙ ВЕК В ИСТОРИИ XX СТОЛЕТИЯ К 85-летию подписания Пакта Рериха (1935–2020)

Идея защиты ценностей Культуры, принадлежащая великому русскому художнику, путешественнику, писателю, общественному деятелю, академику Н. К. Рериху (1874–1947), прошла долгий путь длиной более трех десятилетий и увенчалась подписанием 15 апреля 1935 г. в Белом Доме в Вашингтоне первого в мире международно-правового документа о защите культурных ценностей в военное и мирное время – Пакта Рериха (ил. 1). Оглядывая этот долгий путь – от зарождения идеи, ее становления, далее всемирного распространения и широкой международной поддержки выдающихся государственных деятелей и лучших представителей науки и искусства начала XX века – можно смело назвать его движением *нового ренессансного гуманизма*. Центром внимания этого поистине *Золотого века* в истории культуры XX века стал венец духовных достижений человечества – ценности Культуры как высшее проявление человеческого духа на земле.

Эволюция идеи

Истоки возникновения идеи ведут к началу жизненного пути Н. К. Рериха – годам учебы. Параллельно с обучением в Академии художеств (1893–1897) Николай Константинович также учится на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (1893–1898). Именно в университете художник слушает курс лекций Ф. Ф. Мартенса (1845–1909) – выдающегося российского юриста-международника, дипломата, члена Совета Министерства иностранных дел России, вице-президента Европейского института международного права (1885 г.), члена «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге, автора известного труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов». Николай Константинович близко воспринимет идеи своего учителя – общий гуманистический мотив Пакта Рериха несомненно связан с научным наследием Ф. Ф. Мартенса, который был, прежде всего, известен как ученый, который внес большой вклад в дело развития принципов гуманитарного права.

Большую роль в развитии идеи сыграло юношеское увлечение Н. К. Рериха археологией, которое в университетские годы переросло в еще одну профессию. «Около Извары, – вспоминал Н. К. Рерих позже, – почти при каждом селении были обширные курганные поля от X до XIV века. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятые металлические древние вещи. В то же время Ивановский производил исследование местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе»¹. Художник на-

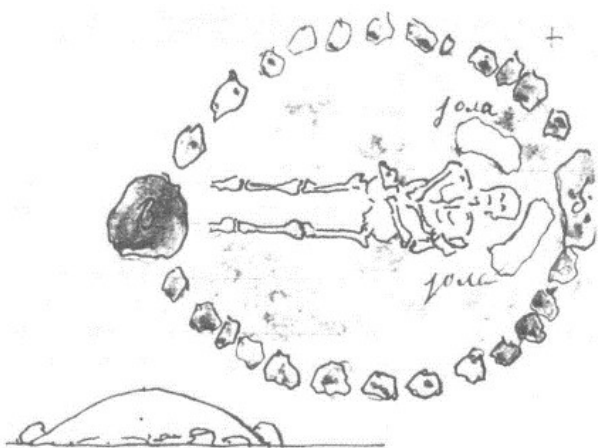
Ил. 1. Изображение знака Знамени Мира

чинает плодотворное сотрудничество с Императорской археологической комиссией, которое продлится около двух десятков лет. Невозможно и перечислить огромное количество раскопок, проведенное Н. К. Рерихом за эти годы – по этой теме существуют отдельные научные труды. Одним из результатов обширной археологической деятельности в России стала собранная им уникальная коллекция археологических артефактов, насчитывавшая около 100 тыс. (!) предметов.

Параллельно с чисто археологическими исследованиями, художник глубоко изучал этнографию – пребывая на месте раскопок, он живо интересовался народными традициями, местными легендами и преданиями (ил. 2). «Таким образом, этнографические материалы, собранные Н. К. Рерихом во время путешествий и археологических экспедиции, позволили не только дополнить картину древнего быта и материальной культуры славянского населения, реконструированную ученым с помощью археологических данных, но и углубить знания об их духовной жизни. Одним из первых уловив органичную связь археологии и этнографии, Н. К. Рерих положил в основу изучения культур метод синтеза этих наук»².

В те же годы Н. К. Рерих становится пожизненным членом Императорского археологического общества. Преподает в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте – здесь на лекциях по археологии, которые Н. К. Рерих нередко проводил в форме экскурсий на расположенные недалеко от Санкт-Петербурга памятники, художник впервые высказывает мысль о необходимости защиты памятников старины.

Начало XX века открывает новую веху в становлении идеи защиты сокровищ Культуры (ил. 3). Этому способствует предпринятое Н. К. Рерихом и его супругой Еленой Ивановной Рерих (1879–1955) большое

Ил. 2. Н. К. Рерих. Курган №7

Ил. 3. Н. К. Рерих. Ростов Великий. Вход в Кремль. 1903

путешествие по старинным городам России в 1903–1904 г. Целью поездки было глубокое проникновение в корни истории Руси, непосредственное знакомство с памятниками старины. Как мы понимаем теперь, поездка эта имела колоссальное научно-историческое значение для разных сфер жизни. Главным результатом ее стала огромная живописная серия, состоящая более чем из 90 этюдов, запечатлевшая всю вековую красоту и величие древнерусского зодчества. В 1904 г. работы эти были показаны на специальной выставке «Памятники художественной старины» в Императорской школе поощрения художеств и имели огромный успех. Мощь этой серии настолько поражала, что один из биографов художника, Сергей Эрнст (1894–1980) называл эту серию «Пантеоном нашей былой Славы» и

«Российскими Елисейскими Полями». Также во время поездки было сделано множество художественных фотографий памятников старины. Позже многие из этих фотографии вошли в «Историю русского искусства» Игоря Грабаря (1871–1960).

Соприкасаясь непосредственно с памятниками старины, глаз художника замечает небрежение и попустительство по отношению к ним. Появляются первые статьи Николая Константиновича, где он открыто пишет о своих наблюдениях. Так в 1903 г. в статье «Памятники» он говорит: «Что же мы видим около старины? Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником; величавые, полные романтического блеска соборы задавлены кольцом отвратительных хибарок; седые иконостасы обезображены нехудожественными доброхотными приношениями. Все потеряло свою жизненность; заботливо обставленный дедовский кабинет обратился в пыльную кладовую хлама. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев; кому мешает стена проложить конку; кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора»³.

Две беды, по словам Н. К. Рериха, сопутствуют памятникам древности, которые он встретил на своем пути: с одной стороны – небрежение к старине, отсутствие средств на восстановление и ремонт, а с другой – отсутствие надлежащей профессиональной реставрации. Все громче звучит голос художника в защиту старины, появляется все больше его научных статей на эту тему, а также докладов в различных обществах. В статье «Разрушение» (1907 г.) слова Н. К. Рериха звучат уже сурово: «Повторяю. Незаметно разрушится красота нашей старины. Разрушится среди “попечений” и “забот” о ней. Разрушится под кровом новых охранительных постановлений, под “защитой” науки. Окончательно запишутся заново, поновятся остатки фресок. Будут разобраны многие стены; будет надстроено, перекрашено, изменено все, что ненавистно мертвому духу искажителей. Будут придуманы ласковые отговорки. Иногда искажители даже признаются, что сделанное ими не хорошо, но ужасное создание все-таки останется в испорченном виде; в таком признании высшая мера презрения. Страшно!»⁴.

В своих призывах Н. К. Рерих настаивает на серьезном, фундаментальном подходе к реставрации – каждый случай должен рассматриваться индивидуально с учетом всех исторических и художественных особенностей. Кроме того, чрезвычайно важно не только, как будет проходить реставрация, но и кто ее будет выполнять. Художественное чутье художника-реставратора должно быть проверенно знанием, а его работа наполнена творческим подъемом. Также Н. К. Рерих говорит о том, как множество ошибок и случайности при реставрации кануло в лету коллективной ответственности и настаивает на необходимости введения личной ответственности за реставрацию.

В многочисленных докладах и статьях Николай Константинович выступает в защиту старины не только с профессиональной точки зрения как художник и археолог, все чаще он призывает слушателей и читателей переосмыслить само представление о подлинном смысле ценностей культуры: «Наряду со знанием и техникой подумать и о красоте, и о значении духа», – скажет художник в своей статье⁵.

Мирное время, но сокровища культуры, сокровища духа рушатся без грома пушек. В 1911 г. Н. К. Рерих публикует свою известную статью «Тихие погромы». В ней и боль художника при виде гибнущих памятников старины, и негодование при виде работ, выполненных горе-реставраторами:

«По всей России идет тихий, мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползет бескровный, мертвящий погром, сметающий все, что было священного, подлинного.

Когда виновниками таких погромов являются невежественные городские управления; когда в погромах действуют торгаши-иконописцы, потерявшие представление о “честном живописном рукоделии”, когда презирает святыни спесивая администрация, – тогда все ясно, тогда остается горевать. Остается утешаться примерами дикости из прежних веков»⁶.

К теме «тихих погромов» художник будет возвращаться не раз, снова и снова напоминая всем о необходимости бережного отношения к памятникам древности, а также утверждая новые пути, которыми «пройдет красота и величие духа».

Наступает грозное время Первой мировой войны (ил. 4). В ее преддверии Н. К. Рерих, пророчески предвидя ее последствия, пишет свои символические картины: «Ангел последний» (1912), «Меч мужества» (1912), «Крик змия» (1914), «Зарево» (1914). Болью в сердце художника откликнулись уничтожения, принесенные этой войной. После разрушений бельгийского города Лувена и Реймского собора Николай Константинович пишет обращение к Верховному командованию русских войск с призывом к охране культурного достояния. Мысль о международном договоре по охране памятников старины, впервые возникшая у Николая Константиновича еще под гром орудий Русско-японской войны (1903–1904), окончательно утвердилась.

В 1914 году Н. К. Рерих шлет телеграмму президенту Франции Р. Пуанкре (1860–1934), в которой пишет: «Возмущенный новым актом вандализма нашего варварского врага – разрушением прекрасного, несравненного кафедрального собора в Реймсе, – прошу Вас, господин Президент, принять выражение моего глубочайшего сожаления по поводу этой незаменяемой утраты. Имея честь состоять членом академии в Реймсе, я уполномочен Вам передать те же чувства от совета профессоров школы Императорского Общества поощрения художеств, общества “Мир искусства” и редакции газеты “Русское слово”»⁷. Здесь следует заметить, что эта телеграмма не осталась без внимания – некоторое время спустя Н. К. Рерих получил ответное письмо

Ил. 4. Н. К. Рерих. Ангел последний. 1912

от французского посла с благодарностью от президента Франции⁸.

В том же 1914 г. Н. К. Рерихом была отправлена еще одна телеграмма – послу США Чарльзу С. Вильсону: «Вы, представитель Правительства Северо-Американских Штатов, не можете оставаться безучастным зрителем уничтожения лучших созданий искусства и Ваше Правительство не может спокойно смотреть на варварские деяния, подобные которым трудно найти на самых жестоких страницах истории во времена, справедливо считавшиеся дикими. Именем священного искусства, именем высшей молитвы человечества, именем всего, что совершенствует и возвышает мир просим Вас всеми силами протестовать против преступных разрушителей, т. к. высококультурное Правительство Северо-Американских Штатов не может взирать на уничтожение всего, чем светла земная жизнь, и не может присоединяться к врагам рода человеческого»⁹. В ответной телеграмме посол Вильсон заверил Н. К. Рериха, что немедленно передаст протест художника своему правительству.

В 1915 году Н. К. Рерих представляет доклад императору Николаю II и Великому Князю Николаю Николаевичу, в котором предлагает принять государственные меры по сохранению культурного наследия. Ввиду сложной политической ситуации и военного времени доклад не нашел государственной поддержки. Однако, как можно заметить, *в эти годы идея охраны сокровищ культуры из национальной трансформировалась в интернациональную, и, кроме того, появилось понимание необходимости закрепления этой идеи законодательно.*

В 1918 году Н. К. Рерих с семьей оказался отрезанным от Родины, и тогда же началось его мировое путешествие (а не эмиграция, как ложно представляется некоторыми), продлившееся до конца его жизни. Европа, Соединенные Штаты Америки и, наконец, Индия, давно пленившая Рерихов, куда они попали в декабре 1923. Здесь, на индийской земле началась Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов, продлившаяся с 1923 по 1928 гг. Появилась уникальная возможность исследовать культурные сокровища Азии. И возмож-

Ил. 5. Н. К. Рерих. Меч Гессар-хана. 1931

ность эта была использована самым широким образом. Накопленные огромные знания и опыт теперь прилагались на другом континенте.

По пути следования экспедиции проводились различные археологические исследования Средней Азии войны, (ил. 5). Было открыто множество памятников археологии, изучалась культура кочевников – погребения, мегалитические памятники, предметы в «зверином стиле». Отдельно исследовались памятники буддийского периода (ступы, пещерные храмы). Также внимательно изучались наскальные изображения. Особый интерес представляли встречавшиеся в некоторых местах антропоморфные каменные изваяния – «каменные бабы», представлявшие собой, вероятней всего, надгробные памятники умершим воинам. Археологические выводы экспедиции позволили пролить свет и на проблему «великого переселения народов», которая очень волновала Н. К. Рериха и позволила ему реконструировать этот маршрут: «Проведите линию от южнорусских степей и от северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов»¹⁰.

Наряду с археологическими изысканиями проводились и этнографические исследования повседневной жизни и быта кочевников. Их можно разделить на две большие части. В первой – легенды, сказки и предания. Самыми значительными из них были легенды о заветной стране Беловодье и о подземном народе чуди. Вторая часть – это героические эпосы, центральным из которых был эпос о легендарном правителе Гэссер-хане. Большой интерес представляли также и проявления духовной жизни жителей Средней Азии – их обычаи, верования, религии, философии.

Проходя тропами Центральной Азии, участники экспедиции исследовали памятники древности, разрушенные в течение долгих столетий частыми воинами, набегами разбойников, природными катаклизмами, людским небрежением. Там среди белоснежных вершин Гималаев идея охраны духовных сокровищ культурных обретает свою окончательную форму. Зародившись в России, эта идея к тому времени прошла длинный путь через Европу, Америку и теперь уже и Транс-Гималайские хребты. У подножья Гималаев

в древней долине Кулу, где поселился Н. К. Рерих со своею семьей по завершении Центрально-Азиатской экспедиции, период формирования идеи завершился. Наступил период ее действенного продвижения по всему миру.

После окончания экспедиции в 1928 году художник выступает с призывом ко всем государственным, общественным, культурным деятелям немедленно начать обсуждение вопросов защиты культурного наследия. В том же году он обращается к французскому юристу, доктору международного права и политических наук Парижского университета Георгию Шкляверу (1897–1970) с просьбой разработать международный договор об охране ценностей культуры. В работе над договором принимает участие другой французский юрист, профессор Альберт де Ла Прадель (1871–1955), член Гаагского Мирного Суда, вице-президент Института международного права. Вскоре проект Пакта Рериха был опубликован и получил широкую поддержку. С целью дальнейшего продвижения Пакта во Франции, Бельгии, Индии и США создаются постоянные Комитеты Пакта Рериха. В качестве отличительного символа Пакта Николай Константинович предлагает Знамя Мира, которое должно было водружаться над объектами, подлежащими охране. Как указано в статье 3 Пакта: «Для обозначения памятников и учреждений, указанных в статье 1, может быть использован отличительный флаг (красная окружность с тремя кружками в середине на белом фоне) в соответствии с образцом, прилагаемым к настоящему договору»¹¹.

Особую роль в продвижении Пакта сыграл старинный бельгийский город Брюгге. Здесь на призыв Н. К. Рериха откликнулся Камилл Тюльпинк (1861–1946) – художник, архитектор, искусствовед, член Королевской комиссии охраны памятников и исторических мест в Бельгии, член-корреспондент Королевской археологической академии Бельгии. В 1931 г. К. Тюльпинк основывает Международный союз за Пакт Рериха. В том же 1931 г. в Брюгге состоялась Первая Международная конференция Пакта Рериха (ил. 6). В информационном сообщении об этой конференции, выпущенным Международным Союзом за принятие Пакта Рериха и Знамени Мира, сообщалось, что в конференции приняло участие около 400 делегатов – представителей государственных, общественных и культурных организаций из разных стран. Знаменательным было и само открытие конференции. В воскресенье, 13 сентября, в древней святыне Брюгге – Базилике Святой Крови, в которой хранится сосуд с кровью Христа, собранной предположительно Иосифом Аримафейским (?–96) и доставленной из Святой Земли графом Фландрии Тьерри Эльзасским (ок. 1099–1168) – было торжественно освящено Знамя Мира. «Освящение знамени нашего не случайно должно было произойти в соборе Свят. Крови, – напишет Н. К. Рерих, – во имя всей Мученической Крови, пролитой за Прекрасную Истину. Где объединяется столько высоких символов, там возникает истинная твердыня»¹². Конференция наметила план действий по продвижению Пакта Рериха

и Знамени Мира. Особое внимание уделено освещению идеи Пакта среди молодежи, в частности было предложено ввести его в программу военных учебных заведений. Здесь, кстати, следует отметить, что военные были в числе первых, поддержавших идею Пакта.

В 1932 Брюгге принимает Вторую Международную конференцию Пакта Рериха (ил. 7). Ей предшествует огромная подготовительная работа. Письма Н. К. Рериха летят во все концы мира – к друзьям, сотрудникам, видным государственным деятелям, деятелям науки и культуры. География деятельности по продвижению Пакта поражает своим масштабом. В письме от 9 ноября 1931 г., направленном в Комитет Пакта в Париже барону Михаилу Александровичу Таубе (1869–1961), Н. К. Рерих пишет: «Не думаете ли Вы, что для финального успеха следует действовать уступками, т. е. сперва поднять Знамя в Бельгии, Ватикане, во Франции, везде, где уже выражено сочувствие правительства. Затем нетрудно будет получить такое же согласие [в] Югославии, Чехословакии, в Латвии, Литве и Китае. Таким образом, постепенно прибавляя арену Знамени, мы подойдем к желательному результату[...] Действуя постепенно и самостоятельно, можно получить согласие и Турции, и Сиаму, и Персии, и тех Южно-Американских Республик, которые не вошли или уже вышли из Лиги Наций»¹³. И также в другом письме к Джеймсу Казинсу (1873–1956): «Обратите, пожалуйста, внимание, что мы высылаем “Послание о Мире и Культуре” нашему Европейскому Центру в Париже, нашему Латвийскому Обществу в Риге, в Индии Папскому нунцию в Бангалоре, его Преосвященству Коласу в Пондишери и другим церковным кругам, отделению Общества “Маха Бодхи” “New Vihara” в Сарнатхе»¹⁴. Идея, облетая буквально все стороны света, обретает все больше горячих сторонников.

Доктор Джеймс Казинс, председатель Комитета Знамени Мира при Музее Рериха в Нью-Йорке, в информационном сообщении от 29 апреля 1932 года, разосланном корреспондентам по всему миру, не только приглашает принять участие во Второй конференции Пакта в Брюгге, но и предлагает прислать большие фото памятников, подлежащих охране, Камилу Тюльпинку в Брюгге. В результате на выставке, которая состоялась одновременно с конференцией с июля по сентябрь 1931 г., демонстрировалось около 6000 фотографий памятников старины.

Сама Вторая Международная конференция прошла 7–9 августа, и в ней приняли участие представители 22 стран. Конференция постановила основать специальное учреждение для всемирного содействия в продвижении идеи Пакта, а также решено было установить взаимоотношения со всеми странами мира с целью признания Пакта как международного документа. Н. К. Рерих в своем приветственном послании этой конференции писал: «Самые сердечные пожелания шлю славному городу Брюгге, который бессмертно выситя символом множества прекрасных имен. Приветствую благородные труды председателя нашего Союза Камилла Тюльпинка и всех сотрудников,

Ил. 6. Участники Первой Международной конференции Пакта Рериха в Брюгге. 1931

Ил. 7. Открытка с изображением здания Музея Рериха в Брюгге

мыслящих об Общем Благае. Приветствую героическую Бельгию, которая породила столько прекрасных творческих мыслей и образов. Приветствую всех членов Конференции, друзей Охранения истинных Сокровищ человечества. Конференция трудами и решениями своими знаменует светлый путь созидательства, прогресса и Единения»¹⁵.

Огромная работа сотрудников Музея Рериха в Нью-Йорке и их коллег в отделениях Музея в разных странах по окончании Второй конференции в Брюгге, а также мощная международная поддержка идеи Пакта во всем мире позволили провести Третью Международную конвенцию Пакта Рериха в Вашингтоне 17–18 ноября 1933 года уже на совершенно ином уровне. И если в первых двух конференциях принимали участие только представители Европы, то на Третью конференцию приехали делегаты уже из 33 стран мира. Кроме участников из государств Панамериканского союза, были также представители из Ирландии, Испании, Персии, Польши Португалии, Чехословакии, Швеции, Югославии и Японии, а Албания, Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция и Франция прислали на конференцию своих наблюдателей.

Кроме того, Третья конференция получила широкую поддержку и от американского правительства. Министр сельского хозяйства Генри Уолес (1888–1965) был почитателем творчества Н. К. Рериха, и к тому же близко знаком с Франсис Грант (1896–1993) – вице-пре-

Ил. 8. Подписание Пакта Рериха в Белом Доме. 1935

Ил. 9. Н. К. Рерих. Знак Троицы. 1932

зидентом Музея Рериха в Нью-Йорке. Это позволило наладить связи не только с членами правительства и сената, но заручиться поддержкой президента США Франклина Рузвельта (1882–1945). Благодаря высокому статусу конференции, она не только оказала огромное влияние на мировую общественность, но и заставила правительства многих стран серьезно задуматься о необходимости принятия мер для защиты ценностей культуры.

Н. К. Рерих, обращаясь к конференции, приветствуя участников, высказывает важнейшую мысль, в которой заключен истинный гуманизм художника и дано основное направление, по которому идея Пакта должна развиваться в будущем: «Друзья! Приветствую вас, сошедшихся во имя священного дела Мира. Не случайно мир мыслит о мире, ибо, действительно, вражда и взаимная ненависть дошли до предела. Нарушение творческой жизни увлекает поколения в бездну одиночия. [...] Лучшие умы приходят к мысли о необходимо-

сти широких мер для умиротворения и разоружения. Но одно телесное разоружение не поможет. Нужно разоружиться в сердце и в духе. И вот мировое Знамя, охранитель истинных сокровищ человечества, поможет широко напомнить о том, что должно быть свято хранимо, как вехи и залог для светлого будущего. [...] Люди глубоко понимают, что материальный кризис не может быть превращен в благосостояние одними декретами. Ведь сердце человеческое должно согласиться на разоружение и сотрудничество. И в этом общечеловеческом постулате все, что напоминает об истинной культуре духа, о творчестве, о строительстве, должно быть бережено и утверждено»¹⁶.

Апофеозом мирового шествия идеи о защите ценностей культуры, зародившейся на русской земле, в Санкт-Петербурге, стало подписание Пакта Рериха Соединенными Штатами Америки и представителями других стран 15 апреля в 12.00 в Вашингтоне в присутствии президента Франклина Рузвельта, который, выступая на церемонии, сказал: «Предлагая этот Пакт для подписания народам всего мира, мы стремимся к всемирному применению одного из важнейших принципов сохранения современной цивилизации. Этот договор заключает в себе духовное значение гораздо более глубокое, нежели выражено в самом тексте. Он является одним из многих выражений той основной доктрины ответственности и солидарности нашего континента, которая имеет огромное значение для настоящего и будущего американских республик»¹⁷ (ил. 8).

Знамя Мира – Красный Крест Культуры

Идея Знамени Мира – охранительного символа Пакта Рериха появилась в 1929 (ил. 9). Как писал Н. К. Рерих в своих письмах барону М. А. Таубе: «... Первая идея Знака Знамени появилась у меня от иконы Св. Троицы в Сергиевской Лавре...»¹⁸. И также в другом письме: «Наконец-то я могу Вам послать домашний снимок с моей последней картины, посвящённой смыслу значения Знака Знамени. [...] Скажите всем [...] о смысле этого Изображения. Что может быть древнее и подлиннее византийской концепции, уходящей в глубину веков к первому обобщённому Христианству и так прекрасно претворённой в иконе Рублёва “Святая Живоначальная Троица” Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. Именно этот символ – символ древнейшего Христианства, освещённый для нас также и именем Св. Сергия, подсказал мне наш знак, смысл которого и выражен на прилагаемом снимке, сохранив все элементы и расположения их, согласно иконе Рублёва»¹⁹.

Проехав по древним городам России и Европы, посетив Америку и исследовав Центральную Азию и Дальний Восток, Н. К. Рерих мог с точностью ученого утверждать, что символ, выбранный им для знака Знамени Мира, является поистине одним из древнейших символов известных человечеству. Лаконичный по форме и многоплановый по содержанию, этот символ предполагает множество значений. Можно говорить о прошлом, настоящем и будущем в круге вечности.

Возможно также представить его как религию, науку и искусство, объединенные культурой. Также в круге вечности можно увидеть троицу неоплатонников – тело, душу и дух. В тот же круг вечности вписываются архаические представления о трех планах мироздания – подземном, земном и небесном. Это символ раскинут не только широко по историческим эпохам, но и география его поистине покрывает весь Земной шар. Как писал Н. К. Рерих: «Чинтамани – древнейшее представление Индии о счастье мира – содержит в себе этот знак. В Храме Неба в Китае вы найдете то же изображение. Тибетские «Три Сокровища» говорят о том же. На знаменитой картине Мемлинга на груди Христа ясно виден этот знак. Он же имеется на изображении Страсбургской Мадонны. Тот же знак на щитах крестоносцев и на гербах тамплиеров. Гурда, знаменитые клинки кавказские, несут на себе тот же знак. Разве не различаем его же на символах философских. Он же на изображениях Гесэр-хана и Ригден Джапо. Он же и на тамге Тамерлана. Он же был и на гербе папском. Его же можно найти и на старинных картинах испанских и на картине Тициана. Он же на старинной иконе святого Николая в Баре. Тот же знак на старинном изображении преподобного Сергия. Он же на гербе Самарканда. Он же в Эфиопии и на коптских древностях. Он же на скалах Монголии. Он же на тибетских перстнях. Конь счастья на гималайских горных перевалах несет тот же знак, сияющий в пламени. Он же на нагрудных фибулах Лахула, Ладака и всех гималайских нагорий. Он же и на буддийских знаменах. Следуя в глубины неолита, мы находим в гончарных орнаментах тот же знак»²⁰.

В книге «Зов» в предисловии к Учению Живой Этики сказано: «Сужденное не случайно, и листы упадают ко времени». Так появление Знамени Мира, как символа охранения духовных сокровищ Культуры, совпадает с древними представлениями народов Востока о наступлении Новой Эры человечества. Старинные легенды и предсказание о сужденном Светлом Веке становятся былью. В 1933 г. Н. К. Рерих пишет картину «Белый камень» с изображением петроглифов, встреченных в экспедиции (ил. 10). На камне можно увидеть знак Чинтамани с тремя огненными кругами на спине белого бегущего коня. Н. К. Рерих напишет: «Видели белого коня Святого Егория. Видели белых коней св. Флора и св. Лавра. Также встречались с белым огненным Пегасом. Видели белых коней древнего литовского бога Световита; на белых конях мчались германские валькирии. Слышали о белом коне Исфагана в древнем Иране. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны. Слышали о коне Гесер-хана, великого героя Древней Азии, и даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химавата с огненной ношей Чинтамани. Эрдени Мори – белый конь – монгольский носитель того же сокровища счастья. На картинах китайских белые олени несут то же пламенное сокровище. Слово бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства Китайского. От коня стена великая. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган-Мори – Эрдени

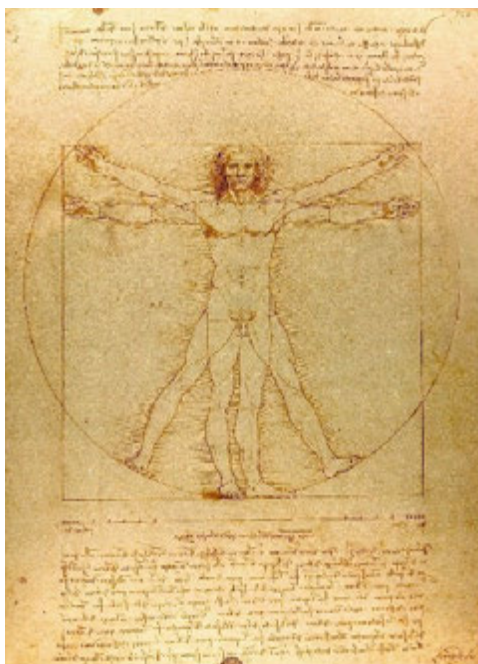

Ил. 10. Н. К. Рерих. Белый камень. 1933

Мори – белый конь, будет отмечен всякими сказаниями. Мчится на нём и Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее, великий всадник обращает лица ждущих – туда, куда нужно. Именно белый конь в сказаниях принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть»²¹.

Известно, что Н. К. Рерих многие свои картины писал к определенным срокам или событиям. Таким образом можно предположить, что символически белый конь на картине «Белый камень» (1933), упоминаемый и в христианских, и в индуистских, и в буддийских преданиях, приносит миру огненную весть о Новом Эволюционном Цикле, начало которого приходится на 30-е годы XX века. Новая Эра должна пройти под Покровом Культуры, и принятие Пакта Рериха, над которым развивалось Знамя Мира – символ древнего сокровища счастья Чинтамани, – предвещало наступление этой Светлой Эпохи.

Н. К. Рерих спешил объединить человечество под Знаменем Культуры, спешил напитать мир идеями, которые должны были охранить духовные накопления прошлого, настоящего и будущего. Художник неоднократно проводил параллели между Красным Крестом и Знаменем Мира, говорил, что в то время как Красный Крест охраняет физическое здоровье, Знамя Мира призвано охранить здоровье духовное: «Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как желелораненным светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть знак Культуры»²². Преодолевая инерцию сопротивления при продвижении идей Пакта и Знамени Мира, художник также не раз вспоминал историю возникно-

Ил. 11. Леонардо да Винчи. Витрувианский человек. 1490

вения Красного Креста, вспоминал его великого основателя – доктора Анри Дюнан (1828–1910), говорил о чудовищном непонимании с которым столкнулся Дюнан, положивший на это дело большую часть своей жизни, и также настоятельно рекомендовал своим друзьям и сотрудникам изучить историю Красного Креста, с тем, чтобы применить ее в своем деле: «Из истории Красного Креста мы видим, что Идея вошла в жизнь лишь вследствие неуклонного, несломимого, повелительно призавшего действия всех соучастников-первоположенников. По счастью, ни насмешки, ни отрицания не внесли в ряды их губительного разложения. Пусть будет именно так же и в нашем случае. Запомним одно, что во всяком случае мы не отклонимся от наших устремлений. Решительно ничто не сломит наших объединенных решений о вящем Охранении Памятников всего самого Прекрасного и Высокого»²³.

Также спешно предлагал Н. К. Рерих ввести во всех школах и образовательных учреждениях Дни Культуры, чтобы дети и молодежь с раннего возраста впитывали живительные идеи необходимости защиты культуры, необходимости охранения духовных сокровищ старины. Таким образом он открывал еще одну грань Пакта как образовательного закона. А Знамя Культуры, которое должно было развеиваться над каждым учебным заведением, должно было бы ежедневно напоминать об этом. Обращаясь к молодому поколению, Н. К. Рерих писал: «Молодежь! Вы, самые юные, самые устремленные в светлое будущее, перечтите, что писалось о сохранении культурных сокровищ, и продолжите нашу работу. Мы-то уйдем, но вы останетесь в жизненной борьбе и превозможете многие препоны. Для вас, молодых, культурные сокровища будут истинными ценностями. Вы поймете, что эти сокровища составляют всенародное достояние. Так же, как и

Родина, Культура должна быть охранена, оборонена. Вы знаете, что Армагеддон порушил многое неповторимое. Охраните!»²⁴

Необходимо отметить еще один важнейший исторический аспект. Ясно понимая, какие темные силы приходят в 1930-е годы к власти в Германии, Италии, Н. К. Рерих спешно стремится объединить все светлые культурные силы под покровом Знамени Мира. В противовес идеям милитаризма, агрессии и расового превосходства Н. К. Рерих выдвигает величественную и поистине планетарную идею «Мира через Культуру». Художник всеми доступными силами пытается раздуть искры огня Света в сердцах людей, с тем, чтобы понимание необходимости объединения всех сторонников Культуры выразилось в их активных действиях. И если бы страны мира активно откликнулись и не только подписали бы Пакт Рериха, но и ввели его положения в повседневную жизнь своих народов, и Знамя Мира развивалось бы над всеми учреждениями Культуры, то вполне возможно, что войну удалось бы избежать. Но также совершенно точно и то, что миротворческие, гуманистические идеи Н. К. Рериха, посеянные в умах и сердцах людей всего мира, стали одной из тех сил, которые обеспечили великую победу Света над тьмой во Второй мировой войне.

* * *

Пришедшая на смену Средним векам, эпоха Возрождения, начавшаяся в XIV веке в Италии и охватившая в течение последующих двух веков многие страны Европы, оставила неизгладимый след в истории мировой культуры (**ил. 11**). Этот духовный подъем, зародившийся среди лучших представителей искусства и науки того времени, стал Золотым веком в европейской истории. Это было время, когда творили такие известные философы, как Николай Коперник (1473–1543), Джордано Бруно (1548–1600) и Томмазо Кампанелла (1568–1639); создавали свои бессмертные полотна Леонардо да Винчи (1452–1519) и Рафаэль Санти (1483–1520); когда великий Микеланджело Буонарrotти (1475–1564) ваял в камне свои бессмертные скульптуры. Характерной чертой Ренессанса стал гуманизм – интерес к самому человеку и его деятельности. Об этом еще ранее (эпоха так называемого Проторенессанса) стали говорить выдающиеся итальянские поэты Данте Алигьери (1265–1321) и Франческо Петрарка (1304–1374). Хотя, конечно, самое понятие гуманизма, как особого мировоззрения, в центре внимания которого находится человек, уходит корнями в глубокую древность. Однако именно в эпоху Возрождения гуманизм, или как его еще называют *ренессансный гуманизм*, стал *новой культурной парадигмой, новым всеобъемлющим течением общественной мысли*, не только изменившим мировоззрение людей того времени, но и продолжающим оказывать влияние на умы людей через века до настоящего времени. Этика гуманизма говорила о новом назначении человека, о необходимости улучшения, преобразования его природы посредством обращения к трудам классиков античности.

Обратившись к движению Пакта Рериха и Знамени Мира, основы которого были заложены и развиты Н. К. Рерихом с начала XX века и которое объединило лучших представителей науки, искусства, философии, лучших государственных деятелей по всему Земному шару, мы обнаружим те же черты, присущие эпохи Возрождения (**ил. 12**). Но теперь в основе этого движения – *новый ренессансный гуманизм*, принесший миру новые идеи, которые соответствуют наступившей Новой Эпохе, предреканной, как было уже сказано ранее, в древних легендах и сказаниях всех народов мира. В центре внимания был и остается человек. Но само сознание человечества должно измениться. Человек должен понять меру своей ответственности не только за свои физические действия и поступки, но прежде всего за свои мысли, чувства. Человек должен немедленно приступить к улучшению, преобразованию своей природы, к изучению своих скрытых свойств, а также к изучению скрытых свойств окружающего его космоса. Научно-философской базой этой *новой парадигмы* стало Учение Живой Этики, которое было дано Е. И. Рерих и Н. К. Рерихом в сотрудничестве с Великими Учителями Востока. Была дана целая программа действий, когда через всестороннее образование и духовное утончение можно прийти к высшему духовному проявлению человека на земле – Культуре. Слова «Мир через Культуру» не только стали девизом нового гуманистического движения, но явили собой по сути новую ноту эволюции.

¹ Рерих Н. К. Листы дневника. Том 2. – М.: МЦР: Мастер банк, 1995. – С. 107.

² Лазаревич О. В., Молодин В. И., Лабетский П. П., Н. К. Рерих – археолог. – Новосибирск: Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 116 с. Источник онлайн – <https://roerich-lib.ru/index.php/lazarevich-o-v-i-dr-n-k-rerikh-arkheolog/5012-glava-i-arkheologicheskie-issledovaniya-n-k-rerikha-v-rossii>

³ Рерих Н. К. Берегите старину. – М.: МЦР, 1995. – С. 8.

⁴ Там же. – С. 22.

⁵ Там же. – С. 51.

⁶ Там же. – С. 41.

⁷ Николай Рерих в русской периодике, 1891–1918. Выпуск 5. – СПб.: Коста, 2008. – С. 272.

⁸ Там же. – С. 306.

⁹ Там же. – С. 273.

¹⁰ Рерих Н. К. Сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992. – С. 51.

¹¹ Пакт Рериха: 70 лет: материалы международной научно-общественной конференции. – 2-е изд. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, Мастер-Банк, 2005. – С. 56.

¹² Знамя Мира: сборник. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: МЦР, 2005. – С. 78.

¹³ Рерих Н. К. Письма. Т. I (1896–1932) / сост. Н. Г. Михайловой; предисл. Т. О. Книжник. – М.: МЦР, 2018. С. – 292.

¹⁴ Там же. – С. 247.

¹⁵ Знамя Мира: сборник. – 2-е изд., доп. и перераб. – МЦР, 2005. – С. 93.

¹⁶ Там же. – С. 110-112.

¹⁷ Там же. – С. 191.

¹⁸ Рерих Н. К. Письма. Т. I (1896–1932) / сост. Н. Г. Михайловой; предисл. Т. О. Книжник. – М.: МЦР, 2018. С. – 428.

¹⁹ Там же. – С. 355.

²⁰ Знамя Мира: сборник. – 2-е изд., доп. и перераб. – МЦР, 2005. – С. 276.

²¹ Рерих Н. К. Древние источники. – М.: Международный Центр Рерихов, 1993. Источник онлайн – <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh-drevnie-istochniki/tajny/834-rerikh-erdeni-mogi>

²² Рерих Н. К. Молодому Другу. – Москва: МЦР, 1993. Источник онлайн – <http://lib.icr.su/node/482>

²³ Знамя Мира: сборник. – 2-е изд., доп. и перераб. – МЦР, 2005. – С. 93.

²⁴ Рерих Н. К. Листы дневника. Том 2. – М.: МЦР: Мастер банк, 1995. – С. 455.

Ил. 12. Н. К. Рерих. Знамя Мира. 1931

Моим родным – участникам Великой
Отечественной войны посвящается

БЕССМЕРТНЫЙ ВЗВОД

Вспомнить всех поимённо – по страницам военных биографий

*Нет в России семьи такой,
Где б ни памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят.*

С семейных фотографий на меня глядят глаза молодых и пожилых солдат, участников Великой Отечественной войны. Ещё два года назад мне было почти ничего не известно о них, я даже не знала многих имён. Изучая свою родословную, восстанавливая историю семьи, я вижу, как война прошла по нашему фамильному древу, по всем его корням, ветвям и листочкам. На сегодняшний день мне удалось в той или иной степени реконструировать военные биографии 16 человек, принимавших участие в Великой Отечественной войне. По армейской терминологии это целый взвод, а по семейной – родные, двоюродные и троюродные дедушки, дяди, тёти. Благодаря им я сейчас живу, да и вообще появилась на свет. Не защити они свою родину, своих детей, мои родители могли бы никогда и не встретиться.

Все мои родные и по материнской, и по отцовской линии – уроженцы Молвотицкого района Ленинградской области (ныне – Марёвский район Новгородской области). Большинство призывалось Молвотицким райвоенкоматом (РВК), некоторые военкоматами других городов, в которых застала война. Поскольку область была Ленинградской, неудивитель-

Иванов Александр Иванович (16.02.1905 – март 1944)

но, что многие родственники оказались в городе на Неве на учёбе или на жительство. Кто-то призывался в самом начале войны в июне-июле 1941-го, кто-то позднее в силу возраста, а кто-то ушёл на фронт добровольцем или вольнонаёмным. Среди них были представители разных родов и видов войск в званиях от рядового до майора: пехотинцы, моряки, служащие авиации, связисты, артиллеристы, танкисты. Они сражались на Ленинградском, Северо-Западном, Центральном, Брянском, Белорусском, Украинском, Северо-Кавказском, Прибалтийском фронтах; участвовали в боях под Воронежем и Новороссийском, на Курской дуге и на Днепре. Четверо пропали без вести, один всю войну находился в немецком плену, бабушка с четырьмя детьми, в числе которых и моя мама, была угнана на принудительные работы в Польшу и Германию.

Среди пропавших без вести – родной дедушка по линии отца Иванов Александр Иванович (1905–1944). Он был призван Молвотицким РВК в июне 1941-го, воевал на Ленинградском фронте в рядах 577-го гаубичного артиллерийского полка Резерва главного командования 23-й армии. Сохранилось два письма (от 26 июня и 2 июля 1941 г.), присланных из Новгорода после призыва. В первом Александр Иванович пишет, что он трудится в портновской мастерской обозно-вещевой службы, во втором сообщает об отправке на фронт: «Здравствуй дорогая жена Катя! И дети мои: Саня, Лёня и Оля, и отец Иван Леонович. Шлю вам всем свой красноармейский привет и наилучшее пожелание в жизни, а главное доброго здоровья, твой муж Саша. Затем коротко сообщаю, что мы сегодня, т.е. 2-го июля отправляемся на фронт, как будто бы на Финский». Лёня, упоминаемый в письме – мой папа. С фронта писем уже не было. В марте 1944 г. Александр Иванович пропал без вести предположительно на Карельском перешейке. Бабушка осталась вдовой с тремя детьми, замуж так и не вышла, жила со старшим сыном, помогала растить внуков.

Младший брат Александра Ивановича – Илларион Иванович Леонов (1912–1996) – призывался в сентябре 1941-го райвоенкоматом Выборгского района г. Ленинграда. Он носил фамилию Леонов, как и отец, Иван Леонов, в отличие от остальных братьев и сестёр, у которых фамилия была образована от отцовского имени Иван.

Илларион Иванович всю войну проработал на 3-й авиационной ремонтной базе 13-й воздушной армии Военно-Воздушных Сил Ленинградского фронта с первого дня её организации. Начинал в звании техника-лейтенанта бригадиром сборочной бригады моторного цеха на участке общей сборки моторов. На его счету сотни восстановленных моторов для самолётов Ленинградского фронта, оборонявших город

на Неве. В зимние месяцы 1941–1942 гг., когда в цехе не было тепла, в суровых условиях холода и недоедания Илларион Иванович стойко продолжал работу. В 30-градусный мороз в Касимово (Всеволожский район Ленинградской области) он произвёл восстановительный ремонт мотора, уложился в заданный срок, чем обеспечил вылет истребителя на выполнение боевого задания. Моторы, собранные И. И. Леоновым, работали безотказно, на них не было ни одной рекламации.

К марту 1942 г., непрерывно работая на сборке и регулировке моторов, Илларион Иванович восстановил 65 моторов, что позволило вновь поставить в строй по обороне Ленинграда 65 самолетов различных марок. В марте же он выступил инициатором соревнования, мобилизовав свою бригаду на выполнение задания военного совета и показав образец трудового героизма. Под его руководством бригада собрала за 15 рабочих дней 10 моторов АМ-35, выполнив на 200% старую норму.

Бригада И. И. Леонова и далее систематически выполняла и перевыполняла план по сборке авиационных моторов, даже в самые тяжелые дни блокады Ленинграда. В дни прорыва блокады участок давал до 200% нормы, а сам Илларион Иванович по несколько суток не покидал участка.

Он хорошо изучил ремонтируемые типы отечественных и импортных моторов М-105, АМ-35, АМ-38, Аллисон и Мерлин XX, отлично освоил технологию их монтажа, обучил качественной сборке и регулировке моторов 17 человек, многие из которых стали самостоятельными работниками. К октябрю 1944 г. лично Илларионом Ивановичем и под его руководством на 3-й авиационной ремонтной базе было собрано 1050 моторов.

Леонов Илларион Иванович окончил войну в звании майора, награждён орденами «Красной звезды» (05.11.1944, 26.10.1955), «Отечественной войны II степени» (06.04.1985), медалями «За отвагу» (03.05.1942), «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «За боевые заслуги» (20.04.1953).

Наиболее исчерпывающей информацией я обладаю про своего двоюродного дядю по линии отца – Авенира Петровича Иванова (1923–2007). Ему довелось воевать за освобождение своей малой родины.

Авенир Петрович родился в деревне Малое Дёмкино Молвотицкого района в крестьянской семье. Окончив с отличием семилетнюю школу, поступил в Ленинградский техникум точной механики и оптики. Доучиться не пришлось. Родители, работающие в колхозе за трудовни, не смогли оплачивать обучение, которое в 1940 г. стало платным. После возвращения домой Авенир Петрович работал в колхозе счетоводом на лесозаготовках.

Немецко-фашистские войска оккупировали район в сентябре 1941-го. К февралю 1942 г. части Красной Армии совместно с партизанами почти полностью освободили Молвотицкий край от оккупантов. 24 февра-

Леонов Илларион Иванович (22.11.1912–1996)

Иванов Авенир Петрович (14.02.1923–20.09.2007)

ля 1942 г. девятнадцатилетним юношей А. П. Иванов ушёл добровольцем на фронт. Его боевой путь начался недалеко от дома у деревни Кулотино (бойцы её прозвали Колотушкино). В Молвотицком районе сходились клинья немецких ударов из районов Холма и Старой Руссы. Фашисты стремились захватить Валдайскую

возвышенность и создать угрозу подхода к Москве с севера.

В должности станкового пулемётчика А. П. Иванов участвовал во многих боях на Северо-Западном фронте. Первый бой он принял под городом Холм Новгородской области. Авенир Петрович воевал в рядах 73-го стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии, одной из старейших в Красной Армии (образована в 1918 г., по другим документам – в 1919 г.). В 1940 г. дивизия размещалась в районе Мариуполя (ныне – Капсукас, Латвия) на границе с Германией. Приняв один из первых ударов немецко-фашистских захватчиков, вынуждена была отходить на северо-восток через Каунас, Ионаву, Себеж, Холм, Молвотицы. Особенно тяжёлые бои выпали на долю частей 33-й стрелковой дивизии под Молвотицами.

С 1 октября 1941 г. дивизия занимала оборону по восточному берегу озера Селигер на фронте 40 километров. С этого рубежа войска 3-й ударной армии в январе 1942 г. перешли в наступление. 33-я стрелковая дивизия принимала участие в Торопецко-Холмской наступательной операции (09.01–06.02.1942), к тому времени в её составе было более 10 тысяч человек. 21 января 1942 г. части дивизии ворвались в Холм, но завязли в уличных боях и были вынуждены оставить почти весь город. С 6 февраля 1942 г. дивизия перешла к обороне и до сентября 1943 г. вела бои в 20 км юго-восточнее Холма.

В боях за освобождение Холма 17 апреля 1942 г. Авенир Петрович Иванов был ранен пулей насквозь в правое предплечье и осколком в правый бок в области ребра. После ранения 137 дней находился на лечении в госпитале в деревне Моисеево Молвотицкого района, в 20 ти км от дома. Пока лечился, домой по ошибке на него была отправлена похоронка. Красноармеец Аверьян [так в документе] Петрович Иванов так и остался в «Именном списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 73 сп 33 стр. дивизии с 15.02. по 10.05.1942 г.» [13, л. 8], а также в списке захороненных на площади Победы г. Холма.

В школе № 100 имени Героя Советского Союза И. Н. Конева городского округа Самара создан Музей боевой славы 33-й стрелковой Холмско-Берлинской ордена Красного знамени, ордена Суворова 2-й степени дивизии. Музей разместил фотографию Авенира Петровича времени пребывания в госпитале на сайте «Дорога памяти», где я её и обнаружила.

После лечения А. П. Иванов вновь вернулся в строй и сражался в рядах 166-й стрелковой дивизии в отдельном лыжном батальоне, участвовал в разгроме «Демянского котла», воевал за освобождение родного края. Дальнейший его боевой путь лежал через станцию Дно, Псков в Прибалтику.

Такие места боевых событий как «Демянский котел» и «Рамушевский коридор» известны всей стране. Эти земли Залучского района Ленинградской области (ныне – Старорусский район Новгородской области) стали местом массового подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. Здесь более двух

лет шли кровопролитные бои. Одна часть района была освобождена в марте 1942-го, другая в феврале 1943-го.

В боях за одно из селений Залучского района 17 февраля 1943 г. Авенир Петрович Иванов второй раз был ранен осколком насквозь в правую кисть с повреждением плетной кости и снова оказался в госпитале в деревне Моисеево. На лечении находился 85 дней.

В результате одного пулевого и двух осколочных ранений Авенир Петрович был признан годным к нестроевой службе. С 21 мая 1943 г. он служил в 3-м армейском ветеринарном лазарете в должности красноармейца взвода обслуживания больных и раненых лошадей лазарета.

За время войны через армейские ветеринарные лазареты прошло более 680 тысяч лошадей со сроками лечения до 30 суток. Лечение проводилось в специализированных отделениях: хирургическом, терапевтическом и инфекционном. Армия обычно имела один-два армейских ветеринарных лазарета, размещенных на удалении 50–70 км от переднего края. Каждый лазарет был рассчитан на 200 лошадей, имел свой транспорт и подразделения обслуживания.

Приказом войскам 1-й ударной армии № 0365/н от 20.10.1944 г. Авенир Петрович Иванов награждён медалью «За боевые заслуги». В наградном листе записано: «Является образцом в работе, точен, аккуратен, исполнительный и дисциплинированный. Показывая образцы трудовой доблести, тем самым пользуется авторитетом среди рядового и сержантского состава» [10, л. 65].

А. П. Иванов был награждён также орденами «Красной звезды», «Отечественной войны I степени» (06.04.1985), второй медалью «За боевые заслуги» (03.11.1953). После войны он окончил Ленинградское военно-морское училище, служил в береговых частях Военно-морского флота. Демобилизовавшись, работал на предприятиях Ленинграда, в 1967 г. окончил Ленинградский судостроительный техникум.

В 1983 г. вышел на пенсию в звании майора, жил в деревне Малое Дёмкино, в родном доме, построенном его отцом в 1914 г. На пенсии Авенир Петрович начал писать стихи. Они неоднократно печатались на страницах районной газеты «Сельская новь» (Марёво), вошли в краеведческий сборник «Марёво – земля Рюриковичей» [1, с. 261–267], в 2005 г. стараниями Марёвской центральной районной библиотеки и Новгородской специализированной библиотеки для слепых выпущен персональный сборник А. П. Иванова «В родной стороне» [4]. И пусть стихи эти далеки от совершенства, но в них искренняя и горячая любовь к родной земле, к малой родине, тревога за судьбу России, воспоминания о боевом пути и фронтовых друзьях, как, например, в стихотворении «Память»:

Вовеки в памяти страницы
О лихолетье не сотрём,
Мы помним всех погибших лица
И то, что год равнялся трём.
Расскажем внукам вечерами

О зыби грозных канонад,
И что порой бывало с нами
В пылу сходящихся громад.
Про наше братство боевое,
Что выручало в трудный час,
Про скорбь, теснящуюся в нас,
По невернувшимся из боя.
Про пыль тоски, усталость, жажду
В привалах фронтовых дорог,
Как смерть-злодейка не однажды
К нам заступала на порог.
И – буду ль жив? В который раз
Щипал минутой рок угрюмый,
Ведь каждый спорил среди нас
Четыре года с этой думой...
Друзья, остаток сил при нас
Мы миру посвятим на службу.
И коль наступит трудный час,
Припомним фронтовую дружбу.
А тех, кого нет рядом с нами,
Мы вечной памятью почтим,
И тостом славы их помянем,
Минуту скорби посвятим!

По некоторым стихотворениям можно восстановить фрагменты биографии, что особенно ценно, когда уже нет возможности спросить лично. В сентябре 2007 г. Авенира Петровича не стало, он трагически погиб под колёсами машины водителя-лихача. Районная газета «Марёво» писала в некрологе: «Человек неподкупной честности. Патриот, каких поискать. Человек, никогда не изменивший ни Отечеству, ни своей малой родине» [6, с. 7].

В 2010 г. к 65-летию Победы Новгородская областная универсальная научная библиотека (НОУНБ) провела Интернет-акцию «Годы войны: человек и книга». В рамках акции была создана Интернет-галерея «Участники Великой Отечественной войны: Портрет с книгой», для которой собрали фотографии ветеранов из Новгородской области и разместили на сайте НОУНБ. В галерее есть и фотография Авенира Петровича Иванова [5].

Младший брат Авенира Петровича – Анатолий Петрович Иванов (род. 1925) – призывался в январе 1943-го. О его военной судьбе, к сожалению, почти ничего не известно. Согласно «Списку призывников Молвотицкого райвоенкомата, отправленных в распоряжение командира 48 запасного стрелкового полка» был предназначен в артиллерию [14, л. 26]. Последнее известное место службы: 389-й запасной стрелковый полк.

Племянник моего дедушки – Иванов Александр Викторович (1925–1981) – призывался ещё позднее: в марте 1944 г. Сражался в рядах 1-го батальона 578-го стрелкового полка 208-й стрелковой дивизии 1-й Ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Через месяц после призыва стрелок Александр Иванов был тяжело ранен, тогда же получил и первую награду: медаль «За отвагу» (18.04.1944) за то, что «в бою 7 апреля 1944 года

Иванов Александр Викторович (25.11.1925 – 25.07.1981)

в р<айо>-не дер<евни> Теличино [Калининской области] сражался стойко и мужественно, при отражении контратаки противника в деревне убил 3 вражеских солдат» [11].

Вторую медаль «За отвагу» (17.10.1945) А. В. Иванов получил за подвиг, совершённый 19 апреля 1945 г. В этот день гвардии младший сержант Александр Викторович Иванов, наводчик станкового пулемёта 128-го гвардейского стрелкового полка 44-й гвардейской стрелковой дивизии в бою по расширению плацдарма на реке Одер из своего пулемёта уничтожил до 20 гитлеровцев. Александр Викторович награждён также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Гвардии сержант Белов Александр Ильич (1921–1943), ещё один племянник моего дедушки, до войны поступил в высшее военное учебное заведение в Ленинграде и призывался Тихвинским ОГВК Ленинградской области. Был командиром орудия 14-го отдельного гвардейского тяжёлого танкового полка Северо-Кавказского фронта. Убит в бою за хутор Арнаутский Краснодарского края и захоронен в этом же крае на хуторе Красный.

Родная сестра Александр Ильича – Белова (в замужестве Бабей) Мария Ильинична (1926–2007) – юной девушкой ушла в сентябре 1942 г. вольнонаёмной с частями 1-й Ударной, затем 34-й армии в составе Северо-Западного фронта. Трудилась в 168-м полевом прачечном отряде. Воинский путь завершила в 1944 г. в Мемеле (с 1945 г. – Клайпеда, Литва), где затем окончила курсы санинструктора и радисток, участвовала в восстановлении города, вышла замуж и осталась там

Белов Александр Ильич (1921–22.07.1943)

Белова (в замужестве Бабей) Мария Ильинична (13.02.1926–23.07.2007)

жить. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), пятью медалями к юбилеям Победы, знаком «Фронтовик 1941–1945 гг.».

Родной брат бабушки по линии отца – Марков Пётр Яковлевич (1913–1990) – был призван в июне 1941 г. Демянским РВК Демянского района Ленинградской области. Старший сержант Марков служил в 7-м рай-

оне авиационного базирования в качестве заведующего складом боепитания 90-го батальона аэродромного обслуживания 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта. Пётр Яковлевич обеспечивал бесперебойное снабжение лётных частей боеприпасами. Через его руки прошла не одна сотня тонн авиабомб, снарядов и патронов для обслуживаемой авиации. Награждён медалью «За отвагу» (03.09.1943) и орденом «Отечественной войны II степени» (06.04.1985).

Второй родной брат бабушки – сержант Марков Александр Яковлевич (род.1915) – и два двоюродных брата – рядовые Марковы Виктор Иванович (род. 1921) и Николай Иванович (род. 1926) – пропали без вести, Александр и Виктор в марте, а Николай в июле 1944 г. Известно только последнее место службы пулемётчика Н.И. Маркова: 456-й стрелковый полк 109-й стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии. Имена Виктора Ивановича и Александра Яковлевича Марковых стоят рядом в одном «Именном списке безвозвратных потерь личного состава Молвотицкого РВК Новгородской области» в донесении послевоенного периода от 28.08.1946 г. [12, л. 200].

Самый старший по возрасту среди участников войны – дедушка по линии матери Яковлев Андрей Яковлевич (1897–1978). До Великой Отечественной за его плечами было уже две войны, служба в артиллерии. В июле 1941-го Андрей Яковлевич вновь встал в строй. Он защищал Ленинград в рядах 1025-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии. С 18 августа 1941 г. части дивизии держали оборону на южном участке Ленинградского фронта. Во время ожесточенных боёв за Гатчину дивизия была переброшена в район Сестрорецка в состав 23-й армии.

В конце августа – начале сентября 1941 г. финские части, наступая на Ленинград, перешли р. Сестру и захватили г. Белоостров. Для защиты Ленинграда, несмотря на сложное положение дел под Москвой, в сентябре 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования выделила из своего резерва Северному фронту 265-ю, 268-ю, 272-ю стрелковые дивизии РККА. Чтобы остановить наступление врага, командование перебросило с Лужского рубежа 291-ю стрелковую дивизию. 4 сентября 1941 г. 1025-й стрелковый полк остановил наступавших на Ленинград финских захватчиков и освободил город Белоостров. В тот же день, после неудачного штурма находящегося неподалеку дота «Миллионер», много убитых и раненых наших солдат остались лежать на поле боя.

3 декабря 1941 г. Андрей Яковлевич получил множественное осколочное ранение с повреждением седалищного нерва. Лечился в ряде госпиталей, последним в их числе был нейрохирургический, челюстной и психоневрологический эвакогоспиталь № 3352 в Тюмени. В годы войны в городе находилось 11 эвакуационных военных госпиталей, их формирование началось уже 25 июня 1941 г. Среди них и госпиталь № 3352 – бывший Украинский психоневрологический институт, эвакуированный в Тюмень из Харькова. Здесь трудились высококвалифицированные специалисты, профессора

и психиатры. По февраль 1943 г. включительно ординатором нейрохирургического отделения госпиталя № 3352 работал выдающийся отечественный психолог Пётр Яковлевич Гальперин.

После операции А. Я. Яковлев был признан негодным к военной службе и 4 июля 1942 г. выбыл по месту жительства, вернулся на малую родину в деревню Наумово Молвотицкого района Ленинградской области, к тому времени освобождённую от немецко-фашистских захватчиков. Уходя, немцы угнали с собой мирное население и семья Андрея Яковлевича – жена и четверо детей, среди которых самая младшая была моя мама, – оказались на принудительных работах в Польше и Германии. К счастью, все вернулись целы и невредимы, в полном составе собрались только в 1946 г.

После войны А. Я. Яковлев работал в колхозе «Сталинский путь». Награждён медалью участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1957 г. О его ударной работе в колхозе в 1958 г. писала областная газета «Новгородская правда». Военные награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооружённых сил СССР», знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Ранение, полученное во время войны, давало о себе знать всю оставшуюся жизнь, и последние годы Андрей Яковлевич не вставал с постели.

С первых дней Великой Отечественной войны участвовал в боях племянник Андрея Яковлевича – Яковлев Михаил Егорович (род.1921), гвардии младший сержант, водитель боевой установки 49-го гвардейского миномётного дивизиона 65-го гвардейского миномётного полка оперативной группы гвардейских миномётных частей Центрального фронта, а впоследствии водитель разведки 1-го дивизиона этого же полка.

Михаил Егорович воевал на Брянском, Центральном, Белорусском, 1-м Украинском фронтах, участвовал в боях под Воронежем, на Курской дуге, Днепре, под Станиславом (с 1962 г. – Ивано-Франковск).

7 сентября 1943 г. в боях на Конотопском направлении под бомбёжкой и артобстрелом он восстановил на опорном пункте повреждённую боевую установку и вывел её в укрытие, за что был награждён медалью «За отвагу» (16.09.1943).

Неоднократно отличился Михаил Егорович Яковлев в июле 1944 г. в боях на территории Львовской области. 14 июля под селом Мшана во время контратаки противника была нарушена связь между наблюдательным пунктом и боевой позицией. При передаче на огневую позицию приказа об открытии огня Яковлева перехватили автоматчики противника, засевшие во ржи. Михаил Егорович один вступил в бой с группой вражеских автоматчиков, убил 4 немцев и вовремя доставил приказ.

Марков Пётр Яковлевич (19.08.1913–02.03.1990)

Яковлев Андрей Яковлевич (31.08.1897 – 04.03.1978)

21 июля разгорелся жаркий бой в районе города Перемышляны. Михаил Егорович оставил свою машину в укрытии и вместе с разведчиками обнаружил на правом берегу реки Гнилая Липа большое скопление обозов, машин и артиллерии. По этой цели дивизион вёл огонь, в результате которого было убито до 150 солдат, сожжено 40 автомашин противника. 23 июля вражеским самолётом Мессершмитт была зажжена машина с горючим, идущая впереди машины М. Е. Яковлева. Михаил Егорович бросился на помощь и вместе с водителем горевшей машины погасил пламя.

Красильников Егор Иванович (06.12.1924–21.03.1966)

Красильников Михаил Иванович (1919–19.10.1942)

За боевые подвиги в июле 1944 г. Михаил Егорович Яковлев был награждён орденом «Славы III степени» (17.08.1944). Он также награждён орденом «Отечественной войны II степени» (01.08.1986).

По материнской линии в войне принимали участие два родных брата: Егор Иванович и Михаил Иванович Красильниковы.

Ефрейтор Красильников Егор Иванович (1924–1966) призывался Автозаводским РВК Автозаводского района г. Горького в 1943 г. Сначала был телефонистом

взвода управления, затем вычислителем топозвода 1013-го гаубичного артиллерийского полка 55-й легко-гаубичной артиллерийской бригады 21-й артиллерийской Духовщинской Краснознамённой дивизии Резерва главного командования.

Воевал на Ленинградском, 1-м Прибалтийском фронтах. Неоднократно рискуя жизнью, в условиях боевой обстановки находясь под ожесточённым артиллерийским огнём, не уходя с линии по несколько часов устранял порывы линии связи. Так 5 октября 1944 г. в районе м. Куршеная (Литва), не уходя с линии в течение 4 часов, устранил 11 порывов линии связи.

25 января 1945 г., находясь на передовом наблюдательном пункте командира полка в районе ст. Калета (Латвия), по которой противник вёл шквальный артиллерийско-миномётный огонь, заменил выбывшего из строя телефониста и без отдыха в течение двух суток бесперебойно держал связь между командиром полка и командирами дивизионов. За день боя исправил до 30 порывов линии связи, чем обеспечил непрерывное управление артиллерийским огнём полка, что способствовало успеху боя. В тот же день во время контратаки противника под сильным огнём находился на линии и, рискуя жизнью, обеспечивал командира полка бесперебойной связью, в результате чего контратака была отбита с большими потерями для противника.

22 февраля 1945 г. в районе Типсты в период прорыва обороны немцев под сильным пулемётным огнём, следуя в боевых порядках нашей пехоты, непрерывно держал связь командира полка с пехотным командиром и за день боя исправил до 15 порывов линии связи, что способствовало успеху сражения.

За личное мужество и отвагу при выполнении боевых заданий командования, за личную смелость в бою Егор Иванович награждён двумя медалями «За отвагу» (02.07.1944, 12.10.1944), орденом «Красной звезды» (25.05.1945), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

Старший брат Егора – Красильников Михаил Иванович (1919–1942) – в Красной Армии с 1939 г., участник боёв с белофиннами. В 1940 г. служил в Одессе, затем в Кронштадте, в начале войны был призван Приморским РВК г. Ленинграда. В 1941 г. он – младший сержант, командир орудия 2-го батальона 1-й особой бригады морской пехоты Краснознамённого Балтийского флота. Один из лучших командиров орудия батареи.

В июле 1941 г. крупное сражение произошло в окрестностях Мярьямаа (Эстония). В бою под Мярьямаа во время совместной атаки с танками по орудийному расчёту М. И. Красильникова вёлся ураганный огонь с нескольких точек: из ДЗОТов, подвалов и домов. Метким орудийным огнём уничтожив вражеские точки, расчёт М. И. Красильникова ворвался в расположение противника. Враг отчаянно сопротивлялся, пулемёты били в упор, с фланга и с тыла. Три огневые точки неприятеля, несмотря на сильную маскировку, были молниеносно обнаружены и уничто-

жены. Прямой наводкой был ликвидирован последний пулемёт противника, мешавший продвижению. За этот подвиг М. И. Красильников был награждён орденом «Красной Звезды» (13.08.1941).

Михаил Иванович считался пропавшим без вести, связь была прервана в сентябре 1942 г. Вскоре домой пришла похоронка, сообщавшая, что старшина 1-й статьи Красильников Михаил Иванович убит 19.10.1942 г. и захоронен в Цемесской долине под Новороссийском (Краснодарский край). Последнее место службы – 137-й стрелковый полк.

Яковлевы, Ивановы, Марковы, Красильниковы, Беловы, представителей этих фамилий объединили не только родственные связи, но и одна война, одна беда. Желание сохранить память о них и донести её до потомков сподвигло написать эту статью, а также разместить биографии фронтовиков на сайте «Бессмертный полк» [2], электронной народной летописи, где каждый может создавать и хранить свои семейные истории.

Получить информацию о совершённых подвигах, наградах, узнать подробности фронтовых биографий стало возможным благодаря интернет-ресурсам открытого доступа, появившимся в последние годы: сайтам «Память народа» [9], «Подвиг народа» [15], «Мемориал» [7], «Дорога памяти» [3].

Неоценима помощь родных, которые поделились информацией, фотографиями и документами, – Василия Егоровича Красильникова, Людмилы Александровны Ивановой, Надежды Антоновны Бабей, Таисии Петровны Веселовой.

Много ещё предстоит узнать, поиск продолжается.

Вечная слава герою, всем защитникам Родины!

1. Авенир Иванов // Марёво – земля Рюриковичей / сост. А.А. Хийр. – Великий Новгород, 2000. – С. 261–267.

2. Бессмертный полк : [сайт]. – URL: <https://www.moypolk.ru/> (дата обращения: 26.04.20).

3. Дорога памяти : [сайт] / Мин-во обороны РФ. – URL: <https://foto.pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 26.04.20).

4. Иванов А. П. В родной стороне. – Великий Новгород, 2005. – 58 с.

5. Интернет-галерея «Участники Великой Отечественной войны: Портрет с книгой» // Новгородская областная универсальная научная библиотека : [сайт]. – 1997–2020. – URL: <http://www.reglib.natm.ru/newsite/index.php/k-75-letiyu-pobedy/galereya-uchastniki-velikoj-otechestvennoj-vojniy-portret-s-knigoy?start=18> (дата обращения: 26.04.20).

6. Касаткин Е. Району – 90 : к годовщине образования Молвотицкого (Марёвского) района // Марёво. – 2018. – № 1 (11669). – 11 янв. – С. 7.

7. Мемориал : обобщённый банк данных : [сайт] / Мин-во обороны РФ. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 26.04.2020).

8. Носкова Г. П. В родной деревне // Сельская новь. – Марёво, 2005. – № 12, 02 мая. – С. 1, 3 : ил.

9. Память народа 1941–1945 : [сайт] / Мин-во обороны РФ. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 26.04.20).

10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 5202. Л. 65.

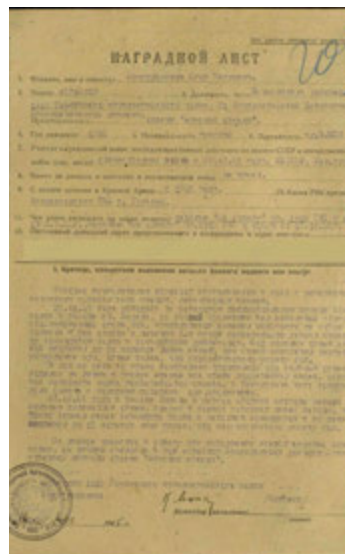
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 87.

12. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Ед. хр. 762.

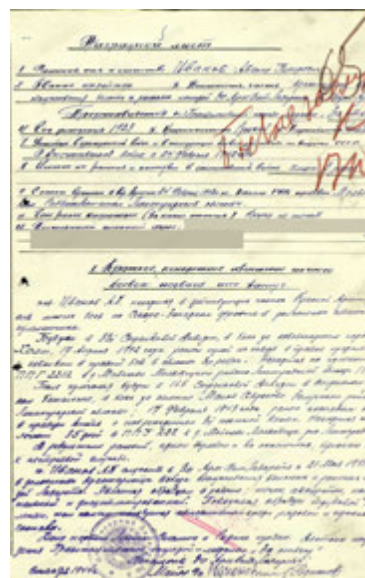
13. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Ед. хр. 838. Л. 8.

14. ЦАМО. Ф. 8589. Оп. 452541. Ед. хр. 4. Л. 26.

15. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» : [сайт]. – 15.04.2020. – URL: <http://podvignaroda.mil.ru/> (дата обращения: 26.04.2020).

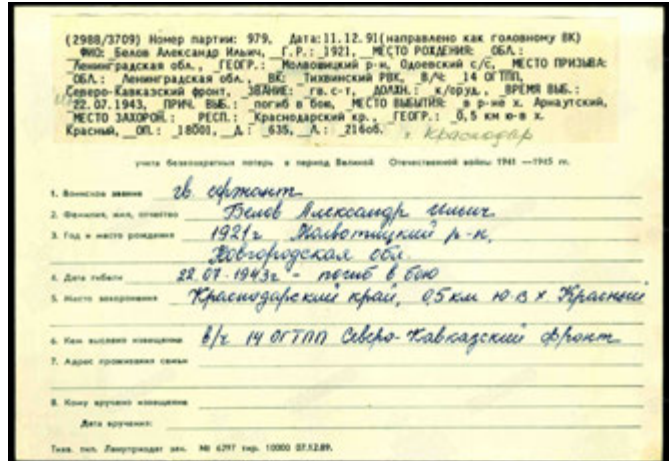
Наградной лист на Красильникова Егора Ивановича к приказу 55 габр 21 артд РКК Ленинградского фронта № 13/н от 25.05.1945 г. о награждении орденом «Красной звезды» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 1338

Наградной лист на Иванова Авенира Петровича к приказу ВС 1-й Ударной армии №: 365/н от 20.10.1944 г. о награждении медалью «За боевые заслуги» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 5202

Извещение на Красильникова Михаила Ивановича от 25.11.1942 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Ед. хр. 423

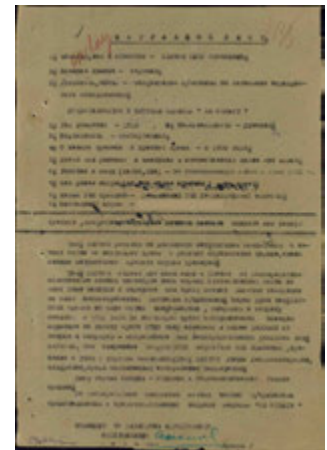
Карточка учёта безвозвратных потерь в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // ЦАМО. Ф. Отдел по Бокситогорскому и Тихвинскому району. Ед. хр. 20000092

Акт № 170 вручения медали «За оборону Ленинграда» Леонову Иллариону Ивановичу // ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6182. Ед. хр. 47

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Звание	Дата и место рождения	Служба	Примечание
1	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20014
2	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20015
3	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20016
4	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20017
5	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20018
6	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20019
7	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20020
8	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20021
9	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20022
10	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20023
11	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20024
12	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20025
13	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20026
14	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20027
15	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20028
16	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20029
17	БЕЛОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ	Сержант	1921 г. Тихвинский р-н	Северо-Кавказский фронт	20030

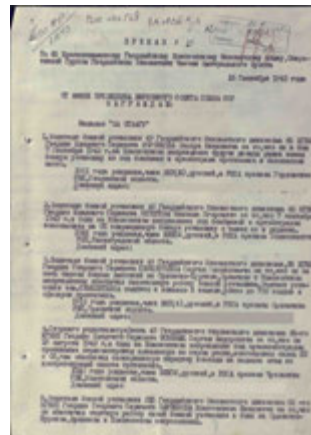
Акт № 170 вручения медали «За оборону Ленинграда» Леонову Иллариону Ивановичу // ЦАМО. Ф. 362. Оп. 6182. Ед. хр. 47

Наградной лист на Маркова Петра Яковлевича к приказу ВС 6 ВА Северо-Западного фронта № 173 от 03.09.1943 г. о награждении медалью «За отвагу» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1374

Поименный список безвозвратных потерь личного состава Молвотицкого РВК Новгородской области от 19.08.1946 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Ед. хр. 762. В списке рядом двоюродные братья: под № 32 - Марков Виктор Иванович, под № 33 - Марков Александр Яковлевич (ошибочно указано отчество - Маркович)

Приказ 65 гв. минп ОГ ГМЦ Центрального фронта № 18 от 16.09.1943 г. о награждении Яковлева Михаила Егоровича медалью «За отвагу» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 58

Обложка книги стихотворений А. П. Иванова «В родной стороне» (Великий Новгород, 2005)

Вперед устремлена жизнь. Культура и есть жизнь, во всех ее истинных, прекрасных достижениях. Не мертвенное — «нельзя», но прекрасное «можно» начертано на вратах Культуры.

Н. К. Рерих

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

Путь отрицания – безумен. Путь насмешки – бессмыслен. Путь гнева – тёмный. Путь угрозы и принуждений – крив.

Этими путями град не строится. Ими человечество не восходит. Но близится время прочного созидания. Настал срок отбросить всё случайное. Провести борозды между преходящим скользким и между творящей силой. Творить – знание. Знание – Духа. Знание – жизни. Только спокойное сознание создаёт. Только красота укрепляет.

Знать и помнить. И уметь. И чувствовать. Знание же утвердится только бывшим. Не суждениями нашими о бывшем, но самим бывшим. Тем бывшим, что запечатлевает скромная летопись. Бываем признательны не за суждения, но за изложение истинно бывшего (факты).

Суждения все слишком преходящи. Вспомните, сколько раз за столетие меняются суждения человечества. С улыбкой смотрят преемники на прежние и непреложные выводы. Для них уже странные и неприемлемые. Сравните разновременные истории искусства. Сравните писания одного и того же лица, если между ними легли даже только десятилетия. Примеров – без числа. Примеров – без всякой укоризны, ибо они только подтверждают вечную истину о сложном пути восхождения человечества.

Но как благодарны бываем за каждое истинное сообщение о бывшем. Эти сообщения – искренние пособия светлого знания, светлой красоты. Не начнём говорить об относительности современных человеческих знаний. Об этом утверждении надо говорить особо. Надо привести поразительных свидетелей из самых разнообразных областей. Теперь только вспомним чистосердечно, как мало мы знаем. Как сильно во всём, надо думать, желание узнать и каждым знанием хоть немного подняться. И ещё раз взглянуть в бездны ещё неведомого. Даже самые глупые, среди пышного самомнения, по счастью, иногда сознают свою неосведомлённость, свой тёмный путь. Мы так мало знаем, что часто приучаемся даже долго говорить о том, чего вовсе не знаем. Особенно теперь часто говорим о вещах, которых мы не знаем вовсе. Даже серьёзные, вдумчивые люди долго беседуют или спорят о том, что им только кажется и чего вообще не было в жизни. Конечно, незнание всё то же, как всегда. Ни больше, ни меньше. Но оно приблизилось к нам. Ощущение его иное. Теперь, когда человечество особо расчленилось, изначальное познание указывает. И властвует. И учит о последующем. Научитесь, человеки!

Но среди относительного имеются понятия, которые можно утверждать непреложно. Среди непреложных понятий, знаем, что знание красоты неизмеримо велико. Знаем, что ничто так не возвысит, ничто так не очистит человечество, как красота. Эти ветхие сло-

ва надо твердить. Надо кричать. Ещё столько глухих и одержимых. Надо твердить, что искусством крепнет Дух. Надо не забыть, что в воспитании народа красота явится всегда сильнейшим, самым убедительным двигателем. Воспитание народа! Думаем о нём, когда всё культурное облечено часто непреодолимыми трудностями. Теперь, когда человечество снова должно побеждать всё тёмное, чтобы опять подняться и овладеть новою ступенью. И если суждено время, когда овца будет лежать рядом со львом, если наконец когда-то придёт человечество к тому, что «и во всех един Господь», то и в этом строении именно красота – огонь сердца – положит лучшее и могучее основание.

Воспитание народа! Красота должна войти в народ. Искусство не должно быть для немногих; оно должно быть всенародно. Но не обманывайте народа. Не делайте для народа умышленных позорных подделок. Дайте народу подлинное искусство в его лучших проявлениях. В его чистых достижениях. Вы уже боитесь, что народ не поймёт подлинного искусства. Вы подозреваете, что именно лучшие проявления будут ему чужды и недоступны. Но мы знаем, что и пророки никогда не извращали учения ради народа. Они учили так, как должно. И тот, кто окажется на известном уровне чистоты, тот придёт, тот поймёт. Тот заразится и уверует. Тот обратится раньше прочих. А за этими хотя бы понемногу обратятся и им ближайшие.

Для толпы пророки не кривлялись, они не боялись сказать подлинные слова. Так же и в распространении искусства не бойтесь настоящего и подлинного. Не правда ли, кому-то уже смешно. Можно глумиться, можно моргать и корчиться от издёвки. Какой случай поклеветать или шепнуть злобную выдумку. Конечно – за спиною. Конечно – тихомолком. Но этою глупостью путь искусства не убавится. Вера любящих искусство не умалится, а моргающий останется тем, что он на самом деле есть.

Долой – злобное шептанье! Долой тихомолки и глупое подталкивание! Около искусства не место тёмным словам, не место клевете. Словарь зла произнесён полностью, но от того не иссяк словарь блага. Неужели опять будем стыдиться его?

Голгофа искусства неизбежна. Она была и будет. Пути искусства творятся подвигом. И много подвигов в окружающей жизни. Умейте увидеть их. Не столпники, не только мученики завета, но подвижники несут жизнь. И, к счастью, – жив подвиг. И для молодых, для выходящих в путь понятие подвига всё так же светло, всё так же истинно привлекательно.

Подвиг жизни утвердится летописью бывшего. Не случайными суждениями. Труд, творчество, каменные отметы жизни – вписывают почти неистребимые руны. Умейте собрать их. Умейте прочесть. Из этих отмет будущее сложит основание наименее преходящее. В пене устремившихся волн кто уловит наивысшую? Но твёр-

до русло ими проторённое. И строен водопад самый бурливый.

Знаем, что лучшие художники смотрели наиболее широко и спокойно, без исключения. Ибо искры искусства неожиданны. И призмы их преломления неисповедимы.

Уничтожающая «самокритика» плохой пособник. Безмерно легче поносить и разрушать, но созидать будет всё-таки лишь глаз добрый. Смотрящий в сущность. Смотрящий во благо.

Вдумайтесь: отчего толпа может тупо и жадно смотреть хоть целый час на издыхающую лошадь, на кровь ран, а не может и четверти часа любоваться сказочным звёздным небом или зарёю заката? Толпа ещё не умеет это делать. Глаз добрый ещё не открыт. Или, верней, он временно затемнился.

Подумайте. Идеалист Апостол ещё мог, хотя и полубезнадёжно, твердить: «Дети, любите друг друга». Подвижник современности только может безнадежно молить: «Не губите друг друга». Таково развитие человечества.

Человечество настолько расчленилось, настолько разъединилось злыми глазами, ненавистью и подозрительностью, настолько овладела жизнью спекуляция, что эти пути ведут лишь к проклятию и отчаянию. Един путь объединения – путь доброго глаза. Самыми мощными внушениями и заклинаниями мы должны вызывать глаз добрый, глаз созидающий. Глаз не насилюющий. Глаз всему находящий место среди необозримо богатой жизни планетной.

И всю мощь блага, всю силу благодати надо собрать тогда, когда к человечеству вслед за ненавистничеством подошло одичание. Подошло равнение по невежеству. Ведь одичание приходит незаметно, тайно во ночи, при зареве огня, при блеске металла. Вдумайтесь: одичание. Скоро человечество содрогнётся, наконец поняв, насколько оно огрубело за последние годы. С ужасом вспомнит, как спокойно человечество начало мыслить и говорить об убийстве, насилии и грабеже. Горе – начавшим убийство! Если бесследно сметались великие государства, распахивались и прахом размётывались «неприступные» твердыни городов, то защищена ли наша культура от выветривания и распада.

Бродят отупелые, одичалые люди. Одичалый человек, конечно, не тот, который обзавёлся хвостом и спустился до мохнатой шкуры. Одичалый человек часто ходит в лучшем платье. Произносит иностранные и странные слова. Думает, что он лучше всех и умнее всех и знает больше всех. Сколько бед вносит в жизнь одичалый человек. Сколько труднопоправимого зла сеет он своим самомнением. Всё сущее требует неустанного труда. Все творцы все свои досуги наполняют упражнениями. Вспомнить лучшую культуру, подняться на ступень можно тоже только постоянными упражнениями, вечным трудом, среди которого сияют озарения знания. Сияют в тиши, произвольно для нас. Трудно восхождение, безмерно легко незаметное одичание. Остаётся только видимость человеческая. Претензиям этой пустой видимости можно сказать

словами индусов на одном конгрессе, когда им доказывали преимущества христианства. Они сказали: «Ваша религия очень хороша, но мы присмотрелись к вам, и вы, говорящие о религии, ей не соответствуете». Ужасно несоответствие видимости современного человека и его истинной культуры. Мы знаем, как легко ссориться и разрушать. Попробуем же не ускорять нашими повседневыми делами смерть нашей культуры. Если бы вы знали! Если бы могли увидеть, что дело истинной культуры стоит очень плохо. Помочь истинной культуре может, прежде всего, искусство, не тенденция, не поучения, но действенная красота, сверкающее искусство во всех его бесчисленных проявлениях.

Вспомним, как мало напитана искусством жизнь даже лучших, даже очень образованных людей. Отрицать это нельзя. А сколько средних людей обходятся вообще без каких бы то ни было явлений подлинного искусства. Это не пугание, не умышленно страшные слова, это просто точное сообщение из жизни. И если крестьянству отчасти безотчётно восполняет влияние искусства – сама нетронутая природа, то городской и рабочий средний класс, задавленный условностями каменных глыб городов, особенно страдает от полного отсутствия воздействий подлинного искусства. Отсюда и нелепый язык, и ужасные суждения... Отсюда смрад и грязь жизни, которую нечем прикрыть. Нечем скрыть.

Как должно беречь человечество всегда сохранявшиеся светлые благоуханные ступени Духа. Для сбережения этих сокровищ должно напрячь все свои силы, всё своё умение, должно скромно и доверчиво извлечь словарь блага. У множайших он запылится и лежит под столом, над которым принуждены мыслить лишь о хлебе, лишь о пропитании на завтра. Ужас! Еда, пропитание и невозможность мыслить об истинных двигателях жизни. Словарь зла – погрузил мысли человека (ко брюху) к животу, к животному пропитанию... Как дьявольское возмездие за вызов тёмных сил. Какое возмездие – именно тогда, когда все ходят какими-то подозреваемыми! Когда жизнь превратилась в проклятье, в тюрьму с обысками и защитой бумажных нелепых удостоверений! Когда подозрительность зла изошрена! Когда среди массы непроизводительных забот и непроизводительных мыслей замолчал дух человеческий. Возмездие за вызов сил тёмных, которым заклятия не знали.

Об искусстве ли теперь думать? О красоте ли мечтать!? – когда надо строить новую, хотя бы простейшую жизнь. Когда надо укреплять понятия государства, надо возвысить само понятие Родины, надо вспомнить о человеческом достоинстве, о нерушимых словах, о чести и честности. Правда, все эти простые понятия стоят почти новыми заданиями перед значительную часть человечества. Но будем ли мы думать о высоком понятии государства, будем ли мыслить о священном понятии Родины, – везде, где только привходит основа истинной культуры, – везде, прежде всего, предстоит работа искусства. Во всех его прояв-

лениях. Ибо без искусства – нет культуры. Без искусства мертвенно знание. Без искусства – недоступна религия. Без искусства – нет государственности. Без искусства далеко понятие Родины. Искусство – звено мира, за пределами стран и народов. Человечество, которому предстоит восходить, должно очиститься священным огнём искусства.

Вы, может быть, уже негодуете? При чём тут искусство? При таких краугольных понятиях. Вы, может быть, заподозриваете уже пристрастие профессии. Но это не преувеличение. И не пристрастие – это просто наблюдение жизни. Это – примитивный опыт первой страницы человечества о священном огне искусства.

Вы мне хотите сказать: «Зачем твердите вы такие известные печи о значении искусства? Мы ведь это достаточно знаем». Скажу: «Друг мой, благо вам, если вы это знаете. Я говорю не для вас, а для тех множеств людей, которые этого не знают. А я знаю, как велики множества таких незнающих. А впрочем, и вы – знающий, покажите, насколько подлинное искусство действительно вошло в ваш обычный жизненный уклад. Многие говорят, что они что-то знают, но деяния их противоречат. Должно не только знать, но и делать. И вера без дел мертва. Сколько поколений ещё должны повторять эти простые слова. А мы должны неустанно молитвенно твердить: «Боже, пошли народам снова дожить до искусства». Именно теперь должны твердить, во время царства сил тёмных, в дни разрушения и скорби.

Спрашивайте!

Почему надо твердить, повторять?

Отвечаю: Повторный удар больнее. Повторный клич доходчивее.

Что страшнее всего человечеству?

Отвечаю: Страшнее всего одичание со всеми его мрачными последствиями.

Что лежит в основе всего сущего, непроявленного?

Отвечаю: С Божественным рядом светится Великое Искусство. Лежит песнь познания. Лежит песнь мудрой радости.

Что надо человечеству?

Отвечаю: Необходимо подлинное искусство во всех его проявлениях. Прикасаясь к искусству, человечество прикасается к крупницам Великого Творчества.

Что надо искусству?

Отвечаю: Необходим глаз добрый. Глаз созидающий. Глаз радости, смотрящий на все крупницы прекрасного. Глаз, отвернувшийся от всего безобразного. Глаз, который вернёт человечество ко благому покою. Глаз, который среди тьмы явлений сумеет найти хорошее и выделить лишь эту ценность от неблагоприятного и ничтожного. А грани искусства, повторяю, неисчислимы.

Сейчас предстоят новые постройки жизни. Улучшенной. Оправленной красотой, правдой, просвещением.

Вы, которые будете строить прочную, законную жизнь! Вы, которые хотите строить жизнь твёрдо и мудро, всегда помните о значении священных озарений искусства.

Вот проклятие и вот жизнь. Жизнь изберите.

Стокгольм. 4 ноября 1918

Н. К. Рерих. Князья святые (Фрагмент росписи церкви Св. Духа). 1911–1914

Окрылились люди! Бороздят синеву самолеты.
Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или
знания? Или помощь? А вдруг — бомбы? А вдруг
губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего
больше?

Н. К. Рерих

НАУКА

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

*

ИСТОРИЯ

*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*

АСТРОФИЗИКА

КРЫЛЬЯ

Окрылились люди! Бороздят синеву самолеты. Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помощь? А вдруг – бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?

Допущены ли бомбы, газы, убийства? Разрешено ли поношение рода человеческого? На каком совете решено убийство? Мирный поселянин где-то строит очаг, а может быть, за морями уже готовятся бомбы и яды, чтобы умертвить детей его! Кто знает, где таятся злоумышления? Где готовятся покушения? Не огрубело ли сознание, если оно так легко привыкло к созерцанию убийств? Люди ведь готовы платить за зрелище казни, точно в римском Колизее!

Захотел, повелел, и крылья человечества понесут смерть и гибель. А печатные листы отметят малым набором об уничтожении женщин и детей. Без крыльев эти убийства и не совершились бы. Итоги давних войн несравнимы с гекатомбами наших дней. Несравнимы и размеры всех разрушений, – ведь прежде они совершались примитивно, а теперь «цивилизованно». Где же заветы о такой цивилизации? Где же право на попрание всего достоинства человеческого?

Такими ли крыльями охранены врата в будущее?!

Но положим, что самолеты несут не губительных колдунов, не Черноморов, но вестников добрых. Предположим, что поворот рычага радио донесет лучшие созвучия. Отринем всякие наркотики, чтобы утвердилась трезвость. София, Вера, Надежда, Любовь – разве призраки? В век Матери Мира защитницы строения соберутся и окрылятся добрыми крыльями.

Французский ученый нашел в Ордосе своеобразные остатки древних Несториан. Таким образом, знание местных языков и понимание местной жизни позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим. То же самое, вероятно, можно сказать и о многих племенах пленников, переселенных когда-то в самые неожиданные местности. Так в мусульманском городе можно слышать буддийские напевы, а среди Китая можно узнавать традиции Каабы-Мекки и Медины.

Нет никаких возможностей проследить историю всех этих необычайных путей и наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе, или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании – в самых, казалось бы, неожиданных местностях. Когда в итальянских примитивах вы замечаете несомненное знание и близкое соприкосновение с далеким Востоком, то еще раз вам становится ясным, насколько в далекие времена существовали гораздо большие международные сношения, нежели можно было

представить. Джiovанни ди Паоло знал Восток, когда изображал своих «Трех магов»! Знаем о посольствах, которые ехали к месту назначения целые десятки лет, не теряя при этом своего смысла. Значит, не столько примитивность бывших веков, сколько просто другой темп и ритм действий лежали в основе жизни.

Окрылились люди. Сейчас они перелетели, стремительно перенеслись через пространство. Они зашепили и затолкались, как на базаре перед его закрытием.

Уже раздаются голоса о тщетности такой поспешности, неоправданной духовными запросами и утверждениями. Люди стирают многие бывшие границы и в то же самое время изобретают подобные же, а может быть, и еще горшкие ограничения. Ведь в древности границы бывали, прежде всего, символом защиты. Даже каждый двор бывал огражден, защищен. Разве не злорадство, недоверие и вражда сейчас диктуют международные распри? Ради взаимного унижения люди готовы увлечься самыми нелепыми и злобно надушенными измышлениями. В таких порожденных недоброжелательством ограничениях, как духовных, так и физических, возникает новый ужас отрицаний. Среди всей этой разрушительной негативности, граничащей с невежественностью, опять затрудняется всякое разумное строительство. Кто-то когда-то сказал – «тесна моя улица!» Может быть, тогда теснота происходила от средневековых костров, а сейчас разве не те же, уже незримые, костры полыхают тем же пламенем злобы?

Разобраться во всей сложности вопля часа можно лишь доброжелательством, презрев все темные и злобные препоны. Все-таки остаются в распоряжении людей и такие крылья, которые будут соответствовать успехам авиации. Крылья духа! Помогите оправдать и физические находения человечества! Иначе некуда лететь и наполнять пространство. Поворачивая рычаги самого примитивного радио, вызываются из пространства и мелодии, и стенания, и какой-то ужасный рев, точно в сферы проявленные врывается безобразный хаос. Казалось бы, и радио, и простая фотографическая фильма достаточно напоминают, сколько недоступного физическому глазу и уху человеческому! Даже простой школьный микроскоп должен на всю жизнь внушить уважение к изощренности и бесконечному разнообразию обычно неуловимых форм. Даже такие примитивные приспособления должны бы обогащать благородство человеческого мышления, но происходит нечто странное, наука и ее достижения идут какими-то своими путями, а общечеловеческое мышление остается в каком-то обиходном прозябании.

Освободилось ли человечество от грубости мысли? Поняло ли оно высоту этики, воплощенную в жизни? Преклонился ли звериный произвол перед Высшим Строительством и восхитился ли дух человеческий великими Красотами надземными? Если вы зададите себе эти вопросы – трузимы среди грубых ударов бок-

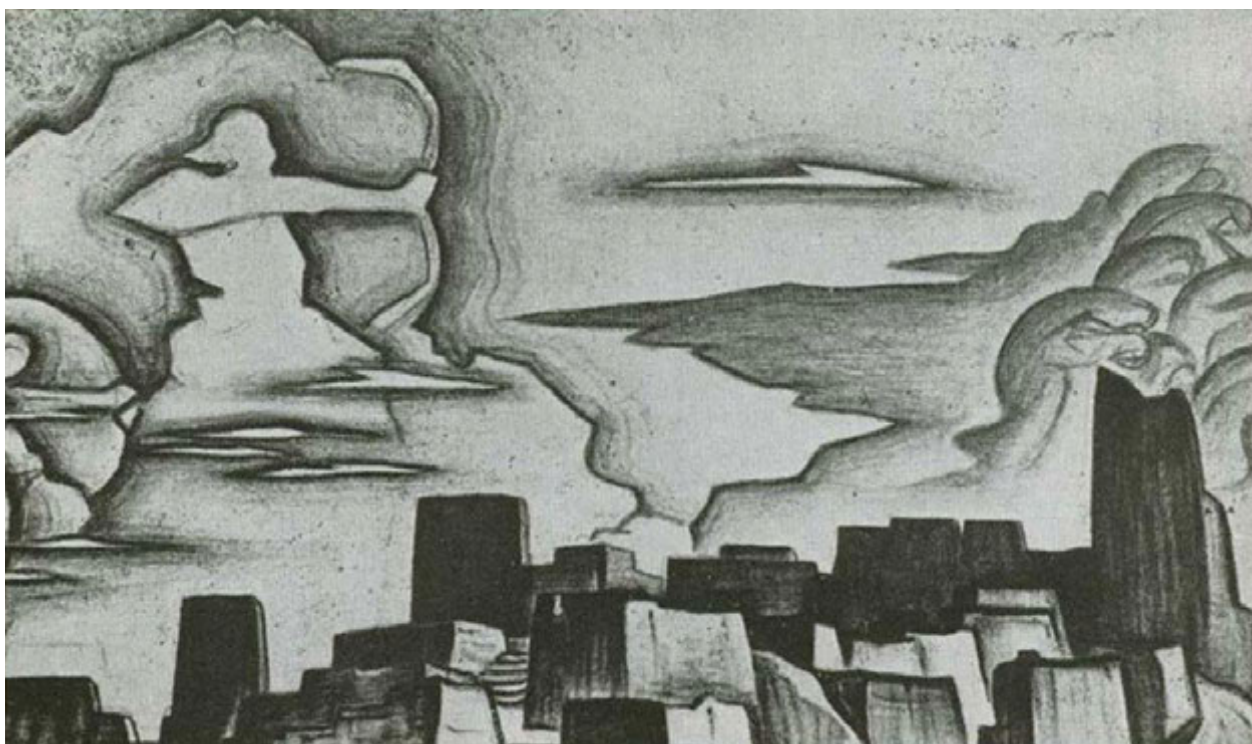
са, среди окружающих хриплых воплей невежества, среди звериности наркотиков, среди нечеловеческой мерзости брани, среди убийства и взаимоуничтожения, то одно напоминание о вопросах благородства и созидания покажется чудовищно неуместным. Кабацкий ужас, звериное сквернословие, противочеловеческий разврат! Какое же может иметь соотношение к красоте это безобразие?!

Не от этих ли земных безобразий, углубленных современным человеком, кто-то хочет лететь в стратосферу? Кто-то хочет уйти хоть куда-нибудь выше и, может быть, принести еще одну формулу, которая проникла бы даже в озверелый мозг.

Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке. Многие возможности отвлечения от безобразного водоворота современности предлагают лучшие умы. Многие пустыни могут расцвести. Многие мечтают о крыльях, но эти крылья не есть лопасти аэропланов, несущих убийственные бомбы.

К каждому Новому Году будем объединять наше мышление на том, что суждены человечеству крылья, и оно получит их, когда захочет помыслить о них всею силою духа.

Пекин. 10 декабря 1934

Н. К. Перух. Победа. 1938

СЕМЬЯ РЕРИХОВ И КИЕВСКИЙ МУЗЕЙ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА

После выдающихся достижений российской востоковедческой школы, которые имели место в начале XX в., и потом физического уничтожения ее блестящих представителей в 30-х гг. XX в., активизация исследований буддийского искусства стала возможной, в значительной мере, благодаря возвращению на Родину Ю. Н. Рериха, первой разведкой которого в области тибетологии была книга «Тибетская живопись», напечатанная в Париже 1925 г.¹ В условиях, которые сложились в Советском Союзе в конце 50-х гг., Юрий Рерих был чуть ли не единственным знатоком искусства в традициях северного буддизма, ученым, который объединял как знания иконографии этого направления буддизма, так и живой традиции его существования.

Поэтому сотрудники Эрмитажа, музея искусств народов Востока и других музеев Советского Союза, где хранились значительные коллекции с давней традицией изучения, обращались к ученому за помощью при определении малоисследованных или и совсем неизвестных изображений. Не составили исключение в этом и сотрудники отдела восточного искусства Киевского музея западного и восточного искусства, в настоящее время Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко. К тому времени коллекция произведений северо-буддийской группы насчитывала 64 экспоната. В неё входили предметы культовой живописи (тибетские иконы, или тхангкха), мелкой металлической культовой пластики, которые поступили в музей из фондов бывшего церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, а также несколько скульптур из собрания Б. И. Ханенко, основателя музея. Поскольку почти ничего неизвестно о Ю. Н. Рерихе – эксперте в области буддийского изобразительного искусства, изучение предметов в составе собрания киевского музея, которые были отождествлены ученым, представляют особый интерес.

В 1959 г. во время пребывания в Киеве Ю. Н. Рерих, к тому времени заведующий отделом истории, религии и философии Индии в Институте востоковедения АН СССР, посещает музей и по просьбе заведующего отделом восточного искусства А. В. Крижицкого анализирует произведения буддийского искусства. После визуального обзора 23 вещей, из которых 12 – произведения живописи (т. н. тхангга, тхангкха, или икона), исследователь атрибутировал их: датировал изображение, локализовал их по месту происхождения, определил изображённые сюжеты. В атрибуции Рериха преобладают тхангкха, которые датируются XVIII–XIX вв. и происходят из Тибета и его районов – северо-восточного, Амдо, Кхам и Монголии, а также Внешней Монголии. Среди изображений представлены наиболее распространенные персонажи буддийского пантеона: Будда Шакьямуни (Тибет, XIX в.; Монголия, XIX в.); бодхисатвы, среди которых Ченрези

(санскр. Авалокитешвара) – бодхисатва Милосердия (Монголия, XVIII в.), Чжамьян (санскр. Манджушри) – бодхисатва Мудрости (Внешняя Монголия, XIX в.), Долма (санскр. Тара) – Освободительница, защитница мира людей, покровительница женщин (Монголия, IX в.); чойчжонг (санскр. дхармапала) – «защитники веры», среди которых – Гомбо (санскр. Махакала) – глава иконографической группы «защитников веры» (северо-восточный Тибет, Кхам, XVIII в.), Кубера – бог богатства (Тибет, Кхам, XVIII в.), Далха – дух-защитник воинов, семьи, дома, изображенный в виде всадника богатыря (Тибет, Амдо, XVIII в.); Дордже-джигдждед (санскр. Ваджрабхайрава) Идам, или «связанный обетом», воплощение Ваджрабхайрава – Тантри (Тибет, XIX в.). Юрий Рерих отождествил также и многофигурные композиции, в частности Дебачан (санскр. Сукхавати) – «Рай будды Опагмед» (санскр. Амиабха, Амдо, XVIII в.), Сридби-Кхорло (санскр. Бхавачакра) – «Колесо сансары», «Колесо жизни» (Монголия, XIX в.).

Отсутствие справочной литературы, а главное, невведение до этого времени в научное обращение аналогичных собраний других музеев в виде печатных каталогов обусловили тот факт, что определение Рерихом сюжетов получило статус эталонного. На его отождествление ссылались в случаях поступления в музейную коллекцию изображений с подобными сюжетами. В частности О. В. Крижицкий определил 5 тхангга в коллекции, как происходящие из Внешней Монголии, XIX в., опираясь на сопоставление их с атрибутированными Ю. Н. Рерихом иконами.

Дордже-джигдждед-Идам, персональное божество-покровитель школы гелуг, под влиянием учения которого были в значительной мере сформированы конфессии на территориях тибетской цивилизации (Монголия, Тува, Бурятия, Калмыкия). Дордже-Джигдждед, изображенный на иконе в яб-юм (отец-мать) в сопровождении свиты. Он – девятиглавый (одна глава бычья), имеет 34 руки, 16 ног, тело темно-синего цвета, сжимает в объятиях свою женскую ипостась – Ваджра-Ветали. В иконографии Дордже-Джигдждед является тантрической формой бодхисатвы Мудрости – Манджушри, который в таком виде подчинил Яму, «Властелина смерти». Впервые подобная форма божества была описана в тексте Ваджрабхайрава-Тантра (VIII в.), воплощением которого и есть Идам. На иконе он окружен персонажами из группы «защитников учения». Среди них – Лхамо, богиня полифункционального назначения в пантеоне тибетского буддизма, Гомбо-Шестирукий – глава всей группы чойчжонг, Бекцзе, Яма с Ями, другие персонажи с карающими мифологическими функциями, в обязанности которых входит наказание вероотступников и клятвопреступников.

Далха – изображение грозного всадника на черном коне, согласно Рериху, происходит из Амдо (северо-восточный Тибет). Его атрибуты: слева – копьё, по правую сторону – аркан, которым этот персонаж ловит «последнее дыхание» человека. Определение сюжета можно уточнить. Это не только Далха, это т. н. Циумарпо, глава всех далха, персонаж тибетской мифологии – судья душ умерших грешников мира людей². Введение Циумарпо к буддийскому пантеону связывают с именем проповедника Падмасамбхавы (VIII в.). Циумарпо был отнесён к разряду «хранителей мира». Его судилище располагалось в тибетском монастыре Самье, то есть в среднем мире, мире людей, в отличие от Ямы – судьи грешников, которые за свои грехи должны возрождаться в аду.

Многофигурная композиция – Сридби-Кхорло – привлекает внимание не только наличием тибетского текста, но и определением сюжетов и персонажей на русском языке. И хотя эта тхангкха локализуется Рерихом как монгольская по происхождению, но наличие подписей на русском языке и её происхождение из Калмыкии (принадлежала в свое время К. И. Костенкову, попечителю калмыцкого народа)³ требует дальнейшего изучения вопроса локализации. Сридби-Кхорло или «Колесо жизни», одна из популярнейших моделей буддийского мироздания, является выражением концепции «существование», то есть сансары (тиб. срид-ба). На иконе, в образе чудовища, которое сжимает в когтях «Колесо жизни», изображено «Вечное время», которому все подчинено, или «Вечное бремя желаний», постоянно порождающее одно за другим новые желания⁴. Внешний круг колеса – 12 картинок, которые символизируют 12 звеньев взаимообусловленных причин существования: 1) авидья – слепой с посохом; 2) санскара – человек строит дом; 3) виджняна – обезьяна срывает плоды на дереве; 4) нама-рупа – человек плывет в лодке; 5) шадааятана – дом с затворенными ставнями; 6) спарша – поцелуй; 7) ведана – человек со стрелой в глазу; 8) тришна – человек с бокалом вина; 9) упадана – мужчина рвет плоды с дерева; 10) бхава – зачатие; 11) джати – рождение ребенка; 12) джамарана – тело умершего, которое готовится к кремации. Эти 12 звеньев формируются одно из другого, образуя замкнутую цепь взаимопорождающего существования, которое охватывает шесть миров существ, точнее шесть форм существования: боги, полубоги, люди – три благих рождения; духи, животные, существа ада – три неблагих рождения. Однако только рождение человеком дает уникальную возможность разорвать 12-членную цепь и добиться пробуждения, покоя, нирваны. Шесть миров окружают пространство, разделенное на черное и белое поля. Это символическое выражение благого и неблагоприятного, которое накапливается в процессе существования каждого живого существа, в любом из шести миров.

В самом центре содержатся рисунки петуха, свиньи и змеи. Они символизируют страсть (сладострастие) (петух), невежество (свинья), гнев (змея) – три умопомрачения, или три аффективных состояния (тиб.

ньон-мон, санскр. клеша), которые являются причинами постоянного круговорота живых существ в мирах сансары. Цель буддийского учения – разорвать цепь, пробудить ум, достичь просветления. По правую сторону вверх, за пределами колеса, в когтях чудовища, размещено изображение Будды Шакьямуни, который не только сам освободился от пут сансары, но и показал путь другим. Об этом свидетельствует изображение восьмеричного колеса (в противоположном от Будды углу), что символизирует проповедь в Бенаресе, когда он впервые повернул колесо – рассказал о своем учении. Под этим колесом – стих на тибетском языке о пути к освобождению: «Тот преодолет всех злых духов, // Кто, как Большой слон из дома Дзмбудвицы, // Войдет в учение Будды, // Полностью очистится и достигнет другого берега». На русском языке передано, наверное, калмыцкое (монгольское?) прочтение; 1) «Бурхань Шиджемуни» (Будда Шакьямуни); 2) под тибетским стихом надпись – «Избавление»; 3) «Мангись» (Мангус) – чудовище, которое держит колесо в когтях; 4) «Даянчи» – аскет. Как конкретная цель: достичь просветления (это в идеале), но можно стремиться к рождению в чистой или счастливой земле.

В буддийской мифологии Дебачан (Сукхавати), или «Счастливую землю», создал Будда Амиабха, согласно с его собственным обетом в ипостаси бодхисатвы по имени Дхармакара. Описание «поля будды» (санскр. буддакшетра) Амиабхи помещено в тексте Сукхавативьюхасутра (II–III в.). В «Счастливой земле» существует только два мира: мир людей и мир богов, все иные миры сансары отсутствуют. Те, кто рождается в Сукхавати, не знают скверны материнского лона, поскольку возрождаются из лотосов в озерах праведников в присутствии будды Амиабхи. Рождению в благой земле Сукхавати содействует также ржание мифического коня, который переносит туда верующих, его звучание воспроизводится одним из музыкальных инструментов, которым пользуются во время отдельных обрядов.

В процессе поиска памятников, которые были отождествлены Ю. Н. Рерихом в коллекции музея, удалось обнаружить два музыкальных инструмента, которые имеют отношение к Н. К. Рериху – отцу Ю. Н. Рериха. Свидетельством этого является металлическая табличка, прикрепленная к одному из инструментов, с надписью: «Глубокоуважаемому Н. К. Рериху от П. К. Козлова. С.-Петербург. 1913 год». По внешнему виду инструменты напоминают канглинг – духовой инструмент, звук которого, по преданию, воссоздает ржание чудесного коня, который помогает праведникам попасть в Дебачан. Н. К. Рерих⁵ и П. К. Козлов⁶ во время своих странствий по Центральной Азии обращали внимание на роль и значение музыкальных инструментов как в буддийских службах, так и в повседневной жизни. Каждый из них записал довольно интересные рассказы о духовых инструментах, подытоживая которые можно сказать: 1) инструмент зовет учителя, который несет новое уче-

ние; 2) звук инструмента, который воссоздает ржание чудесного коня, содействует перенесению праведников в Сукхавати; 3) инструмент извещает о проповеди; 4) инструмент своим звучанием отгоняет злых духов, которые насылают несчастье, болезни и т. п.

Объединение в дарственной надписи имен Рериха и Козлова, время и место, указанные в надписи, знание специфических функций духовых инструментов, в частности канглинга, известное как тому, кто дарил, так и тому, кто принимал дар, свидетельствуют о его неслучайном характере. Николай Рерих вместе с другими востоковедами был членом Строительного комитета – комитета по сооружению буддийского храма в Петербурге, основанного в начале 1909 г. Петр Козлов мог присоединиться к этому комитету только в июле 1909 г. по возвращению из двухлетнего путешествия по Монголии и Сычуани, во время которого он встретился с Далай-Ламой XIII.

С именем Николая Рериха связано решение живописного оформления интерьера храма, поскольку художник создал эскизы росписей центрального ритуального зала, при создании которых он обращался за помощью к бурятским художникам. Работы по внутреннему оформлению храма велись под руководством Николая Рериха и его бурятских мастеров – Осора Будаева (1912–1915) и Гелека Цевегийна (1914–1915)¹. Первая Служба Божья в храме, оборудование которого еще не закончилось, состоялась 21 февраля 1913 г. и была посвященная 300-летию дома Романовых. Поэтому даря музыкальные инструменты, П. К. Козлов этим символически высказывал пожелание успешного окончания работы, счастливого завершения общего дела – создания центра буддизма в европейской части России и даже Европы в целом. Открытие и освящение буддийского храма в Петербурге состоялось 10 августа 1915 г.

К сожалению, эти предметы вошли в состав музейной коллекции киевского музея уже после ухода Ю. Н. Рериха, как часть собрания московского коллекционера В. С. Величко. Поэтому вопрос о том, каким образом вещи, связанные с именами Николая Рериха и Петра Козлова оказались в Москве у Величко, остается открытым.

Поскольку ситуация с изданием коллекций предметов в традиции северного буддизма сегодня мало чем или практически ничем не отличается от той, которую заложил Ю. Н. Рерих в конце 50-х гг., его атрибуции, для киевского музея прежде всего, сохраняют свое эталонное значение. Отождествление безупречно. Что же касается датирования и локализации икон, то их или подтвердят, или опровергнут будущие исследования.

1. Roerich G. N. *Tibetan paintings*. – Paris, 1925.

2. Огнева Е. Д. Циумарпо // *Мифы народов мира*. – Москва, 1982. – Т. 2. – С. 622.

3. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии / Сов. Петров. – Киев, 1897.

4. Там же.

5. Шуковская Н. А. *Колесо жизни // Буддизм: словарь*. – Москва, 1992. – С. 148–150.

6. Рерих Н. К. *Избранное*. – Москва, 1979. – С. 105.

7. Козлов П. К. *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*. – Москва, 1947. – С. 49–50.

8. Андреев А. И. *Из истории петербургского храма // Orient: альманах*. – С.-Петербург, 1992. – С. 13,17.

9. Цибиктарова С. Д. *Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // Orient: Альманах*. – С.-Петербург, 1992. – С. 39–40.

Перевод с украинского языка на русский
М. В. Мойсеенко

Идам Хеваджра. Скульптура. Тибет XVI – XVII ст.
Бронза, золотая паста, высота 15 см. ДВ – 570
Музей искусств Богдана и Варвары Ханенко

Адибудда Ваджрадхара. Скульптура.
Внутренняя Монголия. XVII ст.
Бронза, позолота, высота 17,5 см. В – 566
Музей искусств Богдана и Варвары Ханенко

ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ И БАЛКАНСКИЕ ПРИНЦЕССЫ

Нельзя не удивляться историческому курьезу: почему огромной славянской империей по имени Россия почти два века правили монархи отнюдь не славянского, скорее тевтонского генетического происхождения. Единственным истинно русским императором был Петр Великий. Его брак с Мартой Скавронской (императрицей Екатериной) породил череду все более неславянских самодержцев, правивших, «под собою не чужа страны». В последние годы XIX века «хозяев земли русской» (Николай II) огорчал досадный факт, что в их венах струится лишь крохотная доля русской/славянской крови. Известным славянофилом был император Александр III, у которого любовь ко всему отечественному часто переходила в национализм. В его царствование генетический фонд Дома Романовых пополнился славянскими генами черногорских, сербских и греческих принцесс. Почти прекратился завоз немецких невест.

С. Ю. Витте в своих мемуарах за 1889 год упоминает званый ужин, когда император произнес тост: «Пью за единственного моего друга князя Черногорского». За столом онемели. Эхо о новом фаворите могущественной России пронеслось по всему миру. На этом же ужине объявили о помолвке черногорской принцессы Милицы с великим князем Петром Николаевичем.

Черногория, маленькое государство на Балканском полуострове, много веков сопротивлялось вторжению захватчиков. В I веке до н.э. римские легионеры завоевали языческие племена иллирийцев, которые приняли христианство. В VII веке там расселились южные славяне. На этой земле побывали сербы, хорваты, албанцы, венецианцы, греки. В 1433 году на территорию Черногории вторглись турки, их владычество пресеклось в XVII веке. Вплоть до XVIII века Черногория оставалась отсталой теократической феодальной страной, которой правили митрополиты.

Лишь к началу XVIII века Черногория стала светским государством при правлении династии Петровичей-Негошей. Третий и последний князь из династии Негошей, Никола Мирков пришел к власти в 18 лет. Князя следовало женить, и Никола женился на Милене Вукович, с которой был помолвлен в детстве. Мирко и Петар Вукович, крупнейшие землевладельцы Черногории, надеялись породниться родами, и они стали кровными братьями на поле боя. В 1853 году их дети были обручены. Николе исполнилось 12, Милене всего 6 лет.

Свадьба состоялась 8 ноября 1860 года и прошла скромно, по-семейному. Четыре года до женитьбы Никола учился в Триесте, затем в лицее Людовика Великого в Париже, где и пробыл с 1856 вплоть до августа 1860 года.

Никола получил вполне европейское образование, но его культурные вкусы остались черногорскими. Он вырос на сербских балладах о героях, любил играть

на гусях и сочинять музыку. Впоследствии стал известен как поэт и драматург. Никола не признавал европейской моды, носил только национальную одежду, запретил иностранные обычаи и манеры.

Страстным желанием молодого правителя было избавить нацию от нищеты. Дороги, мосты и школы прежде всего, – считал он. До соседних воеводств добирались тропами. Но денег не было. Имелись для экспорта: лес, долины виноградников, оливки и финики, реки с изобилием рыбы. В стране сплошных гор почти не было пахотных земель и пастбищ. Доход населения от скота, овец и коз, от фруктов и овощей был ничтожен; даже зерно на хлеб ввозили. Нельзя не вспомнить легенду: на шестой день творения Бог создал Землю. Но оказались в избытке горы, и Бог решил собрать их в одном месте. Так появилась Черногория. Сама княжеская резиденция в два этажа, на 25 комнат скорее напоминала деревенское жилье знатного человека. В столице Цетинье в те года обитало всего 800 жителей. Страна поголовно неграмотных, члены Сената, элита, даже священники не ведали грамоты. Никола сам обучал своих детей, денег хватало только на гувернанток для дочерей.

Юный князь-романтик восторгался своими воинами, сравнивал их с мушкетерами Александра Дюма. «Мои горцы умеют только воевать», – говаривал он. Мальчик-черногорец носил штаны с младенчества, получал оружие в 12 лет и уже с ним не расставался. Путешественники отмечали, что даже за столом в княжеской семье прислуга была вооружена.

На реформы требовались деньги. Никола выпрашивал их у Австро-Венгрии, у герцеговинцев, у сербов, частенько в Петербурге. Князь впервые приехал в Петербург в 1868 году, где ему пришлось несколько недель ожидать царской аудиенции. Император Александр II оказался милостив, вручил князю медаль и пожаловал его исторической сербской саблей. Он получил ежегодную субсидию в 8 тысяч рублей, а императрица Мария Александровна выделила дотацию на основание школы для девочек в Цетинье.

Секретарь русской миссии в Черногории Ю. Я. Соловьёв писал в своих воспоминаниях: «Любимым занятием Николая была политика. Он ссорил дипломатов друг с другом, чтобы поочередно получать сведения об их коллегах. Он всячески старался произвести впечатление на окружающих, поражая их деланой простотой и добродушием. В действительности он был весьма хитрым и прошедшим через многие политические трудности политическим интриганом»¹.

Вообще отношение к Николе Негошу в дипломатическом мире было неоднозначным и подчас несправедливым. Однако время расставило всё по своим местам. Ибо именно Никола сподобился ввести Черногорию в число суверенных европейских держав. Князь часто посещал Австрию, Германию, Францию,

Россию, Италию и другие государства; он неплохо владел немецким, французским, итальянским и русским языками. Никола правил Черногорией с большим дипломатическим искусством, маневрируя между великими державами, 50 лет (1860–1910) как князь, и как первый и единственный король Черногории с 1910 по 1918 годы из династии Петровичей-Негошей. От государя Николая II он получил звание генерал-фельдмаршала Российской армии.

Милена родила 12 детей, среди них троих мальчиков. Только семь дочерей достигли замужнего возраста. 4 дочери появлялись на свет подряд: Любица Зорка (1865–1890), Милица (1866–1951), Стана (1867–1935) и Мария (1869–1885). К великой печали не было наследника, но 29 июня 1871 года родился Данило II Александр (ум.1939). Далее следовали: Елена (1873–1952), Анна (1874–1971), второй сын Мирко (1879–1918), Ксения (1881–1960), Вера (1887–1927) и сын Петар (1889–1932). Милена стала верным помощником супругу, управляла делами при отъезде Николы в Австрию или Россию в 1868–1869 годы. Она никогда не возражала супругу и ее любимыми привычными словами были: «как князю угодно».

Один путешественник как-то заметил Николе: «Страна твоя прекрасна, но жаль, вывозить нечего». – «Сэр, вы ошибаетесь, Вы недооцениваете моих дочерей». Никола был умелым политиком и хорошим отцом: он устроил выгодные династические браки для своих детей, что принесло ему прозвище «тестя Европы».

Дочери буквально разлетались из семейного гнезда. Старшая Зорка вышла замуж в 1883 году за князя Петара Карагеоргиевича, претендента на престол Сербии, который стал королем лишь в 1903 г. уже после смерти жены Зорки (1890). В 1918 году их сын Александр Сербский отобрал трон у деда, короля Николая Черногорского, который едва спасся бегством (умер в Антибе во Франции в 1921 году). В 1896 году вышла замуж дочь Елена, ставшая королевой Италии и Албании, императрицей Эфиопии и супругой короля Италии Виктора Эммануила III. В 1897 году, в помещении Британской миссии в столице Цетинье, состоялась еще одна свадьба: дочь Анна вышла замуж за принца Франца Иосифа Баттенбергского-Гессенского, родственника королевы Виктории. Ксения и Вера замужем не были.

Старшая дочь Зорка, умная и амбициозная, закончила престижный Смольный институт благородных девиц в Петербурге с золотой именной медалью императрицы Марии Федоровны. Петар Карагеоргиевич был старше жены на 20 лет. В марте 1883 года он приехал в Цетинье как бы к своему другу. Он справедливо догадывался, что князь Никола не будет рад такому возможному зятю, наследному принцу без денег, без имущества. Петар уже несколько лет жил в эмиграции. Его отец был свергнут с трона королем Миланом Обреновичем и жил в Венгрии под домашним арестом. Два брата жили инкогнито в Париже.

Наконец официальное предложение было принято. Дело осложнялось политическими соображениями:

как примирить сербов-Обреновичей с черногорцами. Никола упросил императора Александра III стать посаженным отцом на свадьбе.

Свадьба состоялась 11 августа 1883 года в монастыре Цетинье, на нее приехали дипломаты Великих держав, кроме австрийца. Свадебные подарки варьировались от грандиозных до простейших, от драгоценностей от Султана Абдула Хамида II вплоть до отар овец, козлов и быков от воевод. От таких даров Никола отказался, зная, как много значил скот для благосостояния простых черногорцев.

После внезапной смерти Зорки в марте 1890 года по рождении пятого дитяти Петар не захотел оставаться в Цетинье, отношения с тестем стали отвратительными. Он забрал детей от дедов в 1894 году и вернулся в Женеву. В скором времени свершился переворот Обреновичей, Карагеоргиевичи вернули себе трон. Петар вторично не женился.

Дочь Зорки и Петара Елена Петровна тоже училась в Петербурге, со временем она вышла замуж за князя императорской крови Иоанна Константиновича. В роковом 1918 году княгиня Елена последовала за мужем в ссылку на Урал. Уехала из Алапаевска, чтобы добиться в столице облегчения участи заключенных, накануне зловещей казни большевиками шестерых августейших пленников. Ее не арестовали и не убили, поскольку она оставалась подданной королевства Сербии. Тяжелое нервное потрясение сделало княгиню Елену почти инвалидом, с мыслью о самоубийстве. Малолетних детей Всеволода и Екатерину вывезла из Петрограда в Стокгольм бабушка великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

Черногорская принцесса Милица впервые приехала в Петербург в 10 лет, чтобы поступить в Смольный институт благородных девиц, где уже училась Зорка. К ним через год присоединилась сестра Стана девяти лет. Согласно приказу Их величеств от осени 1875 года сестрам выделили отдельный дортуар с роялем для занятий музыкой, рядом с кабинетом начальницы. Им полагалось содержание на наставницу и горничную. Ели девочки у начальницы, но посещали классы вместе с другими воспитанницами. На Рождество сестер приглашали в Аничков дворец, и они сидели рядом с самим государем, по правую руку – Милица, по левую – Стана.

Смольный институт гарантировал успевающим воспитанницам высокий уровень образования. Как и вся страна, Смольный был разбужен реформами Александра II. Туда пришел знаменитый педагог К. Д. Ушинский, при нем девицам начали преподавать литературу и математику, педагогику, психологию и естественные науки. Девочки знакомятся с творчеством многих забытых российских писателей, об отечественных героях убедительно заговорили на уроках истории. Изучение придворного церемониала шло наравне с уроками музыки, рукоделия, домашнего хозяйства, Танцы, изящные манеры, пение, кулинария сохранились и приятно дополняли наличие широкого кругозора у большинства выпускниц.

Милица и Стана выделялись среди воспитанниц-смолянок броской дикой южной красотой, умом и музыкальностью, много и упорно читали, были серьезны, настойчивы, честолюбивы, религиозны, увлекались спиритизмом и мистикой. К сожалению, в мае 1885 года умерла шестнадцатилетняя Мария, не вынесшая сырого климата Петербурга.

Сестры вышли замуж в 1889 году, обе свадьбы в Петергофе состоялись с перерывом в несколько дней. Милица вышла за великого князя Петра Николаевича (1864–1931), Стана – за Георгия Максимилиановича (1852–1912), князя Романовского, 6-го герцога Лейхтенбергского, графа де Богарне, к тому времени вдовца с семилетним сыном Александром от первого брака. Светское общество встретило невест недружелюбно, им дали понять, что уж очень они бедны приданым и кровями, не чета августейшим. Представительницы беднейшего в Европе королевского дома стали сразу сказочно богаты. По брачному договору от 12 марта 1889 года государь назначил Ее высочеству Милице Николаевне сто тысяч рублей в государственных бумагах, которые хранились в Департаменте уделов. Годовыми процентами с этой суммы Милице надлежало пользоваться пожизненно. Его императорское высочество Петр Николаевич выделил своей супруге в дар пятьдесят тысяч рублей. Милица получала ежегодно в течение супружества на булавки и на ежедневные расходы 20 тысяч рублей.

Венчание состоялось в придворной церкви Святых Петра и Павла Большого дворца в Петергофе. Среди свадебных подарков вызвали восхищение ожерелье в пять рядов жемчуга, бриллиантовая брошь с четырьмя бесценными сапфирами, которой девочка-смолянка Милица некогда любовалась, глядя на портрет императрицы Александры Федоровны. Одевание невесты происходило по ритуалу полуторагодовалой давности, бриллиантовую корону императрицы Анны Иоанновны закрепила в волосах невесты сама царица Мария Федоровна.

Петербургский свет невзлюбил сестер с самого начала: слишком образованны, честолюбивы, горды, замкнуты, словом, чуждые горбоносые в отца черногорки, прозванные Сциллой и Харибдой, а еще чаще «галками». Сестры с семьями сплотились в своем отчуждении и не разлучались. Милица с детьми почти ежегодно жила в имении Знаменском, своего особняка в Петербурге Петр Николаевич так и не построил, жилье арендовали. У Петра и Милицы росли трое детей: Марина, Роман и Надежда. Здесь играли они иногда с царскими дочерьми, и, бывало, сам Николай II забирал девочек, проходя пешком небольшое расстояние от своей Нижней дачи. Сестры вместе отдыхали в теплых краях. «Их дворы были центрами обмена мнениями по политическим вопросам», – пишет А. А. Мосолов². Они с успехом заменяли не назначаемого в русскую столицу черногорского посланника, ретиво отстаивая интересы балканских славян и интересы своего отца. На фоне ушедшей с головой в политику супруги Петюша казался особенно молчаливым и замкнутым.

Великая княгиня Ксения отметила в дневнике, что Петюша становился совсем другим, более интересным человеком, когда рядом не было Милицы³.

Сестры поначалу пользовались особой благосклонностью императрицы Александры Федоровны, одинокой и нелюбимой в светских кругах. Милица с ее знанием народной восточной медицины, угадавшая серьезный недуг невроза, с обмороками, боязнь толпы и больших помещений, была особенно приближена к молодой царице. В дни болезни желудка у Аликс она не позволяла горничной ухаживать за больной. Она же пригласила в Петербург некоего месье Филиппа, спирита и магнетизера, уверяя, что чудотворец избавит царицу от недугов.

По устному свидетельству князя Николая Романовича⁴, именно Милица признала гемофилию у младенца наследника престола Алексея, но промолчала об этом. Знание медицины подсказало ей роковые признаки этой считавшейся неизлечимой болезни в дни первого кровоизлияния у крошки Алексея, которое придворные врачи не могли остановить и даже определить.

Дружба и доверие впоследствии сменились отчужденностью и даже враждебностью, что явствует из письма Александры Федоровны к супругу: «Он (вел. кн. Николай Михайлович. – З. Б.) и Николаша – мои самые злостные враги в семье, не считая черногорок и Сергея (вел. кн. Сергей Михайлович. – З. Б.)»⁵.

«Милица была в высшей степени культурной личностью. Она читала и прекрасно писала по-русски, на сербском, французском, немецком языках, знала английский и очень прилично владела персидским языком. В конце жизни выучила итальянский. Любила играть на фортепьяно и намного превосходила в исполнении рядового пианиста. Ее глубокие знания истории и философии, а также основ православия, христианства и нехристианских религий вызывали уважение. Разумеется, она не просто имела представление об исламе и буддизме, а понимала эту веру. Ее очернители, многие из которых были принципиальными скептиками в вопросах веры или просто атеистами, говорили об ее суеверии и мистике, вместо того, чтобы понять суть этой истинно верующей женщины. Как славянофилка Милица верила, что большая часть русских бед из-за западного влияния», – писал князь Николай Романович⁶.

Сестры ввели в царскую семью Распутину, представив старца императорской чете в 1905 году за чаепитием в Сергиевке, имении герцога Лейхтенбергского и Станы. Правда, Стана представила потом царской семье куда более достойного, образованного, светлой памяти человека – швейцарца по имени Пьер Жильяр.

«Ее интерес к Распутину возник при появлении сибирского мужика в Санкт-Петербурге, когда его с высочайшей похвалой рекомендовали ей такие старейшие церковные деятели как епископ Феофан и прочие достойнейшие прелаты, в том числе и отец Иоанн Кронштадтский. Для Милицы Распутин был простой мужик, из самой глубинки России, говоривший о вере.

Милицу и Стану несправедливо винили за Распутина не в период 1906 года, а за того, позднего, который покровительствовал коррумпированным чиновникам, вмешивался в политику и военные действия»⁷. Милица намного превосходила сестру по интеллекту. У нее преобладали помыслы о роли в общественной жизни, и ее амбиции заметно выходили за пределы частной жизни. Для Анастасии Россия была местом частного благополучия, ее интересовала собственная семья и видное место в кругу немногих друзей. Умная Анастасия верила предрассудкам, и ее всегда влекло все таинственное, магическое, почти сверхъестественное, именно у нее занимались столоверчением.

Личная жизнь сестер, их семейные дела оставались в центре сплетен и пересудов. Более всего доставалось Стане, супружество которой не задалось. Известно откровенное признание герцога: «не любил ни одного дня». В свете герцог Георгий слыл человеком глупым и чванным. Большую часть года проводил за границей, купаясь в лучах славы Романовых, платил бешеные чаевые в кругу любовниц-француженок. Пробедную Стану генеральша А. В. Богданович с негодованием записала в дневнике, что герцогиня велит повару готовить куриные котлетки для собак, в то время как ее дети голодают.

Притчей во языцех надолго пребывал великий князь Николай Николаевич и его амурные дела. Этот красавец женился поздно, в 51 год. Попытка вступить в брак с С. Д. Бурениной, дочерью гостинодворского книготорговца, женой купца и матерью двоих детей (1888), закончилась остроумным ответом: «Я в родстве со многими дворами Европы, но с Гостиным двором еще не был»⁸.

Порвав с Бурениной, Николай Николаевич несколько лет жил с актрисой Александринского театра Марией Потоцкой. В те годы Николай со свитой занимал respectable особняк по Итальянской ул., 13 (впоследствии Театр оперетты). В число 13 он особо верил. Лишь в 1907 году состоялся его равнородный брак. Николаша был окончательно пленен Станой, певшей ему любовные романсы под гитару.

После 17 лет замужества Стана, мать двоих несовершеннолетних детей Елены и Сергея, покинутая герцогом Георгием (Юрием) Лейхтенбергским уже в 1904 году, развелась с ним (1906). Развод был разрешен императором и Синодом как раз в день пятидесятилетия Николаши, в день очередного юбилея лейб-гусар. Вопрос о разводе и вторичном браке Станы решился не сразу, так как получалось, что два родных брата, Николай и Петр, женились на родных сестрах, Анастасии и Милице. Близкородственные браки не только кровного, но и своего или духовного родства запрещены правилами Шестого Вселенского Собора. Законопослушный дядя не только испросил царского благословения, но даже обратился через митрополита Антония с прошением в Святейший Синод. Неожиданно согласие было даровано, при условии, что венчание пройдет где-нибудь в провинции, как это иногда случалось при браках, в глуши от столицы.

Весной 1907 года в Крыму Николай и Анастасия обвенчались, без помпы, вдали от двора и злых языков. К тому времени герцог Лейхтенбергский отбыл в Париж к своим кокоткам. Государь писал матери: «Таким образом, довольно трудное и деликатное дело, влияющее на положение Николаши и Станы, наконец решено. Его теперь не узнать, он так счастлив и так легко несет бремя службы. А мне он сейчас так нужен!»⁹ Но не так-то просто отреагировала семья. Великая княгиня Ксения, узнав, что за венчанием последовал «грандиозный банкет», назвала это скандалом, причинившим такое раздражение вдовствующей императрице, что Минни вынуждена была принимать валериану. Вскоре супруги поселились во вновь построенном особняке на Петровской набережной, д. 3.

Женившись, Николай Николаевич купил благоустроенную усадьбу Беззаботное под Петербургом, созданную в давние дни аристократкой О. А. Жеребцовой и названную Сан Суси, наподобие резиденции Фридриха Великого в Потсдаме. Парк и цветники пользовались особой заботой Станы. Оттуда поставлялись живые цветы во дворец, буквально утопавший круглый год в цветах, особенно в любимых мужем бегониях. Николаша любил жену, угождал ей. Когда Стана обронила кольцо на берегу пруда, муж приказал спустить воду и найти кольцо.

Его высочество Николай младший был не только истинный военный и ярый охотник, но и великий гурмэ; он сам разрабатывал меню с шеф-поваром. В 1913 году французский генерал Жоффр был приглашен на маневры в Красное Село, вместе с супругой был гостем в Беззаботном, отведал прекрасной кухни и наслаждался франкофильскими настроениями хозяев. Именно Николаше была поручена организация праздничного обеда во время визита президента Франции Пуанкаре летом 1914 года. Столы накрыли на лугу перед дворцом в Знаменке. Милица вспоминала нервность Пуанкаре и его неоднократные вопросы, как смотрит король Черногорский на события на Балканах, где дело явно шло к войне. На возвращение Пуанкаре домой ушло четыре дня, именно в этот срок Австрия объявила войну Сербии.

Подобно отцу, Николай младший выступил на войну во главе российского войска. В день назначения главнокомандующим он прибыл в Беззаботное на молебен в домовую церковь уже в военной форме. Великий князь молился истово, опустившись на колени, низко склоняясь перед иконой, которую перед выходом поцеловал. Просмотрев обширный военный гардероб, ужаснулся обилию германо-австрийских мундиров с орденами и медалями. Приказал снять все медали и сжечь форму прусского (Магдебургского) гусарского полка, шефом которого состоял. Впоследствии Стана дразнила его, что спасла от огня эту форму из-за роскошного бобрового воротника.

Великий князь Петр тоже отправился на войну прямо из Знаменки и более в имение не возвращался. Он состоял при штабе в ставке и был незаменим в роли «громоотвода» при грозном и вспыльчивом верхов-

ном. В 1915 году он последовал за братом в Тифлис на Кавказский фронт. Милица и Стана в начале войны работали сестрами милосердия в госпитале Покровского монастыря в Киеве, формировали для фронта санитарные эшелоны с медикаментами, издавали и распространяли в народе лубки и портреты верховного главнокомандующего Николая Николаевича, печатали брошюры, создававшие ему громадную популярность. Затем они последовали за своими мужьями на Кавказ, где наконец-то стали жить семьей, под одной крышей.

Настал март 1917 года и отречение императора от престола. В середине марта Николай и Петр Николаевичи получили разрешение ехать с семьями в Крым, в имения Чаир и Дюльбер, где и прожили до апреля 1919 года.

Как раз за год до рождения сына Петр Николаевич приобрел участок земли в поселке Али-Сарай, в 12 километрах к западу от Ялты. Строительство виллы Дюльбер (1895–1897), что по-татарски значит «красивый», осуществил ялтинский архитектор Н. П. Краснов; он использовал эскизы, подготовленные Петром, и рисунки восточных орнаментов Милицы, сделанные ими во время путешествия по странам Средиземного моря и долгого лечения великого князя в Египте. Дворец укрепили на скале над берегом моря, и здесь пригодились знания Петра Николаевича как инженера-фортификатора и архитектора. За два года вынужденного пребывания в Крыму владельцы вилл Чаир, Дюльбер и Ай-Тодор весьма редко и неохотно общались семьями. Их жизнь в Крыму подробно описана в повести «Крымские пленники»¹⁰.

Когда Крым был захвачен немцами, по условиям перемирия в марте 1919 года в его порты вошли союзные корабли. Вместе с другими родственниками, во главе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, Николай и Петр Николаевичи с семьями навсегда покинули Россию на борту британского военного корабля «Мальборо». 11 апреля 1919 года отошли от Ялты. Линкор взял курс на Константинополь. На борту находилось 85 пассажиров: 20 членов императорской фамилии, включая двух детей, 25 свитских обоюбого пола, слуги и горничные. И двести тонн багажа. Николаевичам передали предложение итальянского короля пересечь в Константинополе и следовать в Геную. На борту «Мальборо» великие князья Николай и Петр приняли решение жить на чужбине под фамилией Борисовы, в политику не вмешиваться. В Константинополе августейшие семьи простились друг с другом и разъехались по разным странам Европы.

Николаевичи добрались до Италии под покровительство короля Виктора Эммануила и королевы Елены. До 1922 года они жили в Генуе, но в конце года уехали из Италии, когда Муссолини захватывал власть. Они поселились в Антибе, на французской Ривьере, на вилле Теннер. Николай как бывший главнокомандующий получил от правительства Франции пенсию маршала в память о войне 1914 г. В 1923 году вместе с заботливой женой он переехал в небольшое имение

Шуани, милях в 20 к югу от Парижа. Уже не было пышных обедов, на скатертях виднелись пятна, явно поношенной выглядела одежда.

По словам князя Николая Романовича, «Николай Николаевич после 1926 года решил полностью устраниваться от политики, зная ненадежность людей и бессмысленность усилий»¹¹. Возможно, великий князь ощущал свой возраст, болезни и иссякающие силы. В 1928 году, из-за приступов пневмонии, он вернулся на юг Франции и скоропостижно скончался на вилле Теннер в Антибе, в январе 1929 года. Сохранились записи Веры Николаевны Буниной от 27 января 1929 года. «Николай Николаевич в черкеске, очень высок, стал очень худым, пропала грудь. Поразила правая рука, далеко вышедшая из рукава, она крепко держит резной черный крест»¹². По обеим сторонам стояли в карауле казаки, на крышке – огромный венки и металлическая пластина, на латыни надпись *Nicholas NICOLAEVITCH*. Французы, исполнители пластины, считали, что Николаевич – это фамилия покойного. Все тихо и просто. Все плакали.

Перед началом Реквиема вошли Стана, Петр и Милица, в глубоком трауре; служил священник из Канн, пел казачий хор. После Реквиема Петр и Милица подошли к гробу, опустили на колени, перекрестились и поцеловали крест и державшую его руку. Затем подошли проститься племянник Роман и племянницы Марина и Надя, за ними приемные дети Сергей и Елена. После семьи прощались остальные присутствовавшие, принесшие венки, а у кого не было денег на венки – букеты белых гвоздик. Петр, мало похожий на брата, зато очень похожий на деда императора Александра II, очень горевал и часто вытирал слезы платком. Жена Стана была убита горем. Наконец Петр и Милица поклонились всем присутствовавшим и вышли. Сам Иван Бунин приехал из соседнего Грасса поклониться праху великого князя позднее, назвал Николашу царственный покойник.

Английские журналисты писали: «...если Российская империя породила массу всякой гнили, то она же породила великих патриотов и настоящих мужчин, таких как Николай Николаевич»¹³. Другой журналист характеризовал покойного как самого выдающегося военного королевской крови после Фридриха Великого. Британский генерал-майор Нокс писал: «... умер настоящий сын Святой Руси и величайший из Романовых в своем поколении»¹⁴.

Анастасия Николаевна пережила мужа на шесть лет и умерла в 1935 году тоже в Антибе. Их саркофаги поместили рядом в крипте православной церкви Св. Михаила Архангела на бульваре Александра III в Каннах.

После трехлетнего пребывания в Италии Петр Николаевич с семьей поселились на вилле Теннер в Антибе. На средства, вырученные от удачной продажи жемчужного в пять рядов ожерелья Милицы Николаевны удалось купить небольшой особняк, где и появились на свет и росли их внуки. Там же доживали свой век верные слуги из великокняжеской Знаменки.

Как и в России, семья держалась на неутомимой бабушке Милице¹⁵. Петр Николаевич умер там же в 1931 году. Покоятся братья рядом, в крипте церкви Св. Михаила Архангела в Каннах. Последние годы Петр Николаевич жил уединенно, занимался исторической и религиозной живописью.

В 1936 году вдова Милица с детьми снова перебралась в Италию. Когда немцы оккупировали Италию, ей пришлось укрыться в Ватикане, остальные члены семьи прятались у римских друзей. Позднее семья переехала в Египет, где великая княгиня Милица умерла в 1951 г. в Александрии. На ее похороны король Фарук выделил делегацию. Гроб великой княгини, покрытый русским национальным флагом, для перевозки морем в Канны несли русские люди.

Внуки Милицы и Петра Николаевича, князя Николай и Дмитрий Романовичи – главные деятели семейного союза Романовых за рубежом, вплоть до их кончины.

1. Белякова З. И. Великие князя Николаевичи. СПб. : LOGOS, 2002. 329 с.
2. Белякова З. И. Крымские пленники // Белякова З. И. Романовы: как это было. СПб. : Библиополис, 2006. 224 с.
3. Письма князя Николая Романовича Романова автору. Ружмон, 1997, 2003.
4. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
5. Соловьев Ю. А. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959.
6. Houston M. Nikola & Milena. King & Queen of the Black Mountain. Italy, 2003.
7. Ksenia Aleksandrovna, Grand Duchess of Russia. Correspondence. Diaries. Hoover Institution Archives. Stanford university. USA. (разрешение потомков)
8. Romanov, Roman, Prinz. Am Hof des Letzen Zaren. Munchen; Zurich, 1995.
9. Maylunas A., Mironenko S. A Lifelong Passion. L., 1996.

² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.

³ Kseniia. Diaries, USA.

⁴ Интервью автору, Ружмон, Швейцария, 1995.

⁵ Maylunas, с. 480.

⁶ Письмо автору, Ружмон, 24.11.2003.

⁷ Письмо автору, там же.

⁸ Белякова З. С. 198.

⁹ Maylunas A. С. 103.

¹⁰ Белякова З. И. Крымские пленники.

¹¹ Письмо кн. Николая Романовича автору.

¹² Устами Буниных. Дневники. Т. 2. М. : Посев, 2005. С. 193.

¹³ Белякова З. С. 270.

¹⁴ Там же.

ПУТЬ ИЗ ПРИНЦЕСС ГРЕЧЕСКИХ В ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ РОССИЙСКИЕ

Среди легендарных женщин конца XIX – начала XX века нельзя не упомянуть королеву эллинов Ольгу, урожденную великую княжну Ольгу Константиновну, и ее семью.

Третий ребенок в семье греческой королевы Ольги Константиновны и короля Георга I, их первая дочь, родилась 30 августа 1870 года в Корфу (Греция). Названа Александрой, или Аликс по бабушке по материнской линии. Росла и воспитывалась бережно и любовно в многочисленной родительской семье, часто навещающая с матерью обильных родственников, английских, немецких, датских, русских, в более северных городах и странах. Любопытно, что вновь прибывшие венценосцы не говорили по-гречески. Ольга Константиновна (российская) и Георг (принц датский) объяснялись на немецком языке своих матерей, затем по-английски. Не удивительно, что королевские дети между собой говорили по-гречески, а с родителями – на английском языке.

Уж так сложились звезды, что для лечения легких великому князю Павлу, шестому сыну императора Александра II, довелось провести несколько летних сезонов в Афинах у двоюродной сестры Ольги Константиновны, королевы эллинов. Там он увлекся принцессой Александрой и был благосклонно принят ее родителями. На следующий год Павел вновь появился в Греции на обратном пути из Святой земли. Осенью 1888 г. там состоялось освящение православной церкви Св. Марии Магдалины в Иерусалиме, у подножья Масличной горы. Церковь эта посвящена памяти покойной матери Павла, императрицы Марии Александровны. Прибыли они туда втроем, великий князь Сергей вместе с женой Эллой и Павлом. Перед возвращением в Россию все трое посетили Афины, где отмечалась серебряная свадьба королевы Ольги и короля Георга. В этот приезд Павел сделал предложение их дочери Александре Георгиевне (1870–1891). Сватовство имело успех. Королева Ольга Константиновна обожала Павла. Александр III радовался, что младший брат будет женат на православной, а императрица Мария Федоровна, доводившаяся теткой юной принцессе, всегда девушку жаловала. Обручение состоялось весной 1888 года. Свадьбу наместили на раннее лето следующего года.

3 июня 1889 г. состоялся торжественный въезд в Петербург высоконараченной невесты. Все императорское семейство прибыло на пароходе из Петергофа и высадилось на Английской набережной. Оттуда началось шествие в традиционных золотых каретах мимо Сената и Исаакиевского собора, по Морской и Невскому к Казанскому собору и оттуда в Зимний дворец. В Зимнем дворце все члены многочисленной фамилии начали поочередно подходить к кресту. Бракосочетание состоялось на следующий день, присутствующих поразил пышнейший куртаг поздним вечером.

Весь день 6 июня 1889 г. в новом, только что купленном дворце на Английской набережной, 68, поздравляли новобрачных. Покупка особняка барона А. Л. Штиглица (арх. А. И. Кракау, 1859–1862) за 1 миллион 600 тысяч была несомненной удачей. И так, в двадцатидевятилетнем возрасте женился шестой сын Александра II, и одним холостяком в императорской семье стало меньше.

Павел был счастлив. Великую княгиню Александру Георгиевну, сверстницу и двоюродную сестру всего молодого поколения императорской фамилии, все сразу полюбили. Она внесла струю жизнерадостности, добросердечности, и о ней с одобрением отзывались как о новой хозяйке дворца: умна, бойка, сметлива, распорядительна. Гости обычно восторгались ее будуаром, за обновление отделки которого фирме Ф. Мельцера выплатили весьма крупный гонорар в двадцать пять тысяч рублей.

Александра Георгиевна осваивалась в Петербурге не без труда: наивное южное дитя, моложе своего супруга на 10 лет, она тосковала по Греции, с трудом переносила сырой климат Петербурга. Беспokoили ее и служебные обязанности мужа, поскольку слишком часто она оставалась одна. Привыкшая к независимости при дворе в Афинах, она невольно поступала опрометчиво, нарушая царский дворцовый протокол. Большую радость доставило рождение малютки Марии (1890), на крестины которой приехала бабушка, королева эллинов.

Крестным отцом был великий князь Сергей Александрович.

Осенью 1890 г. Александра и Павел побывали у королевской четы в Греции. По возвращении его высочество получил повышение. Он стал командиром конногвардейцев, квартирующих в Красном Селе. Семье отвели покои в Екатерининском дворце, где Павел появлялся лишь на выходные дни. Александра все больше скучала, особенно после перевода великого князя Сергея Александровича в Москву (1891) на пост генерал-губернатора. Вместе с мужем туда уехала и ее любимая родственница великая княгиня Елизавета Федоровна.

В конце лета 1891 г. супруги гостили в подмосковном Ильинском. Александра была на седьмом месяце беременности, часто недомогала. Пытаясь неловко прыгнуть в лодку, она оступилась, стонала от боли. Схватки начались внезапно, врача в имении не было, и единственную медицинскую помощь могла оказать деревенская акушерка. Она приняла крошечного мальчика, недоношенного настолько, что его сочли мертвым. Все внимание уделили потерявшей сознание матери, а считавшегося мертвым ребенка завернули в одеяла и оставили в кресле. И только нянюшка сестры Марии, англичанка по имени Франсис Фрай, заметила признаки жизни в несчастном младенце. Она завернула Дмитрия в хлопок и шерсть, купала его в специальных теплых ваннах и вернула к жизни. В знак признательности за ее усилия император наградил Фрэнсис золотой брошью с бриллиантами и двумя сапфирами, да и

отец Павел отметил это событие ценным подарком. На шестой день Александра умерла в состоянии комы. Ей исполнился только двадцать один год.

Сергей выходил младенца собственными руками. Комнату Александры он запер на ключ и никому его не отдавал несколько лет. Заходил туда и подолгу сидел у ее кровати. Павел был потрясен смертью жены. Похоронили Александру в Петропавловском соборе С.-Петербурга. Его племянница Мария (Мисси), будущая королева Румынии, вспоминала, как Павел рыдал на похоронах и как Сергей, заключив брата в объятия, увел его от гроба. (В 1939 г. останки великой княгини Александры Георгиевны были перевезены в Грецию по просьбе правительства). Дмитрия крестили в день трехлетней годовщины со дня свадьбы родителей. Молодой и блестящий двор Павла Александровича опустел.

Великий князь овдовел. Все та же А. В. Богданович писала: «13 сентября 1891. Утром умерла в. кн. Александра Георгиевна. Она была несчастна с мужем, он был влюблен в Елизавету Федоровну, и она замечала эту любовь» (Богданович, с. 140). Во всяком случае, греческий король не захотел выдавать вторую дочь, королеву Марию, за великого князя Георгия Александровича при попытках сватовства, памятуя о скоротечной жизни в Петербурге своей старшей дочери.

Холостая жизнь Павла Александровича длилась лет десять. Снова ему пришлось доверить судьбу своих детей заботам Сергея и Эллы и на попечение нянюшек и гувернанток Павел продолжал служить, как правило, не занимая ответственных должностей. «Еще до рождения сына Павел Александрович получил в командование конный полк, куда в день своего рождения был зачислен и Дмитрий Павлович. В полку искренне любили и ценили великого князя за поддержание старых традиций и блестящую строевую репутацию конногвардейцев», – пишет генерал А. А. Мосолов. К 1902 году он командовал Конногвардейской дивизией, стоявшей в Красном Селе, а дети жили в отведенных им апартаментах в Царском. Все чаще Марию и Дмитрия отправляли на лето в имение Эллы и Сергея. «Великий князь Павел говорил своим офицерам-конногвардейцам, что в царской семье все ссорятся, никто царя не боится. Великий князь Владимир со всеми дерзок и нахален», – писала в своем дневнике А. В. Богданович (1896, 2 июня).

Павел был в депрессии, нуждался в моральной поддержке. Внезапно все изменилось. Он увлекся замужней дамой Ольгой Валериановной Пистолькорс (1865–1929), урожденной Карнович, супруг которой был адъютантом великого князя Владимира Александровича, старшего брата Павла. Жизнь Павла Александровича изменилась. Он начал уделять больше внимания Марии и Дмитрию, но в 1897–1898 годы поездок в Ильинское не было, т. к. новую любовь и поведение Павла там резко осуждали. Детей отправили к родным за границу. Дома Павел простился с памятью об Александре, раздал вещи и наряды покойной, пере-

вел дочь Марию со второго этажа в бывшие комнаты матери на первый, оставив Дмитрия в детской на втором этаже.

Дети остро пережили свое сиротство при живом отце. Мария была на 16 месяцев старше брата. Как часто бывает у сирот, брат и сестра сблизались настолько, что как бы создали свою семейную ячейку внутри семей опекунов и августейших родственников. Из воспоминаний Марии Павловны-младшей мы знаем, что единой счастливой семьи Сергей и Элла со своими приемными детьми не создали. В период с 1902 по 1905 гг. Елизавета Федоровна из ревности едва выносила присутствие Марии и Дмитрия, доставлявших ей скорее неудобство, а не радость. Не имевший собственных детей Сергей Александрович пытался заменить им отца, но строгостью, авторитарностью больше их пугал, чем внушал любовь и привязанность. В 1905 г. овдовевшая Элла внезапно превратилась в заботливую мать, поспешившую отправить сирот в Царское Село, под крыло к своей сестре Александре Федоровне и Николаю II. Дети жили в апартаменте в Екатерининском дворце, но к столу приходили в Александровский дворец и быстро подружились с царскими детьми. Императрица Александра Федоровна стала как бы третьей матерью сиротам, особенно она благоволила к Дмитрию. Для подростков их изгнанный отец навсегда остался загадочным героем, несправедливо обиженным жестокими родственниками.

Судьба Павла Александровича, с изгнанием его из России за морганатический брак и измену присяге, с возвращением к воинским обязанностям в 1912 году, с верностью отречьемуся императору, с арестом новой властью и пребыванием в тюрьме на Шпалерной отражена в книге автора «Великие князья Алексей и Павел Александровичи. Дворцы и судьбы».

29 января 1919 года Павла Александровича срочно перевезли из больницы на Гороховую и вечером в тот же день – в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где уже находились его двоюродные братья, доставленные туда со Шпалерной. На рассвете, в три часа утра 30 января 1919 г. двое солдат, Благовидов и Соловьев, вывели раздетых до пояса четверых «бывших великих князей». Их расстреляли «на краю глубокой братской могилы, где уже лежало тринадцать трупов, на Монетной площади, прямо перед Петропавловским собором», – пишет Ольга Палей со слов тюремного доктора Мальцева (14, с. 300). Считается, что это убийство было санкционировано телеграммой из Москвы, подписанной неким Петерсом, известным своей жестокостью.

Закончилась жизнь старейшего в роду Романовых. Трусливое и жестокое убийство, считавшееся реваншем за убийство в Берлине социалистов, «наших товарищей Карла Либкнехта и Розы Люксембург», замалчивалось почти 80 лет. Ныне живущие за рубежом Романовы ходатайствовали перед президентом и правительством России о реабилитации незаконно убиенных четверых великих князей. В хлопотах они были не одиноки. Наконец в июне 1999 года был опубликован

указ Генеральной прокуратуры Российской Федерации об официальной реабилитации четверых Романовых: великих князей Павла Александровича, Николая Михайловича, Георгия Михайловича и Дмитрия Константиновича.

СУДЬБА ПАВЛОВИЧЕЙ

Какова судьба членов семьи их высочеств великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны?

Их старшая дочь Мария Павловна-младшая, после пятилетнего замужества с далеким и безразличным ей человеком, шведским принцем Вильгельмом Бернадоттом, развелась с ним и вернулась в Россию в 1914 г. Ее сын Леннарт (1909) вырос в Швеции. В дни Первой мировой войны работала сестрой милосердия в созданном ею военном госпитале в Пскове, но после отречения царя вынуждена была уехать к семье отца в Царское Село, о чем ее, из осторожности, просил медицинский персонал госпиталя. В 1917 году состоялось ее бракосочетание с князем Сергеем Путягиным, сыном дворцового коменданта в Царском Селе. На руинах старого мира молодые люди решили попытаться счастья. Даже отец Павел дал совет: «Я стар, Дмитрий далеко. Если тебе нравится Путягин, выходи за него замуж».

Им улыбнулось не баловавшее их счастье: чудом удалось бежать из зачумленного Петрограда и добраться до Киева. Марии Павловне с мужем удалось спастись и бежать из оккупированной немцами Украины с помощью двоюродной сестры, королевы Румынии. Из Румынии перебрались в Париж. В эмиграции дни проходили частенько в нужде. Почти единственная из Романовых Мария пыталась зарабатывать трудом, занялась всерьез и со вкусом шитьем и вязанием, открыла собственное ателье. «На свитер уходило 4–5 дней работы, на платье – 8–10... Вязала я все время. Встав еще засветло, работала до завтрака, брала вязание за стол и работала между блюдами, вязала в поезде и за чтением», – вспоминала Мария Павловна (7, с. 380). Позднее сделалась профессионалом-фотографом, и цветная фотография стала ее страстью.

В последние годы жизни Мария Павловна выглядела замученной и усталой. У нее развился склероз, и шведская невестка ухаживала за ней. В декабре 1958 года она умерла от воспаления легких в городе Констанце, у самого Майнау. Сын Леннарт распорядился поместить ее гроб в отдельный придел крипты в дворцовой церкви в Майнау, рядом с прахом брата Дмитрия. Так умерла великая княжна, оставив по себе добрую, несколько сумбурную память и ценные воспоминания.

Великий князь Дмитрий Павлович, этот некогда недоношенный мальчик, превратился в хорошо развитого, высокого, изящного молодого человека, которого один из родственников впоследствии сравнил с изделием Фаберже. В день своего рождения он был зачислен в конный полк под командованием своего отца и вырос в военной школе. От отца он унаследовал страстную

любовь к лошадям, был превосходным наездником и впоследствии служил в конной гвардии.

После покушения и кончины дяди Сергея (1905) Элла отправила детей из Москвы под защиту императорской семьи, в Царское Село, опасаясь дальнейших происков террористов. Дмитрий с сестрой жили в Екатерининском дворце, но ежедневно были званы к столу и для игр в Александровский дворец. Императрица буквально обожала Дмитрия, и она выступила в роли его третьей матери.

С императором Николаем II у Дмитрия возникла тесная связь и глубокое чувство, которое можно поставить на второе место после его любви к настоящему отцу. Хотя молодые люди были двоюродными братьями, разница в возрасте в 23 года способствовала перерастанию отношения со стороны царя в чувство и ответственность отец-сын. Шутки Дмитрия смешили царя до слез, великие княжны его обожали. К началу мировой войны Дмитрий считался весьма завидным холостяком.

С 1912 г. распространились упорные слухи (Дмитрий не оставил дневника или воспоминаний) о перспективах брака с дочерью царя Ольгой, известной своим решением выйти замуж непременно за русского претендента и остаться в России после замужества. Хотя Феликс Юсупов уверяет, что Дмитрий претендовал на чувства и руку его жены, ранее княжны Ирины Александровны, внучки императора Александра III. О серьезности любых матримониальных намерений Дмитрия говорить не приходится.

В 1911 году Дмитрий унаследовал Сергиевский дворец (б. дворец Белосельских-Белозерских) на Невском проспекте, 41, согласно завещанию великой княгини Елизаветы Федоровны, что лишь повысило его козыри в игре в богатого жениха. Якобы дворец на Невском удалось продать в начале 1917 года, и вырученные деньги могли бы стать для Дмитрия источником благополучия, не случись Октябрьский переворот и большевистский террор.

С большей определенностью можно говорить об интересе Дмитрия к военной карьере и спорту, особенно к новому олимпийскому движению. В 1912 году он, единственный из августейших, принял участие в Олимпийских играх в Стокгольме в составе команды по верховой езде. И хотя команда не завоевала медалей, интерес к олимпийскому движению в России пробудился всерьез. В 1913 году в Киеве открывалась Всероссийская конная выставка, под председательством великого князя Дмитрия Константиновича, а также первая Российская олимпиада, под председательством Дмитрия Павловича, в организации которой он принял активное участие. Существует мнение, что родоначальником отечественного олимпийского движения является именно великий князь Дмитрий.

В августе 1914 года полк Дмитрия был сразу отправлен на фронт, хотя большинство родственников предпочитало работу в штабе. Гомерические потери неподготовленной русской армии хорошо известны. В полку Дмитрия сразу погибла половина офицеров,

среди них близкие друзья, и он остро ощутил одиночество. Отношения с офицерами не сложились из-за их пьянства, командир полка не любил августейшего князя. За личную храбрость при спасении жизни солдат при отступлении армии Дмитрий получил орден Св. Георгия.

Став в ряды оппозиции распутинщине, к середине 1916 г. Дмитрий пришел к выводу, что от старца надо избавляться собственными силами, т.к. царь на это никогда не отважится. Вероятнее всего, Дмитрий решился на заговор из патриотизма или по политическим мотивам, стараясь избавить Россию от зла, а царскую семью и ее репутацию от скандальной зависимости и сплетен. По словам его сестры, Дмитрий слишком поздно понял, какой ущерб он нанес династии своим участием в заговоре. Желая спасти династию, он нанес ей удар.

Императрица Александра требовала сурово наказать убийц, ее дочери были в ужасе от содеянного заговорщиками. Царь воспринял поступок Дмитрия как измену ему лично и отказался встретиться с ним. Николай II выбрал наказание кузену, которое по иронии судьбы спасло ему жизнь. Под новый 1917 год Дмитрий Павлович был выслан на фронт военных действий на границе с Персией. России он больше никогда не увидел.

Временное правительство даровало Дмитрию полное помилование, но то ли интуитивно, то ли из преданности отрекшемуся монарху Дмитрий отказался вернуться. Он перешел границу и на 18 месяцев получил убежище в английской миссии в Тегеране. Мучила совесть, что заговорщики убили безоружного. Мучило воспоминание, что два самых важных в его жизни человека, отец и царь, были в ужасе от убийства. Британский министр сэра Чарльз Марлинг и его жена почти два года предоставляли ему убежище в своем доме и моральную поддержку. В те годы Дмитрий считался возможным претендентом на престол в случае восстановления монархии с помощью Германии. Так он избежал возможной гибели в Февральскую революцию и в опасные месяцы 1917 года. Вместе с семьей Марлинг он выехал в Лондон через Каир, чуть не умерев от тифа, и выжил только благодаря заботам леди Марлинг.

Добравшись до Лондона, Дмитрий узнал о расстреле отца и трех великих князей в Петропавловской крепости, о гибели Владимира Палея, Сергея Михайловича, Эллы и троих Константиновичей в Алапаевске на Урале. Дмитрий Павлович с трудом пришел в себя, чему немало способствовала его популярность в свете и при дворе короля Георга V. У множества мамаш он считался прекрасной партией. Вместе с Пютятыми он жил в старом лондонском небогатом особняке. Князь Гавриил писал, что прошло несколько лет, прежде чем Дмитрий решился пойти на исповедь. Один из эмигрантов по имени Николай Кастерин рассказывал, как по приезде в отель в Лондоне Дмитрий подошел к камину, чтобы согреться, сунул руки в карман пальто и вытащил пачку царских купюр. Какая-то

ть скользнула по его лицу при виде денег убитого монарха, и он засмеялся, бросил рубли в огонь и вздрогнул.

В 1920 году Дмитрий и Путятины перебрались в Париж. Однажды Дмитрий поведал журналисту, что приехал в Париж, не имея и ста франков и с одной чистой рубашкой. Его ждала нищета, хотя внешне он был эффектен и притягателен. Казалось, была некая кипучая жизнь с приемами, ресторанами и барами, в действительности же Дмитрий чувствовал себя вырванным из почвы. В 1922 г. его все еще считали «надеждой русского империализма».

В том году состоялась встреча и любовная связь Дмитрия с кутюрье Габриэль («Коко») Шанель. Коко Шанель была на несколько лет старше великого князя, возможно, она испытывала некую материнскую нежность, хотя Коко считается большой любовью Дмитрия.

Дмитрий сопровождал Шанель в поездках по Европе, дарил ценные подарки. «Князя всегда вызывают во мне большое сочувствие», – говорила Коко одной подруге. Шанель помогла Марии Павловне открыть собственный магазин с редкими вышивками. Имя Дмитрия и титул помогли ему получить работу в фирме по производству шампанского. Дмитрия одолевала депрессия, он нуждался в стабильности.

В 1925 г. Шанель покинула его, встретив в Монте Карло герцога Вестминстерского, предложившего ей больше, чем мог позволить Дмитрий. И тут друзья пригласили Марию с братом на чай в Версаль. Дмитрия представили богатой американской наследнице Одри Эмери. Обездоленному великому князю нечего было предложить, но он влюбился, и к его удивлению, Одри дала согласие. Свадьба состоялась в Биаррице 21 ноября 1926 года. Новоявленный самозванец-император Кирилл Владимирович дал Одри Эмери титул княгини Романовской-Ильинской. В церкви на Одри была та же фата, которая украшала Александру Георгиевну Греческую и ее дочь Марию на бракосочетании в церкви Зимнего дворца. (Фату и кружева тайно, в подушке, на которой она спала, вывезла из России Мария Павловна-младшая). Склонные к предрассудкам гости заметили, сколь скоротечны были оба предшествующих брака. Молодожены обосновались в Лондоне, у Дмитрия впервые появился дом и семья, и он любил жену. Высшим счастьем было рождение сына, крещеного Павлом, в 1928 г. Жили на широкую ногу, с домами в Биаррице, Лондоне, Neuilly-sur-Sein в Нормандии, чередуя дни с поездками в Америку. Друзья шутили, что младенец Поль родился на заднем сиденье в Роллс-ройсе, настолько часто они переезжали с места на место. Молодые супруги, любившие роскошные автомобили, могли позволить себе жизнь высокого стиля: из двух Линкольнов первым совершал выезды автомобиль с Полем, его нянями и четырьмя-пятью собаками, за ними следовал Линкольн с родителями.

Однако и этот союз распался. Одри была молода, ей перестало нравиться то, что было дорого Дмитрию. Через 10 лет они развелись. Одри встретила обрусевшего грузинского князя Дмитрия Георгадзе, за кото-

рого и вышла замуж в 1939 г. Дмитрий впал в отчаяние. Он снова перебрался в гостиницы, жил подолгу в Давосе в Швейцарии: как у большинства Романовых, у него были слабые легкие. Сын ходил в лондонскую школу, его каникулы они проводили вместе. Когда разразилась Вторая мировая война, родители решили отправить Поля в безопасную Америку. Дмитрий посадил мальчика на теплоход в Генуе, была ли там Одри, сын не помнит. Дмитрий почувствовал, что расстанется с сыном навсегда. Вместе они отправились в магазин игрушек, где Дмитрий купил сыну коллекцию оловянных солдатиков как прощальный сувенир.

Дмитрий вернулся в санаторий в Давосе. 4 марта 1942 г. он организовал русский фестиваль для постояльцев, пациентов и друзей, который длился всю ночь. На утро великий князь умер от приступа уремии. Ему было всего пятьдесят лет. Его племянник Леннарт обеспечил последнее пристанище, в приделе церкви в замке Майнау, на озере Констанс. Таков был печальный конец «надежды русского империализма», невольного претендента на российский престол.

В 1900 году младшая дочь Ольги и Георга, принцесса Мария Греческая (1876–1940), по-семейному Маленькая Минни, вышла замуж за своего двоюродного дядю, великого князя Георгия Михайловича (1863–1919). По просьбе невесты, венчание состоялось на острове Корфу, в резиденции короля Георга «Мон Репо». На свадьбу прибыл престарелый отец жениха, великий князь Михаил Николаевич и русская Средиземноморская эскадра. Церемонией свадьбы искусно руководил в неприспособленных условиях сам король Георг.

Минни, истинная гречанка, никогда не хотела покидать родину, ее единственным желанием было остаться в родных Афинах, выйти за грека. И она любила прекрасного, благородного грека, но не равнородного. Мезальянс не разрешили. Мария без радости приняла предложение великого князя, который был на 13 лет старше ее. Незадолго до свадьбы великий князь побывал в Риме, живя лишь мечтой о предстоящей свадьбе. Княгиня Мария Барятинская вспоминала, как тот «занимался покупкой самых дорогих вещей, чтобы доказать Марии свою великую любовь, когда они счастливо обручатся».

Переехав в Петербург, Мария с мужем поселилась на Миллионной улице, д. 19, в апартаменте дворца ее свекра, великого князя Михаила Николаевича, главным фасадом обращенном на Неву, построенном архитектором А. И. Штакеншнейдером. В интерьерах ее нового дома все напоминало об увлечениях мужа – охота и коллекционирование. Многие предметы мебели были изготовлены из рогов лично добытых великим князем животных. На первом этаже разместили водолечебницу. Апартамент с видом на Миллионную улицу был холодным, плохо освещался солнцем. Мария, южное дитя!, все больше тосковала.

Лето проводили в загородном поместье Михайловке по Петергофскому тракту. Скверный климат северной столицы угнетал, Мария стреми-

лась в южные края, любила Крым, напомиравший ей о Греции. В имении Харакс великий князь построил для супруги прелестный маленький дворец в стиле шотландской виллы, с чудным парком, полным роз, с прекрасным видом на море. Участок земли выделил брату как часть своего имения Ай-Тодор великий князь Александр (Сандро). Знаменитый зодчий Крыма Николай Краснов выполнил заказ великой княгини Марии Георгиевны так, чтобы он напоминал ей родительский Татой, из местного известняка, с использованием выписанного из Англии серебра, черепицы, обивочных тканей и мебели от фирмы Мейпл. В Хараксе свою дочь и внучек часто навещала королева Ольга. В семье любви не было, хотя видимость благополучия создавали две дочери, Нина (1901–1974) и Ксения (1903–1965), которых его высочество любил страстно, обожал. В начале июня 1914 года Минни Греческая с девочками уехала в Лондон, да там и застряла. Война, революция, гибель мужа, расстрелянного большевиками в январе 1919 года, лишили ее надежды на благополучие в будущем. Приходилось выживать, т.е. продавать через третьих лиц бриллианты. Романовские драгоценности хорошо знали европейские ювелиры и аукционеры, которые договорились покупать их по малой цене, вернее, за бесценок. Не было ни доходов, ни независимых финансов. Оставшиеся в живых члены императорской фамилии оказались отчужденными, разъединенными, безразличными друг к другу. Вот что писала Даки (супруга великого князя Кирилла Владимировича) своей кузине, великой княгине Ксении Александровне: «Мало-помалу понимаешь, что нет смысла взывать к кому-то. Никто не хочет больше общаться, и некогда семейные чувства и борьба стали совсем бесполезны. Повсюду безразличие и неблагодарность. Большинство членов семьи ведут себя хуже не придумаешь, представляя ужасную картину всему миру, что осталось от Романовых. И хуже всех наши собственные братья» (19, с. 161). Греческая Минни занялась судьбой дочерей. В 1921 году ее дочь Ксения Георгиевна (1903–1965) обвенчалась в Париже с американцем Вильямом Лидсом. В сентябре 1922 года в Лондоне состоялась свадьба Нины Георгиевны (1901–1974) с князем Павлом Чавчавадзе. Приехала мать Ольга с сыном Христофором и греческая принцесса Алис с дочерьми Маргаритой и Феодорой. За год до этого события Греческая Минни вышла замуж. Она непрерывно заявляла «выйду за первого попавшего грека». Им оказался капитан 2-го ранга Перикл Иоанидис (Перкс), капитан эскадронного миноносца, впоследствии доставившего королевскую семью из эмиграции обратно в Грецию. Любопытно, что обе дочери никогда не знали и не пользовались фамилией Романовы. Как для всех родившихся до 1917 года августейших членов семьи, их титул был «российские княжны императорской крови». Сын Нины Георгиевны и Павла Чавчавадзе, живущий в Вашингтоне (князь) Дэвид Чавчавадзе, рассказывал автору о переезде его родителей из Европы в США в начале 1920-х годов. На американской границе у молодых супругов спроси-

ли их имя. «Нина, – сказала молодая дама, – Фамилии не имею». Так и записали: «фамилии не помнит». Ее муж сообщил: «Князь Павел Чавчавадзе». Ему сказали: «Ступайте в соседнюю комнату и отречитесь». Их сын Дэвид чтит свои русские корни, шутливо называет себя «недорезанный буржуй», пытался внести вклад в борьбу с коммунистическим режимом. В России побывал в 1993 году на «Конференции соотечественников» в Москве, признавшись автору, что всегда подозревал за собою слежку. Дэвид автор двух воспоминаний. Обе дочери великой княгини Марии Георгиевны скончались и похоронены в США.

1. Барятинская Мария. *Моя русская жизнь. 1870–1918.* М., 2006.
2. Белякова З. И. *Великие князья Алексей и Павел Александровичи.* СПб., 1999.
3. Богданович А. В. *Три последних самодержца. Дневник.* М., 1990.
4. *Дневники императора Николая II.* М., 1991.
5. *Дневники императрицы Марии Федоровны.* М., 2005.
6. Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. *Россия и Европа.* СПб., 2010.
7. Мария Павловна. *Мемуары.* М., 2003.
8. Семина Н. Н. *Харакс: хмурое утро и ясный день.* Симферополь. 2014.
9. Федорченко В. И. *Дом Романовых. Энциклопедия биографий.* 2003.
10. Юсупов Феликс. *Мемуары.* М. 1998.
11. Chavchavadze D. *Crowns and Trenchcoats,* New York, 1990.
12. Christopher HRH Prince of Greece. *Memoirs.* London
13. Ferrand, Jacques. *Le Grand-Duc Paul Alexandrovitch.* Paris, 1993.
14. *Memories of Russia, 1916–1919 by Princess Paley.* London.
15. Zeepvat Ch. *The Camera and the Tsars,* 2004.

Королева Ольга и Король Георг I Греции с сыновьями и дочерьми Марией и Александрой. 1885. ГАРФ

Павел и Александра, августейшие новобрачные
Частная коллекция

Великий князь Сергей Александрович с Дмитрием и Марией

Редкое фото. Следует знать, что до событий 1917 года только дети великого князя Михаила Николаевича звались и читались как МИХАЙЛОВИЧИ, без Й.
Архив автора

Великий князь Димитрий Павлович (1891-1942), ок. 1926

Поль (Paul) Димитриевич Романов-Ильинский. Сын вел. кн. Димитрия и Одри Эмери (Audrey Emery). Офицер морского флота США. Мэр г. Палм-Бич, Флорида, США. Фото автора. СПб., 1998

Вел.кн. Дмитрий Павлович, вел. княгиня Мария Павловна – младшая, князь Вильгельм (Guillaume) Швеции

Вел. княгиня Мария Георгиевна. РГАКФД

Княжна / королева Мария Греческая

Вел. кн. Георгий Михайлович (1863–1919). 1916. Фотограф П. Жуков. ГАРФ

Великий князь Георгий Михайлович. Прошу исправить Й на И, т. к. исполнено это советскими лжеучеными

Вел. княгиня Мария Георгиевна с дочерьми Ниной (слева) и Ксенией. Ок. 1908 г.

Великая княгиня Мария с детьми

Князь Леннарт Бернадотт, сын Марии Павловны младшей в первом браке (в центре). Съезд Романовых-потомков. 1998. С.-Петербург. Фото автора. 1998

Дэвид Чавчавадзе и автор. Внук вел. кн. Георгия Михайловича и Марии Георгиевны. Фото автора, Вашингтон, декабрь 1994

Харакс, имение вел. кн. Георгия Михайловича в Крыму. Фото автора. 2002

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Выступление на III секции «Глобальная дипломатия и международные отношения»
VI Международного научного конгресса «Глобалистика-2020». 21 мая 2020 года

*Культура спасет мир,
Если мир защитит культуру!*

В силу известных всем причин мировая цивилизация оказалась в тяжелом духовном, политическом и экономическом кризисе. Сверхэгоизм одних и невежество других подрывают жизнеспособность человечества. Под угрозой оказалось не только настоящее, но и будущее мировой цивилизации, сама человеческая жизнь. И здесь как нельзя более уместно вспомнить знаменитые слова Эрнеста Хэмингуэя: «Не спрашивай, по ком звонит колокол...».

Невзирая на культурные различия, политические, экономические разногласия и военные конфликты, нависшая над миром всеобщая беда естественным образом диктует необходимость объединения всего человечества в борьбе за выживание и сохранение самой жизни на земле. Вызовы цивилизации породили острую необходимость выживания и обеспечения безопасного развития, лучшего будущего всего человечества, сохранения и умножения многовекового социально-культурного наследия народов, выдающихся достижений человеческого разума и гуманизма. В этих условиях усилия ученых и политиков разных стран необходимо направить на разработку и реализацию жизнеспособных концепций и моделей безопасного развития.

Как можно спасти человечество от нависшей над ним угрозы, чреватой катастрофой планетарного масштаба? Только на основе ценностей и социальных технологий высокой духовной культуры, как неразрывной гармонии человеческого разума и гуманизма, на основе безграничных возобновляемых ресурсов и преобразовательных возможностей интеллектуальной и нравственной культуры. Только высокая духовная культура может спасти мир, если мир защитит культуру.

Культура – это не только созидательная деятельность, направленная на познание и преобразование человека и окружающей его природы и общества, не только образуемые в результате интеллектуальные, нравственные и материальные ценности и нормы, но и технологии их производства, потребления, хранения и передачи. Культура – это знание, добро, развитие и благосостояние, а невежество и сверхэгоизм – это зло, бедность, деструктивность и уязвимость. Культура должна служить человеческому развитию и счастью, достойной жизнедеятельности людей, являющейся главной целью всех времен и народов.

Духовную культуру можно образно представить в виде птицы, одним крылом которой является нравственная культура, а другим – интеллектуальная. Для того чтобы птица была способна летать и жить, необходимо, чтобы оба ее крыла развивались в полноценной

гармонии. При этом цели развития человечества должны строиться на нравственных ценностях. Воспитание нравственности – совести, добра, гуманизма, любви, дружбы, благородного характера, порядочности, справедливости и веры, должно сопровождаться образованием и просвещением людей, позволяющим, при помощи добросовестного труда, направить благородные намерения и энергию культуры на достойные цели человеческого развития, на служение людям, своей стране и всему человечеству.

Таким образом, интеллектуальная культура, используя возможности науки, образования и просвещения, осуществляет миссию производства духовных и материальных ценностей, способствующих удовлетворению потребностей человеческой жизнедеятельности.

Для иллюстрации важности интеллектуальной культуры небезынтересно вспомнить концепцию Роджера Бекона «О трех источниках истины». Если переосмыслить ее с учетом видения Рене Декарта, то мы неизбежно придем к выводу о том, что, при безусловной роли авторитета, истина определяется благодаря взаимодействию разума и опыта. Без опыта невозможно установить истину, в то же время без разума невозможно понять необходимость опыта и правильно интерпретировать его результаты.

В современной цивилизации четко определились противостоящие друг другу культура и антикультура. Преодоление деструктивных процессов, составляющих блок антикультуры, требует внимательного культурологического анализа достижений и упущений, положительных и негативных сторон, опасностей и возможностей принимаемых политических, социальных и экономических решений.

История показывает, что попытки преодолеть зло только при помощи права силы или силы права не являются достаточными. Поведение человека изменяется с изменением его культуры. Понимание этого закона требует осуществления позитивных социально-культурных трансформаций во всем мире, основанных на ценностях высокой духовной культуры человечества и культурологических подходах к преодолению деградиционных процессов в мировой цивилизации.

Условием этих трансформаций является формирование и развитие во всем мире высококультурных людей, способствующих сближению культур разных народов. Высококультурный человек является целью, главной движущей силой и возобновляемым ресурсом социально-культурного и экономического развития, обеспечивающего достойную человеческую жизнь и благосостояние общества и всего человечества. Высококультурный человек, обладающий научными знаниями, профессиональными навыками, организованностью, нравственностью и осуществляющий sozi-

дательную деятельность, является главным богатством каждой страны и всего мира. Он также служит критерием ценности культуры, эффективности политики и международных отношений.

В силу этого «производство» и развитие высококультурных людей для всех сфер жизнедеятельности, обеспечивающее переход от человека типа «*Homo sapiens*» – к человеку типа «*Homo culturalis*», как условия мирной и созидательной жизни, становится важнейшей государственной и международной задачей современности. Думается, что в новых условиях «производство» и совершенствование высококультурных людей, как матрицы и главной движущей силы успешного общества, сильного государства и новой, гуманистической цивилизации, должно быть в центре внимания национальных и международных управленческих структур.

В условиях глобального кризиса гуманистическая интеллигенция всего мира должна коренным образом перестроить свою деятельность, подчинив ее требованиям времени. Необходима неотложная разработка и реализация международной программы политических, правовых, этических и экономических решений стратегического характера, солидарность и координация усилий, нацеленных на спасение человечества. Особая ответственность в осуществлении этой исторической миссии лежит на плечах политиков и управленцев, ученых, юристов и дипломатов, а также журналистов, призванных достоверно освещать ее практическую реализацию в СМИ во всем мире. Важную роль предстоит сыграть координации усилий национального и международного управления, с участием ООН и ЮНЕСКО.

Культура государственного управления современных государств должна опираться на проверенные временем научные принципы и критерии эффективности, творчески применяя их к сложившейся ситуации. При этом политические и управленческие решения должны приниматься только на базе научной, в том числе культурологической экспертизы, основанной на системном подходе и согласовании культур и интересов, позволяющих направить противоречия в созидательное русло. Такой подход позволит выбирать наиболее разумные и жизнеспособные решения, использовать верифицированные и эффективные методы преодоления негативных процессов, разрушающих основы самой жизни на земле.

Основными постулатами культурологического управления на всех уровнях и во всех странах должны стать: переход от манипулирования и соперничества – к солидарности и сотрудничеству, от противоречий – к гармонии культур и согласованию интересов, от власти должности – к власти знаний и этики, от некомпетентного управления – к высокому профессионализму и ответственности. Важное значение для успешной реализации этих управленческих постулатов имеет правильный выбор принципов и критериев, на основе которых определяется социальная ценность человека в обществе и оцениваются результаты его деятельности.

Для преодоления кризисных явлений и системных противоречий развития мировой цивилизации, по-видимому, также целесообразно совершенствование общественно-политических систем современного мира на основе творческого использования позитивного опыта развития различных стран Запада и Востока, по формуле «огонь, а не пепел». Ценным источником для совершенствования существующих общественно-политических систем может служить опыт культуры государственности ряда ведущих западных стран, Японии и Финляндии, успешная китайская модель синтеза социализма и рыночной экономики, эффективные скандинавские модели социального капитализма, сингапурская модель меритократической культуры управления и другие.

История показывает, что успех сопутствует тем странам, где в основе культуры управления лежит мотивация социальной активности народа на основе принципов меритократии, социальной справедливости и экономической безопасности, ведущих к обеспечению всеобщего благосостояния и социально-политической устойчивости. Ценным подспорьем здесь может стать внедрение инновационных культурологических стратегий, основанных на системном анализе меняющихся потребностей человеческого развития в разных странах, обеспечение согласования интересов с учетом особенностей культур и религий, национальных и общечеловеческих ценностей. Необходимым условием является осознанный отказ от сверхэгоизма в пользу гуманизма, преодоление невежества в целях гармоничного развития. Помочь инновационным процессам совершенствования систем в новых условиях разных стран может установление таких приоритетов государственной политики, как интеллектуальная, этическая, правовая и управленческая культура, взаимосвязанное развитие которых обеспечивает конкурентоспособное развитие экономики, как главного источника благосостояния общества и государства.

Ответственная роль в управлении позитивными инновационными процессами международного развития принадлежит дипломатам. Во все времена дипломатия служила важным политико-правовым и этическим инструментом совершенствования культуры международных отношений, предотвращения войн и достижения взаимопонимания, мира и взаимовыгодного сотрудничества между народами и государствами. Как мне кажется, в сложившейся ситуации для дипломатических корпусов разных стран важно объединить усилия для содействия сближению культур разных народов, выработки международной культурной идентичности, как инструмента взаимопонимания, солидарности и международного сотрудничества в интересах спасения мира от разрушения и обеспечения безопасности человечества.

Используя «мягкую силу» культуры, мировой дипломатии многое предстоит сделать для того, чтобы добиться сознательного отказа от антитезы «свой – чужой» во внутренней политике каждой страны, и от двойных стандартов в международных отношениях.

И здесь вновь ключом к успеху является формирование и развитие высококультурных людей во всем мире. Опора на принципы ненасилия и доброй воли, патриотизма, солидарности, культурного обмена, гуманизма, гармонии, неприкосновенности государственного суверенитета, защиты прав и свобод граждан, обеспечение равных возможностей для их развития, вне зависимости от национальной принадлежности и религии. Решение всех этих проблем значительно облегчается при условии наличия в обществе необходимой системы «производства» и использования ресурса высококультурных людей, оцениваемых по результатам и заслугам перед государством и человечеством.

В этой связи хотелось бы несколько слов сказать о последнем докладе Римского клуба, имеющем прямое отношение к нашей теме. Как культуролог, я высоко оцениваю 40-й доклад Римского клуба, в котором, с точки зрения общественных интересов, дан глубокий анализ системного кризиса мировой цивилизации, включая кризис капиталистической системы, ориентированной на бесконечный экономический рост и потребление. Уделяя внимание человеческому фактору, авторы подчеркивают, что мир, во главе с человеком, все еще может достичь общего светлого будущего, если обезопасит планету от деградиционных процессов, преодолеет безудержный экономический рост и потребление, социальное неравенство, экологически опасные технологии.

Доклад призывает к всестороннему анализу причин, а не устранению симптомов кризиса, к использованию инновационного «интегрированного подхода при определении курса, оставив в прошлом сегодняшние заостренные структуры». В рамках критического анализа современного мира в докладе упоминается об эрозии демократических ценностей в мире, опасностях цифровизации и генетической инженерии, отмечается, что противоречивость капиталистической системы не способствует устойчивому развитию. В этом отношении обнадеживающе звучит обращение Исполнительного комитета Римского клуба о том, что «пришло время для новой эпохи Просвещения или какой-либо другой парадигмы, которая придет на смену привычной сегодня близорукости мыслей и действий».

Вместе с тем, не умаляя научных достоинств доклада, считаю, что он был бы еще полезнее, если бы в нем использовался системный культурологический анализ и были бы раскрыты роль и возможности потенциала высококультурных людей, как возобновляемого ресурса и главной движущей силы в преодолении кризиса и спасении мира от деструктивных процессов. К сожалению, в докладе не содержится анализ основополагающей роли культуры и культурологии в человеческом развитии. А ведь культурология дает ответы на многие вопросы, в том числе и связанные с законами культурогенеза и стимулированной трансформации культур на основе культурного обмена в современном мире, помогает избежать одномерного видения исторических процессов. В силу этого потребность в системных культурологических исследованиях и выработке

технологий преодоления мирового кризиса и конкретных механизмов управленческих решений и действий трудно переоценить.

Ряд интересных вопросов и заслуживающих внимания выводов по докладу Римского клуба нашли отражение в анализе, осуществленном профессором О. Н. Яницким. С сожалением отмечая, что до сих пор нет концепции устойчивого развития глобального мира, проф. О. Н. Яницкий, на мой взгляд, справедливо обращает внимание на то, что авторы доклада, руководствуясь преимущественно технократическим подходом, обошли вниманием анализ таких важных проблем, как рост человеческого и социального капитала, философия гуманизма. Заслуживают внимание предложения профессора относительно использования междисциплинарных исследований и привлечения потенциала неправительственных организаций разных стран, как социального института и инструмента реализации геополитических проектов, равноправных участников разработки концепций, институтов и норм жизнедеятельности, национального и глобального управления.

Таким образом, как мне кажется, одним из наиболее эффективных инновационных механизмов осуществления дипломатической деятельности в условиях новых вызовов цивилизации может служить системный культурологический подход к анализу проблем человеческих и международных отношений. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос об актуальности использования в практике дипломатической деятельности культурологической методологии и методов анализа международных отношений, а также использование системного культурологического подхода в практике диалога культур и цивилизаций, позволяющего избегать одномерного видения проблем и событий.

В контексте рассмотренных вопросов позвольте предложить вашему вниманию культурологическое видение проблем международного развития, целей и подходов к их решению, продуктивность которых во многом связана с развитием дипломатической культуры.

Проблема – сохранение человечества и обеспечение гуманитарной безопасности цивилизации на длительную перспективу.

Цель – построение новой, гуманистической цивилизации, способной защитить себя от деструктивной энергии сверхэгоизма и преодолевать невежество масс, как фактора непонимания и возможных противостояний.

Задачи и механизмы:

«Производство», развитие и правильное использование высококультурных, достойных людей во всем мире, как главного ресурса устойчивого и безопасного развития человечества.

Совершенствование общественно-политических систем различных государств на основе принципов гуманизма, меритократии, социальной справедливости и экономической безопасности.

Развитие международного сотрудничества на основе принципов международной культурной идентичности, человеческой солидарности, равенства культурных возможностей и взаимопомощи.

Использование дополнительного культурологического образования и просвещения¹ специалистов и населения, как средства повышения их квалификации и жизнеспособности в условиях вызовов, неопределенностей и диалектических изменений в мировой цивилизации.

Предлагаемые методология и методы:

Системный культурологический подход к анализу проблем государственного и социального управления в разных странах, с использованием принципов историзма, логики и диалектики, 12 исследовательских способов и универсального метода «культурологическая пирамида».

Обязательная предварительная научная, в том числе культурологическая, экспертиза принимаемых решений на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности народов.

Думается в случае вашей заинтересованности в реализации предложенного культурологического подхода, могла бы оказаться полезной организация периодических международных культурологических дискуссий или научных чтений для работников дипломатических учреждений национальных государств и международных организаций, а также дополнительного (без отрыва от производства) культурологического образования для молодых дипломатов.

¹ Для дополнительного культурологического образования и просвещения необходимо широко использовать не только традиционные аудиторные формы и электронные инструменты, но просветительские возможности телевидения.

СВЕТОПИСЬ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Отрывок из рукописи «Фотографичность в поэзии Бродского как событие мысли»

Свет в поэзии Бродского – его главное творческое «перо», и выступает он в разных ипостасях: как физическое явление (свет солнечный, лунный, электрический, реклама), как символ, метафора, декоративный элемент, а всё вместе – как источник жизни, ясность, обретенность. Свет явствует, а темнота преодолевается. От света зависит *фото*, он – определитель *снимка*, в котором и за которым скрыта мысль. Фотографичность здесь – лишь форма, даже может быть жанр или средство со своими правилами-процедурами¹. Подход к поэзии Бродского с таким измерением при всей своей точности, с учетом участия света, объектива, его разнообразных возможностей и т. п. – вместе с объяснением упрощает его стихотворение, если не принять во внимание, что здесь сама форма становится неким закрытым пространством, куда – как струя свежего воздуха – влетает мысль. Без предварительной подготовки ей не состояться: мысль порождается и одухотворяется обстановкой:

Во время ужина он встал из-за стола
и вышел из дому. **Луна светила**
по-зимнему, и **тени** от куста,
превозмогая завитки ограды,
так явственно **чернели** на снегу,
как будто здесь они пустили корни.
Сердцебиенье, ни души вокруг.

Так велико желание всего
живущего преодолеть границы,
распространиться ввысь и в ширину,
что, **стоит только выглянуть светилу**,
какому ни на есть, и в тот же миг
окрестности становятся добычей
не нас самих, но **устремлений наших** (3, 37)².
(выделено мной. – Е. Т.)

Сразу вспоминаешь, что предтечей фотоаппарата была камера обскура – «темная комната» (если с латинского), откуда шел свет. Не случайно первые фотоаппараты и даже фотоателье называли в России «светописью». Используя блики, падающую тень от рамы, играя отражением, поэт не просто понимал их значения, он их ощущал текстологически, художнически и старался сохранять в себе способность светочувствительной пленки («Горный пик, доступный снам, / фотопленке, свалке туч» 3, 266), чтобы запечатлеть представшее глазу, иначе мысль не откроется. «Всё это – аллегория. Он прав: / все это линза, полная лучами, / пучком собачек, ласточек и трав» (2, 156). Вот еще почему предпочтение отдается жизни «в рассеянном свете», представляющем собой легкий намек на нечто, без грубости, пошлости, в невесомости и тишине: «Ах, при таком освещении вам ничего не надо!», – ибо

тогда «очертания вещи» взрываются, а «холод/демонстрирует качества силуэта» (4, 22), и в отличие от привычного света в комнате – родного и близкого, «улицы освещены ярким, но посторонним, / светом» (4, 30). За окном чужой мир. Чувствительность фотокамеры не была просто механической функцией, ей ли передавалось от Бродского или ему от нее, но чувства, как чувствительность фотокамеры, не были в его поэзии ни посторонними, ни потусторонними, как и свет фотокамеры, который помогал мысль пропускать сквозь фильтр чувств:

Два моря с помощью стены,
при помощи неясной мысли,
здесь как-то так разделены,
что сети в темноте повисли
пустыми в этой глубине (1, 191).

Стихотворение называется «Загадка Ангелу», оно – попытка зафиксировать и обозначить для себя переживаемый момент (с посвящением М. Б.), полный неясности и легкого перехода из реальности в метафору: «И ветер шелестит в попытке / жасминовую снять вуаль / с открытого лица калитки». Чаше и то, и другое неразделимы.

Трудно перечислить все выражения света у Бродского (высказанные в слове, подразумеваемые, угадываемые, данные в намеке – в ответах), ибо для него присутствие света ощутимо даже в темноте, что тоже придает его стихотворениям сходство с фотографией, которая светится в темноте. Бродский везде видит, выхватывает источники света, разнообразие коих многочисленно, а назначение конкретно: оно усиливает реальность, одушевляя предмет и придавая самой атмосфере иносказательность, причем само название источников – его, так сказать, марочный бренд: **лампа, лампочка, фонарь, реклама, свеча, звезда, луна**, обретающие подчас самостоятельный статус: «голубые струи реклам бесконечно стекают с крыш» (1, 76) или наоборот, усиливающие тьму:

Два путника, зажав по фонарю,
Одновременно движутся во тьме,
Разлуку умножая на зарю (2,29).

Заря традиционно – надежда. Но еще есть **рассвет**: «ползет ярко-желтый рассвет по трубе» (2, 22) – и **просвет** (о чем в главе о Хайдеггере). Часто свет и тьма тяготеют к метафоре, да и сам язык света у Бродского полон иносказаний: «и подъезды, чье небо воспалено ангиной/ лампочки» (3, 236). И если Бродский – аргумент, то свет – «золотой луч» (2,31). Сам по себе свет по-своему тревожен: «Забвенья свет в страну тоски и боли (...) / прекрасный свет над незнакомой жизнью»

(1,31). Свет – некий отсвет торжества: жизни, гармонии, семейного уюта, который старалась сохранить для поэта мать, а после его отъезда продолжала эту память поддерживать: «Воскресный свет» (1, 36) – это прежде всего общение. Свет хорошо проявляет себя в полутонах, которые дороги поэту, наверное, своей неразрешенностью (воспользуемся музыкальной терминологией): «И в этом ровном полусвете / смешенье разных непогод» (1, 37).

У фонаря – другая тональность – тревоги, а потому его присутствие придает повествованию, как правило, минорный лад: «И если погаснет свет, зажжет свой фонарик боль» (1, 224), или «Тоска. Тоска. То тише, то быстрее / вдоль тысячи горящих фонарей» (1, 114). Примеров множество, вот лишь некоторые: «ожерелье фонарей» (1,59), «ночной фонарик нелюдимый» (1, 134); «фонарь сегодняшней печали» (1,35), но вдруг иное настроение, которое для фонаря редко: «фонарь, парадное, уют» (1, 39). В целом фонарь для поэта – и символ темноты тоже – не только освещения, ибо он порождает тень («Под фонарем ваша тень, как дрогнувший карбонарий, отшатывается от вас» 3,235). Но фонарь еще и некая фигура, силуэт, примета города, вносящая неожиданную эмоцию сравнением: «Фонари горят над нами, / как восклицательные знаки ночи» (1, 33) – рисунок схвачен. Есть стихотворение «Без фонаря», воссоздающее атмосферу ожидания далекой весны в ночи, когда перестаешь ощущать даже себя, лишь сердце «екает в груди, / напуганное страшной тишиной/ пространства, что чернеет впереди / не менее, чем сумрак за спиной» (2, 119). В целом образ фонаря нашел свое выражение в одном из самых ранних стихотворений «Современный фонарь смотрит мертвенным оком»³, – свет его искусствен и безжизнен. Есть еще здесь и более щемная строка: «Неужели не я / освещенный тремя фонарями, / столько лет в темноте / по осколкам бежал пустырями?»⁴.

Один из самых ярких визуальных образов света – **пламя**, даже **костер**, давно признанные поэтической метафорой горения, выступают у Бродского в своем приземленном, но очень выразительном виде: «как пламя в позвоночнике печном» (2, 96); «и тучи, пламеня, возвещали о приближенье заморозков» (2, 415) или «В сумерках люстра сродни костру» (3, 241). (Этим образам можно посвятить специальную работу). Стихотворение «Горение» – **огонь** пылающий, где любое слово – **вспышка** действия, вызывавшая лишь «сплошной ожог – не удержавший мозг» (3, 214). Кажется, всё внутри пылает – душа, память, воспоминания. Таков, по его мнению, удел поэта: «Страницу и огонь» он посвящает столетию Анны Ахматовой (4, 58), «жизнь свою, как исписанный лист, / в пламя бросивший» (4, 59) – Геннадия Шмакову.

Все предметы, несущие свет непосредственно или опосредованно, через отражение, так или иначе выказывают настроение, состояние, определенное отношение к той мысли, которая еще только начинает прорываться. Среди всех атрибутов света главное место, пожалуй, занимает свеча – самый близкий поэту

объект горения: «я возбуждение гашу, / но прежде парафиновые свечи», – которые напоминают ему новый Парфенон. «Все общество – свеча» – его собеседник и слушатель, «тень его глядит из-за плеча», а потому поэт никогда не погружается в полное одиночество, осознавая, что у него есть свое бытие, и оно измеримо: «Одиночество есть человек в квадрате» (3, 248). Другое дело – разлука...

Есть даже стихотворение, целиком написанное «языком свечи» (2, 121): «Моя свеча, бросая тусклый свет, / в твой новый мир осветит бездорожье. / А тень моя...» – нельзя не уловить переключки с пастернаковской «Свеча горела на столе». Горечь Бродского полна любви, которая всегда достоинство («но будешь ты озарена /неповторимым светом»), борьба за нее – это война с тенями: «Но новый мир твой будет потрясен / лицом во тьме и лучезарной тенью» (2,123). Текст искрит светочувствительными элементами, просто их перечислим – это на 16 строк: осветит – тень – живой огонь – луч – (снова) тень – озарена – светом – пламя – огонь – во тьме – лучезарной тенью (тень перерождается, освещенная).

У приема *свеча* своя композиция, берущая текст, как в скобки: «Около океана, при свете свечи (...) Пахнет свежей рыбой, к стене прилип / профиль стула (...) / и луна поправляет лучом прилив, / как сползающее одеяло» (3, 134) – *фотозарисовка* домашнего «деревянного» уюта. И еще одна зарисовка – ночной работы над текстом: «Горит свеча и виден край листа», на который выплескивается завершающий аккорд «Исаака и Авраама»: «Открой окно – и тотчас волны хлынут. / (...) И все-таки она горит-горит. / и пожирает нечто, больше жизни» (1, 265). Свеча здесь как столп, который стоит, чтоб освещать память, создавать атмосферу, быть с автором в сотворчестве, наконец, та самая неопалимая купина. Свеча всегда оживляет обстановку, даже самую убогую: «свеча в фургоне зажжена, / нам хорошо одним» (1, 85).

Говоря о свечах, которые Бродский всегда очень любил, нельзя обойти подсвечник – о нем одноименное стихотворение:

Сатир, покинув бронзовый ручей,
сжимает канделябр на шесть свечей,
как вещь, принадлежащую ему.
Но как сурово утверждает опись,
он сам принадлежит ему. Увы,
все виды обладанья таковы.
Сатир – не исключенье. Посему
В его мошонке зеленеет окись (2, 240).

И характерный для Бродского философский вывод, будто всё до этого писалось ради него: «Фантазия подчеркивает явь». А далее – чисто искусствоведческий пассаж: «тем искусство и берет, / что только уточняет, а не врёт, поскольку основной его закон, / бесспорно независимость деталей». И эти детали он внимательно изучает. Налицо свойственная ему фотографичность, предельно точно воспроизводящая предмет и те кон-

клетные моменты, которые могли задеть автора лично: «в его мошонке зеленеет окись». Тут налицо известная в европейской литературе традиция экфрасиса, уходящая своими истоками в описание Гомером щита Аякса в «Илиаде»:

Медяный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легководвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий⁵.

Фигура сатира не могла не привлечь своей явной и художественной историчностью, а в данном случае – отсутствием хотя бы налета прекрасного. Вполне, казалось бы, известная своим уродливым обликом фигура сатира, выражающая мужской дух, здесь выглядит пародией на мужскую красоту с явной похотливостью, готовностью к эрекции и всякого рода играм. Но поскольку подсвечник – вещь, он, как вещь, может погибнуть в любую минуту, и снова – глубокая экзистенциальная мысль: «Нас ждет не смерть, а новая среда», – красноречиво прочитываемая: Бродский стоит перед неким подведением итогов, его личная жизнь меняется кардинально.

Логику мысли Бродского по-своему развивает Григорий Кружков, подчеркивая: «Экфрасис был его жанром: он умел видеть вещь и «фотографировать» ее в памяти своим цепким художественным взглядом»⁶. Тут мы имеем дело с уникальным явлением: **экфрасис как объект фотографирования по Бродскому**: соединяются два вида визуальности, вроде бы живущие по разным канонам. По мнению Кружкова, древний и почтенный жанр экфрасиса⁷ усложнен «рефлексией и элегической нотой». Описываемый подсвечник «представляет собой сатира, обнимающего дерево с шестью ветвями, несущими шесть свечей; это дерево – превратившаяся нимфа из мифа об Аполлоне и Дафне – мифа, сознательно смешанного с другим – о Пане и Сиринге (сатир – или сам козлоногий бог Пан, или один из его свиты). Такой «смешанный» миф обладает даже большей убедительностью, чем исходные: от кого еще убежать прелестной нимфе, как не от козлоногого сатира? Красавец Аполлон заморозил бы и оцепенил ее на месте – если не лучезарной красотой, то своей сладкозвучной лирой. (Дафна пустилась наутек лишь потому, что была, по-видимому, чересчур уж пуглива.) Миф естественным образом вводит в стихотворение мотив обладания, его эфемерности и двусмысленности. И здесь естественно сравнить стихотворение Бродского с одним из самых хрестоматийных произведений английской поэзии, также написанным в жанре экфрасиса, а именно с «Одой греческой вазе» Китса. Один из двух сюжетов, запечатленных на

вазе, – влюбленный юноша, преследующий убегающую девушку». Однако, замечает Кружков, «артефакт, описываемый Китсом, несет некий утверждающий посыл, афористически выраженный в последней строфе: «В прекрасном – правда, в правде – красота» и еще более усиленный наставительной фразой: «Вот все, что нужно помнить на земле». Такого рода заявления, очевидно, чужды поэтике Бродского. Хотя нельзя сказать, что его поэзия антидидактична, – скорее наоборот»⁸. Все же, назидательность не была органичным элементом визуальности у Бродского, легко сочетающей темные и светлые стороны, что прослеживается и в его «Подсвечнике»: язвительность с нескрываемым ехидным наблюдением в начале стихотворения, сменяется умиротворенным: «Никто из нас другим не властелин» (2,241). Хорошая мысль.

Подсвечник не единожды встречается у Бродского. «Подсвечника осьминога» поэт описывает в «Набережной неисцелимых» (7, 45. Перевод Г. Дашевского) как приметку Венеции, точнее того, что мельком выхватывает глаз: «Ибо иногда на другом берегу канала в двух-трех горящих, высоких, закругленных, полузавешенных газом или тюлем окнах ты видишь подсвечник-осьминог, лакированный плавник рояля, роскошную бронзу вокруг каштановых или красноватых холстов, золоченый костяк потолочных балок – и кажется, что ты заглянул в рыбу сквозь чешую и что внутри у рыбы званый вечер» (7, 45). Осьминог тут приводится Бродским не случайно, он замечает «о родстве чернил с осьминогами» (7, 37).

Описанием подсвечника заканчивается «Исаак и Авраам», где незаметно библейская эпическая история о жертвоприношении встраивается в еще более эпическую и трагическую историю судьбы еврейского народа, апофеозом чего стал Холокост. В те годы (поэма написана в 1963 году) Холокост (по-русски Катастрофа) не был столь заметным событием ни в мире, ни тем более в Советском Союзе, где о нем официально не упоминали, слово Катастрофа появилось позже, но Бродскому эти факты не могли не быть известными, хотя бы из разговоров родителей между собой. Да и сама тема не оставалась чуждой – достаточно вспомнить, что на одном из своих первых поэтических выступлений в Ленинграде он прочитал стихотворение «Еврейское кладбище», чем поверг устроителей в легкий шок. Почему я столько внимания уделяю этому, вроде бы не имеющему прямого отношения к теме вопросу? Да потому что весь шквал пространственно-временных сцеплений, которыми Бродский виртуозно оплел символический эпизод из жизни Авраама и Исаака, соединив на едином пространстве бытия библейских героев разные исторические пласты а в сущности, нажав на начальную педаль по имени Авраам, он протянул ее звучание почти до нынешнего времени, наполненного отзвуками недавнего горя Второй мировой войны и фашистских зверств.

Подсвечник в таком регистре становится незагорающим светильником торжествующей жизни, и у него нет и не будет конца, как предсказано в Библии

о еврейском народе. Но у этого подсвечника было, оказывается, продолжение. В 1990 году – день празднования Бродским своего юбилея, его давний друг и издатель Эллендея Проффер Тисли «преподнесла ему особый подарок – его декоративный подсвечник из Ленинграда, тот, что был описан в его стихотворении и оставлен нам на память. Сказала, что подсвечник должен вернуться к нему в эту торжественную годовщину»⁹.

Так уж получилось, что именно подсвечник становится участником заключительной каденции в «большом стихотворении. Темпераментно, в многоголосии слов и вместе с тем сдержанно Бродский поет свой гимн-реквием по жертвам Холокоста, связав библейского Авраама с русским Абрамом, а Исаака – с Исаком, начавшийся дождь смывает следы позора, поминая тех, кто погиб, кто был принесен в жертву и не был спасен. Здесь много образов и смыслов, например, не раз упоминаемая им восьмерка: «Бесшумный поезд мчится сквозь поля, / (...) сквозь цифру 8» (1, 264), – как символ бесконечности («Бесконечность велосипедной восьмеркой» 4, 32) – так бесконечна библейская история и вечны ее жертвы, а поезд мчится сквозь эту своеобразную эмблему, наперекор другой – свастике... (Ныне, в среде новых фашистов – неофашистов, две восьмерки – их знак. Но никто из них не знает, что восьмерка, обозначающая бесконечность, должна лежать). Но поверх всех иносказаний, позволяющих показать трагедию истории в ее максимальном измерении, возвышается и всё суммирует свеча:

Но сам язык свечи,
забыв о том, что можно звать спасеньем,
дрожит над ней и ждет конца в ночи,
как летний лист в пустом лесу осеннем (1, 266).

Поэт легко оперирует символикой вещи, если эта вещь связана со светом и его отражениями, трансформируясь в символику языка, в котором тень, темнота, вплоть до черного цвета, перемещаются, усиливая выразительность композиции и роль свечи, почти ее одушевляя. Перемежающиеся светлые и темные *снимки* того, что предстает глазу поэта, – точно мелькающие карты, и у каждой свое обозначение и масть. Тень – последнее, что остается, когда вокруг горит: «И кто прочтет мою поэму. Тень. / Огонь, огонь. Столетие – в ружье!» (1, 117). Но тень всегда зависит от света, даже когда его нет. «Человек размышляет о собственной жизни, как ночь о лампе» (3, 88), ничто так не освещает тьму жизни, как мысль о ней¹⁰. Тень – не только некий отсвет света, но еще и продолжение линии судьбы, желания, которое сродни огню, пламени: «Одним огнем порождены / две длинных тени. / Две области поражены / тенями теми. (...) Да, этот язычок огня, – / он род причала». Но и конца: «Огонь, предпочитая сам / смерть – запустенью» (2, 161).

Другие выразители и носители света – как правило повседневные, сопутствующие человеку на улице, дома, в подъезде, их настроение уловит тот, для кого

эти световые точки – реалии бытия, фиксирующие свет как отражение: «мерцал на перекрестке световор» (1, 149), «и всего сильнее / электрический свет в глазах» (1, 223), «вспышки сигарет» (1, 80), «горела лампа в розовом углу, / пятно ее лежало на полу» (1, 151) – обозначение тени; «А как лампу зажжешь, хоть строчи донос» (3, 249); «Белый свет и желтый свет / отмывают мозг от бед», – точнее не скажешь о запечатленном зимнем вечере, который «лампу жжет» (2, 89), одновременно видишь и ощущаешь свет огня («а сам огонь, светясь голубовато, / поглотит, ослепив твои глаза...») (2, 62) и того, что он освещает: «Костер полыхал, но полено кончалось» (4, 81).

Свето-теневые перевоплощения в их повседневности побуждали поэта к антропологическим размышлениям, а потому их сентенции конкретны, что помогает им быть глубоко метафорическими: «черный край континента», где «зыблется свет неверный» (2, 18). Языком тревоги пронизан пейзаж заката: «Смотритель лесов, болот, / новый инспектор туч / (без права смотреть вперед) / инспектирует луч / солнца в вечерний час» (2, 52), и слово «инспектор» – вроде совсем не эмоциональное, бюрократическое, лишь усиливает картину запрета.

Осенний сумрак листья шевелит
и новыми газетами белеет,
и цинковыми урнами сереет,
и облаком над улочкой парит (1, 93).

Убогая красота городского пейзажа прорвется в воспоминании, личном восприятии некоей фотопрезентацией как застывший миг. У поэта наготове целый арсенал способов освещения. Свет являет и характеризует воду: «вода и белый свет» (1, 82) или «черная вода ночной реки не принимает снега» (3, 34).

Тьма, темнота, ночь, мрак – постоянные спутники света, но противоположные ему, однако его не исключают, скорее выделяющие, соперничающие с ним и даже взаимосочетающиеся: «струился свет, переходя во тьму» (1, 152); «сколько света набилось в осколок звезды, / на ночь глядя!» (3, 192); «бывает ночь длиннее дня / и тьма вдвойней сильнее света» (1, 187). Всё это как пространство бытия и небытия, тогда «скорость света – бедствие», поскольку для созвездий «присутствие их суть отсутствие, и бытие – лишь следствие / небытия» (4, 171). Отсутствие света не означает конец *фотосъемки*, наоборот, он лишь побуждает воспринимать темноту так, чтобы она, несмотря ни на что, позволяла себя запечатлеть. Подобная светочувствительность была воспитана в Бродском Ленинградом, известным своими «белыми ночами» и долгими темными «паузами»: «По ночам темнота, что всегда была / непроглядна» (4, 93).

Мрак преодолит: «С недавних пор я вижу и во мраке» (1, 208). Темнота может быть объемлющей и со знаком тепла: «кто-то нас в темноте обнимает за плечи» (1, 202); «Но темнота тебе в окошко звякнет / и подтвердит, что это вправду ночь» (2, 61). Ночь, темно-

та берут за плечи и не отпускают, превращая тебя в человека, «который привык, / поездами себя побеждая, / по земле разноситься, как крик, / навсегда в темноте пропадая» (1,47). Темнота, как правило, – примета ночи, но и какое-то средство для оправдания, ибо она «извиняет отсутствие лиц (...) пропавших из виду» (3, 81). Очень зримая картина ночи на опушке леса: «Ночь встает на колени перед лесной стеною» (2, 14) – трепет живой жизни, не то от страха, не то от очень большой веры или поиска ее. У Бродского есть стихотворение, описывающее, как медленно, постепенно, колдовским маневром, опутывает темнота, сколько здесь наблюдений, шевелений, неясной боязни, откровенного чувства страха, так и ощущаешь эту тихую поступь другого мира, ибо темнота – живое существо, которое приходит в условленный час и берет в свой плен:

Огонь, ты слышишь, начал угасать.
А тени по углам – зашевелились.
Уже нельзя в них пальцем указать,
прикрикнуть, чтоб они остановились.
Да, воинство сие не слышит слов.
Построилось в каре, сомкнулось в цепи.
Бесшумно наступает из углов,
и я внезапно оказался в центре.
Все выше снизу взрывы темноты.
Подобны восклицательному знаку.
Все гуще тьма слетает с высоты,
до подбородка, комкает бумагу.
Теперь исчезли стрелки на часах.
Не только их не видно, но не слышно.
И здесь остался только блик в глазах,
застывших неподвижно. Неподвижно.
Огонь угас. Ты слышишь: он угас.
Горючий дым под потолком витает.
Но этот блик – не покидает глаз.
Вернее, темноты не покидает (1,199).

Но чаще темнота у Бродского неразрывна со светом: «ночь, всеми фибрами трепеща / как насекомое, льнет, черна, / к лампе» (4, 28), где нет сопротивления, наоборот, непривычно представлять себе ночь, нуждающуюся в свете, однако бывают моменты, когда поэт готов выбрать темноту и вполне сознательно: «Лучше жить в темноте», ибо «Мне опротивел свет» и еще откровеннее: «Я не люблю людей», но «Когда опротивеет тьма, / тогда я заговорю» (2, 422). Здесь, разумеется, темнота не столько конкретное физическое явление, сколько внутреннее, личностное, вплотную подводящее к пониманию того, как рождается у Бродского поэтическое высказывание. В стихотворении «Натюрморт» наблюдения перевешивают собственные переживания смерти, ее ожидания как «небытие на свету», ибо люди «умрут. / Все. Я тоже умру». Смерть всех приравнивает: «Все будут одинаковы в гробу. / Так будем хоть при жизни разнолики!» (2, 213).

Жизнь и смерть – свет и тьма. Если жизнь у поэта объемна и разнообразна, то смерть конкретна, она может быть *экзистенциальная, биологическая*, в данном

контексте она – явление *психологическое* и даже *эстетическое*, воздействующее на творчество, способное запечатлеть сумерки, когда «Больше нет ничего», этот переходный момент от тьмы к свету или от света во тьму, вот тогда «Смерть придет, у нее / будут твои глаза» (2, 425). Всё это – вопрос будущего. В настоящем главное – не оставаться в тени: «Человек в тени, / словно рыба в сети»... При всем наличии фотографического реквизита стихотворение «Натюрморт» не представляет собой *снимка*. Здесь иная фактура стиха и показательно, что именно оно избрано Автухович примером *экфрасиса*¹¹.

Что такое натюрморт? Мертвая натура. Отсюда и время прошедшее, тогда как в настоящем автор сам – мертвая натура, и вокруг никто и ничто витальности не добавит. Стихотворение написано в 1971 году – канун высылки из страны. Этот год особенно тяжел. Подобная скрещенность времен – нынешнего прошедшего – субъективного, и давно прошедшего – объективного, исторического, усиливает чувство разлада с реальностью, что знакомо любому. Бродский с обезоруживающей откровенностью ставит перед собой вопрос – не о вере, а о ее атрибутике: не есть ли многочисленные лики Христа тем же натюрмортом? Стихотворение состоит из десяти частей, каждая включает по три строфы: четко обозначенная композиция. Форма идеально продумана и соблюдена. В самом же тексте ни в чем нет однозначности. Невольно на ум приходит сравнение с блоковским Христом, которого поэт точно так же неожиданно включает в финал своей поэмы «Двенадцать» – от растерянности и не испытывая, видимо, больше ни к кому и ни к чему веры. Спасение в том, Кто был отринут всеми! Для Бродского таким финальным берегом, к которому он пристает, исколесив всевозможные ощущения света и тьмы, становится разговор Христа с матерью. Субъективно момент ему очень близкий, особенно, если принять во внимание его собственные отношения с матерью: «Ты мой сын или Бог?» – «Мертвый или живой, / разницы, жено, нет. / Сын или Бог, я твой» (2, 425). Материнская любовь – самая сильная, преданная, вечная.

Выраженный сугубо визуальным языком «Натюрморт» не оставляет никаких сомнений в том, что автор продирается сквозь мир вещей, старой мебели (буфет как Нотр-дам!), пыли, людей, которые окружают, к своему собственному свету, свободному от вещей, к чистой идее. «Не в том суть жизни, что в ней есть, / но в вере в то, что в ней должно быть», – утверждал он ранее («Пенье без музыки» 2, 390). Для Бродского Бог был всё же иудейским, и он сам об этом не раз говорил в интервью, следовательно, стихотворение обращено и к его Богу тоже. Но тогда можно предположить, что сюда прорывается и свет, излучающий «сияние» (האור – *зогар*, иврит), согласно каббалистическому учению, которое, по моим ощущениям, близко Бродскому¹². Однако в целом не стоит религиозную тематику у Бродского, в том числе и христианства, понимать как проявление веры. Его пример демонстрирует выразительность христианства как художественного мира, со своими сюжетами, образами и героями.

Разумеется, тень многозначней тьмы и незримо связана с человеком: «как тень людей – неуязвимо зло» (1, 88), она способна осветить момент или воспоминание: «чья-то тень над родным патефоном», – но ее присутствие порождает чувство неприкаянности, как что-то назойливое и мешающее, бесцельность: «ты все шатаешься, как тень, и глухо/ под нос мурлычешь песни» (2, 62). Тень не освещает, она поглощает. И потому она предметна: на стене «теней в кустах битком набито» (2, 83).

Нельзя не вспомнить эссе, посвященное Одну, «Поклониться тени» (5, 256–275). Или «Письма к стене» (а без стены, как известно, нет тени), первые слова которых – парафраз мандельштамовской просьбы-моления «Сохрани мою речь»¹³ – «Сохрани мою тень» (2, 21). Стихотворение строится по принципу переключки страхов и не случайно: написанное в 1964 году в ссылке, оно словно продирается сквозь сплетенные воедино ощущения смерти, ее предчувствий, переданных мучительно, ритмично и совершенно справедливо – в единстве с судьбой Мандельштама. Его поэзию Бродский любил цитировать. Мандельштам: «Петербург! Я еще не хочу умирать»¹⁴ и Бродский: «Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму» (2, 21). Мандельштам: «и в висок/ Ударяет мне вырванный с мясом звонок»¹⁵. Бродский: «Хорошо, что всегда все равно вам, кого вам казнить». Мандельштам: «Рыбий жир ленинградских речных фонарей»¹⁶; и «желтый бесплатный жемчуг / уличных фонарей» (3, 236) и «ползет ярко-желтый рассвет по трубе» – у Бродского (2, 22).

В пересылочной архангельской тюрьме Бродский создает одно из самых знаменательных стихотворений – «Сжимающий пайку изгнания...»¹⁷.

Бывает, что «тень интересней мне», ибо «порок слепоты / время приобрело», – и на эту тему создается стихотворение «Сидя в тени» (3, 255–261). В размышлениях о детях как новом поколении, с надеждой, что «ежедневная ложь / и жужжание мух / будут им невтерпеж, но разовьют их слух» – в сравнении с его собственным опытом, «кому застать повезло/ уходящий во тьму мир», и будущее представляется черным, «но от людей, а не оттого, что оно/ черным кажется мне», – эта мысль по сути дела повторяет его идею, уже однажды высказанную, что «мрак/ всего лишь форма сохранения света от лишнего трат» и более того, он – «всего лишь форма сна», а точнее – «сновиденья света» («Рембрандт»¹⁸). Любопытно и показательны, что на офорты голландского художника Бродский смотрит как фотограф, измеряя нарисованное освещением: «Не лица разнятся, но свет различен: / одни, подобно лампам, изнутри/ освещены. Другие же – подобны/ всему тому, что освещают лампы», – как бы вырисовывая двустороннюю функцию лампы. Уже тут заявляют о себе свойственные ему визуальные символы, прежде всего – зеркало: «он обнаружил в зеркале лицо, которое / в известном смысле / есть зеркало». Рембрандтовскому зеркалу он доверяет больше, чем своему, оно старше его соб-

ственных *зеркал*, ибо Рембрандт старше Бродского, и поэт, пока создавал это стихотворение, прошел важную для себя школу жизни, отразив собственный процесс взросления:

И зеркало сумело
правдиво – и на многие века –
запечатлеть Голландию и то, что
одна и та же вещь объединяет
все эти – старые и молодые – лица;
и имя этой общей вещи – свет, –

давая как таковому свету и тени, их расстановке свою оценку. Если поставить перед собой цель: познать себя как самого себя, что и сделал, по его наблюдениям, Рембрандт, картина для Бродского, «сидящего в тени», – становится и его собственным опытом самопознания: «Всякая зоркость суть / знак сиротства вещей», – с довольно грустным выводом: «В этом и есть, видать, / роль материи во / времени – передать / *всё* во власть *ничего*», и не менее пессимистическим завершением: «Так марают листы / запятая, словцо» (3, 261). По-видимому, здесь сказалось еще и его тяжелое, горькое настроение, преследовавшее его почти накануне высылки за границу: он уехал в 1972 году, стихотворение написано в 1971. Как автобиография оно весьма красноречиво¹⁹.

«Любое выраженье
лица – лишь отражение того,
что происходит с человеком в жизни.
А происходит разное:
сомненья,
растерянность, надежды, гневный смех –
как странно видеть, что одни и те же
черты способны выразить весьма
различные по сути ощущения» (...).

Главное для художника, по мысли поэта, – не труды и не слава его, а то, что он «делал тени из ясного света», то есть способен был преобразовать «дорожку в темноту» и не страшиться мрака, который «всего лишь форма сохранения света», стремился к тому чтобы светотеневым языком изложить, в сущности, экзистенциальную программу действия в ситуации, которая не дает права на его реализацию. Да и свет здесь у Бродского – понятие разоблачающее: «задуйте свечи, опустите шторы. / Чего во мраке стоят ваши лица?». Бродский тут высказывает претензии людям, что в принципе ему не свойственно, он избегает давать оценку другим. Себя – да, не щадит, выставляет напоказ. Однако стихотворение о Рембрандте иного свойства, не о себе (хотя и о себе!), о другом человеке, художнике, который служит Бродскому примером, отсюда его желание сказать людям, что иногда «они всего лишь пользуются светом / и часто злоупотребляют им». Между тем свет и тень по Бродскому, – понятия неразделимые, более того, обладают единством, ибо «тень и свет нас превращают в людей».

Точно так же бросок иль рывок
подтвержден неотступною тенью.
Так и жизнь – подтверждает кивок
в толчее, – человеку – виденью... (1, 238).

Свет («свет от лампочки в полете» 2, 23) и тени в их многочисленных вариациях предопределяют пространственное восприятие Бродского, в свою очередь спаянное со временем. А сам визуальный эффект с его монтажностью, соединением отдельных исторических пластов и планов, благодаря чему ассоциативная связь разных фактов истории получает единую перспективу, делает предельно сложной (как оно и бывает в реальности) и в то же время живой картину высказывания-стихотворения, даже нескольких строк. Текст складывается из наслоений, каким бывает восприятие, фиксируется визуально, в этой визуальности уже заложены чувство, слух, собственный голос и ритм, знакомый именно фотографу, идущему, смотрящему, ищущему, что придает динамику возникающему стихотворению. Благодаря этому движение мысли, чувств, переживаний становится явственным, зримым, прорисовывает судьбу, открывая неизмеримые глубины человеческой души и в целом существования. И еще. Сама пластичность картины, ее многослойность осуществляются за счет взаимоотражений, и каждый слой внутри имеет свое собственное отражение, за чем скрываются (и открываются) мир видимый и мир переживаемого, иными словами – мир внешний и внутренний, но не в их автономности, а во взаимопересечениях. Такое отражение не может повторяться, оставаясь единственным, то есть индивидуальным и неповторимым: «отражение еще одной вещи невыносимо» (4, 26), то есть двух равнозначимых светящихся точек быть не должно на его *снимке*.

Свет и тьма не столь однозначно самостоятельны, они переливчаты и могут поменяться местами: «Темнеет надо мною свет» (2,93). Борение света и тьмы («бродит поле такой белизны, что темнеет в глазах у метели») (2, 23); борение поэта с тьмой: «и я зажевываю тьму» (2,58), ибо смерть – «та же тьма; / но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула» (3, 77).

В поэтике Бродского нередко свет спрятан, хотя и подразумевается, аллегорией выступает тень, тьма, чернота: «Натуральная тьма / наступает опять, / как движенье ума / от метафоры вспять» (1, 140). Тьма возвращает к реальности, заставляет напрячься, чтобы видеть, но нет в ней ни страха, ни покорности, ни безнадежности, она – жизнь: «Сохрани на черный день, / каждой свойственный судьбе, / этих мыслей дребедень, обо мне и о себе» (3, 271).

Получается, что в каком-то смысле свет – прежде всего это – свет глаз, выводит поэта, а с ним – мысль, из мрака, то есть из небытия: «Взгляд, прикованный к чертам, / освещенным и в тени» (3, 269).

В визуальной палитре Бродского есть образ, который выходит за пределы его системы фотографичности, обладая собственной жизнью, характером, судьбой. **Звезда**. Оригинальный и вместе с тем конкретно осяза-

емый облик звезды присутствует во всех практически стихотворениях известного Рождественского цикла поэта, везде звезда особо красноречива, она не только несет свет, а с ним – участие, она всезнающее око: «Звезда, пламеня в ночи, смотрела» (1, 282), «Звезда светила ярко с небосвода» (2, 20); «Звезда блестит, но ты далека» (2,32). Звезда отличалась свечением и «способностью дальнего смешивать с ближним» (4, 81), а еще и умением понимать в молчании и молчание: «Звезда глядела через порог. / Единственным среди них, кто мог / знать, что взгляд ее означал, / был младенец; но он молчал» (4, 203). Звезда – постоянный свет *оттуда*: «А если ты дом покидаешь – включи/звезду на прощанье в четыре свечи, / чтоб мир без вещей освещала она» (4, 151), – мир земной, вещевой, пусть остается тусклым.

Все Рождественские стихи освещены, но как бы изнутри, что выражают огонь, костер, небо, младенец в золотом ореоле волос, «обретавших стремительно навык свеченья» – «подобно звезде» (4, 43), которая, однако, не снаружи смотрит, она находится внутри, с теми, кто оказался сейчас в пещере. Более того, звезда для поэта – связующее того, что можно назвать *начало и конец Вселенной* – свет исходит от неё и к ней возвращается, очерчивая круг человеческого бытия:

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
шепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок (4, 151).

Эта игра света сквозь призму звезды в Рождественском сюжете имеет у поэта свой индивидуальный смысл, стоящий несколько в стороне от световых эффектов его поэзии в целом. Экзистенциальная сущность Рождественских стихотворений превышает их феноменологический импульс: они являют наиболее цельный пример самовыражения Бродского в его отцовско-сыновней любви (тоска по умершим родителям и оставленному сыну невероятная) и в целом – мироздания: пронзительная судьба Земли – «покуда земля существует: везде» (4, 43), а потому

Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли – поскольку там больше места (4, 168).

В «Рождественской звезде» поэтическая светочувствительность принимает вполне конкретные очертания: родившийся младенец предстает в лучах смотревшей на него издали звезды, светящейся точкой в глубине пещеры. Используя вроде бы известный сюжет о Вифлеемской звезде, Бродский «очеловечивает» и даже конкретизирует его, избирая в качестве своего главного конструкта звезду, которая несет радость Отцу и Сыну, дарит Им встречу, соединяет их: «И это был взгляд Отца» (4, 10).

Звезда в поэзии Бродского встречается не раз, она для него, словно ведущая всей цивилизации: «Накал

нормальной звезды таков, / что, охлаждаясь, горазд породить алфавит, / растительность, форму времени; просто – нас, / с нашим прошлым, будущим, настоящим» (4, 87). Наблюдая за закатом, освещающим синий залив, Бродский ищет и находит звезду: «Синева вторгается в тот предел, / за которым вспыхивает звезда» (4, 167). Звезде не обязательно быть небесной, она может явиться морской: «и звезда морская в окне лучами / штору шевелит, покуда спишь» (3, 44), ее участие в жизни человека неизменно, и поэт постоянно это ощущает («и, чтобы никуда не ломиться за полночь на пороге, / звезды, не зажигаясь, в полдень стучатся к вам», 4, 172). Никто и ничто не в силах погасить свет звезды:

Натуральная тьма
наступает опять,
как движенье ума
от метафоры вспять,
и сиянье звезды
на латуни осей
глушит звуки езды
по дистанции всей (1, 140).

Повествуя на темы, сами по себе возвышенные, избирая героев, о которых принято было говорить лишь с соблюдением дистанции, Бродский, с удивительной деликатностью и вместе с тем легкостью, превращал Деву Марию, Младенца, Небесного Отца в повседневных людей, рисуя их будничным мир – пустынное небо, пещеру в снегу, костер и огонь, одухотворяя простой быт, не жизнь, а выживание, знакомое ему не понаслышке. Идет время, и «все стало набором игрушек из глины» – «Тогда в Вифлееме всё было крупней» (4, 107)... Конечно, в бытность свою в Советском Союзе, когда Библию удалось достать и прочитать ему лишь в 1963 году, впечатления далекой Истории воспринимались ярко, многозначно, пробуждая фантазию, воображение. А тут, в Америке, где Рождество – один из самых любимых праздников, всё вокруг украшают, наряжают ёлки и вешают разноцветные огни, из-за чего, и Бродский это понимал, пропадает подлинная суть События, поглощенного суетой.

Рождественский цикл при всей тематической целостности создавался урывками, но регулярно, начиная с 1961 года. Перерыв заметен лишь с 1972 года – его эмиграции, до 1980. Нигде не найдя этого цикла, собранного вместе, попыталась составить сама, руководствуясь его собственной логикой и реакцией на Рождество. Есть стихотворения чисто «рождественские», на известный сюжет (выделены жирным), есть посвященные этому дню, а есть имевшие свои события внутри данных фактов. В любом случае все они дают представление о том, как важны были «перипетии» Отца и Младенца для поэта и как они отразились в его поэзии. В христианской литературе существует немало мнений, где же останавливались Мария с Иосифом – был ли это овин, пещера или гостевая комната, которую устраивают в задней части

дома для неожиданно захавшего гостя, вплоть до того, что такового события вовсе не было, это всего лишь легенда, возникающая в русле римских сказаний того времени. У Бродского в отношении этого факта сохранялась своя устойчивая точка зрения, которую он никому не навязывал. И переживал серьезно и глубоко случай рождения младенца в тяжелых условиях, как крайне несправедливый и как проявление свойственной человеку бесчувственности: «В клёкоте, в облике облака, в сверканье ночных планет / слышится то же самое "Места нет!"» (4,95). Несправедливость – как вполне сформировавшееся отношение человека к человеку – везде и на все времена.

Рождественский цикл Бродского

1. «Рождественский романс», 1961 (1,134)
2. «Зофья», поэма («В сочельник я был зван на пироги»), 1962. (1, 149–167).
3. **«Волхвы пришли. Младенец крепко спал».** («Рождество»), 1963 (2, 20).
4. **«Рождество 1963 года»** («Спаситель родился/ в лютую стужу»), 1963–1964. (1, 282).
5. «Новый год на Канатчиковой даче», 1964 (2, 10).
6. «Звезда блесит, но ты далека», 1964 (2,32).
7. «1 января 1965 года» («Волхвы забудут адрес твой»), 1965 (2, 118).
8. «... И тебя в Вифлеемской вечерней толпе», 1969–1970 (2, 334).
9. «Второе Рождество на берегу незамерзающего Понта», 1971 (2, 416).
10. **«24 декабря 1971 года»** («В рождество все немного волхвы»), 1972 (3,7).
11. «Рождество без снега, шаров и ели» («Лагуна. VI»), 1972 (3,45).
12. **«Сретенье»** («Когда она в церковь впервые внесла»), 1972 (3, 13–15).
13. «Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве», 1980 (3, 192).
14. «Рождественская песенка военного положения», 1981 (4, 322, в оригинале).
15. **«Рождественская звезда»**, 1987 (4, 10).
16. **«Бегство в Египет»**, 1988 (4,43).
17. **«Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере»**, 1989 (4,70).
18. **«Не важно, что было вокруг»**, 1990 (4, 81).
19. «Мир создан был из смешенья грязи, воды, огня», 1990 (4, 95).
20. **«Младенец, Мария, Иосиф, Цари...»** (Presepio – Ясли), 1991 (4, 107).
21. **«Колыбельная»** («Родила тебя в пустыне»), 1992 (4,116).
22. **«25. XII. 1993»** («Что нужно для чуда?»), 1993 (4, 151).
23. «В воздухе сильный мороз и хвоя», 1994 (4, 168).
24. **«Бегство в Египет (II)»**, 1995 (4, 203).

В этом цикле есть стихотворение о чрезвычайно драматичном пребывании поэта в психбольнице, у ко-

торого, кроме названия официального («Новый год на Канатчиковой даче»), есть еще одно, сугубо личное: «Рождественский гусь».

Спать, рождественский гусь,
отвернувшись к стене, с темнотой на спине,
разжигая, как искорки бус,
свой хрусталик во сне.

Ни волхвов, ни осла,
ни звезды, ни пурги,
что младенца от смерти спасла,
расходясь, как круги
от удара весла (2, 10).

Особняком стоит и «Рождественская песенка военного положения» – с посвящением известным польским русистам и переводчикам, друзьям поэта Виктору Ворошильскому и Анджею Дравичу. Стихотворение было написано по-английски («A Martial Law Carol») и опубликовано в «The New York Review of Books» (1981), на польский язык его перевел С. Бараньчак, на русский – В. Куллэ. Привожу его в переводе русского поэта:

Рождество – а я
как не рад ему.
Польские друзья
брошены в тюрьму (...)
Странно подурнел
глобуса анфас.
Блеск созвездий не
холоднее нас (...)
Я хотя б строкой
перейду кордон
и коснусь сердец
тех, кто в Польше ждёт.
Рождеству конец.
Трибунал грядёт²⁰.

Несмотря на то, что оба стихотворения явно выпадают из рождественского контекста, в действительности они лишь подчеркивают ярко выраженный, я бы сказала, личностный шарм всего цикла, тесно связанного с биографией Бродского. Ну а если исходить из обратного – от написанного идти к биографии, тогда сам факт их создания лишь усиливает значимость визуальных эффектов со всеми присущими его поэтике метафорами, кодами, архетипами. Их тексты будто светятся, их визуальность явственна и красноречива, сохраняя приметы текстуальной фотографичности.

Поэт так объясняет креативную необходимость возникновения цикла: «У меня семь или восемь стихотворений рождественских²¹. Это для меня не столько дисциплина, сколько до известной степени... и дисциплина... Как человек каждый год фотографируется, чтобы знать, как он выглядит. По этому можно, как мне казалось, более или менее проследить стилистическое развитие – развитие души в некотором роде, то есть эти

стихотворения – как **фотографии души**»²². Сравнение для Бродского не случайно: «Подобно тому как у других отмечают рост детей карандашными метками на кухонной стене, отец ежегодно в мой день рождения выводил меня на балкон и там фотографировал» (5, 345, перевод Д. Чекалова). То, что по-видимому ребенком воспринималось как сугубый интерес родителей к его развитию, для самого поэта превратилось в важнейшее правило жизни, которое требовало того, чтобы ее фиксировать и таким образом измерять себя, а следовательно – и познавать. «К сожалению, масса негативов потеряна»²³, – но тут уже поработала реальность.

Жаль только, что до сего дня в его честь не назвали ни одну звезду.

Благодарю Александра Баршая за вдумчивую редактуру моего непростого текста, и Александра Аграновского – за предоставленные материалы, которые помогли мне справиться с задачей.

¹См. предыдущую статью на эту тему: *Твердислова Е. Фотоснимок в тексте. Эффект фотографичности в поэзии Бродского // Лига Культуры. Одесса, 2019. № 15. С. 168–172.*

²Здесь и далее цифры, данные через запятую, обозначают том и страницу собрания сочинений Бродского. См.: *Сочинения Иосифа Бродского. – СПб.: Пушкинский дом, 1998–2001.*

³ *Иосиф Бродский Стихотворения и поэмы. – Washington, D. C.; New York: Inter-Languague Literary Associates, 1965. P. 81.*

⁴ Там же. P. 82.

⁵ Гомер. Илиада. Л., Наука, 1990. Песнь 7. С. 220 / перевод Н. И. Гнедича; издание подготовил А. И. Зайцев.

⁶ Кружков Г. «Подсвечник» И. Бродского и кое-что об «Исааке и Аврааме» // *Звезда*, СПб., 2018. № 5. С. 35. Посвящается Бродскому.

⁷ По мнению Т. Автухович, именно «живопись определяла модус видения мира у Бродского, занимала доминирующее положение в его индивидуальной иерархии искусств и художественных пристрастий, характеризовала понимание творческого процесса и ассоциативный фон восприятия других поэтов». – См.: *Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела»... Экфрасис Иосифа Бродского. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie, 2016. С. 28–29.*

⁸ Кружков Г. «Подсвечник» И. Бродского... С. 37.

⁹ *Эллендея Проффер Тисли. Бродский среди нас / перевод В. Голышева. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 171.*

¹⁰ Напомню, что одна из ипостасей света – зеркало, в силу своей способности отражать, в том числе и свет. О многофункциональности зеркальных поверхностей в поэзии Бродского речь идет в других частях рукописи.

¹¹ *Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела...». С. 91–110.*

¹² См.: *Раби Шимон бен Йохай*. Фрагменты из трактата «Зогар» / пер. с арамейского, сост., статьи, примеч. и коммент. М. А. Кравцов. М. : Гнозис, 1994. Запечатленная здесь светоносность духовной жизни пронизывает все творчество Бродского. Однако это – отдельная тема.

¹³ Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 тт. М. : Терра – Terra, 1991. Т. 1. С. 158–159.

¹⁴ Там же. С. 159.

¹⁵ Там же. С. 158. Знаменитое стихотворение «Ленинград».

¹⁶ Там же. С. 158.

¹⁷ См.: Твердислова Е. Фотоснимок в тексте... С. 168–169.

¹⁸ Стихотворения Иосифа Бродского «Рембрандт. Офорты» нет ни в одном собрании его сочинений. Видимо, потому, что оно было частным заказом режиссера Виктора Кирнарского к его документальному фильму о Рембрандте, которое, в итоге, было «Леннаучфильмом» отвергнуто и впервые опубликова-

но режиссером в «Московских новостях» в 1966 году (№ 5) с собственным комментарием. См.: *Автухович Т.* «Художник должен видеть и во мраке»: стихотворение И. Бродского *Рембрандт. Офорты* и «рембрандтовский текст» русской поэзии XX века // «Шаг в сторону от собственного тела»... С. 211–238.

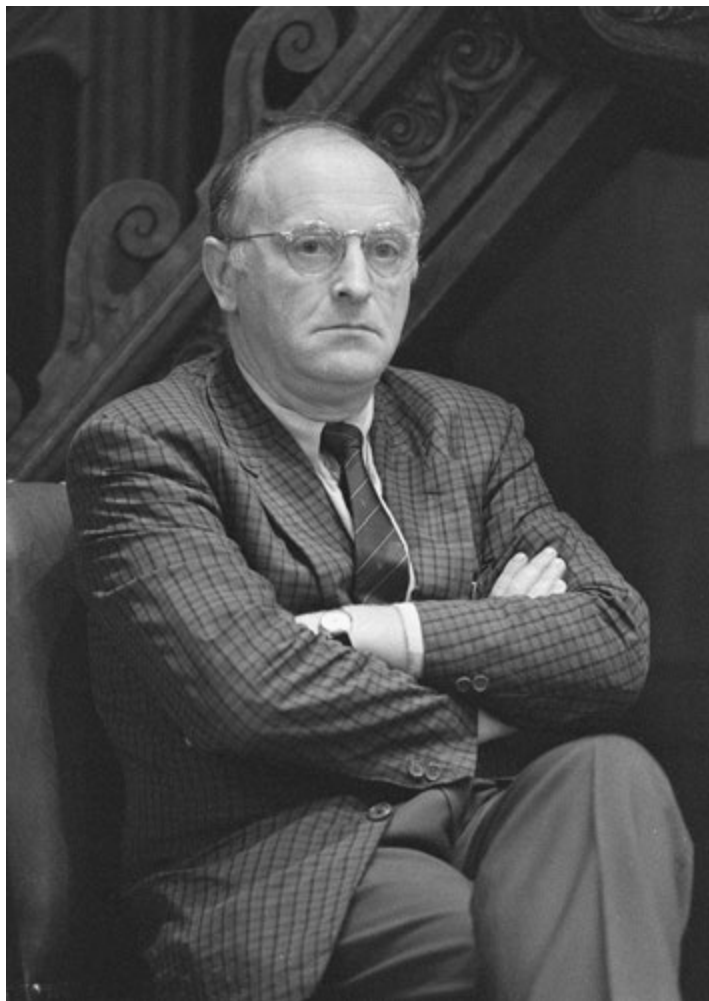
¹⁹ Не случайно В. Полухина назвала это стихотворение «поэтическим автопортретом Бродского». См.: Полухина В. Поэтический автопортрет Бродского, Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба // Звезда. СПб., 1998. № 5–6. С. 145–153.

²⁰ См. <http://kulle.livejournal.com/83334.html>

²¹ Удалось выявить 24 стихотворения, из них 12 непосредственно отражают этот сюжет.

²² Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / перевод со швед. Б. Янгфельдта; пер. с англ. А. Нестерова. – М. : Астрель: CORPUS, 2012., С. 330–331.

²³ Там же.

Иосиф Александрович Бродский (24.05.1940 – 28.01.1996)

СЕРГЕЙ СНЕГОВ И ЕГО МИРАЖИ

Сергей Александрович Снегов

В августе этого года исполняется 110 лет со дня рождения Сергея Александровича Снегова – философа, физика, астронома, писателя-фантаста (5.08.1910–23.02.1994). Имя Сергея Снегова известно многим любителям научной фантастики.

Сергей Александрович Снегов (по отчиму Сергей Иосифович Штейн, по отцу Сергей Александрович Козерюк) родился в Одессе 5(18) августа 1910 г. Поступил в Физико-химико-математический институт Одесского университета. Преподавал в Одесском университете философию.

После окончания Одесского университета переехал в Ленинград. Занимался литературным творчеством, задумал диссертацию по теоретической физике. К числу личных предпочтений Сергея Снегова относится естественное обогащение воды в Заполярье, после чего началось строительство дейтериевого завода [1]. Результатом была статья «Теоретические основания процесса разделения изотопов водорода», где он вывел математическую теорию получения дейтерия. С 1954 г. жил в Калининграде. В 1972 г. вышла книга «Прометей раскованный», где Сергей Снегов рассказал юным читателям о первооткрывателях ядерной энергии [2].

После ядерно-физической эпопеи С. А. Снегов целиком посвятил себя жанру научной фантастики. Исключительное достоинство его произведений – ясное изложение космологических и ядерно-физических идей, их проекций на далёкое будущее, яркое, красочное, грамотное описание звёздного неба, астрономической картины мира.

Любовь к космическому пространству роднит Сергея Александровича Снегова с творчеством Константина Эдуардовича Циолковского. «Громадны пространства вокруг Солнца, там, где блуждают планеты и Земля со своими спутниками», – читаем в работе К. Э. Циолковского «Жизнь в межзвёздной среде» [3]. В эти пространства и погружается Сергей Снегов в своих фантастических произведениях.

Отдельного внимания заслуживает трилогия «Люди как боги», настоящий шедевр научной фантастики. «Может я сентиментален, но у меня всё замирает, когда я один на один остаюсь со звёздным небом», – читаем в «Галактической разведке», первой части трилогии [4].

Писатель свободно оперирует в своих романах понятиями метрики, искривлённого пространства, разнонаправленности и фазового угла времени. Отдельное внимание автор уделяет рассеянным звёздным скоплениям Гиады, Плеяды, Хи и Аш Персея.

Моя эпоха показала миру огромные химеры, увлекла людей к будущему, расцветшему миражами. А что за это пришлось платить великими лишениями – что ж, дорог на высоты без скал и провалов не бывает. Только дороги в рай должны быть усажены то полями», – написал Сергей Снегов в автобиографии в ноябре 1993 г. [5]. Он не видел миражей и химер XXI века...

Творчество С. А. Снегова постоянно перекликается с творчеством К. Э. Циолковского. «Итак, миры мы разделяем на кадры, отделённые друг от друга бесконечными временами. Понятно, что миры эти мало доступны, мало понятны друг другу...

Приходишь невольно в восторг от ожидающего нас разнообразия во Вселенной: возникновение в существах, подобных нам, только совершенных, довольных и счастливых, – воплощение и жизнь в «духах» – бесчисленного числа категорий (по скачкам и плотностям)...

Этика космоса, т. е. её сознательных существ, состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других незрелых или начинающих своё развитие животных» [6]. Так выглядят миражи Снегова в преломлении Циолковского. Чтобы не было никаких страданий...

Миражи Снегова и его фантастические миры находят своё отражение также в творчестве Рене Декарта, точнее в интерпретации Декарта Сергеем Станиславовичем Степановым в книге «Ступени развития сознания» [7].

Из того, что мы существуем сейчас, в данный момент, не следует с необходимостью, что мы будем существовать и в следующий момент времени. Следовательно, та же причина, которая нас породила, и поддерживает наше существование постоянно, и в её власти – поддерживать её или нет. У нас самих

нет причины поддерживать наше существование, а то, что сохраняет нас, тем более может сохранить и самого себя. Тем самым наше познание ограничено, и бесполезно пытаться понимать какие-то бесконечные вещи, бесполезно отвечать на вопросы, касающиеся бесконечности...

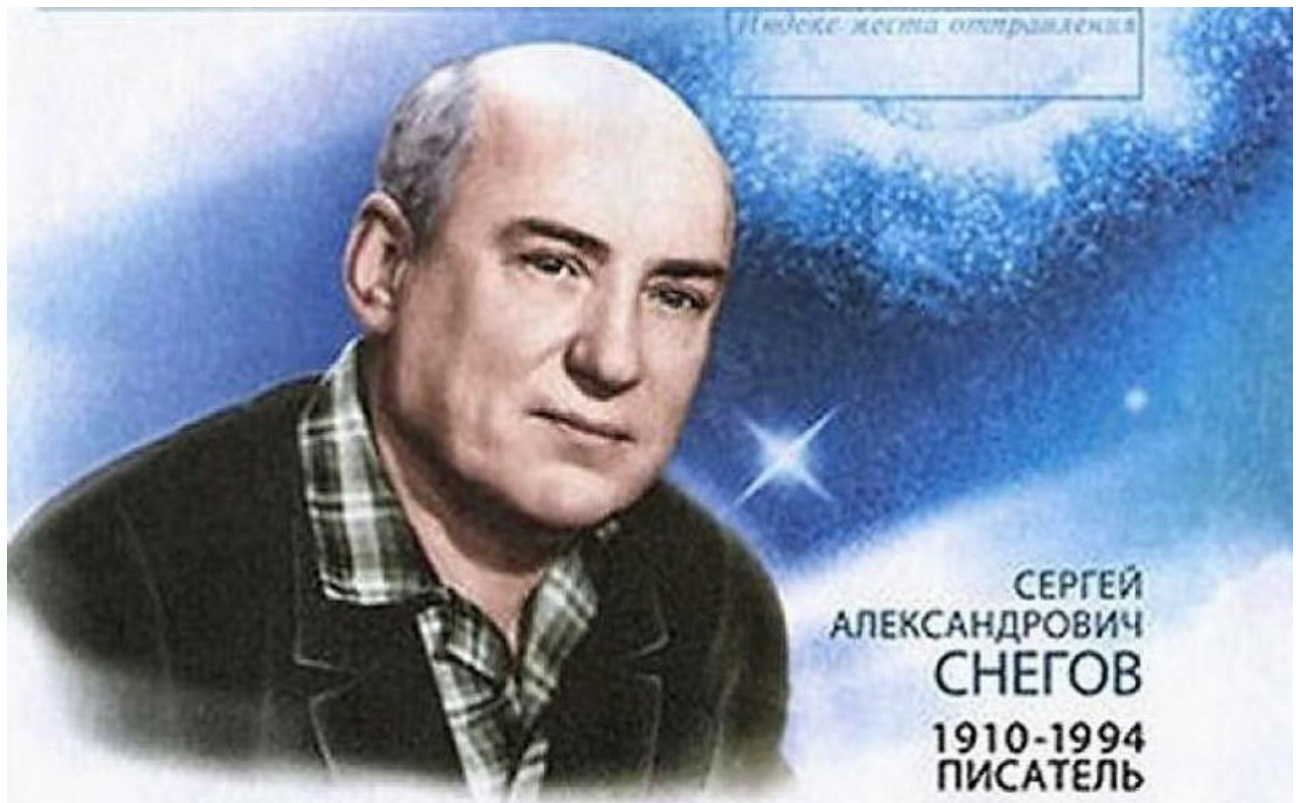
Бесконечность существует для нас как факт существования, но познание её для ограниченного сознания невозможно. Поэтому выступает как нечто неопределённое. Так пишет С. С. Степанов. А мы, несмотря ни на что будем вместе с Сергеем Снеговым и Константином Циолковский продолжать карабкаться к неизведанным бесконечным миражам...

1. Снегов С. А. Норильские рассказы. – М. : Советский писатель, 1991. – 304 с.
2. Снегов Сергей Александрович. Прометей раскованный: биографическая повесть / рис. В. Воробьёва. – М. : Дет. лит., 1980. 250 с., ил.

3. Циолковский К. Э. Жизнь в межзвёздной среде. // Циолковский, Константин Эдуардович. Воля Вселенной. – М. : АСТ, 2019. – 512 с., с. 3.
4. Снегов С., Люди как боги: роман. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 800 с.
5. Снегов С. А. Химеры ада и рая. Опыт автобиографии // С. А. Снегов. Диктатор, или Чёрт не нашего Бога. Т. 1. – Рига: Полярис, 1996. – 351 с.
6. Циолковский К. Э. Научная этика. // Циолковский, Константин Эдуардович. Воля Вселенной. – М. : АСТ, 2019. 512 с.
7. Степанов Сергей Станиславович. Ступени развития сознания: Мыслить и развиваться. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 352 с.
8. Зигель Ф. Ю. Сокровища звёздного неба: путеводитель по созвездиям и Луне. – 5-е изд. – М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 296 с.

Созвездие Возничего, великолепный пятиугольник. Место пребывания кометы 21P/Giacobini-Zinner (Джакобини-Циннера). Самая яркая звезда – Капелла. Левее и ниже – Менкалинан. Из-за ветки выглядывает Гассалех ин Бечвар, ниже – звезда Эльнат. Остроугольный треугольник справа от Капеллы: Аль Анз, Газди и Хоздус II. Фото автора. 20 сентября 2018 г. 4 часа 46 минуты (время московское)

Напоминайте о любви к Родине, сложившей
неповторимые сокровища. Напоминайте о Куль-
туре, ведущей человечество к преуспеяниям.

Н. К. Рерих

ИСКУССТВО

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

*

МУЗЫКА

*

СКУЛЬПТУРА

*

ТЕАТР

НАПОМИНАЙТЕ

Германия кончена. Много сообщалось об ограблении немцами художественных сокровищ и книгохранилищ. Где всё это? Говорят, вероятно, в подземельях. Где же такие хранилища? Ведь в них должны быть запрятаны не только награбленные сокровища, но и содержание немецких музеев, которым грабители должны расплатиться за все убытки, ими причинённые. О судьбе культурных ценностей ни радио, ни газеты пока не сообщали, а это предмет величайшего внимания. Минули времена, когда Культура и творения народного гения оставались в пренебрежении. Но если о судьбах красоты и науки не сообщается – значит, эти клады ещё не найдены. Не слышно, чтобы на конференции толковали о судьбах народных достояний. Даже если клады ещё не найдены, то их нужно искать и, не теряя времени, выяснить этот великого значения вопрос. Пусть народы скорей услышат о судьбах их творческих достижений. У нас собраны кой-какие выписки об увезённых

немцами сокровищах. Выходит, что грабёж был чудовищный. Даже крупные размеры произведения были вывезены. По каталогам можно установить, что именно исчезло. Целые комиссии занимаются такими подсчётами. И настало уже время грозно потребовать возврата и восстановления. Чем громче будет сказана забота о народном достоянии, тем воспитательнее это будет для народов. Нельзя удовлетвориться мыслью, что народное сознание уже сдвинулось. Кое-где есть продвижение, но массы ещё готовы и на вандализм. Народы справедливо возмущаются немецкими вандализмами, но и сами ещё в недалёком прошлом не прочь были принять участие в разрушениях. Что было, то было, но не должно быть в будущем. Да, да, чаще напоминайте о священном народном достоянии. Напоминайте о любви к Родине, сложившей неповторимые сокровища. Напоминайте о Культуре, ведущей человечество к преуспеяниям.

7 мая 1945

Николай Перух

БИТВА

В досужую минуту покрутите радио по всем волнам, по всем станциям. Какая битва, гремящая над всем миром! И звуковые диссонансы, и мысленные противоречия сражаются и заполняют атмосферу. Над всем идет битва токов, солнечных пятен, вихрей и взрывов. Временами волны выедаются какими-то мощными воздействиями. Это не гроза, гремящая по волнам, а какой-то магнитный вал, заставляющий умолкнуть все голоса. Такие онемения замечались, иногда на целые часы прерывалась радиопередача.

И физически и психически властвуют пространственные двигатели. Только теперь научное внимание начинает устремляться в сферы, всем близкие. Полеты в стратосферу являются робкими попытками уяснить великую механику и химию, водящую мыслями человечества.

Близок час, когда и врачи подумают о воздействиях радиоволн и всего, что плотно наполняет пространство. Говорят, что солнечные пятна влияют на психику человека. Мощные химизмы, разлитые в природе, конечно, не только влияют, но создают целые катаклизмы. И не умеют еще люди приложить разумно великие пространственные энергии. Даже пытаются отмахнуться от познания их, точно трясогузка противится космическому величию.

Электричество – одна частица космической энергии – представляется людям уже конечным завоеванием. Мало ли этих частичных овладений! Доступна всем радиопередача. Но и такая очевидность редко устремляет мысль в державу энергий. И не является сознание ответственности за недоброкачественное наполнение пространства.

Когда-нибудь врачи-психологи будут экспериментировать над пространственными воздействиями на человека. Всякое наблюдение требует время. Каждый психологический опыт нуждается в кооперации. Без сотрудничества, без доверия, без доброжелательства невозможно приближаться к сферам тонких энергий. Велико сверхчеловеческое напряжение в незримой пространственной битве. Каждое живое существо причастно к ней. Чем больше расширено сознание, тем глубже понята ответственность за все творимое. Чтобы успеть в малом, надо много знать.

8 Августа 1941

«ПОРТРЕТ ПАМЯТИ ЖОЗЕФА МАРИ ЖАККАРА» К истории создания

Как создавалось то или иное музейное произведение? Где и при каких обстоятельствах оно появилось? Всегда ли мы знаем ответы на эти вопросы? Как правило, крайне редко, но всё же иногда госпожа Фортуна бывает благосклонна к исследователям, и тогда нам на глаза попадают нужные документы, которые позволяют проследить цепочку от появления замысла до его реализации. В моей музейной практике было несколько таких случаев, связанных с гравюрами. Портрет, о котором пойдет речь, выполненный в черно-белых тонах, тоже очень похож на резцовую гравюру, однако ею не является. Он выткан из тонких шелковых нитей на полуавтоматическом станке, изобретенном человеком, который изображен на портрете. Его имя – Жозеф Мари Жаккар (ил. 1).

Будущий изобретатель родился в 1752 г. в Лионе – городе, который с XVI в. славился своими узорчатыми добротными шелками. Его отец был ткачом и владел небольшой семейной мастерской. В детстве Жозеф помогал ему в качестве подмастерья: он должен был по команде мастера вручную поднимать и опускать нити основы, количество которых могло исчисляться сотнями. Возможно, этот тяжелый, изнурительный для ребенка труд и стал причиной его поисков в направлении автоматизации процесса ткачества.

Однако прежде чем прийти к своему изобретению, Жаккар сменил множество профессий. В 20-летнем возрасте, унаследовав после смерти отца, его мастерскую, он занялся изготовлением и продажей шелка, но дела не заладились, пришлось все продать. Потом был обжигальщиком извести, чернорабочим на карьерах, занимался ремонтом ткацких станков и отбеливанием соломенных шляп, управлял повозками и даже участвовал в сражениях Великой французской революции, в одном из которых погиб его единственный сын, и жизнь, казалось, потеряла для него всякий смысл.

Сложно сказать, с какого времени он стал думать об усовершенствовании ткацкого станка, но первая попытка, хоть и не совсем удачная, была предпринята в этом направлении в 1790 году. Спустя одиннадцать лет, изучив опыт своих предшественников Жана Батиста Фалькона и Жака Вокансона, учтя недостатки и достоинства их машин, Жаккар создал свой знаменитый станок и в 1804 году получил патент на свое изобретение (ил. 2). Гениальность его заключалась в использовании специальных перфокарт, несущих информацию об узоре ткани. Это новшество, кстати, обусловило дальнейшее развитие вычислительной техники и привело в итоге к появлению компьютера, без которого сегодня трудно представить нашу жизнь. Справедливости ради нужно сказать, что внедрение жаккардовых станков на текстильных фабриках проходило медленно и трудно, и причина была не в том, что ткачи, боясь сокращений, якобы ломали или сжигали машины, – сами фабрикан-

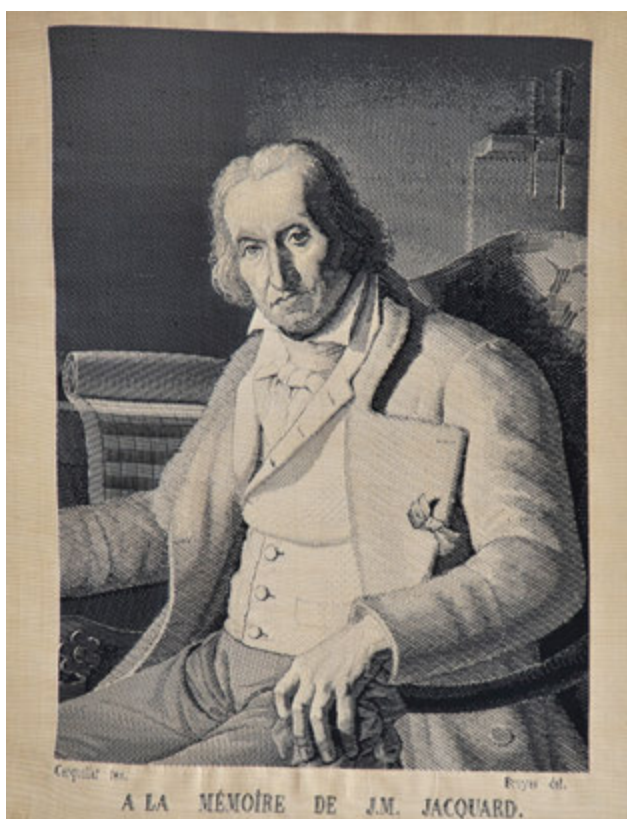
Ил. 1. Жан Клод Боннефон.
Портрет Жозефа Мари Жаккара

Ил. 2. Станок Жаккара

Ил. 3. Дидье Пети. Портрет памяти Ж. М. Жаккара

Ил. 4. М. М. Каркилла, М. Л. Бюйа. Портрет Ж. М. Жаккара. 26,7 x 22,4

ты противились новшествам. Были у станка и некоторые технические недостатки, после устранения которых механиком Жаном Бретоном машины Жаккара получили самое широкое применение, сначала в Англии (как тут не вспомнить библейское «нет пророка в своем отечестве»), а затем во Франции. Это не принесло, однако, богатства самому изобретателю, он отказался от патента, и его станок был объявлен «достоянием народа», а взамен Жаккар получил ежегодную пенсию, уважение сограждан и орден Почетного легиона, которого он был удостоен в 1819 году.

Но вернемся к портрету изобретателя, вытканному в память о нём в его родном Лионе. В Одесском музее западного и восточного искусства находится уменьшенный вариант первого портрета Жаккара (60,3x50,8 см), который был выполнен на лионской мануфактуре Дидье Пети де Мервиля (ил.3). Информацию о том, как он появился, удалось найти в оцифрованных источниках в Интернете. В 1839 г. в Париже должна была состояться выставка изделий французской промышленности. Для Дидье Пети, владельца шелковой фабрики, которая после недавних восстаний ткачей переживала не лучшие времена, участие в ней могло стать хорошей рекламой. Его сотрудник Мулен (к сожалению, установить его имя не удалось), рисовальщик и мастер по изготовлению перфокарт, предложил выткать портрет благодетеля лионских ткачей Жозефа Жаккара, умершего пятью годами ранее.

Идея очень понравилась Дидье Пети, и он обратился к своему другу, лионскому художнику Клоду Боннефону (1796–1860) с просьбой разрешить репродуцирование написанного им портрета Жозефа Жаккара. Этот портрет незадолго перед этим был куплен у автора Музеем изящных искусств Лиона и пользовался репутацией единственного прижизненного изображения знаменитого лионца, выполненного с натуры. Изобретатель изображен в полный рост, он сидит в кресле в своей скромной мастерской, с циркулем в правой руке. На столе слева – модель жаккардового станка и картонные перфокарты. В глубине комнаты виден верстак и различные инструменты.

Для того, чтобы репродуцировать этот портрет, потребовались немалые усилия. Сначала талантливый рисовальщик Мулен с помощью специальной технологии придал ему сходство с резцовой гравюрой. Он же за 2,5 месяца изготовил 24 тысячи перфокарт, а затем еще несколько недель Мишель Каркилла ткал портрет на жаккардовом станке, используя черные утки на белом атласном фоне. Однако фамилий этих двух мастеров на портрете нет. В качестве исполнителя был указан только владелец компании Дидье Пети. На парижской выставке 1839 г. тканый портрет Жаккара имел ошеломительный успех, тем не менее это не спасло Дидье Пети от разорения. Одной из его причин мог стать уход с фабрики обиженного Мулена, а вслед за ним и одного из лучших ткачей Каркилла.

Вскоре Мишель Каркилла (1802–1884) открыл собственную фабрику и стал знаменитым благодаря своим тканым портретам, отличающимся необычно-

венным реализмом. Среди его заказчиков были император Наполеон III и императрица Евгения, папа Пий IX и республиканец Леон Гамбетта, генерал Мак-Магон и много других высокопоставленных лиц, которые лично приезжали к нему, чтобы увезти с собой его маленькие шедевры.

Неоднократно был повторен и портрет Жаккара, что значительно обогатило Дом Каркилла. Однако сегодня шелковые копии этого портрета редки, их можно найти только в крупных государственных и частных коллекциях, в том числе в лионском Музее тканей, в Лувре, в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Портрет ткался только по индивидуальному заказу. Один из его вариантов еще до 1941 г. был передан в Одесский музей западного и восточного искусства из Музейного фонда (ил. 4). Его размер 26,7 x 22,4 см.

Под портретом указано, что он выткан Каркилла по рисунку Брюйя (Bruias). Установить, кто этот таинственный рисовальщик, было бы гораздо проще, будь перед его фамилией указано имя. Возможно, это был лионский художник Марк-Лоран Брюйя (1821–1896), окончивший местную Школу изящных искусств и с 1877 по 1893 г. руководивший муниципальной Рисовальной школой, которая готовила рисовальщиков для шелковых фабрик.

В отличие от первого портрета здесь нет изображения обстановки мастерской изобретателя, всё внимание сосредоточено не на атрибутах его профессии,

а на нем самом. Перед нами предстает пожилой господин с задумчивым, печальным взглядом человека, много испытавшего на своем жизненном пути. О его заслугах перед отечеством свидетельствует ленточка ордена Почетного легиона в петлице его сюртука. Такая интерпретация портрета подчеркивает значительность личности Жаккара, изобретение которого навсегда изменило труд ткачей, да и весь мир. Именно использование жаккардового станка позволило создать произведение такого высокого уровня детализации. Этот тканый портрет – подтверждение того, что ремесло ткача, стремящегося к совершенству, может стать высоким искусством и подарить по-настоящему редкое произведение.

-
1. Benezit. Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveurs de tous les temps et de tous les pays. Paris, 1924. – Т. 1. – P. 668, 786.
 2. Leroudier E. Les tableaux tissés de la fabrique lyonnaise. – 1922. P. 9–18.
 3. Dehan M. OBJETS / Histoire du portrait tissé de Jacquard d'après Bonnefond // Histoires lyonnaises, carnet de recherches, mai 2019 – Интернет ресурс
 4. Exposition des produits de l'industrie française en 1839. Paris, 1939. Т. 1.

«НАША КУЛЬТУРА С НАМИ» О творчестве иерусалимского художника Виктора Рубинова

Симпатичный белобородый старик в очках и светлой бухарско-еврейской кипе-тюбетейке хитровато улыбается нам с холста. А на заднем плане – парень-музыкант с тамбуром, девушка-танцовщица, фея, волшебные птицы, персонажи восточных сказок. Картина называется «Наша культура с нами».

Именно так – глубоко символично – назвал иерусалимский художник Виктор Рубинов большую выставку своих работ, с большим успехом прошедшую недавно в галерее столичного Центра культуры и кино «Планета». С первого же взгляда картины Виктора вызывают живой сердечный отклик, теплое чувство радости, красоты и гармонии, причастности к большой и яркой культуре, которая, по большому счету, всегда с нами.

И это не только культура бухарско-еврейской общины, к которой принадлежит художник, но и тарбут – культура общеврейская, во многом вобравшая в себя традиции иудаизма, всегда взыскующего красоты и милосердия, любви к человеку и к Творцу, его создавшему. Недаром Марк Шагал, к примеру, передавая свои витражи в подарок иерусалимской больнице «Хадасса», сказал, что еврейский народ всегда мечтал о библейской любви, дружбе и мире между всеми людьми. И добавил, что «долг художника – пробуждать в мире ощущение чуда и бороться с постоянной склонностью к равнодушию».

Все это есть в большинстве живописных полотен Рубинова, которые мне удалось увидеть. Нравнодушие к тому, что видит глаз художника, и ощущение чуда жизни во всех ее проявлениях. И, конечно же, любовь к человеку, я бы даже сказал, любование человеком, кем бы он ни был. Как говорится, нет ничего более художественного, чем любить человека! Посмотрите на этого молящегося у ханукии старика в бухарском халате из картины «Шма, Израэль!». Сколько в нём смирения, мягкости, даже кротости – того, что мы называем «ират шамаим» – трепета перед Небесами! И в то же время вся фигура скромного еврейского аксакала, стоящего в галошах на босу ногу, излучает спокойное достоинство, внутреннюю силу и благородство потомка библейских патриархов, пророков и пастухов.

Или вот герой другой картины Виктора – скрипач-хасид, играющий на улице Иерусалима. Картина эта – сплошной аккорд, порыв, страсть! Как выписаны руки, пальцы музыканта, выводящие какой-то яркий, пронзительный пассаж – недаром же к скрипачу, углубленному в свою игру, спешат евреи, только что молившиеся и еще не успевшие снять талиты...

И даже персонаж явно не симпатичный – «Сварливая жена» – героиня сказки бухарских евреев – выписан художником с большой любовью, пусть и окрашенной иронической насмешкой. Но сделано это все на удивление сочно и «вкусно». Кстати, Виктор

посвятил меня в сюжет этой сказки-притчи. Жена, которая постоянно ругалась с мужем из-за своего сварливого характера, пришла к раввину за советом. Тот дал ей «особую» воду, которую следовало разлить по нескольким пиалам и перед приходом мужа перелить в рот и не глотать. Через несколько дней женщина пришла к равву за новой порцией чудо-воды – она помогла. Так, с маленькой пиалой, наполненной «волшебной» жидкостью, художник и нарисовал когда-то, видимо, красивую, но с печатью стервозности женщину.

Надо ли говорить, что портреты людей любимых и близких автору – его отца Самсона Рубинова и жены Светланы – выполнены с особой любовью и нежностью! И с подлинным художественным мастерством!

Нельзя без доброй улыбки отойти от картины, которая так и называется – «Улыбка на красном фоне». Три забавных старичка, пузатых как арбузы, которые они едят, смеются во все свои беззубые рты. А красный фон – это рожи недобрых, несимпатичных людей, которые веселым старичкам совсем не интересны. Работа 2017 года написана с большим юмором и в современном, креативном, как говорят сегодня, стиле.

Виктор Рубинов уверенно чувствует себя в разных жанрах и видах живописи – портрете и пейзаже, жанровой картине и натюрморте, абстрактной композиции и книжно-иллюстративной графике. Он обладает хорошей портретной техникой, композиционным мастерством, колористической отвагой. Об этом говорят и «Сюрреалистическая композиция с Сальвадором Дали», и «Осень в Иерусалиме», и «Самаркандский триптих», и натюрморты с гранатами, и абстрактная композиция в зеленых тонах, и другие работы автора.

Кто же он такой – художник Виктор Рубинов? И где истоки его таланта, каков маршрут его творческой биографии? В детстве он не думал и не мечтал стать художником, даже не подозревал в себе каких-то художественных способностей. В 13 лет после страшного Ташкентского землетрясения 1966 года, когда весь город был разрушен, Виктор пошел в строители – время было трудное, надо было помогать семье. Он попал в малярную бригаду, которая оформляла интерьеры квартир, работала с цветом и узорными трафаретами. Очень быстро юный Рубинов освоил профессию и стал одним из лучших цветовиков и разработчиков узоров в своей бригаде.

Уже в те годы семья его начала подавать заявления на выезд в Израиль и постоянно получала отказы. Виктор продолжал работать на стройке, повзрослел, крепко стал на ноги. Однажды, проходя мимо группы студийцев-художников, работавших на пленере, Рубинов притормозил свой шаг и заинтересовался происходящим. Ему вдруг очень захотелось присо-

единится к людям с мольбертами и этюдниками. Его познакомили со старшим группы Яковом Львовичем Фрумгартом – руководителем художественной студии при Ташкентском текстильном комбинате. Виктор принес ему свои трафареты и эскизы узоров для стен и потолков, честно признавшись, что совершенно не умеет рисовать. Но Яков Львович взял его в студию и начал обучать азам рисунка, композиции, живописи. Прогресс нового студийца был столь стремительным, что через год Фрумгарт порекомендовал Виктору поступить на художественно-графический факультет Ташкентского пединститута. Что молодой человек и сделал, став студентом-заочником.

К тому времени Рубинов уже оставил стройку и, пройдя жесткий отбор, был принят в художественный комбинат «Рассом» («Художник») при республиканском Художественном фонде, куда порой не могли попасть даже опытные и высокообразованные мастера с регалиями. Здесь на его пути вновь встретился добрый еврейский «волшебник» – известный в Узбекистане художник и почти однофамилец Илья Давидович Рубин. Он многому научил своего своего упертого и одержимого учебной юного друга. Виктор хорошо «набил руку» на портретах, и хотя ему чаще всего приходилось изображать членов Политбюро ЦК КПСС и местных партийных руководителей, школа эта была отличная. Тем более, что бывали здесь и другие заказы, например, на оформление детских садов, где чаще требовались сказочные сюжеты, а не портреты партийных бонз, и где можно было дать волю своей фантазии. Тогда одна из творческих работ В.Рубинова была послана в Москву на всесоюзный конкурс и демонстрировалась в Манеже – одном из главных выставочных залов страны. Виктор вспоминает другой поразивший его случай. Когда он заканчивал первый курс института, к нему подошел пятикурсник и попросил продать ему картину Виктора, чтобы представить ее в качестве своего диплома. Рубинов страшно удивился, и хотя предложение было очень лестное, картину свою не продал.

– И вообще, – говорит он, – сколько я работаю, никогда не интересовался ценами на картины. Пишу для удовольствия, для души...

Пришлось поработать ему и в Узбекском театре оперы и балета имени Навои, где он тоже многому научился, расписывая декорации и готовя реквизит. Менять места работы приходилось еще из-за частых подач заявлений в ОВИР на выезд в Израиль. Что в конце концов и произошло в 1990 году, когда Виктор был уже женат и имел двоих детей.

Здесь он почти сразу же поступил на открывшиеся курсы мультипликаторов под руководством Дуду Шалита. Прочувшись почти год и приняв участие в выпуске трех анимационных фильмов, Виктор оказался единственным выпускником этих курсов из пятидесяти начавших его. Занятия мультипликацией тоже дали художнику много нового и полезного. Но проект закрылся, а перспектив найти работу по художественной специальности не было, при том, что семью кормить было надо. И Рубинов пошел работать в строи-

тельно-ремонтную бригаду Иерусалимской мэрии, где трудится до сих пор. Но все эти годы он активно занимается и творчеством – пишет картины, оформляет книги, например, не так давно вышел сборник «Легенды и сказки бухарских евреев» с его иллюстрациями и «Сварливой женой» на обложке. Время от времени Виктор Рубинов участвует в художественных выставках – как частных, так и общественных.

Я спросил Виктора, откуда все же у него эти задатки, способности к художественному творчеству.

– Наверное, это от отца, – сказал он. – О, это интересная и большая история!

Оказывается, папа Виктора Самсон Рубинов, рано потеряв своего отца, которого без суда и следствия убили чекисты в 1932 году, попал в детский дом. Над детским домом шефствовало Ташкентское художественное училище, педагоги которого учили ребят рисовать, лепить, красить. И Самсон увлекся рисованием, тем более, что это у него хорошо получалось. Настолько хорошо, что парнишка сумел поступить в художественное училище. Он оказался очень способным студентом, отличным рисовальщиком. За успехи в учебе Самсона Рубинова хотели даже перевести через курс, и только опасение, что несовершеннолетнему юноше придется рисовать обнаженную натуру, остановило преподавателей. А потом, когда Самсон учился уже на последнем курсе, его призвали в армию, и тут же – через пару месяцев началась война. Он попал на передовую, после ранения прошел ускоренный курс Киевского военно-медицинского училища (эвакуированного в Свердловск) и с 1943 года до конца войны был на фронте полевым военфельдшером, дошел от Сталинграда до Германии, был награжден боевыми орденами и медалями. В короткие минуты затишья рисовал портреты своих однополчан, и они отправляли рисунки в письмах к своим родным. Став после войны врачом-психиатром, Самсон Рубинов не оставлял свое увлечение, и в отпуск всегда брал с собой этюдник. Виктор вспоминает, что не раз вместе с отцом ездил на пленеры...

Отец умер уже здесь, в Израиле, на родине своих предков.

«Портрет Самсона Рубинова» работы Виктора Рубинова – щемящая дань памяти ушедшему отцу...

Фото автора и из личного архива В. Рубинова

Самсон Рубинов. 1946 г.

В. Рубинов. Портрет отца

В. Рубинов. Сварливая жена

В. Рубинов. Наша культура с нами

В. Рубинов. Сальвадор Дали

В. Рубинов. Скрипач на улице Иерусалима

В. Рубинов. Самаркандский триптих

В. Рубинов. Шма, Израэль!

В. Рубинов. Улыбка на красном фоне

**«РАФАЭЛЬ – НАВСЕГДА»
Выставка графики из фондов**

Одесского музея западного и восточного искусства 7.06.2020–7.08.2020

В 2020 году во всем мире отмечается 500-летие со дня смерти великого итальянского художника эпохи Возрождения Рафаэля Санти (1483–1520). Музей западного и восточного искусства совместно с посольством Республики Италия в Украине и Итальянским культурным центром в Украине подготовил выставку гравюр западноевропейских мастеров XVI–XIX веков, выполненных с оригиналов Рафаэля. Он был одним из первых живописцев, кто понял значение гравюр как средства тиражирования художественных произведений и распространения своего искусства, а это, в свою очередь, привело к развитию репродукционной гравюры в Европе. На выставке представлено 12 резцовых гравюр и офортов известных мастеров:

Маркантонио Раймонди (XVI в.), Пьетро Санти Бартоли (XVII в.), Андреа Прокаччини (XVIII в.), Пьетро Фоли и Филиппо Ченчи (XIX в.) – Италия;

Огюст Денуайе и Ахилл Луи Мартине (XIX в.) – Франция;

Гисберт ван Вен (XVI–XVII вв.) – Нидерланды;

Эдуард Мандель (XIX в.) – Германия;

Мигель де Сорелло (XVIII в.) – Испания.

Эти гравюры репродуцировали не только такие знаменитые картины Рафаэля, как «Обручение Девы Марии», «Прекрасная садовница», «Мадонна Альба», «Мадонна дела Седиа», но и его замечательные рисунки к шпалерам и фрескам. Старинные гравюры показывают разносторонние дарования гениального художника и разнообразие богатого графического собрания музея. Все они демонстрируются впервые.

«Лицом» выставки стала гравюра со знаменитой картины Рафаэля «Сикстинская мадонна» из Дрезденской картинной галереи – ее изображение помещено на баннере, афишах и обложке буклета выставки. Этот лист, отмеченный высоким профессионализмом в работе резцом, создал неизвестный немецкий гравер в XIX в., сотрудничавший с издательством «Hänlein & Arnstein» в баварском городе Фюрт. Во время подготовки выставки все 12 гравюр потребовали тщательного изучения её кураторами: были найдены сведения о них в специальной зарубежной справочной литературе, переведены все надписи и посвянительные тексты на самих листах, определено место каждого произведения в творчестве мастера-гравера. Каждая из гравюр, представленная на выставке, обладает, помимо связи с прославленными шедеврами Рафаэля, огромной самостоятельной исторической и художественной ценностью. Из-за пандемии коронавируса открытие выставки состоялось не 6 апреля, в день смерти Рафаэля, как планировалось, а 8 июня. На открытии присутствовал Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Италия в Украине Давиде Ле Чечилия. Выставка «Рафаэль – навсегда» имела широкий международный резонанс и сопровождалась целым рядом просветительных мероприятий: кураторскими экскурсиями, лекциями о творчестве Рафаэля, статьями на сайте музея и телевизионными репортажами.

Кураторы выставки: Ирина Глебова, заместитель директора по научной работе и Татьяна Балановская, заведующая отделом западноевропейского искусства.

Немецкий гравер XX в. Сикстинская мадонна

П. Фоли. Обручение Девы Марии. Италия, XIX в.

ОБРАЗ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ГАРМИДЕРА

Когда пытаешься охватить творческое наследие мастера, за плечами которого 70-летний жизненный путь и более 50 лет творческого труда, возникает дилемма – взять за основу хронологию его творческой судьбы или же жанрово-стилистические направления и особенности художественных поисков и находок.

Что касается одесского художника Геннадия Гармидера и его творчества, правомерными и благодарными для исследования могут стать и первый, и второй аспекты – так мы сможем сделать выводы и обобщения о роли и месте художника в художественном процессе Одессы.

Творчество Геннадия Гармидера хорошо известно не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Он известен как график, живописец, книжный иллюстратор, мастер экслибриса. Многогранная личность, он работает во всех жанрах – пейзаж, портрет, натюрморт, тематическая картина – во всем проявляется яркая творческая индивидуальность.

Геннадий Гармидер получил фундаментальное профессиональное образование. Сначала в Одесском художественном училище им. М. Б. Грекова, затем в Киевском государственном институте (сейчас – Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры), где закончил мастерскую театрального искусства.

В своих произведениях художник выступает и как режиссер, и как актер, переживая, играя своих персонажей. Пригодились и глубокое знание материальной культуры разных времен и народов, основ режиссуры, и кропотливая работа над художественным оформлением театральных постановок. Все приобретенные знания синтезировались в художественных образах, визуализированных в графическом языке офортов.

Одним из ведущих направлений творчества художника стала тема города. Существует некое представление об урбанизме, как о противопоставлении города и человека, подчинении человека городской среде. У Гармидера же они существуют в гармоничном единстве. Художник, увлеченный историей родного города, по-настоящему воспел его. Еще студентом художественного училища ходил по городу с альбомом, зарисовывая то, что привлекало внимание его чуткого глаза. Гармидеру свойственно стремление зафиксировать первое впечатление, то, что особенно запомнилось, увлекло, и в результате – вдохновило. Можно подчеркнуть большую значимость зарисовок, набросков, этюдов, созданных на натуре, будто выхваченных из жизни. Они передают характер времени, воплощенный их очевидцем и участником, пропитаны искренними чувствами и непосредственностью восприятия. Он умеет в обычном находить необычное.

Первые графические произведения, созданные на основе натуральных зарисовок, были несколько случайными по содержанию. У художника еще не сформирова-

Геннадий Гармидер

Г. Гармидер. Спуск к морю

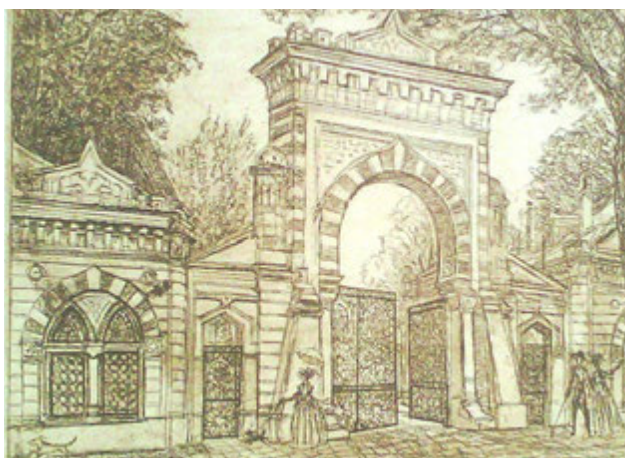

Г. Гармидер. Эскиз театральных декораций

лась общая концепция трактовки города. Композиция была фрагментарной, большая толпа проплывала по улице, как кинолента мимо зрителя. Глаз выхватывал интересные характеры, сценки, а архитектура была лишь молчаливым фоном.

Г. Гармидер. Греческая улица

Г. Гармидер. Мавританские ворота

Поворотным моментом стала работа над иллюстрациями к книгам «Одесский год Пушкина» К. Саркисьяна и «Белеет парус одинокий» В. Катаева.

Как художник Гармидер сформировался именно в Одессе, в солнечном ласковом городе с яркой, многоголосой толпой, шумными портовыми улицами и живописной южной природой. Поиски собственной образной структуры художественного языка шли тернистыми путями. Творческое усвоение традиций арт-наследия, внимательное изучение природы постепенно привели к собственному художественному видению мира, к индивидуальным изобразительным средствам. В его произведениях чувствуются не только следы увлечений художника, но и пульсация самой жизни, чуткое и дружелюбное отношение к ней.

Уже в ранних работах Гармидера ярко проступают черты, определяющие творческую самобытность мастера, – целостность мировосприятия и мудрую радость встречи с прекрасным, какую дарует нам жизнь в самых будничных ее проявлениях. Широта творческих интересов Гармидера неотделима от его требовательности к результатам творческих поисков. Каждое произведение художника становится ступенью на пути к достижению большего профессионального мастерства, ставит очередную колористическую или композиционную задачу, решение которой должно помочь как можно полнее выразить художественный замысел

мастера. Произведения Гармидера привлекают свежестью чувств, гармоничным восприятием мира.

Рождению произведений предшествовала долгая и кропотливая работа с архивами, встречи со старыми одесситами. В результате возникали, будто заново рождались в офортах дома и улицы такими, какими их видели те, кто их строил и населял. Художник не представляет себе Одессы без ее жителей, и они также оживают на листах, заполняя их шумной пестрой толпой. Неутомимым спутником, вдохновенным проводником по старой Одессе был для Гармидера активист Общества охраны памятников истории и культуры, одесит в нескольких поколениях Евгений Ермилович Запороженко. Из его ярких рассказов во время их совместных прогулок по городу и родилась идея создания серии офортов, посвященных Одессе и одесситам. Знакомые здания, которые до того были лишь молчаливым фоном, приобрели совсем другое значение, они будто ожили и заговорили с художником.

Художник стал воспевать родной город. В его творчество вошел лиризм с долей легкой иронии, что стало приметной чертой работ мастера. У Гармидера человек и город существуют в тесной сплоченности. При всей лирической возвышенности произведений в них нет ни идеализации, ни бездумного любования прошлым. Единство времен достигается путем достоверности существования элементов прошлого в настоящем.

Исторический центр Одессы представляет собой целостный архитектурный ансамбль. Не много зданий признаны памятниками архитектуры, но у многих есть очарование неповторимости, художественная и историческая ценность, которые и создают особую ауру города. Охрана памятников истории и культуры, забота об их сохранении начинается с пробуждения интереса к тем зданиям, где живут и работают наши современники. Они должны ощущать свою принадлежность к истории и ответственность перед грядущими поколениями.

Серия «Одесса начала XX века». Именно тогда начал складываться неповторимый самобытный образ. Одесса, рожденная морем, освещенная солнцем, воспетая поэтами и художниками. У каждого она своя, бесконечно изменчивая в своих ипостасях. Город украсили прекрасные здания в стиле классицизма, построенные по проектам выдающихся архитекторов: Оттона, Тома де Томона, Боффо. В произведениях Геннадия Гармидера ярко воссоздана внутренняя и внешняя суть характера города. Художник, сохраняя достоверность исторических реалий, обыгрывает их в воображении, располагая на плоскости листа парящих над архитектурными сооружениями их жителей в различных сюжетных ситуациях, соответствующих назначению здания: тут и целые семьи с детьми, гувернантками и собачками; доктора и пациенты городской больницы, даже ангелы, забирающие чью-то грешную душу; и чумацкие возы с зерном, и солдаты, марширующие возле казармы... Такое сюжетное и композиционное решение дает возможность развернуть повествование о жизни города во времени и пространстве.

Этим художник подчеркивает, что дома – это не только памятники архитектуры, но и одухотворенная история.

Художник сумел передать историческую и смысловую достоверность, рассказывая средствами графики об эпохах и людях, ощущая живую связь времен. Большую роль играет и цвето-тональное решение офортных в теплой гамме сепии, что приближает их к исторической достоверности восприятия, создает соответствующее настроение, придает романтический флер зданиям, мимо которых каждый день проходят наши современники. Создается впечатление двухмерности времени, одновременного сосуществования прошлого и настоящего. Дома существуют в наше время, а их создатели, словно тени прошлого, пролетают над ними как живая память художника.

К этому решению автор пришел не сразу – ему предшествовал долгий путь поисков своего взгляда, своего пластического языка. Для достижения наибольшей художественной выразительности совершенствовалась техника владения офортной – техника сложная и капризная, требующая полной самоотдачи и виртуозного владения рисунком. Листы этой серии наполнены поэзией, легкой ностальгией и светлым добрым чувством. Их можно считать одними из лучших в творческом наследии художника.

Геннадий Гармидер, продолжая лучшие традиции техники офорта, наполняет его современным звучанием. Варьируя возможности техники офорта, делает листы серии изысканно мягкими, высокотехничными, что создает ощущение живой достоверности, и вместе с тем подчиняет ее суровой логике композиции.

Следующей была серия «Одесса конца XIX – начала XX века. Быт Одессы». Со временем творческая манера мастера меняется. У художника возникает потребность не только увидеть и показать разнообразие жизни, но и философски осмыслить ее явления. Историческая и смысловая достоверность работ сочетается с высокохудожественной выразительностью. Он идет путем образного обобщения. Границы города словно расширяются, персонажи будто вырастают в своей человеческой значимости. Для этого художник использует прием низкого горизонта, что позволяет показать уже целую перспективу улицы, на которой разворачиваются сюжеты городской жизни. Такой подход к решению темы, опирающийся на различные источники и традиции, дает плодотворные результаты. В этой видимой традиционности есть тонкий художественный ход, формирующий поэтику произведения, обогащенную умением видеть необычное в обычном, повседневном, находить интересные характеры, обстоятельства, факты из жизни не только как конкретные события, но и как явления, свойственные общему духовному климату времени.

Продолжая развивать свои творческие концепции, художник решает композицию каждого произведения как маленькую картину, задача которой – сделать наглядными образы героев. Архитектура и люди выступают равнозначными действующими лицами театра произведений Геннадия Гармидера. Эта тенденция

Г. Гармидер. Городская больница

Г. Гармидер. Ришельевская улица

имеет свое продолжение в сериях офортных «Города мира», «Одесса и французы», «Афины – Одесса», «Париж глазами одессита», «Сказки про Италию». Он много путешествует, из каждой поездки привозит множество зарисовок, набросков, которые со временем превращаются в новую поэму городов. Каждый новый город он пытается прочувствовать, подметить в нем что-то самобытное, ярко характерное, интересное. Но больше всего его тешит открытие схожести с родным городом. Внимательный проникновенный взгляд художника выхватывает из жизни интересные моменты. Художник не посторонний наблюдатель, он смотрит на мир глазами дружелюбного и доброго человека, который находится в центре жизненных событий. Он пытается выстроить эпизод за эпизодом, показать разнообразие явлений действительности, часто соединяя в одном произведении прошлое, настоящее и будущее. Гармидер наблюдает жанровые сценки на улицах городов, где архитектура выступает не только фоном, театральной декорацией, экзотикой, а является полноправным действующим лицом.

В листах серии «Города мира» органично сосуществуют, не вызывая удивления, фигуры людей в старинных костюмах и современные артефакты. Дает о себе знать театральное образование. Художник любит красочность архитектурных ансамблей и живыми фигурами людей, заполняющими улицы, спешащими по своим делам или просто прогуливающимися. Иногда они будто удивленно замирают перед художником. Работы Геннадия Гармидера будто существуют в некоем условном времени – «золотом веке» человечества.

Г. Гармидер. Гмилус Хесед

Г. Гармидер. Театр и город

Г. Гармидер. Вид из окна

Особенной является серия «Сказки про Италию». Художник создает портрет города через ясный, светлый, поэтический образ женщины, его олицетворяющей. Цвет небольших по размеру офортов мягкий, необычайно тонкий по тональным отношениям, построенный на перетекании одного оттенка в другой, наиболее полно соответствует идее серии – красота и гармония.

Отдельные листы серии «Одесса и одесситы» складываются в поэтическую сюиту. Каждый лист – это будто лирическое стихотворение, и, подобно стихотворениям, они объединены в циклы – «Театр и город», «Крыши Одессы» и т.д., – не внешней темой, а внутренним строем. Эмоциональная наполненность, страстность души художника переданы экспрессией движения – художник будто мысленно летит над городом, и под ним разворачивается панорама улиц. Контрасты темного и светлого, плоскость нетронутой бумаги подчинены созданию атмосферы творческого напряжения. Общий тон работ становится более насыщенным, сочным. Автор часто использует акватинту. Художник передает жизненно правдивые сюжеты, стремится к непосредственности восприятия. В работах чувствуется организованность натурального материала, трансформированного в сознании художника, что и превращает его в художественный образ. Геннадий Гармидер сумел найти эмоционально точный и психологически оправданный тон для передачи характера каждого сюжета.

Главной чертой его творчества является благородная сдержанность, отсутствие внешней эффектности, изысканный аристократизм в выборе изобразительных средств. Выбранные мотивы внешне просты, спонтанны. Художник работает интенсивно и плодотворно, создает ряд лирически проникновенных по внутреннему настроению и наполненных глубокими размышлениями произведений. Он анализирует пройденный путь, иногда делает авторские повторы некоторых сюжетов.

Тема города проходит сквозь все творчество Геннадия Гармидера, впервые возникнув еще в ученических зарисовках студента художественного училища. В последнее время она продолжается в творчестве художника. Среди работ последних лет много пейзажей, выполненных из окна мастерской. Эти работы – трогательный рассказ об органической связи города, внешнего окружения с творческой лабораторией художника, его внутренним миром. Нельзя представить Одессу без произведений Геннадия Гармидера. Художник научил многих людей смотреть на город своими глазами. Его жизнеутверждающее искусство, наполненное поэзией и чистотой, крепко связано с жизнью родного города, его людьми.

В архитектуре Одессы есть своя неповторимая прелесть художественной и исторической ценности, которая и создает облик города. Влюбленность в родной город, его людей вдохновила Геннадия Гармидера на создание большой серии офортов (почти 150 листов), посвященных архитектуре Одессы от основания и до сегодняшнего времени. Можно назвать эту серию длинной в целую творческую жизнь «Одесса вчера, сегодня и всегда».

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИКОНОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО ПАРАДНОГО ПОРТРЕТА На примере триптиха М. Пономаренко «Семейные реликвии»

Цель исследования – выявить особенности образной и художественно-стилистической структуры произведения «Семейные реликвии» (2008) во взаимосвязи с его изначальным – ритуальным назначением.

Введение. Преодоление постмодернистской деконструкции и кризиса идентификации актуализует возрождение гуманистической направленности современного искусства Украины. Новый этап пост-постмодернизма дает возможность переосмыслить особенности микшированной культуры, для которой программной идеей был ацентризм культурного пространства, использование несистемной мозаики разных традиций и культур. В социально-психологическом плане такой подход означает разрушение целостного восприятия картины мира и личной персональной идентичности человека, его неспособность к фиксации четкой позиции в отношении к плюральным аксиологиям. Важно, что в искусстве именно портретный жанр позволяет целостное восприятие человека и мира. Автопортрет предоставляет художнику ключи к самоопределению. Автопортрет в семейном портрете – осознание своей роли и цели в жизни рода и народа. Изображение женщин разных поколений одной семьи раскрывает идею вечного цикла возрождения.

Триптих «Семейные реликвии» (287x200) был создан **автором данной статьи** – Мариной Валентиновной Пономаренко в 2008 году во время завершения обучения в портретной мастерской Харьковской государственной академии дизайна и искусств (под руководством заслуженного деятеля искусств Украины Виктора Николаевича Чауса). В центральной части триптиха – портрете-картине «Три возраста», представлен автопортрет вместе с изображением мамы и бабушки. Творческий процесс создания триптиха открыл для меня возможность определения себя частью своего рода и народа. Идея передачи духовного богатства героинь и их введение в бытийное пространство реализована в живописи с помощью золота.

Исследование особенностей образной и формообразующей структуры триптиха будет содействовать вниманию к изначальному – ритуальному назначению портрета, установлению глубинной связи между древними и современными произведениями портретного жанра, сбережению духовного наследия Украины в контексте мирового изобразительного искусства. Статья напомнит о спасительной организующей природе женщины, ее основной роли – хранительницы рода. Тема актуальна для современного искусства пост-постмодернизма, когда зеркало мира разбито в осколки.

Анализ предыдущих исследований. Репродукции триптиха «Семейные реликвии» были опублико-

ваны в нескольких источниках, но научного анализа произведение не получило [4; 20].

В базовой литературе, посвященной портретной живописи, не раз отмечалось, что особенности композиции традиционного парадного портрета заключаются в изображении фигуры в полный рост и атрибутов, которые подчеркивают исключительный статус героя портрета [3, 6; 11]. Эти утверждения стали основополагающими для выявления изменений в иконографии современного парадного портрета на примере триптиха «Семейные реликвии». Концептуальной моделью для исследования образного строя произведения выбраны теоретические работы доктора искусствоведения О. А. Тарасенко, раскрывающие ритуальное назначение портретных изображений различных времен [16–18]. Ученая использует идею мифологического мышления и рассматривает украинское искусство в контексте всемирного, опираясь на теорию «большого времени» М. М. Бахтина. Такой метод получил продолжение в данной статье, где анализ произведения основывается на раскрытии женских образов через архетип Матери и установлении связей современного парадного портрета с обрядовой культурой язычества и христианскими традициями. Исследование мифологических аспектов семантики и иконографии образа Великой Богини в древнеславянской архаике содержат труды украинских и зарубежных ученых: А. Л. Барковой, В. Н. Гнатюка, В. В. Иванова, А. И. Потапенко, Б. А. Рыбакова и других [2; 9; 12; 15]. Изучение этой темы остается важным для научного осмысления иконографии современных женских портретов.

Исследование золота как живописного материала, с помощью которого изображено пространство в композиции, обусловило обращение к научным работам, посвященным его использованию. Чаще всего роль золота рассматривалась в религиозно-философском аспекте. Символика сусального золота раскрывалась выдающимися учеными П. А. Флоренским и С. С. Аверинцевым. Ученые отмечали его сакральный смысл [19; 1]. Техничко-технологические особенности использования сусального золота на холсте в качестве основы под живопись рассматривал Б. Г. Виппер [6]. В современном украинском искусствоведении тема сакрализации пространства портрета с помощью золота как материала живописи разрабатывается М. В. Пономаренко [13]. Она сохраняет актуальность и имеет перспективы дальнейших исследований.

Постановка проблемы. Портретная живопись Украины предоставляет богатый материал для исследования. Однако современный парадный портрет с позиций сочетания сакрального и светского еще не получили должного искусствоведческого анализа. Исследование особенностей содержания и пластики автопорт-

Ил. 1. Орнамент с изображением Макоши. XXI ст.

Ил. 2. Густав Климт. Три возраста женщины. 1905

Ил. 3. Федор Кричевский. Три возраста. 1913

трета в композиции семейного портрета в украинской живописи почти не встречаются. В связи с этим была определена цель данного исследования – выявление особенностей образной и художественно-стилистической структуры портретной композиции «Семейные реликвии»; установление связей между современным

портретом и искусством портрета разных времен и его первичным – ритуальным предназначением.

Результаты исследования. Содержание произведений искусства, посвященных женским образам, традиционно раскрывается через архетип женщины-матери. Женский образ воспринимается как магический источник продолжения рода и непрерывного цикла возрождения, в котором бинарная оппозиция «жизнь – смерть» является естественной. Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение и воскрешение [21]. Ее образ, как воплощение женской энергии Вселенной, характерен для искусства различных мировых культур и времен. Культ поклонения Женщине-Матери запечатлелся в мелкой пластике палеолитических «Венер», в изображениях образов Изиды, Деметры, Цереры. Как считают сторонники мифологического мышления, в дальнейшем он проявился в образе Царицы Небесной (в христианской традиции – Богородицы, в католической – Мадонны) [9; 10]. Трансформируясь во времени, образ сохранил общие черты иконографии: фронтальное изображение в полный рост, поднятые вверх руки – жест адорации. В древнеславянской мифологии персонификацией одной из функций Великой Богини была Макошь – богиня плодородия, аллегория Матери-Сырой Земли (ил. 1). В синкретическом образе Макоши узнаются черты богини судьбы, покровительницы прядения и вышивания, которая владела нитью жизни каждого человека [2; 7; 9; 12]. Культ богини состоял из обрядов-посвящений плодородию.

Фольклорный материал подтверждает представление о взаимосвязи трех ипостасей Богини-Матери, в которых зафиксирована цикличность времени, связанная с жизнью человека и изменениями его внешности: молодость, зрелость и старость [9]. Каждая из трех ипостасей часто встречается в произведениях искусства в виде аллегорических образов времен года (весны, зимы, осени), времени суток (рассвета, дня, вечера) и состояния Солнца (восход, зенит, закат), бесконечно сменяя друг друга, они открывают новый жизненный цикл в природе. Эта тема представлена в произведениях живописи известных европейских и украинских художников (ил. 2; 3).

Она нашла воплощение в особой форме автопортрета, включенного в трехфигурную композицию триптиха «Семейные реликвии» и была раскрыта через изображение женщин трех поколений одной семьи (ил. 4). Они олицетворяют идею продления жизни, сохранения ценностей, которые передаются от предыдущего поколения к следующему.

Интерпретация традиционной иконографии парадного портрета и сочетание приемов светского искусства с сакральным стали основой метода создания композиции «Семейные реликвии».

В монументальном масштабе триптиха величие и обобщенность образа скульптурных памятников соединена с признаками камерного станковой портрета – воспроизведением сходства, индивидуальной психологии и настроения моделей. Такая формула

художественного решения характерна для типологии парадных портретов, созданных Тицианом Вечеллио, Питером Паулем Рубенсом, Антонисом Ван Дейком, Диего Веласкесом и усматривается в портретном творчестве классиков украинской живописи – Ф. Г. Кричевского и А. А. Мурашко.

Большой размер произведения подчеркивает значимость изображенного события и дает возможность зрителю чувствовать себя причастным к действию в панорамном пространстве трехчастной композиции. Женщины изображены в спокойных позах во весь рост больше натуральной величины, их взгляд устремлен сверху вниз. Внутренняя динамика и духовное единство героинь запечатлены в движении взглядов: углубленный в себя взгляд бабушки, мамин, направленный на меня, и мой – на зрителя. Сходство передано в индивидуальных пропорциях лиц и кистей рук, усилено выразительным ракурсом в три четверти. Изображение рук рифмуется с общей пластикой фигур и колористическим решением лиц.

Для раскрытия идеи произведения была выбрана декоративная структура композиции. Содержательная фабула творческого замысла проецируется в измерение трех отдельных частей: левую и правую – «Рушники» и центральную – «Три возраста». Архитектонической основой произведения стал триптих, как форма алтарного складня, характерная для европейского религиозного искусства. Традиционно центральная часть такого складня посвящена сценам библейских сюжетов, боковые – портретам заказчиков в молитвенных позах. В отличие от канонической композиции, в центральной картине триптиха «Семейные реликвии» изображены конкретные женщины, а боковые представляют изображения рушников. Трансформация иконографии боковых частей основывается на христианском обычае в украинской культуре – украшения икон «покутными» рушниками, которые образуют симметричное обрамление иконы (ил. 5). Такая интерпретация коренится в личных воспоминаниях и семейных традициях, где хранилась основная функция полотенец – обрядовая.

Ритмическое чередование водопада складок домашнего полотна акцентирует ощущение торжественного таинства в центральной картине триптиха. В тишине золотого пространства будто бы слышится тихий шелест ткани, напоминающей о мифологической основе живописного произведения – древних ритуалах посвящения Великой Богине (принесение в дар полотна в его первоначальном некрашеном состоянии) [2]. Белые орнаменты-обереги изображены с помощью фактурной пасты для живописи, использование которой позволило создать иллюзию объемной вышивки. Доминирует мотив треугольника, волнистой линии, меандра в виде спирального завитка, которые издавна были распространены в декоративном искусстве Украины. Стилизованное изображение женского естества закодировано в квадрате и ромбе с точкой в центре (вспаханное и засеянное поле) [13]. Архаичные композиции вышивки полотенец отсылают к представлениям о картине мира наших предков.

Ил. 4. Марина Пономаренко.
Триптих «Семейные реликвии». 2008

Ил. 5. Крелевецкие тканые покутные рушники.
XX–XXI ст.

Для раскрытия идеи произведения была выбрана декоративная структура композиции. В центральной части триптиха для каждой фигуры существует свой источник освещения. Пространство изображено не по правилам линейной и светло-воздушной перспективы. Согласно идее композиции, оно воспроизведено как Божественная бесконечность [19]. Теплые охристо-золотистые цвета слиты в целостный фон, освобожденный от лишних элементов изображения, что дает возможность почувствовать тайну гармонии человека, введенного во вневременное измерение. Цвет фона центральной картины триптиха продолжается в его боковых частях – «Рушниках». Их симметричные вертикали усиливают возвышенный лад символического пространства композиции. Такое художественное решение расширяет плоскость полотна и устанавливает художественно-стилистическую и образную связь трех частей единой композиции.

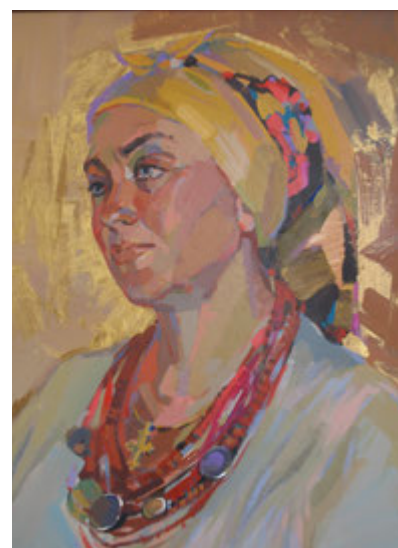
Техника акриловой живописи была выбрана сознательно для создания триптиха, что способствовало образованию матовой бархатистой поверхности на холсте. Особый смысл произведения, который выходит за пределы традиционного психологического портре-

та, достигнут благодаря введению золота как материала для живописи. Женские фигуры находятся будто бы в символическом мире. Условное пространство превращается в сакральное. Как известно, природа сакрального для человека раскрывается через символ [19, с. 312–313]. Термином «сакральное искусство» (от лат. – «священный, духовный»), согласно В. Г. Власову, определяют художественные произведения, в которых эстетические и художественные функции еще не выделены из ритуальных [8, с. 476]. История использования золота в произведениях портретного жанра возвращает нас к ритуальному назначению портрета и «необходимости воспроизведения забытого смысла искусства как примирения жизни и смерти» – идеи, которой посвящены научные исследования О. А. Тарасенко [16]. Обратим внимание на древние культуры, для которых золото было священным воплощением Солнца и олицетворяло его божественную природу на Земле. Золотые маски Древнего Египта, фаюмские портреты, мозаики Византии с использованием золотой смальты, иконы, в которых традиционно используется сусальное золото, имеют сакральное назначение и общую идею воссоздания «путешествия в другое пространство» [18]. Религиозное мировоззрение разных эпох обусловило введение золота в круг символов в трактовке портретных образов, но коренные изменения мировоззрений XVIII–XIX веков актуализируют индивидуальный психологический портрет. В XIX и в начале XX века внимание художников модерна концентрируется на чисто декоративных качествах золота. Этот материал олицетворяет свет мистических миров и отождествляется с искушением inferнальными силами. Эстетика подменила сакральное символическое значение золота, вечное изменилось на временное.

В своем произведении «Семейные реликвии» я обратилась к ритуальному назначению золота и напомнила о первичном – сакральном смысле портретов с его использованием. Символические образы

женщин олицетворяют общечеловеческие архетипы семейно-духовного родства и идею вечного цикла возрождения жизни. Для ее воплощения необходима была сакрализация пространства. С этой целью введена золотая акриловая краска, как имитация сусального золота (ил. 6). Фигуры, изображенные на золотом фоне, оказываются вне земного пространства в пространстве вечном – божественном. Светское сочетается с сакральным, реальное становится трансцендентным. Часто слово «золото» употребляется в Священном Писании как символ духовных даров. Таким образом акцентируется доминанта духовного плана бытия над физическим.

Общий теплый колорит триптиха строится на гармонии сложных сочетаний взаимодополнительных цветов. Доминирующим теплым цветам (фон, рушники, юбки, лица женщин) противопоставлены холодные оттенки на одежде и поземе. Одежда женщин не принадлежит к современной эпохе. Костюмы представляют собой обобщение украинских национальных костюмов и воспринимаются вне времени. Лаконизм и аскетичность одежды позволяет сосредоточиться на психологии лиц. Белый цвет женских блуз живописно воспроизведен в прохладных голубовато-зеленых и сиреневых оттенках. Сходство тона светлых блуз и теплого фона создает впечатление их слияния. Фигуры почти растворяются в золотистых оттенках пространства. Как считают исследователи, «для украинцев белый цвет – исконно священный. Практически все праздничные народные обряды проводили именно в белых одеждах» [14]. Клетчатая плахта маминого наряда созвучна зелено-коричневой условно изображенной земле и колористически ритмуется с моей коричнево-красной юбкой. Платки на головах женщин образуют гармонию согласно контрасту тепло-холодных взаимодополнительных цветов. Глубоким тональным камертоном звучит темно-синий бабушкин платок как противопоставление маминому насыщенно-желтому. Украшения

Ил. 6. Марина Пономаренко. Фрагменты центральной части триптиха «Семейные реликвии». 2008

носят символічне значення, приваляють увагу до очей жінки і утворюють ритмічні чередування деталей. Блики срібла і золота нагрудних хрестів, сережок-жемчужин, сережок-колец і мониста перекликаються з блиском очей. Яркі буси з декількох ниток утворюють графічний орнамент червоних ритмів і звучать до рожевого квіткового малюнку платка. Коло, втілений у формі прикрас, з давніх часів в Україні вважався магічним оберегом, а його замкнута лінія – символом духовного і родового зв'язу [14].

Висновки.

Образна структура триптиха «Семейные реликвии» розкрито через архетип Жінки-Матері і ідею вічного кола відродження. Автопортрет разом з бабуською і матір'ю дає можливість зрозуміти органічну природу жінки, зрозуміти необхідність збереження вічних духовних цінностей роду і нації. Виявлено, що трансформація іконографії парадного портрета змінена в напрямку сакралізації змісту: канонічні атрибути замінені на зображення орнаментованих рушників – символів духовного зв'язу поколінь. Встановлено, що виразити ідею домінуючої вічного над тимчасовим допомагає зображення умовного простору, використання золотого акрилового фарбу як імітації сусального золота. Опора на спадок світового і українського сакрального мистецтва, канонічну форму парадного портрета вказує на зв'язок в сучасному живописі триптиха «Семейные реликвии» принципів світського і ритуального мистецтва.

11. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Мифология и фольклор. М. : Знак, 2009. Т. 5. 372 с.

12. Пономаренко М. В. Золото як матеріал в живопису: сакралізація простору // Актуальні питання мистецтвознавства: виклики XXI століття: міжнародна науково-практична конференція науково-викладацького складу і молодих вчених у рамках IX Міжнародного форуму «Дизайн-освіта 2017». Харків, 9–12 жовтня 2017. X. : ХДАДМ, 2017. С. 200–201.

13. Потапенко О. І., Дмитренко М. К., Потапенко Г. І. та ін. Словник символів / за заг. ред. О. І. Потапенка, М. К. Дмитренка. К. : Редакція часопису «Народознавство», 1997. 156 с.

14. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М. : Наука, 1987. 790 с.

15. Тарасенко О. А. Портрет і ритуал // Мистецтвознавство України: зб. наук. пр. / Ін-т пробл. сучас. мистец. АМУ. Вип. 5. К. : Муз. Україна, 2005. С. 56–68.

16. Тарасенко О. А. Портрет і маска (лик). Фази Бытия // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Харків, 2003. № 2. С. 108–133.

17. Тарасенко О. А. Простір портрета // Музичне мистецтво і культура. науковий вісник Одеської державної академії ім. А. В. Нежданової. Вип. 6, кн. 1. Одеса : Друкарський дім, 2005. С. 148–162.

18. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб. : Мифрил, 1993. С. 312–313

19. Юнг К. Г. Человек и его символы. М. : Серебряные нити, 2017. 352 с.

20. White G. The Queen of Heaven, A New Interpretation of the Goddess in Ancient Near Eastern Art. London : Solaria Publications, 2013. 190 с.

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранне-византийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М. : Наука, 1973. С. 43–52.

2. Баркова А. Л. Сотворение мира. Богиня-Мать. Бог Земли. Бессмертная Возлюбленная: Четыре лекции о мифологических универсалиях. М. : Рипол Классик, 2018. 195 с.

3. Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л. : Искусство, 1981. 256 с.

4. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. СПб. : Азбука-классика, 2019. 352 с.

5. Виппер Б. Введение в историческое изучение искусства. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 368 с.

6. Войтович В. Українська міфологія. К. : Либідь, 2002. 664 с. : іл.

7. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб. : Азбука-классика, 2008. Т. 8. 848 с.

8. Гнатюк В. М. Нарис української міфології. Львів. Інститут народознавства НАН України, 2000. 263 с.

9. Голан А. Миф и символ. М. : Руслит, Тарбут, 1993. 376 с.

10. Жолтовський П. Український живопис XVII – XVIII ст. К. : Наукова думка, 1978. 327 с.

НОКТИОРН (Этюд-новелла)

Героиней рассказа «Жёлтые розы» была юная Наталия – сначала школьница, затем – студентка консерватории. Приехав в Вену, она посещает могилу Г. Малера, где встречается с его внучкой и т.д... В предлагаемой читателю новелле – она же несколько лет спустя окончила консерваторию и ныне готовится к конкурсу им. Ференца Листа. Желание глубже вникнуть, прочувствовать, осознать произведения великого композитора приводят её в Веймар, где Лист подолгу жил и где в последнем его жилище, так называемом «Домике Листа», сейчас музей.

В Веймар Наталия приехала вечером, остановилась в небольшом, скромном отеле. Из окон её номера была видна узенькая улочка и часть крохотной площади, засаженной деревьями. Осень. Листья всех оттенков жёлтого, коричневого, зелёного, красного, время от времени медленно слетая вниз, устилали землю своим многоцветьем. Вечер стремительно переходил в ночь. Завтра с утра она отправится бродить по этому удивительному городу, знакомиться со всем тем, о чём знает лишь понаслышке, из книг и путеводителей. Ещё невидимый, он кажется ей особенным, загадочным. Ведь недаром писал о нём Гёте: «Где ещё вы найдёте на таком маленьком клочке земли столько прекрасного». Прекрасное – это не только его расположение в одном из красивейших мест Германии вблизи знаменитого Тюрингского леса, не только самобытный облик архитектуры XVII–XIX веков, но это, прежде всего, – люди, жившие некогда здесь. Расположившись в большом, удобном кресле, Наталия старалась вспомнить всё, что знала о Веймаре.

В этом маленьком городке (в середине XIX века насчитывавшем всего 12 тысяч жителей, да и сейчас их чуть более шестидесяти) – жили Гёте, Шиллер, Виланд, Лист, работал И. С. Бах. Здесь творили, расписывая стены замков, соборов, дворцов, отец и сын Кранахи, создавшие восхитительный алтарь в городской кирхе. В ней, уже позднее, в XIX веке служил и читал свои знаменитые проповеди немецкий мыслитель Гердер – «великий учёный и глубокомысленный метафизик» (Н. М. Карамзин).

Но, пожалуй, особо привлекательными казались Наталие те невидимые, но тесные нити, которые связали Веймар с Россией. С 1804 года, в течение 55 лет великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенахской, оставившей после себя значительный для всей Германии след, была Мария Павловна – дочь русского императора Павла, родная сестра Николая I. С герцогом Саксен-Веймарским Карлом Фридрихом у неё хотя и был династический брак, но оказался вполне счастливым, давшим троих детей. Овдовев, она продолжала

дела мужа, проявляя особый интерес к культурной жизни города. Шиллер даже написал в её честь драму «Поклонение искусству». А когда он умер, оставив после себя немалые долги, именно Мария Павловна оплатила их. Она была дружна с Гёте, который называл её «добрым ангелом страны» и «одной из лучших и наиболее значительных женщин нашего времени». Именно она пригласила в Веймар Листа. В этом маленьком городе был не только симфонический оркестр, дирижёром которого стал Лист, но и оперный театр, где он со временем осуществил ряд постановок опер Глюка, Моцарта, а также и своих современников – Шумана, Вагнера, Берлиоза и других авторов, среди которых – даже постановка сейчас уже забытой оперы Антона Рубинштейна «Сибирские охотники» и оратории «Потерянный рай» по Мильтону.

Наталия знала также и то, что после блестящих и шумных столиц, где гастролировал Лист, в маленький Веймар его и Каролину Витгенштейн, его возлюбленную, привлекла надежда на содействие Марии Павловны в получении разрешения от императора Николая I на развод Каролины с мужем – Н. Витгенштейном, с которым они давно уже жили врозь. История любви Листа и Каролины Витгенштейн захватывающе интересна, мелодраматична и неоднократно описана в книгах и представлена на киноэкране.

В эту первую ночь в Веймаре Наталия засыпала с мыслями о Листе и его вдохновенной музе. Прождав 12 лет, они так и не смогли скрепить свой союз венчанием, в чём оба, глубоко верующие, увидели волю Божию и покорились ей. Но здесь, в Веймаре, под покровительством Марии Павловны, в прекрасном дворце Альтенбург, расположенном на правом берегу Ильма и предоставленном им великой герцогиней, они были счастливы. Здесь были созданы многие из лучших произведений Листа, а Альтенбург вскоре превратился в духовный и музыкальный центр Германии.

Весь следующий день Наталия бродила по городу, не переставая удивляться его неповторимой красоте. По Веймару надо ходить пешком, – думала она, – неспешно бродить по узким улочкам, вымощенным гладкой брусчаткой, рассматривать одно- и двухэтажные домики, отдыхать в парках и садах. Некогда здесь любил гулять великий Гёте. Рассказывают, что, выходя из дому, он брал с собой множество семян фиалок и разбрасывал их вокруг себя. А потом, весной, они расцветали, образуя настоящие фиалковые луга, и жители называли их фиалками Гёте.

Пройдя к центру города, Наталия вышла на рыночную площадь, зашла полюбоваться красотой городской кирхи, оттуда направилась к замку XVI века с известной по многим фотографиям башней. В ней, на первом этаже, она с интересом рассматривала собра-

ние картин правителя Веймара конца XVIII века Карла Августа. Невдалеке и «Вдовий дворец» – резиденция его матери, и вновь экспозиция работ величайших художников. Некогда в этом дворце, за круглым столом, собирались знаменитые мыслители, поэты, художники. Напротив «Вдовьего дворца» – Национальный театр, перед ним – бронзовый памятник Шиллеру и Гёте. Они рядом, на постаменте – величавы и прекрасны. Рядом с дворцом – Дом-музей Шиллера, далее – большой, двухэтажный, с богатым убранством дом Гёте, в котором он прожил 50 лет.

Наталья восхищена: как любят здесь поэтов! Как уважительно относятся к ним, даже тем, далёким, кто никогда не бывал в этом городе. Тут, в центре Германии, в городе Гёте и Шиллера, стоит бюст Пушкина, и улица, на которой он возвышается, названа именем русского поэта – Пушкинштрассе. Как прекрасно!

Конечно, она пошла и на кладбище. Подошла к могилам Гёте и Шиллера, затем направилась к усыпальнице Марии Павловны. Вспомнила, как где-то читала, что эта удивительная женщина хотела быть похороненной в русской земле, и, когда она умерла, из России сюда привезли землю, и православный храм пресвятой Марии Магдалины, где покоится прах герцогини, стоит на этой, привезенной с её родины земле. Он примыкает к герцогской усыпальнице, где похоронен её супруг Карл Фридрих, и в стене, их разделяющей, сделан просвет. Трогательно? Сентиментально? Или глубоко человечно? И это там, – с горечью подумала Наталья, – где невадалеке, менее столетия спустя, был построен Бухенвальд!!!

Обойдя все эти места, она направилась в парк над Ильмом, заложенным и спланированным, как говорят, самим Гёте. Здесь же и его Римский домик, а невадалеке от него – дом-музей Листа – главная цель всех её блужданий. Это удивительный музей: лишь одна комната отведена для информации о жизни композитора, всё остальное сохранено, как и было в 1886 году, когда он покинул свой дом, чтобы уже никогда сюда не вернуться, но кажется подчас, что хозяин лишь ненадолго отлучился и скоро вновь сюда вернётся.

В гостиницу Наталья вернулась уже под вечер. Стемнело, моросил дождь, но в комнате было тепло и уютно. Раздевшись, она подошла к окну, взглянула на мокрую, пустынную улицу, задумчиво оперлась на подоконник. Невдалеке ярко горел фонарь, свет от него падал на мостовую, мокрая брусчатка блестела, и в ней, как в зеркале, отражались освещённые окна соседних домов. Дождь усилился, ветер направлял его струи в окно, у которого стояла Наталья, и вскоре потоки воды, казалось, превратили оконные стёкла в своеобразные линзы, за которыми всё плыло, изгибалось, дробилось и виделось, как через надетые не по своим глазам очки. Эта причудливая картина забавляла её, внося в ощущение окружающего мира что-то не реальное, почти фантастическое. На улице никого не было. Но внезапно откуда-то появился спешащий прохожий. Он был высок, чуть сутулился, в длинном, тёмном плаще, надвинутой глубоко, почти до глаз шляпе, из-под которой выбива-

лись длинные волосы. Шёл он, прикрываясь большим зонтом, и во всей его фигуре, походке, спадающих на плечи волосах было что-то явно знакомое. «Да ведь это Ференц Лист, – воскликнула восторженно Наталья, – он, конечно, он! Спешит, направляясь в тот великолепный трёхэтажный дом на возвышении – Альтенбург, где ждёт его она, возлюбленная и бесконечно дорогая невеста, сестра, подруга, помощница и опора, радость, благословение и слава всей жизни». (Эти слова из письма Листа Наталье нравились, и она знала их наизусть.)

Вот он стремительно входит в дом. Сбросив на руки слуги и мокрый плащ, и шляпу, и зонт, избегает по лестнице на третий этаж, входит в свою так называемую, «голубую» рабочую комнату, выходящую окнами в сад и обставленную удобно и просто: рояль, бюро, маленький столик, письменный стол у окна, книжный и нотный шкафы. Голубые занавеси на окнах сдвинуты, в комнате полумрак. На диване для отдыха его ждёт Каролина. Рядом – раскрытая книга, она, должно быть, читала её, пока было светло и сейчас, отложив, сидит, не зажигая свечей. Мягкая ткань её фиолетового платья спадает лёгкими складками, вырисовывая контуры тела, округлость колен. Домашние туфельки на ногах утопают в пушистом ковре. Лист бросается к ней, опускается на ковёр, зарывается, как ребёнок, мокрым лицом в её колени.

– Ты плачешь, на твоём лице слёзы?

– Нет, нет. На дворе дождь.

Она касается губами его лица, проводит рукой по волосам.

– Это слёзы, я чувствую их солённый вкус.

– О, Каролина, какое несчастье! Он умер, умер...

Из Парижа пришло сообщение... Умер Шопен – этот нежный гений гармонии.

Они долго, молча, сидят в темноте. Наконец Каролина встаёт, зажигает свечи, Лист подходит к роялю. Несколько скорбных аккордов звучат как стон, жалоба и сразу же стихают.

– О, Каролина, я так виноват перед ним. Мы подружились сразу, когда он только приехал в Париж. Он был таким хрупким, утончённым, нежным. Нас всех потрясла его игра. Тогда мы думали лишь о технике, соперничали, придумывали какие-то изощрённые, невероятные пассажи. Когда приехал Паганини, все мы старались подражать ему, играть на рояле с таким же блеском, с каким он играл на скрипке, думали лишь о технике. И вот появился Шопен. Казалось, он от рождения был наделён столь совершенной техникой, что вовсе и не заботился о ней. Он извлекал из инструмента какие-то неведомые нам доселе звучания. Рояль пел почти человеческим голосом, дышал, движение то ускорялось, то замедлялось, вспыхивало, как колышущееся пламя, рвалось ввысь, трепетало, замирало и угасало с тем, чтобы вновь возродиться. Своим знаменитым *rubato* он вдохнул в музыку живую душу. Это было поистине прекрасно! Мы часто встречались, вели душевные беседы, вместе играли на одном или двух роялях. А потом, когда я покинул Париж и лишь изредка наезжал туда, мы виделись всё реже, отделились

друг от друга. Концерты, выступления, бесконечные переезды захватили меня, и я всё дальше отходил от него, хотя мне так не хватало его дружбы. А сейчас – его нет, и уже ничего не исправить, не вернуть. Как купить вино, что сделать?

Тонким, душистым платком Каролина прикоснулась к его лицу, отёрла глаза.

– Франсуа, пусть зазвучит его музыка, – попросила она.

Лист дотронулся до клавиш. Тихо, робко, неторопливо зазвучала под пальцами великого пианиста музыка, напоённая светлой печалью ночного разговора, шёпотом, вздохами, нежными упрёками, – ночная песня, ноктюрн. Лист играл долго, вспоминая игру Шопена, подражая ему. Каролина никогда не слышала, чтобы её любимый Франсуа так проникновенно, так призрачно играл.

– Дух Шопена был сейчас здесь, – произнесла она, – когда он остановился. – Вы играли для него, так, как ему, наверно, того бы хотелось.

– И ему, не правда ли, было хорошо, уютно с нами. Ведь он не любил играть в больших залах, редко давал концерты. Но среди небольшого числа близких, любимых друзей он играл так, как никогда не мог играть для чужой, незнакомой публики. Какие музыкальные вечера бывали в его доме! Они оставили неизгладимый след в моей памяти. Особенно хороши были они, когда среди гостей был кто-либо из его соотечественников, приехавших из Польши. Ведь он безмерно, самозабвенно любил родину, тосковал по ней, ощущал себя в Париже изгнанником. Один из таких вечеров врезался навсегда в память. О, Каролина, это было незабываемо, Шопен играл тогда так вдохновенно!

Лист закрыл глаза, как бы погружаясь в дрему, голос его звучал тихо, неторопливо.

Его квартира была освещена только несколькими свечами у рояля. Углы комнаты, погружённые в сумрак, теряли очертания. В полумраке силуэты мебели, одетой в беловатые чехлы, казались призраками, явившимися на вызвавшие их звуки. В светлой зоне рояля сгруппировалось несколько лиц. Среди них – Гейне – этот самый скорбный из юмористов. Он прислушивается с глубочайшим интересом к тому, что звуками рассказывает Шопен о таинственной стране, часто посещаемой его крылатой фантазией. Шопен и Гейне понимали друг друга с полуслова, с ползвуча. Оба были охвачены тоской по родине. Гейне даже часто сравнивал себя с тем голландцем, капитаном корабля-призрака, который был обречён на вечные скитания по холодным волнам. На этом несокрушимом корабле Гейне и Шопен нередко странствовали вместе.

Рядом с Гейне – Мейербер. Часами он мог вслушиваться во все детали арабесок, прозрачным кружевом окутывавших импровизации Шопена. Были здесь и Адольф Нурри, и Эжен Делакруа. Отдалённо от всех сидел хмурый и безмолвный Адам Мицкевич – этот северный Данте. Казалось, он по-прежнему находил «горькой соль чужбины и крутыми ступени её лестницы». Погрузившись в кресло и опершись рукой о

стол, Жорж Санд внимательно слушала игру своего друга, покорная власти его звуков. На них всецело откликнулся её пламенный гений, обладавший редким даром прозревать прекрасное в искусстве и природе. Её энергетическая личность и неотразимая обаятельность покорили хрупкую и нежную натуру Шопена, внушив восторг, губительный для него, как слишком хмельное вино губительно для слишком хрупкого сосуда.

– О, Франсуа, – прервала его Каролина, – я, как будто, только что побывала там, в этой окутанной полумраком комнате, видела всех, кто был там, слушала их речи, погружалась вместе с ними в чарующие звуки шопеновских вальсов, ноктюрнов, полонезов, но более всего – мазурок, которые я люблю превыше всего. Ведь у нас с ним общая родина, а мазурка – её звуковой символ. И вот что ещё, Франсуа, Вы говорили, что хотели бы что-то сделать для него хоть теперь, что виноваты перед ним. Пишите! Пишите о нём! Пусть это будут воспоминания, статьи, книга, не знаю что, только пишите! Вы это можете!

Лист крепко сжал её руки, поднёс к губам, покрыл поцелуями.

– Мой ангел, как всегда Вы угадываете, а то и опережаете мою мысль. Я буду, я должен написать о Шопене, и пусть это будет мой дар его памяти. А это – для Вас, – сказал он после недолгого молчания, – любимые вами мазурки.

Его пальцы вновь заскользили по клавишам. Она склонилась к его плечу, тихо шептала:

– Слышу бряцание шпор... шелест кисеи и газа, шорох вееров, звон золота и драгоценностей... вздохи, прощальные слова, скрываемые слёзы...

Он остановился. «Что это, – пронеслось в его сознании, – бред, видения, сон наяву?»

– Вы правы, дорогая, действительно, мир его музыки – это мир воспоминаний и грёз его юности. Помню, как однажды он играл для нас, его близких друзей, одну из мазурок и, вдруг внезапно прервав игру, стал рассказывать о фигурах этого танца, а затем, вернувшись к фортепиано, прошептал строки из стихов Сумэ – модного в то время поэта:

Семила, я тебя люблю,

И сердце я своё к тебе одной стремлю,

Порой, как фимиам, порою, как грозу!..

Казалось, его взор был прикован к видениям прошлых дней, незримым ни для кого, кроме него. Несомненно, Шопен видел перед собой чей-то прекрасный облик. Призраки прошлого нередко посещали его, и он запечатлел эти видения с такой силой, что отпечаток их остался неизгладимым навсегда.

Лист продолжал играть, и мазурки сменяли одна другую.

– Эти мазурки, – произнесла Каролина, – вдохновенные поэмы, немые молитвы, но для того, чтобы до конца понять их... – она внезапно оборвала свою речь, её нежные пальцы коснулись рук Листа, музыка прервалась, – для того, чтобы понять их, – продолжала она, – надо видеть, как танцуют мазурку на родине этого танца. Только там можно уловить, сколько в нём за-

ключено гордости, нежности, вызова. Я расскажу Вам, как танцуют мазурку в Польше.

Она вскочила, приняв кокетливо-вызывающую, пленительную в своей грации позу, быстро, возбуждённо заговорила:

– В мазурке на первом месте – женщина. Здесь из существа, нуждающегося в покровительстве, она становится королевой. Она уже не представляется лучшей частью жизни – она вся жизнь. Всем полькам от рождения присуще магическое искусство этого танца. Для начала все пары берутся за руки, располагаются по кругу, образуя один большой венок, в котором каждая дама – своего рода цветок на фоне тёмной листвы однотонных костюмов кавалеров. Затем все пары устремляются вперёд вслед за первой почётной парой. После общего танца внимание всех приковывает одна красивая пара, вылетающая на середину. Какое богатство движений у этого танца! Выступая вперёд, дама поначалу покачивается, как птица перед полётом, а затем устремляется вперёд, скользит, бежит, летит, усталость красит её щёки, воспламеняет взгляд, клонит стан. Подобно богине охоты, с гордо поднятой головой и вздымающейся грудью, она рассекает воздух, точно ладья волны, как бы играя пространством. Кавалер гордится своей дамой, как завоеватель, и предоставляет всем любоваться ею. На лице его выражение гордости, тщеславия, движения решительны, нетерпеливы. Танцуя, они то отдаляются на миг, то вновь сближаются и в заключительный момент дама бросается к нему, замирая в его руках. Движению этому можно придать тысячу оттенков – от страстного порыва до томного изнеможения.

Длительные промежутки между выступлениями пар заполняются беседами танцующих. Какие неожиданные узы возникали во время этих разговоров с глаз на глаз, посреди толпы, при звуках мазурки! Какие обеты давались здесь, какими тягостными, прощальными словами обменивались те, кто так дорог был друг другу! Сколько раз назначались во время мазурки свидания перед столь долгой разлукой, что осень жизни могла сменить её весну! Сколько раз те, кого разъединяли происхождение и предрассудки старшего поколения, сближались только во время этих кратких встреч! Как часто вспыхивала и гасла за один вечер мимолётная любовь между людьми, никогда раньше не видевшими друг друга, которые знали, что им не придётся больше встретиться, но предчувствовали, что уже не в силах будут забыть эту встречу!

– Как прекрасно, как возвышено всё, что Вы говорите, – воскликнул Лист. Он взял её руки в свои, усадил рядом.

– Но в Польше мазурка не только танец, – продолжала Каролина, придавая словам, интонациям голоса всё более приподнято-патетический характер, – она – род национальной поэмы, назначение которой передать, зажечь пламень патриотических чувств. Родина вербует здесь своих мучеников и героев, и помогают ей в этом женщины. Ведь находится немало таких, чьи влажные очи, тонкие руки, благоуханные уста заораживают и

вербуют навсегда мужчин на священное служение отчизне. Женщина, любя, старается заставить мужчину полюбить то, что любит она: прежде всего Бога и свою родину, свободу и славу. Ведь недаром в присутствии одной знатной особы, моей хорошей знакомой, император Николай с досадой воскликнул: «Я смог бы покончить с поляками, если бы справился с польками».

Она остановилась, и Лист, не выдержав, зааплодировал.

– Какой блистательный гимн сложили Вы в честь польских женщин, милая Каролина. Его хочется озвучить музыкой, музыкой Шопена, или написать на Ваши слова торжественную кантату. Но мы сделаем иначе: не я буду писать книгу о Шопене, её будем писать мы, и Вы расскажите в ней о мазурках и о польских женщинах, да ещё и о полонезах вспомните.

– Франсуа, дорогой, я буду так счастлива писать с Вами! Однако полонез – нечто совсем иное. Это благородный, исконный танец древней Польши, какой предстаёт она в летописях и сказаниях. Поляк в них крепкого сложения, ясного и глубокого ума, необузданной храбрости в сочетании с рыцарством, не покидавшим сынов Польши ни на поле сражения, ни накануне, ни на другой день после битвы. Но мужество и отвага всегда соединялись у поляков с пылкой преданностью предмету их любви.

– И всё это есть у Шопена, ведь он был истинным сыном своей родины, – подхватил Лист.

Он ещё долго вдохновенно играл – прелюдии, ноктюрны, баллады, скерцо... Дождь, шумевший за окном, утих, рассеялись тучи, на небе появились тусклые осенние звёздочки, но скоро и они растаяли в первых рассветных лучах нового дня. Каролина стояла, опершись на рояль, опустив голову.

– Возвысим свои чувства перед его гробницей, – тихо и торжественно произнесла она, когда прозвучал последний аккорд очередной исполняемой Листом пьесы.

– Я вспоминаю сейчас древнюю молитву дорийцев, – едва слышно отозвался он, – слова её исполнены благоговейной поэзии, – они просили у богов даровать им Добро через Красоту! Шопен оставил нам небесный отзвук этой Красоты, которую пронёс через свою жизнь, любовь, боль, страдания. Через Красоту к нам должно прийти Добро.

Наталья очнулась от грёз, отошла от окна, взглянула на часы. В них высветилось не только время, но число и месяц: 17 октября. Она сразу вспомнила – день смерти Фредерика Шопена. Вот откуда, должно быть, из глубин подсознания, пришли её видения. Задумчивая улыбка не сходила с её лица. Всего полчаса, как она вернулась сюда. «Как удивительно, – подумала она, – прошла целая ночь, отделённая более чем полутора вековым пространством времени, и всего за 30 минут. Как всё изменилось, в каком ускоренном, стремительном темпе мы сейчас живём, подчас не замечая Красоты. Не потому ли так мало сейчас в мире и Добра? Как хоть на миг остановиться, оглядеться, одуматься?»

Она вновь подошла к окну. По-прежнему лил дождь, фонарь всё так же освещал блестящую мостовую, а улица была тиха и пустынна. Но Наталья уже знала: вскоре рассеются тучи, на небе появятся тусклые осенние звёздочки, которые вскоре растворятся в лучах начинающегося утра, и всё будет так, как в ту ночь, в Альтенбурге, когда Лист так вдохновенно играл для своей возлюбленной бессмертную музыку Шопена.

Книга Ф. Листа «Ф. Шопен» впервые была издана во Франции, где публиковалась отдельными статьями

в журнале «La France musicale» за 1851 год. В том же году была переведена на русский язык и издана также статьями в журнале «Библиотека для чтения». В разные годы выходила отдельной книгой во многих странах и на многих языках. Книга – не биография, в обычном понимании этого слова, и не исследование творчества Ф. Шопена. Написанная в свободной импровизационной манере, скорее всего, совместно с Каролиной Витгенштейн, она воспринимается как опозитизированный рассказ о личности и искусстве Ф. Шопена.

В новелле автор опирался на данные этой книги, в переводе С. А. Семёновского. Лист Ф. Ф. Шопен. М, 1956.

Густав Малер (7. 07.1860 – 18.05.1911)

Ференц Лист. Портрет работы В. фон Фаульбаха, 1856

ЦИТАДЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА

Издательская деятельность как одна из форм библиотечной работы

В обывательской среде бытует мнение, что ежедневная работа библиотекаря сводится только к выдаче и приему назад литературы. В остальное время он только и делает, что ничего не делает. И таким людям сложно понять, какой насыщенной и интересной жизнью живет современная библиотека. Проведение конференций и встреч с интересными людьми, организации различных выставок, квестов, проведение занятий по повышению квалификации, создание библиографических указателей, реставрационные работы, издательская деятельность и многое другое.

Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева является структурным подразделением Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Многие мероприятия проходят в контакте с другими структурными подразделениями. Так ее работа по изданию каких-либо материалов согласовывается с планами Научно-издательского центра «Московская консерватория» и направлена на раскрытие фондов библиотеки. Остановлюсь на некоторых изданиях.

К 125-летию Московской консерватории был подготовлен и издан каталог «Коллекция С. И. Танеева. Книги и ноты». Редактор и составитель этого каталога зав. отделом редких изданий и рукописей, кандидат искусствоведения И. В. Брежнева. Каталог состоит из 2 частей:

- Ч. 1 Книги
- Ч. 2 кн. 1 Ноты (А – Л)
- Ч. 2 кн. 2 Ноты (М – Я)

Небольшое уточнение. Личная библиотека С. И. Танеева поступила в Московскую консерваторию в 1920 г. На протяжении всей своей жизни Сергей Иванович серьезно относился к приобретению книг и нот для своей коллекции, их систематизации и оформлению. В свое время им были заказаны специальные шкафы. В настоящее время библиотека находится в фондах отдела редких изданий и рукописей. Собрание насчитывает 3 тыс. ед. хранения. Это книги по истории и теории музыки, музыкальному образованию, фольклору, исполнительскому мастерству, эстетике, нотные издания русских и зарубежных композиторов, многие из которых с автографами, музыкальные журналы.

Часто НМБТ готовит материал к печати совместно с кафедрами. В 2008 г. совместно с кафедрой истории зарубежной музыки был подготовлен каталог «Людвиг ван Бетховен: рукописные и ранние печатные источники в хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга». Составители И. В. Брежнева и доктор искусствоведения, профессор Л. В. Кириллина.

Во вступительной статье Лариса Валентиновна Кириллина пишет: «Нами впервые предпринята попытка выявить в российских хранилищах не только собственно автографы Бетховена, но и другие материалы, которые ныне принято также относить к источни-

кам: авторизованные или прижизненные рукописные копии; первые и прижизненные издания, ранние репринты; материалы музейного характера... как материал для текстологической и исследовательской работы музыковедов, издателей и исполнителей».

В справочный аппарат каталога вошли: указатель имен, указатель издательств, указатель штампов, наклеек и экслибрисов, указатель адресатов Бетховена, а также иллюстративный материал.

В 2009 г. был издан каталог «Коллекция духовных произведений русских композиторов XVII – XX веков» в 4 выпусках. Составитель и автор вступительной статьи зав. сектором рукописей НМБТ Г. М. Малинина. Обратимся к этой статье: «Настоящая публикация продолжает серию научно-библиографических описаний наиболее интересных и ценных фондов Научной музыкальной библиотеки им. С. И. Танеева, связанных с русской духовной музыкой... Своим колоссальным объемом фонд отечественной духовной музыки русских композиторов в библиотеке Московской консерватории (около 400 авторов и более 2500 названий произведений), безусловно, выделяется среди всех других собраний аналогичного содержания, поэтому многие музыкальные сочинения, фигурирующие в каталоге, впервые получают подробное описание».

Материал в каталоге дан в алфавитном порядке. Справочный аппарат состоит из именного указателя, списка сокращений, схем (вып. 1), перечня издательств и типографий, указателя цензоров, перечня штампов.

Издание уникальных произведений из фондов отдела редких изданий и рукописей позволяет значительно расширить круг пользователей, способствует активизации научно-исследовательской работы, открывает новые возможности для музыкантов-исполнителей. Ярким подтверждением тому служат издание партитур «Серенады для фагота, флейты, альты и гитары» Антона Бернхарда Фюрстенау и концерта для фортепиано Иоганна Вильгельма Геслера, воссозданной на основе комплекта печатных оркестровых голосов, изданных в Москве в 1821 г., и рукописной партитуры, хранящихся в НМБТ. Публикации нотного текста предпослано развернутое предисловие и текстологические комментарии, автором которых является выпускник Московской консерватории Павел Сербин.

В 1996 г. в нашей стране была разработана «Федеральная программа всемирного библиографического учета, формирования и взаимного использования распределенного фонда документов россики». Основные задачи этой программы:

- сбор информации о зарубежных архивах, хранящих в своих фондах россику;
- установление контактов с зарубежными научными центрами, координирующими работу по россики;
- издание справочных материалов о россики.

Опираясь на основополагающие моменты Федеральной программы, Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева разработала программу «Русское музыкальное зарубежье».

В рамках реализации этого проекта в стенах библиотеки Московской консерватории в феврале 1998 г. прошла Первая международная конференция «Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России».

Издание сборников докладов, прозвучавших на конференциях, занимает особое место в работе НМБТ. Первый выпуск был издан в 2000 г. В него входят материалы двух первых международных конференций. Символично название первой статьи «К изучению материалов русского зарубежья». Ее автор Людмила Зиновьевна Корабельникова. Среди других отечественных авторов: Ю. Н. Холопов «Собрание Андрея Михайловича Волконского (Экс-ан-Прованс, Франция)», П. Е. Вайдман «Зарубежный архив» в личном архиве П. И. Чайковского (источники новых аспектов биографии композитора)», Г. Л. Ретровская «Рукописи в фондах Музыкальной библиотеки С.-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича», И. Ф. Безуглова «Некоторые материалы зарубежных музыкантов в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки» и другие. Особый интерес вызвали выступления зарубежных коллег. Среди них: Катрин Массип (Париж) «Русские архивы в фонде Музыкального отдела Национальной библиотеки Франции», Йохим Йенеке (Берлин) «Русская музыка в Германии», Йоланта Бычковска-Штаба (Варшава) «Русские рукописные фонды в польских библиотеках», С. Лаппалайнен (Хельсинки) «Русские музыкальные архивы в Финляндии».

Последний сборник на сегодняшний день вышел из печати в самом конце 2019 г. От предыдущих он отличается полиграфическим исполнением. В оформлении обложки использованы материалы из коллекции А. Я. Скарятин, а именно автограф Сонаты № 5 Пьетро Мигали да Лечче.

Также в рамках программы «русское музыкальное зарубежье» в 2005 г. был издан первый выпуск аннотированного библиографического указателя «Игорь Федорович Стравинский». Он составлен по материалам статей из газет и журналов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Варшавы, Берлина и Парижа. Использовано 105 источников. В предисловии к выпуску руководитель программы, тогдашний директор НМБТ Рассина Э. Б. написала: «Надеемся, что удалось главное: перед исследователями самая полная русская библиография о Стравинском».

Сейчас закончена работа над вторым выпуском указателя. Книга уже в типографии, в этом году книга будет издана.

НМБТ располагает полнотекстовой базой изоматериалов: это фотографии из личных архивов профессоров Московской консерватории, открытки, портреты, репродукции и т. п. Всего порядка 3 тыс. документов. Все материалы отретпированы. Изоматериалы активно используются при организации всевозможных выставок.

Именно на основании этих материалов было принято решение издать серию открыток «Московская консерватория в лицах». Планируется издать 10 выпусков:

Выпуск 1 – Композиторы Московской консерватории;

Выпуск 2 – Пианисты Московской консерватории;

Выпуск 3 – Пианисты Московской консерватории;

Выпуск 4 – Исполнители Московской консерватории на струнных инструментах;

Выпуск 5 – Исполнители Московской консерватории на духовых инструментах;

Выпуск 6 – Музыковеды Московской консерватории;

Выпуск 7 – Музыковеды Московской консерватории;

Выпуск 8 – Дирижеры Московской консерватории;

Выпуск 9 – Оперные певцы Московской консерватории;

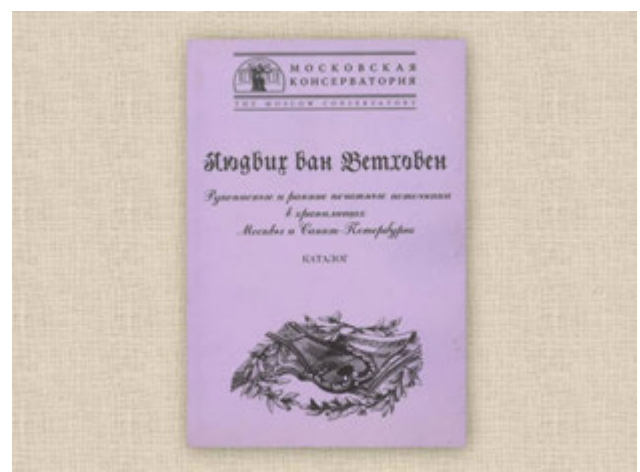
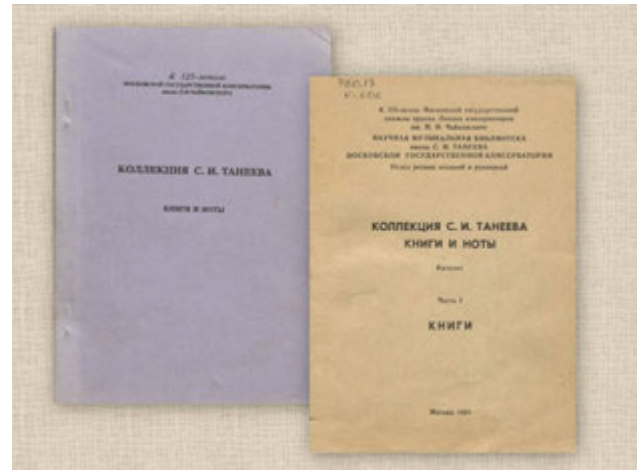
Выпуск 10 – Групповые портреты педагогов Московской консерватории.

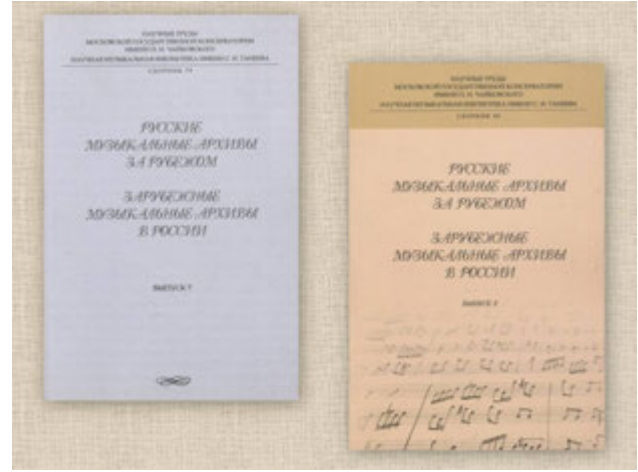
Уже изданы первые два выпуска.

И в заключение о том, над чем сейчас работают сотрудники библиотеки. Долгое время кафедру физического воспитания консерватории возглавлял Б. Н. Вороханов. В разные годы им были разработаны комплексы упражнений для музыкантов разных специальностей. Пособия издавались в консерватории небольшими тиражами и передавались непосредственно на кафедру и в библиотеку. В 2018 г. его не стало. Его дочь, сотрудница НМБТ, собрала все наработки отца и подготовила их к печати. Была проведена большая библиографическая работа по выявлению указанных в материалах источников, сканированию ранее изданных материалов, подбору иллюстраций. Работа получила высокую оценку на кафедре физического воспитания и была включена в план Редакционно-издательского центра консерватории на 2020 г.

Сотрудники НМБТ сотрудничают с музыкальными журналами. Постоянным автором журнала «Музыкант-классик» является зав. сектором международных библиографических проектов, кандидат искусствоведения Остроумова Наталья Викторовна.

Таковы вкратце основные направления издательской деятельности библиотеки Московской консерватории.

ИДЕАЛ КРАСОТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ МЕТНЕРА

Творчество Николая Карловича Метнера – композитора и пианиста – принадлежит к ярчайшим явлениям в музыкальном искусстве XIX–XX веков. Известный пианист-педагог Генрих Нейгауз ставит в один ряд три имени великих русских музыкантов, творцов фортепианной музыки, которые «владели умами своих современников» – Скрябина, Рахманинова, Метнера. Эти творцы сейчас справедливо отнесены к числу подлинных классиков. «Невозможно, – писал о Метнере Г. Нейгауз, – не проникнуться чувством самого глубокого уважения к его личности, преклонения перед его мастерством большого композитора и несравненного пианиста» [4, с. 262].

Творчество Метнера еще в начале XX века вызвало острые дискуссии среди его современников. Наряду с положительными рецензиями критиков в русских, английских, немецких и американских газетах были и те, кто считал его музыку очень сложной и недоступной для широкой публики. Известна негативная по отношению к композитору точка зрения Вячеслава Каратыгина – одного из наиболее активных русских музыкальных критиков. Он писал: «Музыка Метнера – каменистая, бесплодная пустыня, в которой трудами замечательно умного и богато одаренного архитектора воздвигнут великолепный храм – именно с храмом хочется сравнить сонаты Метнера, такое в них чувствуется серьезное, благоговейное отношение к искусству, – но без икон и без алтаря. И нет в этом храме молящихся, потому что вокруг пустыня, песок и камень, ни былинки живой...» [2, с. 263]. Именно этот отзыв Каратыгина вызвал возмущение Николая Мясковского, который выступил со статьей «Н. Метнер. Впечатления от его творческого облика». Мнению Каратыгина он противопоставил свою точку зрения о композиторе как о выдающемся художнике, творчество которого представляет значительную художественную ценность и занимает особое место в современной музыкальной культуре.

Справедливости ради отметим, что позднее Каратыгин изменил свою оценку и написал о музыке Метнера: «Я не очень люблю воспринимать в концерте образцы искусства Метнера, особенно в большом количестве; но самому проигрывать ее, слушать больше глазами, чем ушами, – одно из лучших моих художественных наслаждений, одно из любимых занятий» [4, с. 265].

Николай Карлович Метнер родился в Москве 5 января 1880 года. В семье очень любили музыку и часто брали детей на концерты братьев Николая и Антона Рубинштейнов. Николай с 6 лет начал заниматься музыкой и пытался сочинять пьески для фортепиано. С 10 лет он начал брать уроки у своего дяди, профессора Московской консерватории Федора Карловича Гедике. Гедике настолько хорошо подготовил племянника к поступлению в консерваторию, что он в 1892 году был сразу принят на 4 курс младшего отделения.

Николай Метнер

В 1900 году Николай окончил Московскую консерваторию с малой золотой медалью. Сафонов, предвещая своему воспитаннику большое артистическое будущее, сказал, что его следовало бы наградить бриллиантовой медалью, если бы такая существовала. Имя Метнера, как одного из лучших выпускников, было занесено на почетную мраморную доску Московской консерватории.

Его фортепианное исполнение отличалось выуклостью подробностей, с бодрой и разнообразной ритмикой. «Перед слушателем был не виртуоз, выцветший в затхлом воздухе виртуозной литературы, а исполнитель – творец, увлеченный одной сутью исполняемых вещей» [1, с. 193]. Критика выделяла творческое начало в пианизме Метнера как важнейшее качество. В его интерпретации всегда ощущалась та свежесть переживания, которая помогала слушателям даже хорошо известное произведение воспринимать как новое сочинение. Для пианиста исполнительская техника была не самоцелью, а средством, которое помогает донести до аудитории возвышенную красоту и сокровенные мысли, заложенные в музыке. За роялем не демонстрировал ложной аффектации и неприкрытого самолюбования. Исполнительский стиль музыканта

отличали ювелирная тонкость звуковых нюансов, эмоционально-смысловая насыщенность, неповторимый артистизм и одухотворенность.

Наряду с концертными выступлениями в качестве пианиста Метнер все больше увлекается композиторской деятельностью. Любопытен штрих, в котором проявляется интерес музыкальной общественности Москвы к искусству еще молодого автора. Дата одного из первых концертов Метнера совпала с премьерой оперы Римского-Корсакова «Сервилия». Однако многих известных музыкантов в тот вечер можно было встретить не в театре, а в концертном зале. Мариэтта Шагинян вспоминала, что авторские вечера Метнера «были для слушателей праздником».

Сложный сплав, именуемый композиторским метнеровским стилем, уже в ранний период творчества сочетал в себе оригинальные, свежие проявления романтики со сдерживающим академизмом. В 1912 году за три тетради песен на слова Гете Николай Метнер был удостоен Глинкинской премии. В своих сочинениях композитор стремился напомнить о высоких идеалах искусства, которые предаются забвению, стремился вернуть музыку к ее неисчерпаемым вечным истокам – песне и танцу.

В 1921 году, получив от властей разрешение на временный отъезд, Метнер уехал за границу в надежде обрести стабильность и спокойную обстановку для творчества. Сначала была Германия, затем Италия – страна, которая позволила композитору осуществить давнюю мечту – насладиться страстно любимой им живописью. Позже, благодаря усилиям Рахманинова, Метнер осуществил концертное турне по Америке. После этого были годы успешных гастролей и работы в Париже и Лондоне. Несмотря на постоянную ностальгию о Москве, жизненные обстоятельства не позволили композитору вернуться на родину, и в 1951 году он ушел из жизни в Лондоне. Его творческое наследие составляют 3 фортепианных концерта, более ста романсов, 14 фортепианных сонат, 3 сонаты для скрипки и фортепиано, фортепианный квинтет и многочисленные фортепианные миниатюры.

Некоторые современники (А. Н. Александров, Ю. И. Тюлин) считали Николая Метнера композитором-самородком, который пришел к композиторскому мастерству только благодаря природному таланту. Действительно, это редкий случай, когда композитор, в результате скрупулезного и глубокого изучения творений великих мастеров, смог достичь такого высокого профессионализма. В своем творчестве Метнер опирался на богатый опыт предшественников, этические идеалы классиков были для него непоколебимым условием Красоты в Искусстве. Среди тех, у кого учился Метнер, перечислим имена Баха, Бетховена, Бизе, Глинки, Моцарта, Чайковского, Шопена, Шуберга. Этот ряд может быть продолжен. После мятежных революционных событий 1905–1907 годов сохранение заветов классиков, стремление воспеть благородство разума и красоту человеческих чувств стало особенно актуальным для него.

Метнер часто говорил, что «красота – это точность». И, действительно, в его творчестве нет ничего случайного, все тщательно продумано и отшлифовано. Николай Мясковский в 1913 году подчеркивал, что все компоненты слиты у Метнера в прочно спаянные произведения, полные энергии. «Графичность» музыки Метнера вызвала у критика ассоциации с искусством Дюрера и Рембрандта, с которыми он усматривал у Метнера «генетическую связь».

На пути к раскрытию художественного содержания произведений Метнера очень помогает изучение эпистолярного наследия, настраивающего интерпретатора произведений Метнера на особое художественное проникновение в духовный мир мастера. Оно формирует у исполнителя и слушателя представление об эмоциональном и философском отношении композитора к действительности и красоте мироздания. Возьмем, к примеру, письмо 19-летнего композитора, написанное в Одессе: «Самое сильное впечатление произвело на меня море. Никакие описания моря ни в живописи, ни в музыке, ни в литературе не могут дать понятия о бесконечной дали моря...» [3, с. 30]. И следующее, из Гурзуфа: «Мы ехали туда днем – возвращались поздно вечером. Я чуть было не сошел с ума. Все картины, которые при дневном освещении поражали ослепительным блеском красоты, при вечернем – поражали сумасводительной фантастичностью» [3, с. 32].

По письмам композитора можно проследить за глубиной его восприятия красоты в явлениях природы. «Удивительно, что я все больше и больше нуждаюсь в солнце и не только физически, а всячески. Все больше и больше убеждаюсь, что оно одно способно выявлять истинную красоту всего существующего. Особенно я заметил это на море. В те редкие мгновения, когда здесь проглядывает солнце, я не могу оторваться от созерцания моря, и даже как-то странно, что это не может надоеть» [3, с. 137].

Интересной представляется параллель, проведенная композитором между некоторыми безжизненными, формальными произведениями современного ему искусства и вдохновением от щедрой, живой красоты природных даров: «И опять приходит мне в голову некое сравнение, имеющее отношение к современному искусству. Море, освещенное солнцем, оставаясь стихийным, в то же время становится детальным, разнообразным. Оно дает возможность различать на своей поверхности не только бесконечно разнообразные краски, форму волн, их грань, постепенно уменьшающуюся и все далее манящую взгляд, человеческие кораблики, на которых особенно сочувственно останавливается глаз, но и видеть самую линию горизонта, хоть и бесконечную, но все же определенную... Море же без солнца и есть современное искусство, которое потому-то и говорит так много о красках, что у него нет солнца, заменяющего все краски» [4, с. 138].

Эпистолярное наследие Николая Метнера свидетельствует о его заинтересованном и эмоционально-взволнованном отношении к событиям реальной жизни. Приведем в пример его восторженное письмо

из Рима: «Впечатление от неожиданно обрушившегося на нас Рима сверхъестественное! никогда не представлял себе ничего подобного – не ожидал столько поэзии, фантастики от груды камней, которые обыкновенно изображаются на фотографиях. Очень уж полюбились мне эти итальянцы. Думается, что никто, кроме них, не сумел бы предоставить этим камням так говорить самим за себя. Нигде нет столь красоты природы. Но и никто не чувствовал так природу красоты, как итальянцы...» [3, с. 270].

В воспоминаниях родных отмечается, что при общении с детьми Метнер развивал в них непринужденность, правдивость, живую восприимчивость к проявлениям жизни, пробуждал в них фантазию, изобретательность, радостное восприятие жизни. Общение с детьми доставляло самому Николаю Карловичу немало приятных моментов, ведь ему самому были свойственны искренняя непосредственность, простота и даже детская наивность. Эти особенности постоянно проявлялись и в повседневной жизни, и в творчестве. Он часто был беспомощен в решении даже самых простых житейских вопросов. Но всегда проявлял стойкость и крепость позиции в защите духовных ценностей. Он был истинным хранителем высоких художественных и творческих принципов. Его искусство стремилось воплотить идейные замыслы большой внутренней глубины.

Николай Карлович имел прекрасную привычку ежедневно читать книги. Он досконально знал произведения Л. Толстого, Тургенева, Чехова, Лескова. Из поэтов предпочитал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. На их стихи написал немало прекрасных романсов.

Много времени и сил посвящал Метнер педагогической работе, которая обеспечивала ему постоянный заработок. Он вкладывал в нее весь жар своей творческой натуры и выполнял миссию Учителя в самом высоком значении этого слова. Среди его учеников были не только студенты консерватории (1909–1910 и 1915–1919 годов). Постигнуть секреты метнеровского пианизма хотели и зрелые музыканты, например, концертирующая английская пианистка Э. Айлз, профессор Иельского университета Э. Гремман. Восемь лет у него училась Маргарита Дюпре – дочь французского композитора Марселя Дюпре, возглавлявшего Парижскую консерваторию. Он чутко изучал внутренний мир своих учеников и пытался формировать их личность в духе тех высоких стандартов эстетической Красоты, которую сам исповедовал в жизни. А для них он был крупнейшим музыкальным авторитетом и примером преданного служения Музыке.

В своем труде «Муза и мода» Метнер писал: «Главная тема искусства – красота и преодоление, трансформация материального, технического в красоту. Одно «божественное», незаметное, неуловимое использование техники и есть искусство, даже если широкая публика предпочитает внешние эффекты. Музыкальная теория сама по себе не есть красота, но она обозначает границы, в которых та может появиться».

Размышляя о значении техники в живописи и музыке, Метнер акцентирует внимание на гармоничном балансе между красотой (духовной составляющей) и профессиональным мастерством (приобретенными навыками). Он пишет: «Правда, атмосферой для художественного произведения, его фоном могут быть различные пласты жизни, но из каждой данной атмосферы должна родиться песнь красоты, так как отмена главной темы, сущности искусства, то есть красоты, так же не проходит безнаказанно для искусства, как отмена истины для науки, веры для религии и т. д. Искусство начинается там, где материя запекает красотой, когда «гадкий утенок» повседневности превращается в лебедя; когда же этого превращения не наблюдается, то нет и самого искусства» [3, с. 310].

Очень жаль, что деятельность Николая Метнера до сих пор не получила широкого освещения ни в западном, ни в отечественном музыкознании. И здесь уместно вспомнить позицию Сергея Рахманинова, который считал, что творчество Николая Метнера требует самого глубокого изучения и настойчивой пропаганды. Он удивительно тонко подметил, что Метнер – один из «тех редких людей, – как музыкант и человек, – которые выигрывают тем более, чем ближе к ним подходишь. Удел немногих!» [5, с. 134].

Действительно, близкое знакомство с многогранной личностью этого композитора, пианиста, педагога, человека и творца, помогает понять его жизнь как служение идеалам Искусства и Красоты.

-
1. Долинская Е. Николай Метнер: монографический очерк. М.: Музыка, 1966. 193 с.
 2. Каратыгин В. Избранные статьи. М.; Л.: Музыка, 1965. 351 с.
 3. Метнер Н.К. Письма / составитель и редактор З. А. Апетян. М.: Сов. композитор, 1973. 615 с.
 4. Нейгауз Г. Размышления, воспоминания, дневники. Избр. статьи. М.: Сов. композитор, 1975. 526 с.
 5. Рахманинов. Письма. М.: Музгиз, 1955. 293 с.

Николай Метнер и Сергей Рахманинов

Николай Метнер

Николай Метнер с братом

«ПРИСТАНИЩЕ ДУХА»: ОБРАЗ БОРИСА ЛИТВАКА В ГОРЕЛЬСФЕ СКУЛЬПТОРА ГЕОРГИЯ ФРАНГУЛЯНА

Третьего сентября 2016 года в Одессе состоялось открытие мемориальной доски Герою Украины, Почётному гражданину Одессы Борису Давидовичу Литваку (1930–2014). Автор горельефа из бронзы Георгий Вартанович Франгулян. Открытие памятной доски приурочено к 20-летию Центра реабилитации детей-инвалидов (ул. Пушкинская, 51), созданного Б. Д. Литваком.

В расположенном по композиционной вертикали имени: «Борис Литвак» и лаконичном тексте: «Я здесь» воплощена идея зримого присутствия основателя Центра и главы Правления фонда. Центр известен как «Дом с ангелом» поскольку его украшает декоративная скульптура позолоченного ангела (скульптор М. В. Рева). Отказ от дат жизни и смерти Литвака предполагает вневременность духовного покровительства благодетеля (как это было и в архитектурной скульптуре Ренессанса). Строгая вертикаль имени контрастирует с ритмом не выстроенных в строку свободно летящих букв надписи «Я здесь». Шрифт вызывает ассоциации с заострёнными крыльями стаи птиц.

Сохранение имени и индивидуального портретного образа в Древнем Египте было условием бессмертия. Портретная скульптура в архитектуре предполагает связь поколений. Связь с предками через портретные образы утверждалась в культуре Древнего Рима. Так, на рельефах надгробий вдоль Аппиевой дороги персонажи напоминали о себе, взирая на проходящих путников. В христианских храмах Византии и Средних веков сохранены изображения донаторов. Портреты создавались с целью приближения к Богу и увековечивания. В храмах Киева (например, Успенский собор Киево-Печерской Лавры), в мозаиках на фасаде храма Свято-Пантелеймоновского монастыря в Одессе облики святых, выполненные в технике мозаики, взирают на прихожан из условных окон-ниш.

«Скульптура – это жизнь формы в пространстве», – формулирует Георгий Франгулян. Пластическая идея динамичной композиции скульптора – полуоткрытое **окно**, на подоконник которого упирается локоть изображённого Б. Д. Литвака. Монументально-декоративная скульптура предполагает связь с архитектурой. Условное «окно» рельефа находится на одном уровне с реальными. Тема окна и подоконника – та же, что и в римских надгробных рельефах, которые перешли в композиции портретов Ренессанса, в частности «Джоконды» Леонардо да Винчи, но образное решение Франгуляна впечатляет оригинальностью.

Структурная композиция вертикалей и диагоналей «на пуантах» условного «окна» создаёт ощущение лёгкости, что соответствует незаурядной энергии Б. Д. Литвака (до создания центра он был директором школы олимпийского резерва). Взгляд создателя «Дома с ангелом» устремлён ввысь. Выразителен контраст

живой органики портретного образа и «рамы». Выход за пределы привычного трёхмерного пространства определён формой мемориальной доски. Сочетание реалистического портретного образа с условным экспрессивным пространственным решением позволяет выразить эмоциональный порыв, душевную энергию Литвака.

Франгулян использовал пластические возможности бронзы, из которой отлит горельеф. Поскольку первоначально скульптура лепится из податливой, пластичной глины, то в последующем отливе в материале сохраняется «рукотворность». В отличие от высечения скульптуры из камня, где существует мощное сопротивление материала, глина даёт возможность для импровизации. По словам Г. В. Франгуляна: бронза позволяет передать «мысль в металле», «бронза может передать любое движение души и рук человеческих», «отливается каждая мелочь». «Металлизированность поверхности» тёмного материала предполагает выразительность силуэта горельефа, воспринимаемого в движении и изменяемого с разных точек зрения. Не менее важна выразительность «внутренней формы». Художник заостряет линейно-пластический строй, подчёркивает характерные особенности лица Б. И. Литвака.

Франгулян отказывается от привычной архитектурной мемориальной доски как прямоугольника, связывающего конструкцию рельефа с землёй (с линией горизонта). Композиции Франгуляна свойственна архитектурная логика искусства авангарда начала XX века. Нижнюю горизонталь доски заменяет диагональ, контрастная направлению взгляда героя, устремлённого вдаль. Выход за пределы привычного трёхмерного пространства определён формой «доски», точка линий схода которой выходит за пределы пространства квадрата – аналога земного пространства. Таким образом, взаимосвязь земного и небесного выражена условным языком пластики.

В образном решении памятной доски достигнута смысловая и пластическая ясность, выразительность. О горельефе Б. Д. Литваку на «Доме с ангелом» можно сказать словами самого скульптора, высказанными по поводу памятника И. А. Бродскому: «Это не плоть. Это пристанище духа» [1].

1. Франгулян Г. Движение вперед обеспечивают ошибки, а не достижения // Ноев ковчег 2015. № 12–13 (264–265) июль. <http://noev-kovcheg.ru/mag/2015-12-13/5082.html>

Г. В. Франгулян. Памятная доска Б. Д. Литваку. 2016. Бронза.
Одесса. Центр реабилитации детей-инвалидов (ул. Пушкинская, 51)

ИГРА КАК ПУТЬ, СТРАСТЬ И СВЕТ Актер на сцене театра «Гешер»

Что есть актер?

Что держит его на сцене и во имя чего он должен выходить на публику? Жажда общения? Так оно дается с таким трудом... Любви? Легче получить ее дома. Внимания? Друзья греют сильнее. Бизнес? Так нет более незащищенных экономически людей, чем люди искусства...

Игра как непреодолимая страсть, осознание своего пути как единственной дороги, ведущей к свету. Актер на сцене театра «Гешер» в режиссуре Евгения Арье иначе просто не выживает.

Его последние постановки («Мар Бринк» по П. Осборну, «Москва – Петушки» по В. Ерофееву, «Сон в летнюю ночь» по Шекспиру) внутри шахматной взвешенности деталей требуют от исполнителей сверхотдачи, ощущения своей миссии на сцене.

В таких работах сквозь кожу профессионализма, прорывается вторая – скрытая душа, делающая актера «Человеком На Сцене», общающимся с современниками поверх барьеров роли. Преодоление слов личностью, собственными реакциями и оценками и создает порой ту ауру спектакля, которая оказывается важнее общего актуального (или нет!) звучания постановки.

Отношение к театру как особому ритуалу культуры, имеющему самодостаточную психотерапевтическую ценность, глобально восстанавливающему по пунктирам судьбу человека сквозь призму прошлого, настоящего и будущего, – знак актерской школы «Гешера», резко отличающий его от семейственной мас-культуры или от узнаваемой традиционной символики других израильских сцен.

Для актера этого режиссера важно не слияние с залом, а втягивание его в высшую театральную математику, до которой зритель каждый раз по-новому должен дотянуться, – очень часто против собственной воли, ибо далеко не все принимается, но захватывает непременно максимализм подхода даже по самому, казалось бы, незначительному поводу.

Ну, если подумать, что важного, особенного для нас, израильтян начала третьего тысячелетия, в жизни какого-то заблудшего российского пьяницы из поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» на фоне экономической нестабильности и политических взрывов, коктейля традиций, который трудно воспринимать человеку, привыкшему к определенному воздуху культуры? Тем не менее, артист Игорь Миркурбанов в одноименном моноспектакле, поставленном Е. Арье, опровергает неопровержимое. История гибели человеческой души, символизирующей общий кризис мира, как нельзя актуальна и для Ближнего Востока.

Пластичность актера безгранична. На крошечной сцене, двигаясь от одной железки к другой, меняя тональность и положение тела, он создает избыточное пространство вокруг движущегося в никуда поезда.

Голос его меняется: то хрипит, то взлетает ввысь вырвавшимся на свободу мощным тенором – в зависимости от героев, с которыми сталкивается в своем воображении. Виртуальная сцена раздвигает пространство убогого пьяницы картинками его детства и неродившегося ребенка – его погибшей мечты. В соединении с технической иллюзией скрытый звук прорывается как колокол, как зов уходящей в небо души, обретающей покой только в тоске о несбыточном и прекрасном.

И. Миркурбанов создает благодаря многоплановой полифоничной игре душевный масштаб заблудшего ничтожества, которое в его изображении оборачивается несостоявшимся Человеком – героем всеобщего кризисного времени вне зависимости от национальной принадлежности...

Эти же черты гибнущей в поисках социального покоя личности видны и в его роли любовника-слуги в постановке Йоси Израэли – «Мадмуазель Жюли» по Августу Стриндбергу. Однако меньше, чем в его глобальной монологической игре, – живописи мощными выверенными мазками.

Актер – тонко натянутая струна в руках музыканта-режиссера, играющего на нем до тех пор, пока не родится нужный звук. Актер – камертон замысла, «звук, отдаленный и глухой плода, сорвавшегося с дерева...» Актер – плод, выращенный внимательным садовником-Творцом. Актер – необходимая неповторимая нота в партитуре симфонии спектакля. Золотая полая труба, выточенная Мастером.

Это вариант актера на сцене театра «Гешер», связанный с понятием пожизненного святого ученичества, осознаваемого как единственный путь для испепеляющей страсти самовыражения. Квантовые вспышки света – излучения тепла истины возникают здесь далеко не всегда как единство взаимных нечеловеческих усилий. «Москва – Петушки» – пример такого двойного прорыва, в котором актер заблестал во всей своей человеческой индивидуальности!

Но есть и другое – совпадение убеждений, школы, мироощущения, предыдущего пути и таланта. Актер – единомышленник и внутренне – сорежиссер. Таким оказался Борис Аханов – сложившийся артист с огромным опытом работы: сначала в Ленинградском театре им. В. Ф. Комиссаржевской (1967–1974), а затем в Рижском театре русской драмы (1974–1990). Среди его знаменитых ролей в России и Латвии – Андрей Шуйский в «Царе Федоре Иоанновиче» А. К. Толстого, Арье-Лейб в «Закате» Бабеля, Шут в «Короле Лире» Шекспира, Абрам Шварц в «Матросской тишине» А. Галича...

За годы своего пребывания в Израиле он воплотил целый калейдоскоп образов – от Пуделя в «Ковчеге» С. Злотникова до Ленина в спектакле «Малон «Минск» и Монтеки в «Ромео и Джульетте» Шекспира в театре

«Хан» у Э.Баниэля. Высокий, плотный, с огромным сократовским лбом, спокойный и самодостаточный, он каждый раз неповторим, непредсказуем и естественен в каждом новом образе: Актер в «Розенкранце...» Стоппарда, Сатин в «На дне» М. Горького, Чебутыкин в «Трех сестрах» А. Чехова, Оргон в «Тартюфе» Мольера, Креон в «Медее» Эврипида,

С режиссером Е. Арье его связал общий Учитель в ЛГИТМИКе Г. А. Товстоногов – его «круг мыслей» о точном, как математический чертеж, и естественном, как лист дерева, существовании на сцене. «Меня привлекало в Товстоногове умение увидеть и сохранить в актере его неординарность, «изюминку», способность быть на сцене самим собой», – сказал артист. В спектакле «Мар Бринк» по П. Осборну Б. Аханов выстроил роль изнутри сам, абсолютно совпадая с замыслом режиссера.

Его воинственный «Дед», выбирающий свободу смерти в отрицание унылой жизни, – еще одно выражение актерской гешеровской позиции.

Жизнелюбие, граничащее с эгоизмом, жажда любви и признания наперекор логике конца, бесстрашие в преодолении препятствий, непредсказуемость поступков в ситуации полного отчаяния – даже тогда, когда бороться бессмысленно, – это черты не только героя и театра, но и самого Б. Аханова. Он начал репетировать эту роль после тяжелой автомобильной катастрофы. Давно зажили раны, но его «Дед» по-прежнему выходит на сцену на костылях, лишь подчеркивающих при внешней разбитости (погибли дети, умерла жена, сломал ноги внук...) внутреннюю целостность героя, который – один! – способен повернуть ход общечеловеческой истории, заключив в тюрьму саму смерть.

Когда вышел спектакль «Мар Бринк», уже не было в живых Ханоха Левина. Но присутствие его как в его «Реквиеме», «Мальчике-мечтателе» незримо ощущалось в этом цельном актерско-режиссерском спектакле, где мир мертвых вступал в диалог с миром живых, напоминая и протестуя о рационально убиваемых ценностях – доброте, благородстве, порядочности. И граница между этими пространствами была ощутима, именно благодаря масштабу души Ахановского «Деда», перешагнувшего ее без страха – ради вечности с любимыми.

Актер – стандартный помидор, требующий режиссерской приправы для получения искомого кетчупа, или неповторимое яблоко, обладающее своим индивидуальным вкусом, запахом, цветом? Актер – определенная и раз и навсегда заданная краска в палитре художника-режиссера или только возможность для экспериментального сочетания цветов, для получения единственно нужного в данной сцене оттенка? Актер – неизменная надоевшая нота в музыкальной гамме или свой спектр звуков, каждый раз порождающих новое эхо? Все зависит от режиссера, от его восприятия мира. Но что определено для «Гешера» Е. Арье (особенно в его первоначальном российском репатриантском наборе) – это симфония индивидуальностей, где актеры «второго плана», а порой и маленького эпизода, опре-

деляют ауру – высший смысл и ценность спектакля в целом.

Впрочем, как сказал один из первооткрывателей «Гешера» Владимир Воробьев, «не бывает актеров первого, второго и третьего планов, а бывает Артист – кого бы он ни играл!» Искусство эпизода, незатейливого плетения, казалось бы, незначительных деталей – в этом тепло, энергия и свет спектаклей, даже в целом порой несостоявшихся.

Ушли в прошлое громоздкие, ностальгические, поблескивающие тяжелым богатством декораций «Три сестры» А. Чехова, но остался в памяти слуга Феррапонт Владимира Портного, своей сердечностью, преданностью, трезвостью и бескорыстием, готовностью помочь лишь подчеркивавший эгоистическую гибельную детскую расслабленность хозяев. Фактически он был зеркалом их трагедии.

Сошел спектакль «Река», а там была одна из лучших ролей Клима Каменко (Царствие ему Небесное!) – слуга «Иван». Захватывающая юмористическая подробность – создание самодельного вина, куда вместе с ягодами летел и пепел, контрастировала своей здоровой жизненностью омертвлению души хозяев, нанявших его из-за шкурных интересов...

Премьерный спектакль «Сон в летнюю ночь» по Шекспиру в упрощенной ивритской редакции Дана Альматора, решенный как попытка «исправить больную реальность здоровым сном», что само по себе проблематично, был интересен не столько профессиональными решениями (художники по свету Ави Йона Буэно и по костюмам – Валентина Комолова), сколько золотыми капельками маленьких актерских удач!

В последнем акте после всех злоключений на сцене появляется группа так называемых «любителей», рвущихся на свадьбу короля, чтобы только выговориться – состояться самим по-человечески!..

«Любовь прекрасной Фисбы и Пирама, короткая и длительная драма, веселая трагедия в стихах» была разыграна гешеровскими профессионалами как страсть, рвущаяся из неразвитых ремесленников. Среди них Стена – Владимир Халемский и Лунный свет – Владимир Портнов оказались смеховым эпицентром, основанным на страхе перед сценой. И если первый скрывал его за каменным однообразием и неприступностью, не позволявшими однако убежать от ответственности, то второй менялся, как хамелеон, совершая одну глупость за другой. Однако огромная лампа, которую он по наивности демонстрировал, доказывая, что это он сам «излучает», – демонстрировала, по сути, именно дистанцию, на которой и основана театральная иллюзия в площадном зрелище Шекспира.

Театр возникал в этом спектакле лишь благодаря эпизодам-бриллиантам, как «истинный сон в летнюю ночь», как страсть, путь и единственный свет, что ведет, преобразует и спасает, особенно таких убежденных подвижников сцены, как первоначальные «русские» актеры театра «Гешер».

«Актеры, правьте ремесло, Чтобы от истиныходячей Всем стало больно и светло!»

Эту заповедь Александра Блока основатели театра несут с собой, как факел, до сих пор. Свидетельства – их постоянные, как кванты света, творческие прорывы! И катится вперед гешеровский «Балаганчик», и нескончаема дорога, и путь открыт!..

Евгений Арье, отзываясь о своем актере необычно: «Актер – свободный человек, который сознательно полностью выбирает театр как свою жизнь. (И многие талантливые израильтяне этого не выдерживают и уходят от нас)... Он должен обладать тонкой кожей – особой, но не болезненной патологией, мгновенным пониманием, высоким профессионализмом. Владение виртуозной техникой, неординарная личность, классическая психологическая школа... Итог – актер свободно окружает роль своей неповторимой аурой».

Среди последних премьер театра «Гешер» «Орестея» по Эсхилу, актуализированная драматургом Р. Айком. В переводе с английского на иврит Р. Хен, в масштабной космической постановке Е. Арье (сценограф С. Пастух, музыка Е. Левитас, свет А. Буэно) текст звучит как музыкальный звуковой камертон современному Израилю. История о принесении в жертву маленькой Ифигении, согласной ради достижения политического благополучия взрослых на самопожертвование, представлена режиссером как универсальное неразрешимое этическое противоречие, особо болезненное для Земли Обетованной, где каждый метр свободы достигается новой кровью наших деточек, убежденных в своей правоте. На этом фоне протест хипповых Ореста и Электры (А. Фридман и Н. Шпигельман), мстящих родителям за сестру, выглядит как крик душевно больных и слепых.

Артист Борис Аханов на этот раз поразил публику в роли Пророка, сообщавшего Агамемнону Божью волю. «Какая-то сила наполняла меня. Понимаешь, актер это человек, которому сверху позволяют говорить. Страх зажимал горло, но я слышал: «Тебе позволяют, иди, не бойся, скажи это. Мы этого хотим...». Увеличенное экраном лицо артиста с растрепанными ветром седыми волосами над огромным натруженным временем лбом потрясало силой нейтральности, растворенностью в чужой речи, рупором которой быть он был призван. «И он мне грудь рассек мечом и сердце трепетное вынул, и уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул» Объемный мощный «глагол Пророка» Б. Аханова по-пушкински сжигал все сомнения, подчиняя, напоминая и о Йехезкеле, и о Йермияху, и о Даниэле, и об Амесе – от имени Судии предупреждавших и поддерживавших евреев, впрочем как и все человечество в трудном земном пути.

В современной израильской культуре Жертвоприношение Ицхака, с которым ассоциируется сюжет «Орестеи», преподносится как предательство отцом сына, например у Хануха Левина, Нисима Алони. Проблема вины отцов перед детьми есть и в спектакле «Гешера» в трагизме обреченного на победу «Агамемнона» Д. Тавори. Однако именно самоотречение Пророка, основанное на запредельной самоотдаче актера, и приоткрывало зрителю тайну экзистенциального

мироощущения еврея в новое время – осознание себя как частицы единого глобального текста, где взаимосвязано все...

Этот глобальный иудейский смысл высшей воли на Земле благодаря тайне таланта, силе перевоплощения, видения Театра, как смысла личного существования, и открывает зрителю Пророк Б. Аханова...

О первых актерах «Гешера» – о Владимире Воробьеве, Александре-Израэле Демидове, Рут Хейловски – в других статьях...

В бурной жизни современного Израиля, основанной на экономических и человеческих потерях, при всех зигзагах режиссерских поисков такие артисты – общенациональное достояние!

**Игорь Миркурбанов – Мастер
«Сагана в Москве» по М. Булгакову
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 2000**

**Игорь Миркурбанов – Адам
«Адам – сукин сын» по Й. Коньюту
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 1993**

**Борис Аханов – Дед
«Мистер Бринк» П. Осборна,
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 2000**

**Борис Аханов – Актер
«Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стопарда,
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 1991**

**Григорий Лямпе – Актер
«Дело Дрейфуса» Ж. К. Грюмберг
Постановщик Е. Арье,
«Гешер» 1991**

**Клим Каменко – Слуга Иван
«Река» по «Бесприданнице» А. Островского
Режиссер Е. Арье, «Гешер». 1999**

**Евгений Гамбург – Мольер
Владимир Халемский – Слуга
«Кабала святош» по М. Булгакову
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 1992**

**Евгения Додина – Аглая
«Идиот» по Ф. Достоевскому.
Режиссер Е. Арье, «Гешер» 1992**

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, — это «подвиг»!

Н. К. Рерих

ВОСПИТАНИЕ

ПОДВИГ

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «указ» и «совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово – неперебиваемое, многозначительное русское слово «Подвиг».

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» – это не совсем то; «доблесть» – его не исчерпывает; «самоотречение» – опять-таки не то; «усовершенствование» – не достигает цели; «достижение» – имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжатому, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, – это «подвиг»!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс – это и дало России ее великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному – вот характерные черты героя.

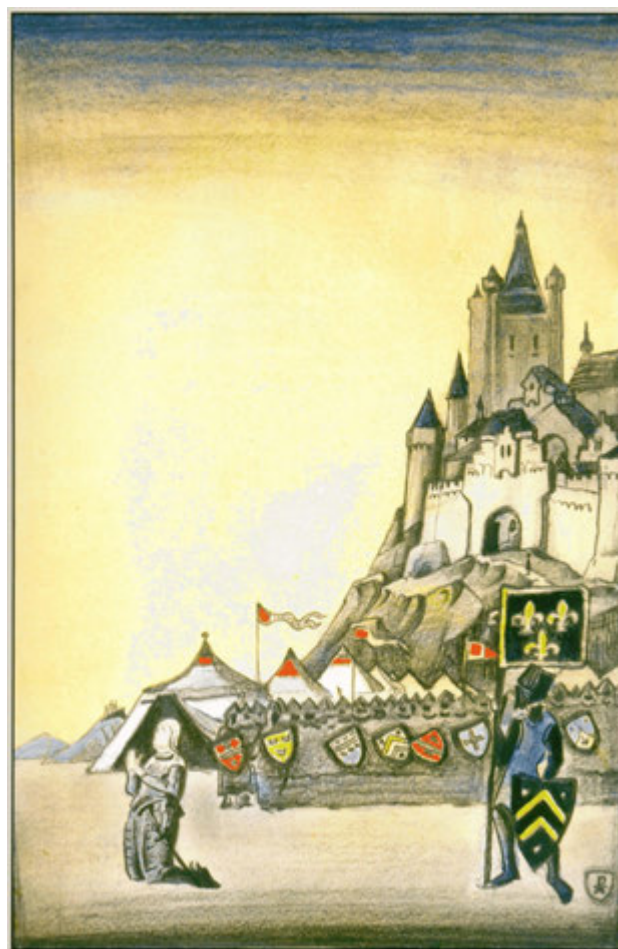
Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

«Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «указ» и «совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «подвиг».

Волнением расцветенный,
мальчик принес весть благоую.
О том, что пойдут все на гору,
о сдвиге народа велели сказать.

Добрая весть, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
«Подвиг!»

1942

Н. К. Рерих. Жанна д'Арк. Молитва (эскиз). 1930. Бумага на картоне, карандаш, акварель, тушь. 26,1 x 17,3. Международный Центр-Музей им. Н. К. Рериха. Россия, Москва

«И СКОРБНЫЕ СЛОВА НЕМЕЛИ НА УСТАХ»

*Только с тобой я не одинока. Только с тобой
я не на чужбине. Только ты умеешь спасти меня
от самой себя.*

Из письма Леси Украинки Сергею Мержинскому.
Осень 1899 г.

Воскресным утром 7 января 1901 года жители губернского Минска шумно высыпали на узкие, извилистые улицы, по которым «маршем» шли войска местного гарнизона, и громко звучала медь оркестров Коломенского и Серпуховского полков. А вскоре Соборную площадь заполнила огромная толпа в ожидании торжественного открытия памятника казненному за 20 лет до этого народовольцами Александру II. Конка не ходила, и приехавшей в тот день из Киева 30-летней Ларисе Косач пришлось воспользоваться легковым извозчиком. Вокруг ликовала беззаботная толпа, но мысли Ларисы были далеки от всеобщего торжества: она ехала к смертельно больному другу.

В стране свирепствовала царская охранка. Либерализм первых лет правления Николая II ушел в прошлое, и ему на смену пришла жесткая реакция. Уже были ликвидированы или ушли в глухое подполье многие демократические партии и общественные движения. Одно за другим прекращали существование либеральные издания. Но Лариса была убеждена: правы ее друзья из подпольных протестных организаций, которые предвидят, что рано или поздно рухнет трон, превратятся в руины царские Бастилии и будут уничтожены восставшим народом памятники самодержцам. Наверняка не уцелеет и тот памятник, который в день ее приезда с таким триумфом устанавливают в центре Минска. Вот только человек, который, она уверена, с нетерпением ее ждет, этого уже не увидит. Скорее всего, он не увидит даже весны.

Теперь, почти 120 лет спустя, мы вряд ли вспомнили бы о приезде молодой киевлянки к молодому умирающему минчанину, если бы в тот праздничный день в Минске не оказалась гениальная украинская поэтесса Леся Украинка, а ее другом не был один из первых российских социал-демократов «доленинского» периода Сергей Мержинский.

Они познакомились в июле 1897 года в Ялте. Лариса там лечилась по поводу туберкулезного поражения костей и суставов, а у Сергея была та же патология, только в легких. Чахоткой, как тогда называли эту болезнь, оба были «помовлены» с детства. Адрес Ларисы в Крым Сергей получил от товарища по киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Павла Тучапского – будущего делегата I (минско-го) съезда РСДРП.

Знала ли Лариса Сергея до этого? Судя по всему, знала. Сергей до осени 1895 года жил в Киеве и в революционных кругах города на Днепре был личностью известной. Один из четырех учредителей русской сек-

Лариса Косач

ции едва ли не наиболее деятельного революционного кружка 1890-х годов, возникшего среди студентов Киевского университета, Сергей не случайно получил среди своих единомышленников кличку «теоретик». Теоретически он был едва ли не самым подготовленным членом своего кружка, а кличку ему присвоили после участия в спорах с народниками – ожесточенных и бескомпромиссных. Лариса не могла не слушать его страстных выступлений во время так называемых «рефератов» или во время маевки на склонах Владимирской горки или где-нибудь в плавнях Днепра. Наиболее близкие ему по подполью люди входили и в число друзей Ларисы. Их пути должны были пересечься, но так получилось, что познакомились они лишь в 1897 году, когда Сергей уже жил в Минске.

Время было бурное, в Киеве в марте 1897 года состоялась конференция социал-демократических организаций – «коллоквиум», как его называли из конспиративных соображений. Готовился учредительный съезд будущей партии социал-демократов, и для Мержинского, обеспечивавшего связь между минским и киевским подпольем, дорог был каждый день. Но лечиться нужно было при всех условиях, тем более, что никто не знал, что их ждет в будущем: быть может, каторга, ссылка, а быть может, и казематы Лукьяновской тюрьмы в Киеве или Таганской – в Москве.

Леся Украинка (Лариса Петровна Косач). 1896 г.

Сергей Константинович Мержинский – студент Киевского университета. 1894 г.

История трагической любви Леси Украинки и Сергея Мержинского, духовно обогатившей их обоих, служившей им поддержкой в годину тяжких, трагических испытаний, осталась для нас одной из наиболее драматических страниц жизни этих двух замечательных людей. В письмах Леси (уже после смерти друга) мы находим объяснение и того, что их объединяло, и того, что им пришлось перенести.

«Не у всех есть то, чем обладают отдельные люди: искра в сердце, огонь в душе. Это, быть может, не дает им счастья, но зато дает нечто большее, чем счастье. Нечто такое, чему нет имени в человеческой речи...»

«Болезни и смерть измучили меня, а не самое чувство, которое давало только счастье нам обоим. Это лучшее чувство, на какое я способна, и я не стала бы подавлять его в себе, если бы оно явилось в другой раз».

Нет, их любовь не была той счастливой любовью, когда влюбленные, преодолевая любые препятствия, пренебрегая всеми условностями, стремятся друг к другу. Наоборот, это была любовь, когда влюбленные заведомо знают, что вместе им никогда не быть, что счастье невозможно. Сергей был профессиональным революционером, находившимися под негласным надзором охранки (филерская кличка «Лохматый»), и оба они болели болезнью, которая не позволяла им (по воззрениям тех дней) думать о будущих детях из боязни передать им эту болезнь по наследству. И все же они были счастливы, и любовь их была чиста и возвышенна. Так за четыре месяца до смерти друга Леся писала:

«Я видела тебя и раньше, но не так ясно, а теперь я пошла к тебе всей душой, как заплаканное дитя идет в объятия того, кто его жалеет. Это ничего, что ты никогда не обнимал меня. Это ничего, что между нами не было и намека на поцелуи. О, я пойду к тебе из самых крепких объятий, от самых сладких поцелуев! Только с тобой я не одинока.

Только с тобой я не на чужбине. Только ты умеешь спасти меня от самой себя...»

Их дружбы не одобряли. Лесю упрекали в легкомыслии, а Сергея – в эгоизме, причем упреки эти исходили порой от самых близких Лесе людей, например, от матери, но это не могло Лесю остановить.

«Я слышала много раз, как подобную дружбу называют ломанием, самообманом, чудачеством или, в лучшем случае, ненормальностью. И это говорили не пошляки, а люди, вообще, достойные уважения...»

Из воспоминаний о Мержинском перед нами встает облик человека интеллигентного, начитанного, глубоко разбирающегося в литературе, большого знатока и ценителя творчества Толстого, Достоевского, Мопассана, Ибсена. Он любил и изучал творения выдающихся деятелей эпохи Возрождения, занимался литературными переводами с французского. Позднее одна из его близких знакомых Вера Даниловна Александрова оставила в своих записках достаточно подробный психологический портрет Сергея:

«Он нравился решительно всем, кто только знал его. Деликатный, ровный в общении с людьми, мягкий, искренний, правдивый, он необычайно привлекал к себе. В нем были гармонично слиты телесная и духовная красота, и в этой гармонии и лежала разгадка его обаятельности».

Сергей Мержинский стал для Леси Украинки не только другом и преданным поклонником ее таланта, вдохновителем ее лирической поэзии 1897–1902 годов, но и наставником в вопросах политической борьбы, разгоравшейся в недрах российского общества, ее протестных настроений, способствовал становлению ее модного в те дни среди передовой российской интеллигенции марксистского мировоззрения. «Ничего не делаю, как и раньше, почти ничего, – писала Леся

матери из Ялты уже после того, как ее новый друг отсюда уехал, – вот только половину «Капитала» проштудировала». Книгу К.Маркса «Капитал» ей дал в руки Мержинский.

Леся называла его «фанатиком этой книги». И действительно, только фанатик, прекрасно знакомый с марксистской литературой второй половины XIX века, мог захватить с собой в Крым, на лечение, книгу, кстати, ставшую к тому времени, спустя 20 лет после появления на свет на русском языке библиографической редкостью.

Сегодня, размышляя с высоты нашего исторического роста, мы, конечно, можем спорить, насколько позитивную или, напротив, негативную роль сыграло легальное распространение книги К. Маркса в контексте трагической истории XX века. Но, думается, вряд ли в первой четверти XXI века кого-то, кроме профессиональных историков, могут интересовать подробности жизни и деятельности последователей Карла Маркса, готовивших 120 лет тому назад в России революционные преобразования, которые, как потом окажется, будут стоить ей десятков миллионов жизней.

Однако, мы не можем не признать значение этого события с точки зрения приобщения широкой аудитории, и, прежде всего, городского населения так называемой «черты еврейской оседлости», к изучению программных документов марксизма, тем более, что тема эта жива и даже, в каком-то смысле, актуальна. Об этом, в частности, говорит выход в 2010 г. в серии «Книги на все времена» перевода работы английского экономиста Стива Шипсайда «Капитал» Карла Маркса». Ознакомившись с этой книгой, начинаешь понимать, что прошлое не кануло в небытие, оно просто вернулось к нам видоизмененным и по разным параметрам по-прежнему остающимся актуальным.

В самом деле, чем можно с позиций сегодняшнего дня объяснить столь быстрое нарастание революционных настроений в России в последнюю четверть XIX века? Почему этот процесс, уходя своими корнями, главным образом, в экономику, оказался таким мощным по своим масштабам и силе стихийной революционной энергии? Каким образом именно «Капитал» К. Маркса стал своеобразным катализатором в деле вызревания и подготовки в России буржуазно-демократической революции?

В руках у Леси был тогда первый том «Капитала». Его перевод выполнил русский экономист, один из идеологов и теоретиков либерального народничества Николай Даниельсон. Нам же этот эпизод интересен тем, что второй перевод этой книги на русский язык и подготовка ее к печати были осуществлены одним из самых близких Сергею Мержинскому людей, а, если точнее, его духовным педагогом в Минске, одним из лидеров Бунда, чье имя сегодня, скорее всего, сохраняется в памяти лишь профессиональных историков, – Евгенией Гурвич. Евгения и ее старший брат Исаак, который был на год старше, относятся к числу тех первых революционеров царской России, которые заложили основы российской социал-демократии. Правда,

**Леся Украинка и Сергей Мержинский
Хутор Зеленый Гай, Полтавщина. Июль 1898 г.**

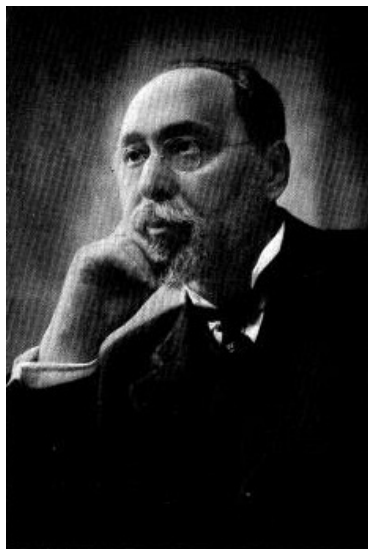
Леся Украинка. 1901 г.

**Сергей Константинович Мержинский –
помощник контролера Либаво-Роменской железной
дороги. Эту фотографию С. Мержинский 23 июля 1899
года подарил сестре Леси Украинки Лиле**

Евгения Гурвич. 1861–1940

Исаак Гурвич. 1860–1924

**Минск, клуб общества любителей изящных искусств.
Конец XIX в. Ул. Подгорная (ныне ул. К. Маркса)**

преследования властей вынудили Исаака еще в 1891 году эмигрировать в Америку, но он и там продолжил политическую деятельность, став одним из основателей социал-демократической партии США.

Так уж сложилось в короткой жизни С. Мержинского, что он оказывался в самых горячих точках революционных событий 1890-х годов. Борьба с народниками, работа по созданию одной из самых первых социал-демократических организаций в России среди рабочих и студентов Киева, дружба и совместная работа с организаторами и участниками I съезда РСДРП... Когда осенью 1895 года он, из-за болезни бросив учебу в университете, перебрался в Минск, где жили его отец и тетки, группу для пропагандистской работы из числа рабочих железнодорожных мастерских и металлзавода ему передал Станислав Трусович – один из создателей социал-демократической партии Литвы и Польши.

Оказавшись в Минске, Сергей очень быстро вошел в контакт с теми, на ком, в полном смысле, держалась культурная жизнь города. Среди самых близких его друзей супруги Александровы – организаторы Минского общества любителей изящных искусств.

Его принимают на работу в контроль Либаво-Роменской железной дороги. Рядом с ним, также в должности помощника контролера работают еще два человека, чьи имена навечно остались в истории страны: сотрудник имеющего международное хождение журнала «Жизнь», популярный русский писатель и драматург Евгений Чириков и хозяин квартиры близ набережной Свислочи Петр Румянцев, предоставивший эту квартиру для заседаний I съезда РСДРП, прошедшего в Минске в начале марта 1898 года. Безопасность съезда обеспечивала Евгения Гурвич.

11 апреля 1901 года в одном из документов отдельного корпуса жандармов была сделана такая запись: «Мержинский Сергей Константинович, бывший студент Киевского университета... в 1895 и 1896 г. принимал выдающееся участие в социал-демократической пропаганде среди рабочих в г. Минске». На документе резолюция: «По департаменту проверить личность по Минску к негласному наблюдению».

Царские ищейки опоздали: к этому моменту С. К. Мержинского уже более месяца как не было в живых.

После переезда в Минск состояние здоровья Сергея стало быстро ухудшаться. Напряженная кружковая работа, создание социал-демократических типографий в Киеве, Минске и Бобруйске, работа на связи с киевским подпольем, служба за нищенскую плату на железной дороге усугубляли течение болезненного процесса. Бросить работу и целиком посвятить себя революционной борьбе он не мог. Во-первых, потому что профессионального социал-демократического подполья тогда еще не существовало, а во-вторых, потому что в те годы люди, подобные Мержинскому, считали для себя неприемлемым служить великому делу и, грубо говоря, «кормиться с него».

Во время своих наездов в Киев Сергей не раз бывал гостем в семье Косачей. Практически все свои отпуска он провел с Ларисой, чаще всего в имении ее матери на Полтавщине. Там же он «отсиделся», скрываясь от ареста во время «ликвидаций» 1898 года, когда зубатовская охранка громила цвет российской социал-демократии и вела дело I съезда. Родители Ларисы были против их дружбы и не скрывали этого. Опасались они не только за здоровье дочери, но и за ее судьбу в целом: ни она, ни ее друг не смогли бы выдержать тюремного заключения и ссылки. Лариса шла против воли родителей. Шла и тогда, когда посещала Сергея в Минске.

В Минске Леся была четырежды. Последний раз она провела в этом городе два месяца. Сергей уже был прикован к постели, и надежд на выздоровление не было. Все эти два месяца она не отходила от него: читала ему вслух, писала под диктовку письма, играла на плохоньком фортепиано, каким-то чудом оказавшемся в его комнате, кормила, давала лекарства. Роль сиделки она выполняла и в те особенно тяжелые дни, когда иссякали силы даже у теток, поселивших смертельно больного Сергея у себя в покосившемся, ушедшем в землю домике на Троицкой горе (ныне – район оперного театра). В этом же домике нашла приют и сама Леся.

И даже несмотря на такие невероятно тяжелые условия, Леся находила в себе силы на творчество. Еще в начале 1900 года Евгений Чириков по просьбе Сергея ввел Лесю в круг авторов петербургского журнала «Жизнь», в котором она стала постоянным обозревателем новинок русской и зарубежной литературы. В «Жизни» она опубликовала и свою, как показало время, лучшую публицистику. Продолжила эту свою работу она и в Минске, написав для «Жизни» несколько больших статей и стихотворений.

В одну из ночей, сидя у изголовья постели друга, она сочинила драматическую поэму «Одержимая». В письме к Ивану Франко она так позднее рассказывала об этом:

«Я писала в такую ночь, после которой, верно, буду долго жить, если уж тогда жива осталась. И даже писала, не исчерпав скорби, а в самом ее апогее».

Пребывание у постели больного с открытой формой туберкулеза было смертельно опасно для Леси, поскольку она сама долгие годы страдала от этой инфекции, хоть и ютилась она у нее в костях и суставах. Она прекрасно была осведомлена об этой опасности, но это не останавливало ее: она обязана была облегчить страдания умирающего друга, скрасить его последние дни. Все остальное уже не имело для нее никакого значения. И результат не замедлил сказаться: еще в Минске в последних числах февраля у нее первый раз пошла горлом кровь.

Сергея не стало 3 марта. Два месяца, проведенные Ларисой у постели умирающего друга, так и остались самой черной полосой в ее непростой жизни. Процесс в легких продолжал развиваться и стал причиной смерти в 1913 году. Ей было 42 года.

Сергей Мержинский не только дал в руки Леси Украинки главный политический труд конца XIX –

**Минск. Конец XIX – начало XX века.
Управление Либаво-Роменской железной дороги**

Леся Украинка с матерью, известным украинским публицистом и переводчиком Ольгой Косач (Оленой Пчилкой)

Прозаик и драматург Евгений Чириков (1864–1932)

начала XX века «Капитал» К. Маркса. Он убедил ее в необходимости практической работы для социал-демократических организаций. И она делала, что могла.

«Если я не могу дать денег на дорогое для меня дело, то, пока я на это способна, буду давать хотя бы труд и свои силы...» Ее наполненные революционным пафосом стихи становились достоянием всего народа, даже когда личная трагедия сливалась с протестом против самодержавия:

В ее речах, как волны, набегали,
Как слезы о ее замученных друзьях, –
Казалось, что цветы, бледнея, увядали
И скорбные слова немели на устах.

И вновь срывались с губ, как гневные угрозы,
Как приговор всем тем, кро пролил кровь,
И дикие в венке, как кровь, пылали розы,
И, как цветы, слова пылали вновь.

(пер. с укр. М. Комиссаровой)

Еще при жизни С, Мержинского Леся Украинка начала по его просьбе переводить на украинский язык марксистскую литературу. Она не только перевела «Коммунистический манифест» и книгу Ш. Дикштейна «Кто чем живет» с популярным изложением первого тома «Капитала», но и сопроводила их собственным предисловием. Социал-демократия – «это слишком универсальное движение, чтобы могла украинская нация обойтись без него», – писала она.

Сергей Мержинский и Леся Украинка не дожили до свержения самодержавия, но они сделали все, что было в их силах, чтобы приблизить этот день. Их жизнь оказалась прожитой не зря, ибо вся, без остатка, была отдана людям. И это было их счастьем.

Минск. Улица Леси Украинки. 2016 г.

Минск. Улица Сергея Мержинского (бывш. Инструментальная). 1986 г.

БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ О чем говорят старые фотографии

В состав фондов библиотеки Московской консерватории входит в том числе и фонд изоматериалов. Он насчитывает 3130 ед. хранения. Все материалы, хранящиеся в информационно-библиографическом отделе, атрибутированы и используются при организации тематических выставок. Основным источником пополнения фонда являются частные архивы.

Перебирая старые фотографии, невольно переносишься в те времена. Я предлагаю совершить небольшую экскурсию по Московской консерватории, побывать на концертах, вспомнить ее преподавателей и студентов, заглянуть в библиотеку и кабинет звукозаписи.

Перенесемся в прошлое, в первую половину XX века. Так выглядела Московская консерватория в тот далекий уже период. Каждый вечер любители музыки приходили на Большую Никитскую. Открывались тяжелые входные двери, и вот слушатели уже в фойе Большого зала. Перед глазами вошедших возникал красочный витраж «Святая Цецилия», Св. Цецилия является покровительницей музыки и музыкантов. Пройдет немного лет. «В ноябре 1941 от взрывной волны фугасной бомбы очень большого калибра, упавшей в районе Манежа, были сильно повреждены почти все окна, полетели рамы и стекла Большого зала». (Из книги «Московская консерватория в годы Великой Отечественной войны», с. 25). Этой волной был разрушен и уникальный витраж. В ходе реставрационных работ к 150-летию консерватории он был восстановлен.

Но вернемся вновь в первую половину XX в. Зал уже полон, медленно гаснет свет. На сцене Большого зала – ансамбль учеников Центральной музыкальной школы при Московской консерватории.

Часто на концертах велась аудиозапись выступления. Так выглядел в те годы кабинет звукозаписи. Среди его сотрудников, проработавших много лет, Наталья Сергеевна Шепелева – правнучка А. С. Пушкина (на фото справа).

Каждому выходу музыканта на сцену, предшествует ежедневный кропотливый труд. До глубокой ночи горит свет в окнах учебных корпусов. Много душевных сил, знаний и умений вкладывали в воспитание молодых музыкантов профессора и преподаватели Московской консерватории. Фотографии сохранили для нас их лица. На снимке конца 1920-х годов групповой портрет педагогов кафедры хорового дирижирования. В первом ряду сидят (слева направо): А. В. Никольский, А. В. Александров, П. Г. Чесноков, В. П. Мухин.

Спустя несколько лет в 1932 г. работа фотографа зафиксировала и сохранила для нас момент собрания профессоров Московской консерватории в партере Малого зала. Снимок сделан со стороны сцены. Среди присутствующих – К. Г. Мострас, А. Б. Гольденвейзер, Т. А. Гайдамович, А. Ф. Гедике, С. Е. Фейнберг,

П. Г. Чесноков, А. В. Александров, С. В. Евсеев, Ямпольский.

Фото 1957 г. переносит нас в класс профессора композиции и контрапункта Семена Семеновича Богатырева в момент индивидуальных занятий. За роялем – студент Алемдар Караманов. Пройдут годы и Альфред Шнитке скажет о нем: «Мы все таланты, а он – гений!».

В начале 10-х гг. нашего века судьба в лице Юрия Марковича Буцко свела меня Севиль Сабитовной Крылатовой-Карамановой, его младшей сестрой, уникальным человеком большой души и доброты, много сделавшей для пропаганды творчества брата. Благодаря ей фонды Научной музыкальной библиотеки им. С. И. Танеева пополнились партитурами симфонических произведений А. С. Караманова.

Раз уж мы заговорили о библиотеке, то давайте приоткроем двери и посмотрим, какой она была в те далекие годы.

Перед нами отдел выдачи нот и книг в первом учебном корпусе консерватории. На обороте этой фотографии сохранилась карандашная запись «Музыкально-теоретическая библиотека. Послереволюционный период» [до 1929].

Прошло тридцать лет. Мы снова в отделе выдачи нот и книг. Изменился интерьер библиотеки. Но осталось неизменным внимательное, доброжелательное отношение к читателям.

Каждый год в начале лета в библиотеку приходят выпускники, чтобы подписать обходные листы. Молодые музыканты, исполнители, теоретики, уходят в жизнь. Но не пустеют аудитории. И уже в сентябре в библиотеку придут первокурсники. Сотрудники библиотеки будут знакомить их с нашими правилами, учить пользоваться электронным каталогом, напоминать о сроках возврата литературы и т. д. Жизнь продолжается.

Пройдет еще время, и кто-то глядя, на наши фотографии, скажет: «Как же давно это было».

На фото кабинета звукозаписи справа Наталья Сергеевна Шепелева – правнучка А. С. Пушкина

Труд, великое творчество, высокое качество
поднимут поникший дух человеческий.
Мыслитель сказал: «Молитвенно примем дар
труда».

Н. К. Рерих

РЕМЕСЛА И ТРУД

ТРУД

Сегодня – маленький компромисс. Завтра – маленький компромисс. А послезавтра – большой подлец», – уже давно сказано. Ужасны компромиссы Армагеддона. Ужасно положение населения, как пешки, переходившего из рук в руки. Сегодня на поклон одному, завтра улыбка другому. Сегодня молебен, завтра анафема. Сегодня скрежет зубвный, завтра – цветы и ликованье. А если несколько скрежетов? А если забитое молчанье?

Да что говорить, каждый может вообразить ужас человека, повторно переходящего из рук в руки, подзреваемого, унижаемого. Сколько придушенной злобы, засахаренной ненависти, жалкого безумия! Сколько неизлечимых нервных заболеваний! Сколько иссушающего горя! Не перечать! Армагеддон войны кончен, теперь – Армагеддон Культуры.

Мудряки житейские шепчут: «Как-нибудь утрясется». Значит, опять «как-нибудь», «авось да небось». А на «авосе» в долгий путь не поехать. Случилось многое, а стали ли люди добрее, зародилось ли взаи-

модоверие? Нет, злобность, беспощадность, затаенное лукавство засели под порогом. И как выгнать таких ползучих ехидн? Мудряк успокаивает: «Как-нибудь утрясется». Но на «как-нибудь» ехать не полагается.

Бывало, Серов говаривал: «Придет час, когда человеку придется показать истинный паспорт». Вот и пришел такой час, и человек должен предъявить свой тайный, подлинный паспорт. О таком подлинном паспорте человек должен научиться помыслить сызмальства. Учителя и семья скажут малышам, где истинные ценности.

Утилитарность привела к атомическим бомбам. Человечность со всеми гуманитарными достижениями была засажена в чулан – за ненадобностью. Но сердце человеческое бьется не об утилитарности, но о познаниях высших, о творчестве, о красоте, о любви.

Труд, великое творчество, высокое качество поднимут поникший дух человеческий. Мыслитель сказал: «Молитвенно примем дар труда».

24 сентября 1945

Николай Перух

ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ

Во времена Акбара под строгим наказанием было запрещено продавать непрочные краски. О добром качестве красок говорят и древние шаштры. Казалось бы, с тех пор мировая цивилизация должна бы еще более укрепить условия прочности материалов. Но, как видно, цивилизация преследует какие-то другие цели. Она загнала гуманитарные науки и забыла вообще о доброкачественности. Странно подумать, но некоторые выпуски новейших машин отличаются большою непрочностью сравнительно с предыдущими моделями. Что же касается до художественных материалов, то у них явились многие новые враги, порожденные тою же «цивилизацией». Так, например, многие краски не выносят серных паров и других химических испарений, которыми наполнена атмосфера нынешних городов. Вместо здравоохранения получается какая-то непозволительная расточительность. Если на парижских бульварах от газаolina засохли некоторые породы деревьев, то можно себе представить, как всякие подобные испарения могут разрушать и людей и предметы их творчества. Бессмертная в своем цинизме фраза Людовика «После нас — хоть потоп» приобрела своеобразное применение в разных областях современной жизни. При этом развелось своего рода фарисейство. С ханжеской скромностью вам иногда скажут: «Нам ли озабочиваться о прочности современных творений? Пусть само время явится неумолимым судьей». При

этом говорящие отлично понимают, что заведомая непрочность материалов лишает будущее поколение принадлежащих им достояний.

Не из самости, но во имя бережливости никто не может лишать будущее поколение всего того, что ради него же было сделано. Археология дает поразительные примеры прочности разных материалов. И разве мы все не бываем признательны неведомым нам деятелям, благодаря которым мы можем изучать и восхищаться предметами, сохранившимися в течение тысячелетий? Могут сказать, что неизвестно, долго ли просуществует и вся планета. Конечно, среди астрономических и космических соображений не найдется места для обсуждения прочности земных материалов. Но пока старая Земля существует, следует подумать, как упорядочить материалы и избежать всяких отравлений и разрушений.

1939

ЖИЗНЬ ЗА СТЕНОЙ МОЛЧАНИЯ **Творческий путь скульптора Эльзы Швалбе-Матвеевой**

В процессе работы над каталогом скульптуры из собрания Киевского национального музея русского искусства возникла необходимость уточнить биографические данные и даты жизни некоторых скульпторов. О скульпторе Эльзе Карловне Швалбе-Матвеевой, чья небольшая скульптура из бронзы «Девочка с голубем» (размер 18x7x5 см, инв. № Ск-270) хранится в фондах музея, была, пожалуй, самая скудная информация: «Член Союза художников СССР. Родилась в 1903 году».

Неоднократные попытки найти сведения о скульпторе на сайтах Союза художников Латвии и Российской Федерации успехом не увенчались. Наконец, спустя месяц вдруг обнаружилась обширная статья искусствоведа Инги-Галины Карклини из интернет-экземпляра журнала «Мир огненный» № 1(9) за 1996 год «Как хорошо, что ты есть... Но кто ты?». Статья рассказала о некоторых эпизодах совместного пребывания Эльзы Швалбе-Матвеевой и Инги Карклини в лагере политзаключенных в поселке Абезь Интинского района Коми АССР. Кроме того, в статье были некоторые сведения о творчестве Швалбе-Матвеевой после ее реабилитации и возвращения в Ригу в 1955 году. Из статьи стало ясно, что некоторые работы скульптора после выставки 1987 года в Киеве и 1989 года в Житомире были подарены также Житомирскому областному краеведческому музею.

Позднее была найдена публикация Инги Карклини о творчестве Эльзы Швалбе-Матвеевой в сборнике «Советское декоративное искусство» за 1986 год.

Издательство «Самара: Агни» через интернет-магазин предлагало изданную в 2000 году книгу, формата брошюры, Инги Карклини «Прекрасное за стеклами витрин» о творчестве Эльзы Швалбе-Матвеевой. Купить эту книгу у издательства, однако, не получилось. Автору она досталась стараниями директора Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха Елены Григорьевны Петренко, принявшей деятельное участие в выяснении подробностей о последних годах жизни скульптора.

Долго не удавалось установить дату ухода из жизни Эльзы Швалбе-Матвеевой, в 2002 году она еще была жива: о ней как о живой упоминали участники Международного общественно-научного симпозиума Международного Совета рериховских организаций 2002 года [5, с.132]. И только с помощью сотрудников Посольства Латвии в Украине было, наконец, установлено, что Эльза Швалбе-Матвеева ушла из жизни 28.03.2004 года в Риге.

Личная жизнь и творческий путь Эльзы Швалбе-Матвеевой были долго окутаны плотным туманом многолетнего молчания. Отчасти этому способствовали строгий характер Эльзы Карловны и ее нежелание рассказывать о себе даже близким людям. Вероятно,

она полагала, что творения художника должны говорить сами за себя и в популяризации не нуждаются. Да и творческая жизнь с самого начала складывалась не просто. Достаточно вспомнить, что отрочество Эльзы Швалбе приходится на начало Первой мировой войны. Но и начало жизни выпало на достаточно смутное время – преддверие революции 1905 года.

Родилась Эльза Швалбе в 1903 году в имении графа Энгельгардта в Винницком уезде Подольской губернии, где ее отец Карлис Янович Швалбе был управляющим. Двумя годами раньше здесь же появилась на свет ее старшая сестра Маргарита. В 1908 году семья переселилась в Смоленскую губернию в имение графа Гейдена Крюково, где стал управляющим Карлис Швалбе. Здесь родились младшие дети – сын Гаральд и дочь Зигрида. В семье много внимания уделяли эстетическому воспитанию детей – мать учила детей музыке, кроме того сын Гаральд брал уроки игры на рояле, Эльза с детства занималась лепкой. Гувернантка из Прибалтики готовила Маргариту и Эльзу к учебе в подготовительном классе средней школы в Риге. Лето дети проводили в усадьбе Бедзелигас у родителей матери в Видземском крае.

Когда началась Первая мировая война, семейству Карлиса Швалбе пришлось пережить переезд с толпой беженцев в Орел, откуда в 1914 году он был призван в действующую армию в качестве офицера. В период переселения в Орел суждено было умереть младшей сестре Эльзы Швалбе – Зигриде. С началом войны учебу старшим девочкам пришлось продолжать в Орле. В 1918 году с последними эшелонами семья уехала в Латвию. Отец демобилизовался и в начале 1920-х годов купил в Валмиерском округе усадьбу Пучурга. Здесь Эльза Швалбе прожила годы обучения в гимназии. В усадьбе Пучурга она продолжала заниматься лепкой. После окончания гимназии поступила в школу Общества поощрения художеств.

В воспоминаниях Эльзы Швалбе, опубликованных в книге Инги Карклини «Прекрасное за стеклами витрин», нет даты ее поступления в Латвийскую Академию художеств в Риге. Известно, что поступила она в скульптурную мастерскую доцента Бурхарда Дзениса. Это определило в дальнейшем ее работу не только в станковой, но и в декоративной пластике, поскольку именно эта специализация была основной в мастерской доцента Б. Дзениса.

В 1936 году, будучи студенткой третьего курса, Эльза Швалбе получила первую премию президента Карлиса Ульманиса за эскиз кубка победителю IX Международного конкурса конных состязаний в Риге. На фотографии 1936 года Эльза Швалбе запечатлена с кубком, изготовленным в серебре по ее лепному эскизу. В студенческие годы Эльза Швалбе активно выставлялась. По свидетельству И. Карклини, многие из ее сту-

денческих работ были приобретены с выставок Фонда культуры и рижских салонов [4, с.169]. Так была приобретена «Бегущая девушка» (1935–1936 годы, бронза), ставшая собственностью посольства Дании. Скульптор работала в станковой и декоративной пластике, в жанре портрета и, что было редкостью в Латвии, в керамической миниатюре: от 2,5 до 10–11 см высотой. Основным материалом в 1940-х годах была терракота, позже шамот. Бронза и фарфоровая глина за дороговизной были не доступны.

С самых ранних работ декоративное начало было очень сильным в пластике Э. Швалбе. Выразительность силуэта и фактуры поверхности занимали ее больше, чем изобразительные детали или какая-либо сюжетная обусловленность. Вероятно, поэтому ее работы часто не имеют устоявшихся названий, в разные годы они выставлялись и публиковались с разными, зачастую с двумя, названиями. Существенным для скульптора было запечатлеть определенное психологическое состояние через динамику силуэта и живописное разнообразие фактуры и вызвать соответствующий эмоциональный настрой у зрителя.

Интерес к живой, подвижной фактуре, к передаче мимолетных состояний и настроений был свойствен многим скульпторам того времени, отдавшим дань увлечению импрессионизмом. Красноречиво отражает эту увлеченность скульптура Э. Швалбе «Отдых» (Терракота. Собственность музея Центра духовной культуры г. Самары).

Драматические события в истории Латвии, вероятно, повлияли на продолжительность обучения Э. Швалбе в Академии художеств – закончила Академию она в 1942 году. Дипломной работой была скульптурная группа «Таутас мейтас» – «Латышские девушки». Выполненная в терракоте, позднее скульптура была отлита в бронзе. В книге И. Карклини есть изображение экземпляра в бронзе 1970-х годов. Экземпляр в тонированном гипсе, выполненный, судя по чистоте отливки, не с оригинальной модели, находится в фондах Житомирского областного краеведческого музея (Сестры, 1960–1970-е гг. Гипс тонированный, 45,5 x 37 x 17. Инв. № Пфк–16).

В созданном в 1948 году «Портрете А. Пушкина» (Гипс, патинирование под бронзу. Собственность Французского колледжа г. Риги, передан Музею А. Пушкина г. Риги) при всем несомненном портретном сходстве, главный акцент сделан на подвижной «вибрирующей» фактуре бюста, которая в сочетании со спокойным силуэтом и лаконичными деталями создают очень убедительный и одухотворенный образ поэта.

Творческим поискам не суждено было разрешиться в эту пору совершенствования профессионального мастерства формированием собственного пластического стиля. Портрет Пушкина – последняя работа Э. Швалбе, оставшаяся в ее мастерской после ареста. В июле 1949 года Эльза Швалбе-Матвеева была арестована по делу членов Латвийского общества имени Н. К. Рериха, запрещенного еще в 1940 году после установления советской власти в Риге. С тех пор встречи остав-

шихся в живых после репрессий 1940 года «рериховцев» г. Риги проводились тайно на разных квартирах. После освобождения Риги от фашистов преследования и репрессии были возобновлены. Эльзу арестовали уже после ссылки в Амурскую область ее старшей сестры с мужем и старшей дочерью и престарелой матери. Из всей семьи в Риге осталась в интернате младшая племянница Эльзы – Рита. Брат Гаральд с семьей эмигрировал еще в 1941 году сначала в Германию, затем в Австралию.

После ареста квартира и мастерская скульптора были конфискованы, и в дальнейшем, после ее реабилитации, их ей не вернули. Арест Эльзы у многих, в том числе у ее бывшего мужа, живописца Георгия Матвеева, вызвал недоумение: официально признанный скульптор, получавший государственные заказы, член Союза художников Латвии с 1945 года, она всегда была далека от политики и лояльна к советской власти. Сама Эльза Карловна все тяжкие испытания, выпавшие на ее долю, вынесла безропотно и с достоинством человека, полностью принявшего свою непростую судьбу.

В инвалидном лагере в поселке Абезь Интинского района Коми АССР Эльза Швалбе-Матвеева познакомилась с Ингой Карклиней, ее будущим биографом, литератором и искусствоведом. Инга Карклиня была свидетелем удивительной силы духа, проявленной Э.Швалбе в заключении. Сила духа не изменила ей даже на краю жизни и смерти, когда в 1952 году она решилась на операцию по удалению опухоли щитовидной железы и легла под нож лагерного хирурга Штеера, который, очевидно, и сам не верил в благополучный исход. Сила духа, однако, помогла Эльзе выжить и выздороветь. Сила духа и вера в те идеалы, которым она осталась верна и которые разделяла с подругой И. Карклиней.

После смерти Сталина в лагере несколько смягчились условия содержания: Эльза получает возможность иногда заниматься скульптурой. В – это «реставрация» лепнины и гипсовых отливов. В 1954 году, за год до освобождения, она вылепила из глины скульптуру «Мать и дитя» и переправила матери И. Карклини в Ригу.

После реабилитации и возвращения в Ригу Эльзу Швалбе-Матвееву восстановили в Союзе художников, однако мастерскую ей так и не вернули. Ей приходилось работать в непригодных условиях на квартирах, которые часто приходилось менять. Время от времени она работала в Доме творчества на Рижском взморье. Тем не менее, уже в 1955 году ею были созданы несколько работ, в том числе – «Портрет Инги Карклини» («Девушка с косой»). Патинированный гипс. Собственность музея Центра духовной культуры г. Самары).

В 1958 году на Выставке Литвы, Латвии и Эстонии были выставлены две работы Э. Швалбе, одна из которых – «Друзья» (1957. Фарфор) была приобретена Художественным фондом Латвии.

Эльзе Швалбе-Матвеевой была назначена небольшая персональная пенсия, она продолжала работать, получала государственные заказы.

Работы конца 1950-х годов – это в основном мелкая сюжетная пластика, выполненная в терракоте, бисквите, глазурированном цветном фарфоре. Скульптор получила возможность работать с ранее недоступной из-за дороговизны фарфоровой глиной, но были технологические трудности в овладении глазурями. По свидетельству Э. Швалбе, она сама снимала форму только с барельефов и масок. Технологию материалов в годы ее студенчества не преподавали, поэтому многое приходилось постигать экспериментальным путем. Большинство авторских работ Э. Швалбе не имеют тиража и существуют в единственных экземплярах [4, с.170]. Лучшие из них все же были выполнены в нескольких экземплярах, очевидно, будучи отформованными опытными мастерами. К серии таких работ принадлежат «Друзья» (1957. Фарфор), «Княжна Мери» (1959–1960 гг. Фарфор), «Солнышко» (1959. Фарфор). Последняя работа, экземпляр с бежевой глазурью – находится в фондах Киевского национального музея русского искусства.

Во второй половине 60-х годов в пластике Латвии возобладали компактная форма и более гладкая фактура поверхности. К этому периоду устанавливаются и черты авторского пластического стиля Эльзы Швалбе-Матвеевой. При лаконичности формы и строгом, но точном отборе деталей, ее работам конца 60-х – 70-х годов присущи предельно выразительные, «очерченные» динамичными гранями силуэты. Таковы: «Латышская девушка» (Фарфор. Собственность автора), «Сильвия» (1970-е гг. Глазурированный шамот. Работа утеряна), «Маска» (Шамот. Собственность автора), «Девочка с голубем» («Птица мира», 1973. Бисквит. Собственность Музея искусств народов Востока, (Москва). Экземпляр последней работы, отлитый в бронзе в 1980-х годах, и был передан автором Киевскому музею русского искусства вместе с работой «Солнышко» в 1990 году.

В 1973 году Э. Швалбе-Матвеевой уже 70 лет, но она продолжает активно работать. Еще с 60-х годов скульптор много работала в декоративной керамике. Ее вазы и малая декоративная пластика 70-х годов исполнены в шамоте с деликатным использованием цветных глазури.

К 80-м годам пластический язык Э. Швалбе несколько изменился: ее миниатюры тяготеют ко внутренней динамике формы при внешней статичности. Формы предельно обобщены, скульптуры создаются сериями, посвященными одной теме: «Гармония и музыка», «Грация и пластика».

Многие работы носят символические названия и посвящены «вечным» темам: «Размышление» (1976. Шамот. Собственность музея Центра духовной культуры г. Самары), «Раздумье» (Бронза. Собственность Музея литературы и искусства им. Я. Райниса), «Хранительница огня» (Бронза. Собственность автора). Последняя работа посвящена вновь открывшемуся в 1988 году Латвийскому обществу им. Н. К. Рериха.

Эльза Швалбе много работала в рельефе. Ее работы «Профессор В. Пурвитис» (1982. Бронза. Собственность автора), «Юность» (1980-е гг. Бронза.

Собственность музея Центра духовной культуры г. Самары), «Мать и дитя» (Бронза. Собственность Министерства культуры Латвии) отмечены виртуозным владением рельефом и тонкой пластической нюансировкой при предельном лаконизме формы.

Закончить рассказ о творчестве Эльзы Швалбе-Матвеевой хочется показом работ из Житомирского областного краеведческого музея, которые были переданы скульптором музею по окончании выставки трех латвийских художников в 1989 году: народного художника Александры Бриедис, скульптора-медальера Яниса Струпулиса и Эльзы Швалбе-Матвеевой.

Кроме уже упомянутой работы «Сестры», в Житомирском областном краеведческом музее хранятся «Мать и дитя» (1960-е гг. Шамот, 40 x 60,5 x 11. Инв. № Пфк–14) и «Портрет Галины Карклини» (1960. Бисквит, 28 x 17 x 10. Инв. № Пфк–15).

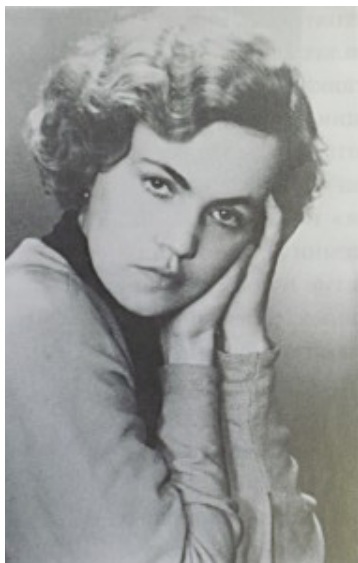
На фото Эльзы Швалбе в ее квартире мы видим некоторые из ее упомянутых работ на стеллажах с книгами.

Творчество скульптора Эльзы Швалбе-Матвеевой сегодня известно лишь в малой части из созданного ею за долгую и трудную жизнь и по-прежнему ждет своего исследователя.

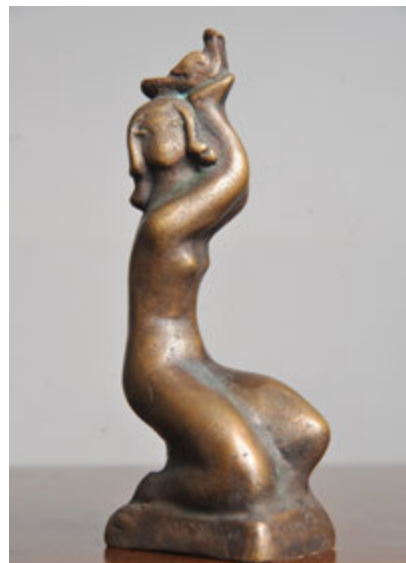
-
1. Карклиня Инга. Как хорошо, что ты есть... Но кто ты?.. // Мир Огненный. 1996. № 1(9) <http://mhtml:file://F:\Инга Карклиня.mht>
 2. Карклиня И.–Г. Н. Капли живой воды. Самара : Агни, 1997. 267 с.
 3. Карклиня Инга-Галина. Капли живой воды. http://svitk.ru/004_book_book_/15b/3274_karklina-kapli_jivoj_vodi.php
 4. Карклиня Г. Скульптор-керамист Эльза Швалбе-Матвеева // Советское декоративное искусство. Москва : Советский художник, 1986. № 8. С. 169–175.
 5. Озолия М. Р. Борьба не на жизнь, а на смерть... Доклад // Рериховское движение. Актуальные проблемы сохранения и защиты наследия Рерихов в историческом контексте: материалы Международного общественно-научного симпозиума 2002 г. Москва : Международный Совет Рериховских организаций, 2002. С. 132.
 6. Прекрасное за стеклами витрин / автор-составитель И. Карклиня. Самара : Агни, 2000.

Эльза Швалбе запечатлена с кубком, изготовленном в серебре по ее лепному эскизу. Фото из книги «Прекрасное за стеклами витрин»

Фотопортрет Эльзы Швалбе из книги «Прекрасное за стеклами витрин»

Швалбе–Матвеева Э.К. Девочка с голубем, 1984–1985. Отлив со скульптуры 1973 года «Девочка с голубем» («Птица мира»), выполненной в бисквите. Фигура сидящая. Бронза, 18 x 7 x 5 см. Национальный музей «Киевская картинная галерея». Фотограф Савицкий И. А.

Швалбе-Матвеева Э. К. Сестры, 1960–1970-е годы. Гипс тонированный, 45,5 x 37 x 17 см. Житомирский областной краеведческий музей

Мать и дитя, 1960-е годы. Шамот, 40 x 60,5 x 11 см. Житомирский областной краеведческий музей

Солнышко, 1959. Фарфор. Фото из книги «Прекрасное за стеклами витрин»

Портрет Галины Карклини, 1960. Бисквит, 28 x 17 x 10 см. Житомирский областной краеведческий музей

Какие просветительные усилия должны быть напряжены, чтобы излечить застарелые язвы! И откуда собрать дружины культурных деятелей, чтобы преодолеть заразные психические эпидемии?

Н. К. Рерих

КООПЕРАЦИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

КОРАБЛЬ КУЛЬТУРЫ

Итак, война в Европе кончена. Гитлер и Муссолини ушли. Уже нет Рузвельта. Во всей жизни почувствуется пропасть, и ее нужно срочно заполнить. Сделать это можно лишь Культурою. Мир через Культуру. Но велики должны быть усилия народов, чтобы ненависть заменить строительством, творчеством. Уже шесть лет царил ненависть. Ее поощряли, воспитывали. Как бы целый школьный возраст воспитался на человеконенавистничестве. Экое длинное, поганое слово! Какие просветительные усилия должны быть напряжены, чтобы излечить застарелые язвы! И откуда собрать дружины культурных деятелей, чтобы преодолеть различные психические эпидемии? Опасны психические заразы. Их не излечить наркотиками. И захотят ли явные и скрытые ненавистники перековать мечи злобы на плуги просвещения? Всякая жестокость уже есть признак дикости. Люди нагляделись на всевозможные акты жестокости, свирепости, и много заботы потребуется, чтобы вернуть их сознание к Культуре. Приказом не помочь. Пресловутыми «Днями Культуры» не пособить. Тут уже не одинокие дни, а все часы должны быть окультурены. Помогите, школьный учитель! Помогите, учительница – сестра милосердия! Одна надежда на женское чуткое сердце. И на Руси столько героинь проявилось.

К нам приезжал представитель ТАССа – очень восторгался картинами: у него брат – художник. Полезен будет годовой отчет АРКА и для ВОКСа и для ТАССа. Если мы все трудились для Культуры в течение войны, то кольми паче теперь эта работа необходима. Спрашивают, что сделано у нас за время войны. Скажем (для архива): написано более тысячи картин и больших и малых. Целые группы их в Индоре, в Траванкоре, в Хайдерабаде (Деккан), в Мисоре, в Тери Гарвал и в частных собраниях. В журналах и в газетах прошел длинный ряд очерков и листов дневника. Печатается в Аллахабаде «Химават». В Амритсаре – «Радость искусства». В «Библиотеке Нового Мира» (в Дели) – «Рерих», «Пакт Рериха», «Культура». Вышло второе издание Конлана «Мастер гор». В Тривандруме вышло второе дополненное издание книги Тампи «Гурудев Рерих». Переиздан симпозиум из «Арчера» и «Искусство Р. в Индии». Помогали Красному Кресту (Русскому и Индийскому) и военному фонду. В Коимбре мой очерк «Прекрасное». В Швейцарии делалась книга Шауб-Коха. Через АРКА послана в Москву «Слава». Отсюда ТАСС посылал в Москву ряд очерков. Так что, когда подведете итоги военного времени, получается немало происшедшего – несмотря на все трудности и препоны. Вы знаете, как трудно было переслать Вам для Мясина «Весну Священную» и «Половецкие пляски». Если бы не всякие затруднения, то удалось бы и многое другое. Были лекции Санджива Дева и Рабиндраната Деба. Запросы на переиздание «Алтай – Гималаи».

Вы пишете, что Анисфельд и Бенуа умерли, а мы об этом ничего не слышали. Если до Вас дойдет еще что-нибудь о художественной жизни, непременно сообщите – хочется знать, что и где творится. Спасибо, что холст послали – большая в нем недостача. Просил послать Вам 10 Конланов и по 6 изданий Ренца – надеюсь, это удастся. Ведь должны же сношения улучшаться. Когда же и как услышим о картинах и о книгах в Риге? Может быть, услышим так же неожиданно, как Вы получили сведения из Парижа. Неисповедимы пути! Русская выставка у Шарпантье тем любопытнее, что еще раз показывает живучесть искусства, не погибающего даже в самых стесненных условиях. Не удастся ли Вам узнать, кто устроил эту выставку, кто участники, нет ли каталога? Валентина прислала две свои статьи – «АРКА» и «Эволюция духа». Обе статьи очень хороши и полезны. Сердечный привет ей. Вот бы получше газету найти – для широкого круга читателей нужны ее статьи. Можно, если хотите, пометить мое письмо в АРКА 31 Дек[абря] 1944. Жив ли Дымов? Он работал в «Новом Русском Слове». В «Дейли Миррор» 8 Марта [19]45 имеется очень показательный снимок. Итак, зорко приглядывайтесь к новым условиям. Привет всем друзьям. Теперь будут выясняться многие судьбы.

В вихре событий перевернулась великая страница истории человечества. Да плывет счастливо Корабль Культуры!

15 мая 1945

Н. К. Рерих. Святая Ольга. (Эскиз росписи). 1915
Бумага, карандаш, тушь, гуашь, акварель(?). 31 x 24

ПОРОДНЕННЫЕ ИЕРУСАЛИМОМ

*Еврейское самоопределение невозможно,
если в центре его не стоит Страна Израиль.*

Шломо Авнери

И, в чужом жилище руки грея,
Старца я осмелилась спросить:
– Кто же мы такие?
– Мы – евреи!
Как ты смела это позабыть?!

Эти стихотворные строчки принадлежат поэтессе Маргарите Алигер. Так начинался отрывок из ее поэмы «Твоя победа», получивший широкое хождение в среде еврейской интеллигенции в первые послевоенные годы. Поэма была написана в 1946 году и посвящена событиям Второй мировой войны, унесшей в результате гитлеровского геноцида более шести миллионов европейских евреев, а сама поэтесса (настоящая фамилия Зелигер) была в эти трагические годы военным корреспондентом в блокадном Ленинграде.

Вынесенная в эпиграф небольшая стихотворная строфа вызывает целую волну ассоциаций. Четыре коротких слова, составляющих вопрос, и семь таких же коротких слов, составляющих ответ. Причем ответ, содержащий упрек. Короткий диалог, и – целый ряд вопросов.

Почему женщина грела руки в чужом жилище? У нее что – своего не было?

Что это за старец, к которому она обратилась с вопросом? И почему ее собеседником оказался именно старец? Что, молодых собеседников не оказалось рядом?

Слово «мы» означает, что женщина принадлежит к какой-то группе населения. Из ответа становится ясно, к какой именно: она – еврейка. Но что означает сам вопрос? Она что, не знала, кто такие евреи?

И почему старец упрекнул эту женщину в том, что она забыла о своем еврейском происхождении? Разве евреи способны забыть о своем еврейском происхождении?

Всего несколько слов, но каким глубоким смыслом наполнено каждое из них.

1

«Чужое жилище»...

Два с половиной тысячелетия евреи жили не у себя дома. Из собственного дома их начали изгонять еще в конце VIII века до н.э., когда пало Израильское царство. Затем спустя два века, во времена Нововавилонского царя Навуходоносора II, случилось Вавилонское пленение, в котором евреи находились около 60 лет и из которого вернулись далеко не все. А затем Эрец-

Маргарита Алигер

Израиль попал под власть Рима и начался процесс, получивший в истории название эллинизации, когда стала вытесняться еврейская культура, когда происходил переход с иврита и арамейского языка на греческий, стала развиваться еврейская эллинистическая литература и философия и т.д. Падение Иерусалима и разрушение Второго Храма под нажимом римских войск завершили этот процесс, и началось массовое расселение евреев по всему миру.

Талмудическая традиция гласит, что когда Второй Храм был разрушен, все Небесные Врата, кроме одних, Ворот Слез, закрылись, а от Храма сохранилась лишь одна Западная стена. В истории еврейского народа она осталась под названием «Стены Плача», так как слезы всех евреев, оплакивающих свой Храм, проливаются здесь. Лишившись своей исторической родины, евреи стали образовывать в странах своего рассеяния сплоченные и устойчивые этнические группы (национальные общины). Так возникла еврейская диаспора. Но когда еврейские общины, уходя из своего национального дома, перебирались на чужбину, их уже ждали оказавшиеся там ранее еврейские торговцы, которые успели освоить местные языки, обычаи и завязали устойчивые связи с коренным населением. Это, естественно, облегчало беженцам процесс вживания в новые условия.

Со временем еврейские поселения разрастались, в них возникали социальные структуры – школы, религиозные и общественные центры, которые поддерживали и развивали общину, не позволяя ей утрачивать свою национальную самобытность. Вот так и получилось,

Яффо – древнейший торговый порт мира

что последние два тысячелетия еврейский народ вынужден был проживать вдали от своей родины, пользуясь гостеприимством других народов. Как выразилась Маргарита Алигер, «греть руки в чужом жилище».

Как же складывалась жизнь еврейских общин в тех далеких от Эрец-Исраэль землях, где они вопреки своей воле оказывались, – «странах рассеяния»? Вливаясь в общее русло жизни, они осваивали язык народов этих стран, их традиции, особенности их быта. Но сохраняли ли они при этом свой собственный язык, свои традиции, свою религию, особенности своего быта? Не растворялись ли они в этих народах, теряя свою национальную идентичность? Кто мог этой женщине из поэмы Маргариты Алигер рассказать об этом? Только некто, кого поэтесса назвала «старцем», ибо только такие «старцы», носители знаний о прошлом, и могли бы передать молодому поколению эту информацию.

2

Надо сказать, что были века и целые эпохи, когда евреи в странах диаспоры чувствовали себя очень даже неплохо. Волей-неволей они подчинялись тем законам, по которым существовали эти страны, стараясь не выделяться из общей массы. Они, как правило, занимали только те общественные и экономические ниши, которые не занимали по каким-то (чаще всего религиозным) причинам приютившие их народы. Если бы они этого не делали, возникали бы условия такой конкуренции, которая способна могла привести (и не раз приводила) к настоящей катастрофе.

Евреи жили своей, чаще всего, достаточно изолированной, жизнью, что, конечно, само по себе раздражало хозяев и нередко приводило к возникновению конфликтных ситуаций. Но те «ниши», которые евреи занимали, были настолько нужны и важны «хозяевам», что их присутствие терпели, а в тех случаях, когда во главе приютившей евреев страны стояли умные и дальновидные правители, для евреев даже специально создавались такие условия жизни, которые способствовали бы проявлению их наиболее «полезных» качеств. Чаще всего такими качествами были особые способности евреев, проявляемые ими в области экономики. Почему именно экономики?

Для древнего мира Эрец-Исраэль был уникальным местом, единственным в своем роде. Здесь не было никаких полезных ископаемых. Горы, пустыни и лишь небольшая приморская полоса, пригодная для земледелия. Но именно здесь пересекались все торговые пути, связывающие цивилизованную в ту эпоху Европу со странами Азии и Африки, и были периоды, когда до 70% еврейского населения было занято приемом и отправлением торговых караванов. Посланцы Иудейского царства разъезжались по всему миру хотя бы для того, чтобы знать, где и что можно подороже продать и подешевле купить. Сегодня это называется «владеть конъюнктурой рынка». В конечном итоге, это они, евреи, научили Европу торговать. А в более поздние времена еврейские ростовщики, давая людям деньги в долг, заложили принципы кредитного капитала – основы экономики, и, по сути дела, создали первые в мире банки.

Как известно, земля – основное богатство любого государства, поэтому прибывающим из других краев евреям как людям «пришлым» никогда и нигде не давали и даже не продавали земельных наделов. Разве что в аренду позволяли брать. Поэтому евреи почти всегда селились в городах, а городские жители, естественно, всегда намного более образованны и обладают значительно более серьезным общим развитием.

Фактически евреи – одни из основных создателей современной городской цивилизации. Были исторические периоды, когда евреи, пользуясь многими личными и общественными свободами и, в первую очередь, свободой религии и предпринимательства, находились под защитой законов государств, где они проживали, и, в первую очередь, сами власти стремились строго их соблюдать.

Но это были личные права каждого из них. Законов же, которые определяли бы существование евреев в странах рассеяния как представителей определенного этноса, не было. Даже при условии полной эмансипации евреи везде находились на положении квартирантов. А любые хозяева, пусть даже самые гостеприимные и доброжелательные, искренние и бескорыстные, все же – хозяева. Квартиранты для них отнюдь не соседи по квартире, а совершенно чужие люди, которых при неблагоприятно складывающихся обстоятельствах можно без зазрения совести просто попросить «очистить помещение». И тогда евреев ждало очередное изгнание. История показала, что исход евреев, как правило, приводил государства этого исхода к утрате своего финансового, а, следовательно, и государственного могущества.

3

Эти изгнания отразились на всех аспектах жизни еврейского народа. Многие века они поддерживали в евреях стран рассеяния чувство чужеродности в окружающей среде. Изгнания приводили к перемещению центров еврейской жизни из одного региона в другой. В глазах христианского мира изгнания способствова-

ли созданию облика бездомного еврея, обреченного на беспрестанные скитания, укрепляли веру в реальность легенды о Вечном Жиде, обреченном на вечные скитания. И евреи это в полной мере прочувствовали на себе. Эти два с лишним тысячелетия были наполнены многочисленными эпизодами травли, вынуждавшими евреев на добровольный уход с насиженных столетиями мест. И тогда возникали дела о «кровавом навете» по обвинению евреев в совершении убийств христианских детей с ритуальной целью. И тогда местное население вырезало целые еврейские общины, считая, что это именно они, евреи, приносят опустошающие страны, а иногда и континенты, эпидемии чумы и холеры. И тогда население, подстрекаемое властями и религиозными кругами, устраивало погромы, сопровождая их грабежами, изнасилованиями и убийствами. И тогда евреев их соседи выдавали нацистам на уничтожение в годы Второй мировой войны. Да и сегодня, на наших глазах, когда, оказавшись перед фактом, что власти в некоторых странах не в состоянии защитить их, евреи вынуждены бежать оттуда, спасаясь от террора хлынувших в эти страны обезумевших фанатиков ислама.

И это происходило и происходит даже во Франции, гордящейся тем, что именно она прокладывала путь к становлению европейской демократии! Что же тогда говорить, скажем, о России, утратившей нынче почти все свое еврейское население, которое еще сто лет назад, накануне Октябрьского переворота, составляло около пяти с половиной миллионов человек? Исход евреев из России, СССР и практически всего постсоветского пространства стал одной из самых глобальных геополитических катастроф XX века, приближаясь по своим масштабам к гитлеровскому геноциду.

А ведь такое случалось многократно в той или иной точке Земного шара. Евреи не были хозяевами в этих странах. Им не было дано отстаивать свои права на пребывание там. Такое право они могли обрести только на территории собственной страны. Но такой территорией они стали располагать только после появления государства Израиль. Вот и получалось, что на вопрос поэтессы старцу: «Кто же мы такие – евреи?», мог последовать только один ответ: «Самый гонимый народ в мире».

«Мы – народ своеобразный, народ особый», – писал в 1896 году Теодор Герцль в своей книге «Еврейское государство». – Мы повсюду вполне честно пытались вступить в сношения с окружающими нас народами при единственной условии – праве сохранять религию предков, но нам этого не позволяли. Напрасно мы сохраняли верность и были готовы на все, а в некоторых странах – даже становились чрезмерными патриотами.

Напрасно мы приносим им в жертву свою кровь и достояние, подобно остальным согражданам. Напрасно трудимся мы, стремясь прославить новые отечества успехами в области изящных искусств и знаний. Напрасно трудимся мы, стремясь увеличить их богатства развитием торговли и промышленности. Все напрасно. В наших отечествах, в которых мы живем столетия, на нас смотрят как на чужестранцев».

Вечный жид в романе И. Тургенева «Рудин»

Теодор Герцль

4

Невольно напрашивается вопрос: как же могло произойти, что, проживая две тысячи лет в изгнании, находясь в условиях, когда они всегда и везде были чужими, и им почти постоянно грозила смертельная опасность, евреи смогли сохранить свой язык, религию, свои национальные обычаи и свою незыблемую веру в возвращение на историческую родину?

Уникальность истории еврейского народа, в первую очередь, заключается в том, что, даже будучи оторванными от своей земли и не имея своего государства, он смог сохранить свою самобытность и внутреннюю автономию. Государственность евреям заменило сознание своего особого национально-религиозного предназначения, оформившееся в культуре народа Израиля еще на родине, в эпоху Второго Храма. Эта нерасторжимая связь с утраченной родиной снова и

Андрей Дементьев

снова проявлялась во всех моментах жизни каждого конкретного еврея – от рождения до погребения, и в будни и в праздники, и в ежедневных молитвах и в проведении субботних ритуалов. Эта связь была в осознании реальности сегодняшнего дня и одновременном осознании реальности воплощения мечты о будущем.

Евреев не случайно называют самым упорным (даже «жестоковейшим») народом в истории. Как выразился английский писатель Пол Джонсон, «ни одна нация не демонстрировала так эмоционально в течение столь долгого времени своей привязанности к конкретному кусочку земной поверхности». Желание возвратиться к Сиону всегда было характерно для евреев диаспоры. Вот отрывок из пророчества о возрождении народа, высказанного еще в VI веке до н.э. пророком Иезекиелем в период Вавилонского пленения.

«И говорим им: Так сказал Господин мой, Господь: Вот Я беру сынов Израэля из среды народов, куда они ушли, и соберу Я их со всех сторон и приведу Я их на их землю. И Я сделаю их единым народом на земле, на горах Израэля... И обитать они будут на земле, Которую дал Я Моему рабу, Иакову, на которой обитали ваши отцы. И обитать будут на ней они и их сыновья, и сыны их сынов вовеки...» (Книга Иезекиеля, гл. 37).

У поэта Андрея Дементьева есть такие строчки: «Со времен древнейших и поныне // Иудеи, встретясь, говорят: // «В будущем году – в Иерусалиме...» // И на небо обращают взгляд». «Лешана абаа бируша-лаим!» – «В следующем году – в Иерусалиме!».

Эти слова завершают текст Пасхальной Агады – рассказа об Исходе евреев из Египта. Евреи тогда обрели свободу, и прообразом этой Свободы стал Иерусалим, который в последующем превратился в некий символ, а его воплощением – Иерусалимский Храм – олицетворение близости к Творцу. И эта фра-

за – «В следующем году – в Иерусалиме!» закрепляет в сознании евреев на протяжении всего двухтысячелетнего периода рассеяния постоянное стремление всего еврейского народа вернуться на свою историческую родину.

В те давние времена, когда Иерусалим был столицей Иудейского государства, жили в нем два из двенадцати колен (родов) Израилевых. Символом одного из них – колена Иегуды – был лев. Он изображен и на современном гербе Иерусалима. А еще там две оливковые ветви – символ мира – и изображение стены, камни которой напоминают о самом древнем районе Иерусалима – Старом городе. А в Иерусалимском Храме находилась главная еврейская святыня – Ковчег Завета с двумя каменными плитами – скрижалями, на которые были нанесены Десять заповедей. Скрижали Моисей получил от Всевышнего на горе Синай.

Старец в стихотворении Маргариты Алигер напрасно упрекнул задавшую ему вопрос женщину в том, что она якобы забыла о своем еврейском происхождении. Она не могла забыть этого. И не только потому, что окружающая действительность и враги евреев создавали такую нетерпимую обстановку, такую дискриминацию, а в России еще и государственный антисемитизм, не исчезнувший с исчезновением царизма, что евреи ощущали на себе это давление постоянно. А еще и потому, что им не давала забыть об этом еврейская национальная традиция. Как писал в уже цитированном нами стихотворении Андрей Дементьев, «На какой земле бы мы ни жили, // Всех нас породнил Иерусалим. // Близкие друг другу иль чужие, – // Не судьбою, так душою с ним».

Два тысячелетия верующие евреи трижды в день молили Всевышнего (и, кстати, делают это поныне), чтобы он вернул еврейский народ на родную землю. Евреи вернулись на свою историческую родину. По статистике сегодня в Израиле находится не менее половины всех евреев мира. Но еще не возрожден Храм, и потому евреи постоянно возвращаются к знаменитой, ставшей клятвой, фразе из 137-го псалма, составленного еще во времена первого еврейского (Вавилонского) пленения в VI в. до н.э.: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука и пусть язык мой прилипнет к небу моему...»

Начавшийся в XX веке процесс урбанизации – скопление населения в городах – привел к растворению еврейского населения в резко возросшей в количественном отношении городской массе. Это резко затруднило общинную жизнь, и свело до минимума роль синагоги как религиозного и общественного центра. Исчезновение разговорного еврейского языка явилось основным фактором гибели еврейской культуры в странах диаспоры. На наших глазах идет глобальный процесс исхода еврейской диаспоры. Еврейское образование существует ныне разве что в нескольких крупных еврейских общинах. Как можно вообще говорить о наличии национальной культуры при отсутствии национальных школ, библиотек, теле- и радиовещания по национальной тематике? В странах диаспоры

уже практически нет еврейских издательств, театров, концертных ансамблей, музеев. Следующим этапом в жизни евреев становится неизбежный процесс ассимиляции – утраты национального самосознания и отхода масс евреев из еврейства.

Вторая половина XIX и первая половина XX века были отмечены интенсивной работой еврейской общественности в поисках возможности воссоздания утраченной в давние времена еврейской государственности. Вот как описал тревогу о судьбе своего народа в далеком теперь от нас мае 1903 года Владимир Жаботинский.

«И ведь вместе с тем мы любим нашу народность. Мы умеем замирать от восторга перед ее грандиозно-страдальческой историей, умеем ценить несокрушимую силу духа, которая в ней. Мы горды, когда вспоминаем, сколько семян разума разбросали мы по всем нивам мира, так что нет народа, который не был бы нам обязан долей своей культуры. И ведь мы же, наконец, любим самый наш народ... который после колоссальнейшего из исторических путей в последний раз стоит теперь над пропастью, и которому завтра, если не найдется убежища, грозит вырождение, а послезавтра – исчезновение с лица земли.»

К счастью, спустя 45 лет после написания этих слов В. Жаботинского такое «убежище» появилось, и «исчезновение евреев с лица земли» не состоялось. Жаль только, что сам до этого события не дожил.

Владимир Жаботинский

Древний Иерусалим

30 РОКІВ ДРУЖБИ «Товариство “Україна – Індія”» як платформа розвитку українсько-індійських культурних зв’язків та народної дипломатії

Дружба з Індією ще за часів Радянського Союзу була одним з важливих напрямків державної політики. Україна займала у здійсненні цих зв’язків одну з провідних позицій. Питома вага внеску України в побудову великих індустріальних комплексів Індії становила 35–40%, розбудову вищої технічної освіти та підготовку фахівців для промисловості. Україну в Індії знали й шанували. Очевидно тому Індія однією з перших визнала у 1991 році незалежність України і в 1992 році були встановлені дипломатичні відносини. За роки незалежності між нашими країнами налагоджено співробітництво в економічній, політичній, науково-технічній, оборонній та культурній сферах. Особливо динамічно вони розвиваються в царині культури. Відбуваються культурні обміни, різноманітні культурологічні і спортивні проекти.

За часів СРСР у 1982 році в Києві побувала Прем’єр-Міністр Республіки Індія Індіра Ганді, якій присвоєно звання Почесного доктора наук Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка. Під час свого виступу у Києві 25 вересня 1982 року, на обіді на її честь, ця мудра, прозорлива жінка сказала слова, які актуальні для України і зараз: «Я давно мріяла приїхати в Україну. Ваш прекрасний Київ, який називають праматір’ю міст руських, відзначає 1500-ту річницю з дня заснування – це сама історія, цілком природно, що Київ притягує мене... Мудрі пишуться своїм минулим і трудяться для майбутнього. Дерево бере живильну вологу з землі і тягнеться до сонця. Для народу сонячне світло – це його віра, його бачення майбутнього».

У період горбачовської перебудови до столиці України приїздив Посол Індії в СРСР. Його зустріч з молоддю відбулась у актовому залі Київського політехнічного інституту. Пану Послу задавали багато питань, в тому числі і про йогу. На той час в Українському товаристві дружби і культурного зв’язку з зарубіжними країнами (УТДЗ), функціонувало українське відділення Товариства радянсько-індійської дружби, відповідальним секретарем якого був Ігор Сергійович Пасько (в майбутньому – Посол України в Пакистані). З 1985 року цю посаду обіймав Валентин Володимирович Адомайтис (невдовзі – 2-й Посол України в Індії). Саме він з 1987 року брав активну участь у процесі автономізації, спрямованому на відокремлення громадських організацій дружби від диктату Москви і створення товариства дружби «Україна – Індія» (далі «Товариство»).

Паралельно офіційному руху ширився інтерес серед інтелігенції, студентства, простих людей до Індії у пошуку та реалізації своїх духовних потреб в пізнанні світу через зв’язки культур наших держав. Так волею долі йшли назустріч один одному ті, хто хотів об’єднати свої зусилля на шляху розвитку дружніх відносин двох країн, отримати можливість відчувати свою Індію. Бо одних в ній приваблювала неповторна природа, засніжені

піки Гімалаїв; других – мудрість давніх цивілізацій, йога, історія, архітектура, музичне, танцювальне мистецтво; третіх – священна земля – батьківщина численних богів, різних релігій.

Ставлення до Індії в радянські часи базувалося на традиційній історичній взаємній симпатії українців та індійців, широкій поінформованості людей про дружні зв’язки з цією країною, популярності індійських фільмів, проведених у 1987 році фестивалю «Індія – СРСР», присвяченого 40-річчю незалежності Республіки Індія і 70-річчю Жовтневої революції. У багатьох містах Радянського Союзу проходили концерти індійських співаків, танцюристів, музикантів, в кінотеатрах і по телебаченню демонструвалися індійські фільми, до Індії направлялися так звані «творчі колективи» з представників Союзних Республік СРСР, які пропагували «радянський спосіб життя» через демонстрацію митцями, зокрема й України, різних жанрів мистецтва – пісень, танців, балетного мистецтва, музичних творів тощо. Такі візити завжди віталися індійською аудиторією в різних куточках великої Індії. У Києві колектив активістів підготував три виставки до фестивалю «Індія – СРСР»: в Київському педагогічному училищі № 2, де активно працював клуб інтернаціональної дружби індійських і українських студентів під керівництвом В. Ф. Устинова, а під керівництвом В. І. Ничипорука – в магазинах «Іноземна література» і «Поезія», зі стендами, виставками, в які увійшли експозиції репродукцій картин Миколи та Святослава Періхів, плакати, понад 100 книг і альбомів про Індію, фотовиставка про життя простих людей Індії, звучала індійська музика. На цих виставках протягом багатьох днів побували тисячі киян і гостей міста.

Здавалося б, що на цій хвилі популярності буде легко виконати поставлене завдання. Але, як згадує Валентин Адомайтис, «моя робота була пов’язана із проходженням багатьох бюрократичних процедур». Попри всі перешкоди активістами було підготовлено і проведено конференцію 2 листопада 1990 року, на якій було обрано Президента, Правління та затверджено Статут «Товариства “Україна – Індія”». Протокол №1 конференції та Статут було подано до Міністерства юстиції України і зареєстровано 10 липня 1991 року за № 102.

Товариство стало першою і значущою організацією, діяльність якої спрямовувалась на розвиток та зміцнення дружби, взаєморозуміння народів України й Індії. Головною метою цієї громадської організації стало об’єднання зусиль громадян та організацій України, прихильних до Індії, в налагодженні зв’язків у різних сферах, сприяння і зміцнення всебічного співробітництва і дружби між громадянами України та Індії, взаємному ознайомленні з історією, культурними традиціями, досягненнями в галузях науки, освіти,

спорту обох країн. Товариство сприяло встановленню широкого діалогу між громадськістю України та Індії, розвитку людських контактів і обмінів. Особливо важливо це було на початку діяльності, коли Товариство слугувало важливою ланкою зв'язку з Посольством Індії в Україні, координатором спільних дій та заходів.

Першим президентом на Конференції «Товариства “Україна – Індія”» було обрано Володимира Ничипорука (1991–1995) – завідувача відділу реабілітації Українського центру спортивної медицини Міністерства охорони здоров'я, президента асоціації «Рух за здоровий спосіб життя» і відповідальним секретарем Товариства – Валентину Устінову – на той час заступника директора школи № 137 м. Києва.

До складу першого правління Товариства увійшли: В. Адомайтис, В. Ничипорук, В. Устінова, С. Наливайко, Ю. Шилов, О. Рижей, С. Врацька, Олег і Леонід Павлови, подружжя Бруків, Сергій і Аліна Ципляєви та інші. В цьому складі громада розгорнула свою діяльність в Україні і набирала силу. На той час базою Товариства стала середня школа № 137. Саме тут було створено перший сходовий клас з викладанням мови хінді, курсу з індології, працювали групи з йоги, індійського танцю, проводились цікаві зустрічі, свята, виставки за участю індійських студентів. Паралельно в гімназії №1 м. Києва, де вивчалась китайська мова, було набрано клас з вивчення мови хінді, яку викладала випускниця Ленінградського університету Катерина Довбня. Також в Київському університеті ім. Т. Г. Шевченка за ініціативи індолога Степана Івановича Наливайка було вперше набрано групу студентів з вивчення мови хінді, яку викладав сам Степан Іванович – єдиний фахівець в Україні з мови хінді.

17 січня 1992 року в Києві почало працювати Посольство Індії на чолі з Першим Надзвичайним Повноважним Послом Республіки Індія в Україні паном Судхір Тукарам Деваре. Товариство запросило пана Посла і представників Посольства Індії на святкування Дня Республіки Індії у школі №137. Тут відбувся великий концерт за участю учнів, студентів, танцювального колективу, центру йоги. Один із перших учителів індійського танцю в Україні Михайло Кривчук представив танцювальну програму. Товариство постійно отримувало фінансову підтримку асоціації «Рух за здоровий спосіб життя» і змогло проводити виставки та свята Дівалі, Холі, Дня Республіки, фестивалі.

За ініціативи дружини Посла пані Хеми Деваре та відповідального секретаря Товариства Валентини Устінової 24 квітня 1993 року відбулось перше засідання україно-індійського жіночого клубу «Камальва», об'єднавши в назві дві квітки: індійський лотос – «камаль» мовою хінді і українську мальву. Таке поєднання визначило завдання цього міжнародного клубу. На своїх зустрічах жінки знайомились з сімейними традиціями, звичаями і обрядами, особливостями виховання дітей, взаємовідносинами між чоловіком і дружиною, батьками і дітьми в Україні та Індії, спільно відвідували музеї, брали участь в майстер-класах з українського та індійського розпису, вивчали і демонстрували національний одяг обох країн.

До складу «Камальви» увійшли жительки Києва та області, а з індійської сторони – дружини співробітників посольства, індійських бізнесменів, індійські студентки, аспірантки – усі різного віку, фаху, рівня освіти, з різними долями, але з бажанням знати більше про життя людей в наших країнах. Склад клубу змінювався, поповнювався, але у кожній жінки, яка побувала в ньому, назавжди залишилась любов до Індії і України. «Камальва» успішно працює до сьогодні.

Особливо запам'яталась яскрава подія – постановка спектаклю в Українському Домі за сценарієм пані Хеми Деваре про кохання індійського студента і української дівчини, їх весілля, приїзд індійських родичів. В цій виставі взяли участь індійці й українці. Спектакль мав успіх у глядачів. Цікавий факт, що індійського студента грав дійсно індійський студент Рам Данге, який пізніше одружився на прекрасній українській дівчині Галіні, залишився жити в Києві. Зараз пан Данге – успішний бізнесмен, відомий громадський діяч, заступник Голови «Товариства “Україна – Індія”», меценат багатьох культурних подій, пов'язаних з Індією.

«Товариство “Україна – Індія”» представляло громадськість під час першого візиту Президента Республіки Індія доктора Шанкера Даяла Шарма в липні 1993 року в незалежну Україну. В Київському університеті ім. Т. Г. Шевченка діти 6–8 класів 137 школи показали виставу за мотивами народної казки «Три ведмеді» мовою хінді, що дуже вразило поважного гостя. Пан Президент відкривав для себе Україну. В цьому ж році започатковано проведення фестивалю індійських фільмів.

У 1994 році за ініціативою президента Полтавського міського центру україно-індійської дружби «Шанті» Світлани Грицай при підтримці Товариства і Посольства Індії пройшов перший фестиваль індійського танцю «Ритми радості» в м. Полтаві. На фестивалі були присутні Посол Республіки Індія пан Судхір Деваре з дружиною, другий секретар Посольства пані Рінат Санду та відповідальний секретар Товариства Валентина Устінова. В цьому фестивалі взяли участь тільки 9 колективів. Другий фестиваль-конкурс «Ритми радості» також відбувся в м. Полтаві в 1996 році, і в ньому вже взяли участь 11 колективів з 10 міст України. Такі заходи радували прихильників цього давнього танцювального мистецтва, сприяли появі нових колективів.

Завдяки діяльності «Товариства “Україна – Індія”» фестиваль індійського танцю «Ритми радості» набрав статусу Всеукраїнського.

Наше Товариство дало путівку в життя йогівському руху. Володимир Ничипорук, лікар – один із досвідчених фахівців з йоги в Україні – починав цю практику в 1970-х роках, коли така діяльність в Радянському Союзі була забороненою і переслідувалась Москвою. В. Ничипорук читав лекції, проводив практичні заняття з йоги за авторською програмою. Його послідовники Андрій Лаппа, Адрій Сідерський – відомі фахівці своїми школами/центрами йоги в Україні та за її межами.

Учні обох Андріїв передають навички володіння своїм тілом, емоціями, духом десяткам тисяч українців.

З обранням Президентом Товариства Юрія Білецького (1995–2016) фестивальний рух набирає систематичний і масовий характер. У 1997 році Київ приймає естафету і проводить третій Всеукраїнський фестиваль «Ритми радості», в якому беруть участь 15 колективів з 13 міст України. Посольство Республіки Індія приймає рішення про вручення переможцям Державного гранту на навчання танцювальному мистецтву в Індії. Перші гранти отримали Михайло Кривчук, Марина Курнілович (колектив «Лакшмі», м. Кривий Ріг) і Олена Рижей – керівниця клубу, а потім школи індійського танцю «Сарасваті», м. Київ.

Під керівництвом Юрія Білецького організація дала путівку в життя багатьом колективам. У цей період утворюється в різних містах України багато танцювальних шкіл, клубів, студій йоги, набирає популярності фестиваль індійських фільмів, проводяться громадські слухання, наукові конференції, виставки українських і індійських художників, дитячих малюнків, фотовиставки. При підтримці Посольства Індії наші студенти отримують гранти на вивчення хінді, танцювального мистецтва, гри на індійських музичних інструментах, економічних дисциплін в індійських вишах. Товариство стає дахом для багатьох громадських організацій, наукових і освітніх закладів, підприємств, установ, ділових структур, окремих людей, що прагнули налагоджувати культурні зв'язки з Індією.

За цей період відбулося 13 фестивалів індійського танцю «Ритми радості», які проходили в різних містах України: в Полтаві, Києві, Харкові, Одесі, Дніпропетровську, Вінниці. З кожним роком кількість їх учасників зростала.

Такі масштабні проекти були б неможливі без фінансової та організаційної підтримки клубу індійських бізнесменів «Індія-клуб» – головного спонсора фестивалю.

Весь час відчувалась підтримка Посольства Республіки Індія. За що їм велика шана і вдячність. Посольство постійно нагороджувало переможців грантами на навчання в Індії. Завдяки цьому до 20 переможців фестивалю отримали фахову освіту і зараз віддають свої знання і вміння тисячам дітей і дорослих. В Україні налічується до 30 шкіл, клубів, студій з вивчення індійського танцю.

У 2005–2006 роках за підтримки Товариства, Посольства Республіки Індія та індійських бізнесменів пройшли міжнародні фестивалі індійського танцю за участю України, Індії, Сингапуру, Франції, Голландії, Швеції, США, Росії, Малайзії. До цих танцювальних свят приєдналися і відомі індійські музиканти Харі Прасад Чаурасья (флейта) та Бхаджана Сопорі (сантур). Ідея й ініціатива їх проведення належала Ганні Смірновій – керівниці театру індійського танцю «Накшатра». Перший спектакль театру «Дева Дарпана» (в перекладі «Дзеркало богів») став можливим завдяки участі Товариства. Учасниками дійства стали виконавиці індійського танцю із колективів

«Васанта» (кер. Світлана Врацька) та «Нірананда» (кер. Михайло Романов).

На сьогодні в Україні функціонує до десятка різних фестивалів, пов'язаних з танцювальною культурою Індії. За стилями – це і класичний танець, болівуд, народний танець та ін. Але «Ритми радості» – це єдиний Всеукраїнський, який об'єднує всі стилі, всі колективи, на якому можна побачити зростання майстерності виконавців, отримати дипломи, можливість виграти грант на навчання в Індії.

Завдяки Товариству було організовано поїздки до Індії школярів і педагогів. Перші обміни відбулись в 1995–1997 рр. Це були учні шкіл, в яких вивчалася мова хінді (№ 137, гімназія № 1 м. Києва). У відповідь до нашої країни приїздили делегації індійських вчителів і учнів з різних куточків Індії, а саме зі штатів Харьяна, Керала, Бенгалі, Асам, Утар Прадеш, які входили до «Союзу шкільних організацій» (USO, USI) країни. З цими організаціями тісно співпрацював Києво-Могилянський колегіум. Його учителі неодноразово брали участь в міжнародних конференціях в м. Делі.

У квітні 1997 року на запрошення індійської сторони відбувся перший офіційний візит делегації Товариства, яка представляла незалежну Україну, у складі Президента і керівника делегації Юрія Білецького з дружиною Тетяною, попереднього президента, лікаря Володимира Ничипорука, відповідального секретаря і викладача Валентини Валентини, археолога і історика Юрія Шилова, індолога Степана Наливайка. В ході поїздки було підписано меморандум про дружбу і співробітництво з індійськими колегами, налагоджено тимчасово перервані за часи СРСР контакти в культурній, освітній, діловій та медичній сферах. Програма була напруженою і насиченою: зустріч з Послом України в Індії Георгієм Ходоровським, відвідування освітніх, медичних установ, Інституту йоги, Археологічної служби Індії, проведення різноманітних прийомів і зустрічей – все разом мало позитивний результат у взаємопізнанні. Це була перша поїздка до Індії громадськістю по лінії народної дипломатії, яка представляла незалежну Україну і тому стала історичною.

У листопаді 1997 року Товариство провело науково-практичну конференцію, присвячену 50-річчю незалежності Республіки Індія, в якій взяли участь до 200 учасників. Із 7 секцій найбільшою популярністю користувалась молодіжна, яку вправно вела Марія Маслей – викладач хінді, співробітник відділу ООН в Україні, і де зібралися українські та індійські студенти обговорити свої правові, побутові проблеми, їх вирішення. До 10-річчя встановлення дипломатичних відносин між нашими країнами в березні 2002 року пройшла декада Республіки Індія в Україні. У програмі були представлені: велика фотовиставка «Індія – сьогодні» Віри Шевченко, заключний концерт переможців VII Всеукраїнського фестивалю індійського танцю «Ритми радості» та круглий стіл «Українсько-індійські зв'язки: історія і сучасність», проведений спільно з

Всеукраїнською асоціацією індологів. А до 15-річчя нашої організації у 2006 році вийшла збірка «Україна – Індія: 15 років дружби», в якій ті, хто починали, хто зробив свій вагомий внесок у розвиток дружніх стосунків між українцями та індійцями, вимальовують живу картину народної дипломатії. Через особисте сприйняття, їхній опис, індивідуальне бачення перспектив проступає історія розвитку Товариства, його майбутнє.

У 2000 році Товариство підтримало ініціативу проведення I Всеукраїнської науково-практичної конференції індологів на базі НАН України та створення Всеукраїнської асоціації індологів (ВАІ), яку очолила Ольга Лукаш – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту всесвітньої історії НАНУ. А в 2002 році за ініціативою члена Товариства Олени Рижей – керівника Київської школи індійського танцю «Сарасваті» народилась Федерація індійського танцю. В Україні активно створювались студії, групи, секції з йоги. Результатом стало утворення Київської федерації йоги на чолі з Андрієм Лаппою та Володимиром Ничипорук, Всеукраїнської федерації йоги.

У травні 2005 року відбувся другий візит Президента Республіки Індія пана Абдула Калама. На зустрічі в Київському університеті ім. Т. Г. Шевченка громадськість була представлена Товариством «Україна – Індія», Всеукраїнською Асоціацією індологів, багатьма обласними центрами україно-індійської дружби, мистецькими колективами, іншими організаціями. Обізнаність пана Президента, його повага до України засвідчили, що 14 років діяльності тисяч фахівців, простих українців у напрямку зміцнення дружби між нашими країнами не минули марно. І в цьому є заслуга нашої неурядової громадської організації, кожного її члена, які вклали частинку свого життя, серця і душі, щоб світ став кращим, добрішим, зрозумілішим.

Танцювальні колективи, йога, індологія, культурологія, мова хінді згодом перетворились у самостійні напрямки в розвитку дружніх зв'язків між Україною та Індією. Таким чином, на початку своєї діяльності Товариство слугувало фундаментом і опорою зародження, становлення різних напрямків, колективів з поступовою їх диференціацією в окремі структури.

У 2016 році Товариство очолив Валентин Адомайтис – колишній Посол України в Індії, Непалі, Бангладеш, Шрі-Ланці, Австралії та Новій Зеландії. Саме він стояв біля джерел нашої організації, завжди підтримував і допомагав в усіх починаннях. З його приходом акцент завдань змістився більше на народну дипломатію, яка передбачає «розмову без краваток, відверту бесіду зацікавлених осіб, кожна з яких, усвідомлюючи свої власні цінності та інтереси, разом з тим, терпимо і з розумінням ставиться до цінностей та інтересів іншої сторони». Пан Валентин підняв рівень комунікацій Товариства з офіційною владою України та Індії, з іншими громадськими організаціями на дипломатичний рівень. Також в про-

ритеті стали масштабні заходи із залученням різних організацій, колективів, груп, що зробило їх цікавими, більш ефективними. До 70-річчя Незалежності Республіки Індія та 25-річчя святкування встановлення дипломатичних відносин між Україною і Індією «Товариство “Україна – Індія”» разом з Благодійним фондом «Україна – це ми» організували художню виставку «Сни про Індію. Індія очима українських художників». На виставці було представлено 100 картин і фотографій народного художника Юрія Камишного та Володимира Подлевського, які щорічно відвідували Індію. Попередньо проведено велику роботу з запрошення представників дипломатичного корпусу країн, акредитованих в Україні. Виставка проходила з 24 листопада по 3 грудня 2017 року в Центральному будинку художників і користувалась великою популярністю. Її відвідали Посол Республіки Індія пан Манодж Бхарті, Посли і співробітники посольств інших країн, близько трьох тисяч киян та гостей Києва. Активізувалась співпраця зі Всеукраїнською асоціацією індологів у проведенні спільних конференцій, Федерацією індійського танцю в проведенні фестивалів, збільшилась увага до створення серії інформаційно-презентаційних аудіовізуальних продуктів з історії Товариства і розміщення їх у ФБ, акаунті ЮТУБ, на сайті. У 2016 році Товариство приєдналось до Посольства Республіки Індія в проведенні першого Міжнародного Дня йоги в Україні, який проводиться щорічно 22 червня в багатьох країнах світу. Міжнародний жіночий клуб «Камальва», створений при Товаристві і очолюваний В. Устиною, зосередився на вивченні і пропагуванні народних розписів України та Індії.

На думку Валентина Адомайтиса, важливим в розвитку Товариства є залучення молоді. Тому на початку 2018 року він передав свої повноваження обраному молодому фахівцю з мови хінді Станіславу Мартинюку. Пан Станіслав за рік своєї роботи зробив перереєстрацію Товариства, відновив загублені документи, які підтверджували факт найпершої громадської організації в незалежній Україні, діяльність якої спрямовувалась на зміцнення зв'язків між українським та індійським народами. Але не кожен може на добровільних засадах присвячувати свій час, енергію і сили нелегкій, безкоштовній, часом не завжди результативній роботі.

Тому з жовтня 2019 року посаду Голови «Товариства “Україна – Індія”» повторно очолив Володимир Ничипорук, який був обраний нашою громадою одногосно. Пан Володимир продовжив стратегію народної дипломатії, зацентрувавши увагу на проведенні заходів по всій території країни, відкритті підрозділів Товариства в регіонах та в українській діаспорі в Індії, плануванні масштабних проектів із залученням і співпрацею з різними організаціями.

Як інструмент досягнення поставлених цілей одним із головних напрямків роботи вибрано перевірений досвід демонстрації пересувних виставок різного напрямку, змісту, які розказують про життя людей, їх традиції, досягнення, успіхи. Бо саме виставка – «цей простий і доступний засіб комунікації, дає мож-

ливість сприйняти і зрозуміти реалії життя іншої країни». Так, за ідеєю Аліни Солнишкіної, «Товариством “Україна – Індія”» було організовано міжнародний проект «Кольори Індії» – пересувна фотовиставка до 70-річчя Республіки Індія, яка почала свою подорож в м. Дніпрі, особливо урочисто пройшла в січні–лютому в м. Києві, а в березні–квітні в м. Чернігові. Далі «Кольори Індії» поїдуть в музеї міст Полтави, Вінниці, Львова, Харкова, Одеси. В експозиції виставки представлено 70 фоторобіт: індійського фотографа та журналіста Капіша Гаура, яскраві фотопортрети індійців народного художника України Юрія Камишного та фотографії місцин, пов’язаних з перебуванням Миколи Реріха в Індії, київського журналіста-міжнародника Геннадія Кравця.

Розпочався процес відновлення та відкриття підрозділів нашої організації в Полтаві, Чернігові, ідуть перемовини з м. Дніпром, Одесою. Виступ на Емігрантському радіо відкрив для нас прямий зв’язок з українською діаспорою в Індії, з якою разом обговорюємо і плануємо культурологічні проекти про Україну для індійців.

Вперше в Україні Товариство разом з партнерами ROSA, SPA STYLON, Huleys на 8 березня 2020 року взяли участь в організації та проведенні великомасштабного дійства «Свято здоров’я і краси для сучасних жінок», яке продовжувалось в центрі м. Києва 2 дні. Ідея і сценарій свята належали заступнику Голови Товариства Олегу Торгалу. Саме він привніс в роботу нашої організації новий напрямок – аюрведа, на якому ми зосередились в питаннях популяризації цього тисячоліттями підтвердженого вчення, спрямованого на покращення стану і здоров’я людей. Цікаві, корисні лекції фахівців з питань здоров’я і краси, йоги, аюрведи, ведичної культури, дегустація цейлонських чаїв, індійських смаколиків, консультації і можливість придбати аюрведичні ліки, придбання індійських сувенірів та яскраві індійські танці у виконанні Київської школи індійських танців «Сарасваті» привернули увагу більше 1000 відвідувачів. Було запрошено десятки фахівців, проведено майстер-класи, залучено представників різних громадських організацій. Все відбувалось чітко, красиво, спокійно, доброзичливо. Саме така атмосфера налаштувала на живе спілкування з відвідувачами, надала можливість більше розказати про Товариство, запросити до вступу в наші лави. Цей досвід показав велику ефективність таких заходів у досягненні кращих результатів за всіма напрямками. Ми ще раз переконались, що тільки об’єднання зусиль може підняти нашу організацію на новий більш вищий щабель, залучити до нашого руху дружби численну молодь не тільки в Україні, але і в Індії. Бо саме вони будуть розбудовувати майбутнє, зберігати надбання і багатства кожного народу на нашій планеті Земля.

За 30 років діяльності «Товариства “Україна – Індія”» зроблено чимало. Через нього пройшли десятки тисяч людей, які знайшли для себе свою Індію. Її багатогранна культура збагачувала духовно кожного причетного, надавала можливість реалізувати свій інтерес.

І що найцікавіше – повернутися обличчям до своєї давньої культури, оцінити її, відчутти гордість за свою землю. Численні ниточки щирої любові, що йдуть від серця до серця простих людей в Україні й Індії, можуть зробити більше, ніж офіційна політика в справі зміцнення миру і дружби між нашими народами. У цьому і є позитивна роль громадської організації Товариство «Україна – Індія». Оцінюючи її роль в побудові народної дипломатії, треба відзначити:

- на перших кроках Товариство консолідувало, об’єднало навколо себе всіх, хто прагнув реалізації себе через культурні зв’язки з Індією;

- дало поштовх і сприяло розвитку різних напрямків діяльності численним об’єднанням в руслі гуманітарних питань, спрямованих на зміцнення дружніх зв’язків між нашими народами;

- через низку щорічних заходів знайомило українців з надбаннями древньої і сучасної культури, літератури Індії;

- налагоджувало і підтримувало зв’язки з ідентичними громадськими організаціями в Індії;

- сприяло вивченню мови хінді, залученню поціновувачів індійського танцювального мистецтва, йоги до особистих занять і самовдосконалення.

Ми розуміємо необхідність подальшого реформування нашого об’єднання для вирішення нових завдань, які диктує час, сучасні зміни в світі. Інформаційні технології роблять комунікації доступнішими і відкривають можливості безпосереднього спілкування громадських об’єднань, особистих контактів один з одним, що знову на перший план перед нами ставить завдання інтеграції зусиль усіх зацікавлених організацій, людей в Україні й Індії в бажанні дружби між українським і індійським народами.

Зустріч делегації Товариства з першим Послом України в Індії паном Георгієм Ходоровським (третій ліворуч, другий ряд). Делі. 1997 рік

Зустріч з індійськими колегами з Асоціації індійсько-української дружби. Делі. 1997 рік

На вулицях Делі. 1997 р.

Зустріч членів розширеного правління «Товариства «Україна – Індія»» з Послом Республіки Індія паном Манодж Бхарті в Посольстві. Київ. 2017 р.

Індійські жінки – учасниці міжнародного жіночого клубу «Камальва»

Учасниці засідання україно-індійського клубу «Камальва» за проектом «Видатні жінки України та Індії» на тему: «Індійські мотиви – паралелі в часі». Київ. 2019 р.

Урочисте відкриття міжнародної фотовиставки «Кольори Індії». Київ. 2020 р.

Учасники ХУІІІ Всеукраїнського фестивалю індійського танцю «Ритми радості» 2018 р., Київ

УКРАЇНСЬКІ Й ІНДІЙСЬКІ МЕДИКИ МОЖУТЬ СПІВПРАЦЮВАТИ

На межі старого і нового Делі – столиці Індії – височать величні споруди Червоного Форту, звідки з сивої давнини могутні володарі правили індійським народом. Червоний Форт зберігає пам'ять про урочистий день – 15 серпня 1947 року, коли над фортецею піднявся триколовий прапор незалежної Індії.

За роки самостійності миролюбна Індія досягла значних успіхів в різних напрямках діяльності, здобула великий авторитет серед країн нашої планети. Одна з найбільших країн світу за кількістю населення (друге місце після Китаю) чи не першою визнала незалежність України, установила з нами дипломатичні відносини.

Нещодавно наш спеціальний кореспондент Володимир Ничипорук побував в Індії і зустрівся з Надзвичайним і Повноважним Послом України в Індії паном Георгієм Ходоровським.

– ПАНЕ посол, як сталося, що Ви, лікар за фахом, працюєте на дипломатичній ниві?

– Так, я професор, доктор медичних наук, автор п'яти книг. Остання монографія вийшла у 1994 році у співпраці з Тамілою Зеленською під назвою «Статеві залози та імунітет». Видано 2 підручники, якими студенти користуються на всьому пострадянському просторі. У монографії «Фізіологія плода і дитини» для педіатричних факультетів розділ стосовно фізіології залоз внутрішньої секреції теж написаний мною.

За чотири з половиною роки перебування в Індії на дипломатичній роботі я не полишив наукової роботи. Опубліковано декілька статей і навіть отримано один патент в Росії. Під моїм науковим керівництвом захищено чотири дисертації.

Але на дипломатичній ниві я не випадкова людина. Ще під час роботи в Замбійському університеті (1963–1973 рр.) мене запросили на роботу до радянського посольства в Мусаці на посаду голови місцевкому. Майже чотири роки я виконував ці обов'язки і брав участь в оперативних нарадах, протокольних заходах тощо.

Довелось працювати 2 роки радником в Афганістані і керівником групи наукових педагогічних працівників Радянського Союзу. Колектив групи складався з більш як п'ятдесяти осіб з науковим ступенем не нижче кандидата наук з різних міст і навчальних закладів СРСР. Я дослужився до радника міністра охорони здоров'я Афганістану, а коли радянські війська і цивільні працівники були виведені з цієї країни, мене залучили до роботи у торговому представництві СРСР.

У бутність головою постійної комісії Верховної Ради України першого демократичного скликання та комісії у справах жінок, охорони материнства, дитинства й сім'ї, брав участь у різних європейських форумах (Афіни, Копенгаген, Гаага, Париж, Софія), часто як головний доповідач з України. Як один з експертів Світового банку я вперше сформулював можливість кредитування системи охорони здоров'я України, яка і була прийнята. Причетний і до розробки першої концепції зовнішньої політики України і програм виходу із кризи.

І коли мені було запропоновано стати послом нашої держави в Індії, я погодився.

– Якщо державу можна було б порівняти з організмом людини, то яку функцію в цьому «організмі» виконує посольство?

– Таке запитання мені задається вперше. На мою думку, посольство – це є сенсорна система, яка живить Україну надзвичайно важливою інформацією для формування її зовнішньополітичної діяльності. Окрім політичних функцій ще є прикладна економічна функція, а це можна порівняти з міцними руками, бо виконуємо і суто практичні завдання.

– Як, на Вашу думку, чи є перспективи у співпраці медиків України та Індії?

– Науці та медицині в Індії приділяється дуже велика увага. Наприклад, дитяча кардіохірургія. Тут роблять унікальні операції немовлятам віком кілька днів чи тижнів. Таке під силу лише великим науковим центрам чи клінікам світового рівня.

Індійські медики мають чудові діагностичні центри, обладнані унікальними комп'ютерними системами, ядерно-резонансними томографами, які дають можливість частку тіла з точністю до міліметра розглянути у трьох площинах.

Значні досягнення Індії у фармації.

До речі, деякі держави світу купують в Індії сировину, вивозять, фасують і продають вже як свій препарат.

Близько 2000 індійських студентів вчаться в Україні, в тому числі і в медвузах. І ще дуже багато молоді хоче набути освіти в Україні.

Індія бере участь у розробці деяких міжнародних наукових програм в галузі охорони здоров'я. І Україна могла б увійти в ці програми. Наприклад, захворювання на зоб в Індії це така ж проблема, як і в Україні. Наукові колективи працюють над вивченням цього захворювання. В Індії також досягнуто успіхів в розробці штучних клапанів серця, їх вартість значно менша, ніж в інших країнах, а результати застосування дуже позитивні. Отже, співпраця індійських та українських медиків може бути корисною для обох сторін.

– Зараз ви перебуваєте далеко від Батьківщини.

Якою ви її бачите?

– У долині широкій
Явір прихилився до скали високої,
У водах потоку верба самотня
Виглядає долю синьою.
Біля самої брами
Червона калина
– Молодість мами.
Над порогом біля стріхи
Гніздо ластівчине,
Радість і дітям утіха.
Серед самого двору
Дідова груша ще родить,
Де вісь Землі проходить.

Делегація членів Товариства «Україна – Індія» в Посольстві України в м.Делі, Індія, 1997 р.

Сидять: працівники Посольства України в Індії.

Стоять: зліва — направо: Валентина Устінова, член Товариства «Індія — Україна», Надзвичайний і Повноважний Посол України в Індії пан Георгій Ходоровський, Голова Товариства «Україна – Індія» Юрій Білецький, працівник Посольства України в Індії, члени Товариства «Україна – Індія» – Володимир Ничипорук, Степан Наливайко та Юрій Шилів. Фото автора.

ПОДАРОК ЛЮДЯМ БОГА ШИВЫ

21 ИЮНЯ – ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ЙОГИ

Йога, как высшая связь с космическими достижениями, существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева они расширяют тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжит путь.

Не избегайте сил Йоги, но как свет относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем от сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы.

Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени, потому мы приветствуем старшую Раджа Йогу и утверждаем будущую Агни Йогу.

(Агни Йога. Предисловие).

Давным-давно (согласно древнеиндийской легенде) Бог Шива собрал мудрецов Индии и продемонстрировал им в космическом танце всю Йогу. Она насчитывала 84 миллиона асан (упражнений). Такое божественное происхождение йоги, возможно, и обусловило тот факт, что не одно тысячелетие спустя йога остается одним из самых популярных философских учений в мире.

Со времен седой древности в Индии жили люди, которые учились мудрости быть здоровыми, сильными и ловкими у птиц, зверей и окружающей природы. Их называли йогами. Свои знания они передавали из поколения в поколение, от Учителя к ученику. Ко II в. до н.э. знаний накопилось столько, что мудрец Патанджали решил систематизировать их и создал труд «Йога сутра». Как и многие книги того времени, она была написана в виде афоризмов. Патанджали изложил систему Йоги восьми ступеней для совершенствования тела и души.

Первую он назвал Ямой. Яма – это соблюдение общих моральных и нравственных заповедей, которым должен следовать каждый человек. Суть их в том, чтобы не причинить вреда всему живому, быть правдивым в действиях, поступках и мыслях, не стремиться к обладанию чужим, освободиться от ненужных вещей и проч.

Нарушение этих правил может привести к лживости, жадности, воровству, приносить людям горе и страдания. В то же время соблюдение принципов Ямы делает ученика доброжелательным и уравновешенным, тем самым поднимая его на более высокую ступень духовного развития.

Следующая ступень – Нияма, что значит правила поведения, самодисциплина занимающихся. Это чистота тела (гигиена носа, рта, других органов) и души:

избавление от ненависти, злобы, раздражительности, гнева, страха, алчности, гордыни... Культивирование доброжелательности, дружелюбия, сердечности, радушия, терпеливости, вежливости, внимательности и т.д.

Идущему по пути йоги не рекомендуется ссориться и вступать в конфликты. А если конфликт или ссора все-таки произошли, то ученик в этой ситуации ищет свои промахи и ошибки, работает над их устранением.

Непрерывное условие продвижения вперед – наличие высокой духовной цели, без которой жизнь теряет всякий смысл, приводит к лени и болезням.

Постигающий искусство йоги должен постоянно учиться, заниматься самообразованием, создавать себя, свой характер ежедневно, всю жизнь. Только при такой работе над собой достигается высшая духовная цель.

Третья ступень – Асана – переводится как поза, положение, физическое упражнение. Выполнение асан помогает развитию растущего организма, совершенствует тело и развивает мыслительные способности, укрепляет возможность к сосредоточению, необходимую на последующих ступенях Йоги.

Выполнять асаны можно у себя дома, в тихом и чистом месте на коврике, а в теплое время года – на природе: на берегу моря, озера, реки, в горах, на поляне... Перед занятиями необходимо освободить кишечник и принять душ или умыться.

Четвертая ступень – Пранаяма – специальные дыхательные упражнения.

Асана и пранаяма составляют Хатха йогу. Следующие четыре ступени составляют Раджа йогу (королевскую) – йогу раскрытия и развития более тонких структур и возможностей человека, умение сосредотачиваться, концентрировать внимание, медитировать и достигать более высоких психофизических и духовных состояний.

Помимо Хатха и Раджа йоги широко известны: Бхакти йога – йога любви к Богу и окружающему пространству, Карма йога – йога труда и творчества, Джнана йога – йога познания мудрости, и другие разновидности.

В конце второго тысячелетия, в начале эпохи Водолея, человечеству предложена Агни йога – йога огня, йога познания, овладения и использования тонких энергий Вселенной для самореализации.

Йога – санскритское слово «юдж» – единство, единение, союз, взаимодействие. И в этом контексте вся наша жизнь, если она осознанная человеком, может быть йогой, то есть: осознанные действия человека с учетом ошибок и опыта прошлого, творчества настоящего, устремления в будущее – могут быть наполнены смыслом искусства и науки йоги.

Йога – это образ жизни, философия жизни, жизненное кредо. Философия йоги помогает осознать себя в социуме, на планете Земля и во Вселенной; помогает

выполнять кармическое предназначение в этой жизни и подготовить себя к осознанному возвращению в Тонкий и Огненный Миры.

В обозримом прошлом Йога выходила за пределы Индии трижды. Первый раз – с учением буддизма, в основе которого лежат принципы йоги. Учение Будды распространялось за пределы Индии в VI–V вв. до н. э. и позже – в страны северного, восточного и юго-восточного направлений. В Китае, Вьетнаме, Корее, Японии и других странах мудрецы и Учителя соединили учение Будды с национальными культурно-религиозными традициями, создав разновидности национальных школ оздоровительных и боевых направлений и искусств: Тайцзы, Цыгун, Зыюнгшинь, Карате, национальные виды йоги и другие. Таким образом, в основе всех восточных оздоровительных направлений и боевых искусств лежит учение йоги.

Во второй раз Йога вышла за пределы Индии в конце XIX в. в западном направлении. В 1893 году Вивекананда, ученик Рамакришны, на Всемирном религиозном конгрессе в Чикаго обратился к западному миру со своим Провозвестием на основе философии Йоги. После многих лекций и статей Вивекананды по йоге, лучшие представители западного мира обратились к этому учению. Во многих странах Америки и Европы в начале XX века были изданы книги Вивекананды по йоге. В это же время были изданы его книги на русском языке: Раджа йога, Карма йога, Бхакти йога, Джнана йога. Затем были изданы книги по йоге Рамачараки. Многие писатели в своем творчестве также коснулись темы йоги, издав произведения: Ромен Роллан – «Жизнь Рамакришны», «Жизнь Вивекананды», Джек Лондон – «Смирительная рубашка или Звездный скиталец», А. Конан Дойл – «Тайна Клумбера», Г. Гессе – «Сиддхартха», В. Г. Короленко – «Необходимость» Восточная сказка, А. Грин – «Преступление отпавшего листа», О. Ефремов – «Лезвие бритвы» и др.

И в третий раз йога вышла за пределы Индии уже в наше время, всего несколько лет назад, совсем недавно... Премьер-министр Индии Марендра Модии обратился в Организацию Объединенных Наций с предложением провозгласить Международный день йоги. Внесенное Индией предложение было поддержано всеми 177 государствами, представленными на Генеральной Ассамблее, в том числе и Украиной. Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 2014 года провозгласила 21 июня Международным днем йоги (это самый длинный день в году – летнее солнцестояние – и имеет особенное значение во многих частях мира). И 21 июня 2015 года мировое сообщество любителей и профессионалов йоги отметило первый Международный день йоги, в июне 2016 года – второй, в июне 2017 года – третий, в июне 2018 года – четвертый, в июне 2019 года – пятый, в июне 2020 года – шестой, шестой год Йога шагает по всей Планете.

Йог

Величав и одинок, руки простирает йог,
Глядя на восток,
На закате – лунный рог, море плещется у ног,
Небосвод глубок.
Перед йогом – меркнет мгла,
Свет исходит от чела,
На лице – покой.
Чуть решается дохнуть на его нагую грудь
Ветерок морской.
Широко простор открыт. Посреди миров стоит
Одинокий йог.
Он огромен и космат, волны робкие дрожат,
Лишь коснутся ног.
Нерушима тишина, мир объят пучиной сна,
Но незаглушим
Голос моря, – он поет, славя солнечный восход
Гулом громовым.
Йог один на берегу. Волны тают на бегу...
И в душе его
Необъятный океан, даль, ушедшая в туман,
За предел всего.
Йог, молчание храня, стережет рождение дня,
Далью окружен.
За его спиной ночь тихо уплывает прочь,
Погружаясь в сон.
Там – небесная река – Ганга мчит сквозь облака
Звездный свой поток.
Там – темнеющий закат, здесь – сиянием объят
Неподвижный йог.
Словно светом божества, озарилась голова
Солнечным огнем.
А на западе, вдали, угасает ночь земли
Пред возникшим днем.
Над бескрайностью зыбей яркой россыпью лучей
Запылал восход.
Тайны величавей нет, чем сияющий рассвет
Над лазурью вод.
Вся морская глубина света теплого полна,
Смотрит на восток, –
Разогнав туман густой, рдеет лотос золотой,
Огненный цветок.
И светлы и горячи, обоймут его лучи
Весь земной предел.
Поднял руку йог-всевед и стихи священных вед
Медленно запел.

Парамханс Свами Махешварананда во время визитов в Киев

Парамханс Свами Махешварананда и Владимир Ничипорук

День Йоги в Киеве

День Йоги в Киеве

भारत का राजदूतावास
कीव
Embassy of India
Kyiv

ПОДЯКА

Від

ПОСОЛЬСТВА ІНДІЇ В УКРАЇНІ

Володимиру Івановичу Ничипорuku

За видатний внесок у розвиток та розповсюдження йоги в Україні.

є одним із перших практиків йоги та здорового способу життя, в першій категорії, який присвятив своє життя служінню людям, реабілітуючи за допомогою йоги не лише тіло, але й душу.

Володимир Іванович - автор численних статей про користь та вплив йоги на здоров'я людини,

він на власному досвіді переконався в ефективності йогічної системи оздоровлення, що стала частиною його життя.

З вдячністю та повагою,

Надзвичайний та Повноважний
Посол Індії в Україні
Манодж Кумар Бхарті

Благодарность Посла Республики Индия Владимиру Ничипорuku за активную пропаганду йоги в Украине

День Йоги в Киеве

А пушки гревели. Думалось, что их рев хочет напомнить человечеству о том, что так жить нельзя. Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попирать создания человеческого гения.

Н. К. Рерих

ОХРАНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

ОПЯТЬ ВОЙНА

В дымке мреют Смоленские леса. Ясный летний день. Жарко, но в храме прохладно. Кончаем роспись «Царица Небесная». Часть лесов уже снята. Идут предположения, как пойдет дальше настенное украшение. Вдруг конский топот. Кн. Четвертинская спешно влетела на паперть храма и ударила тяжкою вестью: «война». Менее всего гармонировало это убийственное слово с мирною стенописью. Собрались, обсуждали, каждый высказывал свои соображения, которые обыкновенно не оправдываются. Вместо росписи всего храма пришлось ограничиться одною алтарною апсидою с пилонами и надводными арками.

С трудом нашли места в вагоне. Все дороги были запружены войсками. Хотя школьные занятия и начались вовремя, но всюду сразу почувствовался сложный темп. Таков был 1914 год.

В следующем году – выставка искусства союзных народов и основание мастерских для увечных воинов. Казалось бы, в эти мастерские попадали совершенно случайные, неподготовленные люди, что называется, «от сохи». И тут под гром пушек еще раз пришлось убедиться в несказуемых дарованиях русского народа. Когда изделия этих мастерских были выставлены, то произошло даже недоразумение. Некие скептики начали уверять, что это работы не инвалидов, а каких-то вполне подготовленных прикладных художников. Помню, как обиделись этим руководители наших мастерских, ибо они искренне гордились успехами таких особенных учеников. И с каким восторгом работали инвалиды! Верилось, что эти семена, в них заложенные, дадут прекрасные ростки.

И еще одно качество русского народа, которое так поражало меня. Среди увечий и болячек всегда находилась и шутка, и песня, и самое душевное настроение. Приходившие посетители полагали найти скорбную атмосферу, проникнутую стонами, а вместо этого попадали на дружную работу, пересыпанную шутками и прибаутками.

Из школы стали исчезать многие ученики. Послышалось о смертях и о подвигах; сколько самых отборных, подававших надежды молодых художников не вернулось с поля! Говорили, что такой войны больше не будет, что подобное человеческое безумие неповторимо. Писалась картина «Враг рода человеческого», осуждавшая разрушения исторических городов. Ставилась в пользу Бельгии «Сестра Беатриса». Писались призывы ко всем нациям об охране памятников искусства и науки.

А пушки гремели. Думалось, что их рев хочет напомнить человечеству о том, что так жить нельзя. Что нельзя безнаказанно разрушать достояние народов, нельзя попираť создания человеческого гения. И не в одних музеях или университетах сохранялись памятники человеческих достижений. В каждом доме была хоть одна замечательная вещь, памятная, старинная. Даже в маленьких библиотеках бывали книги не-

заменимо редкие, и кто мог счесть все эти народные накопления? А что же будем говорить о человеческом живом таланте, который так часто расточительно уничтожался? Да, думали, что это было последнее безумие. Надеялись, что впоследствии достаточно будет дружественного обмена мнений. Но вот опять ошиблись.

Через четверть века, ровно через четверть века, то есть через целое поколение, вспыхнула эпидемия такого же безумия. И началась эта эпидемия тем же бесчеловечным образом. Опять сброшены бомбы в мирных жителей. Опять потоплены суда, перевозившие мирных путников. Опять разбиты школы и разорваны детские тела. Конечно, эта война не сейчас началась. Уже в 1936 году она стала злобно формироваться. Уже истекал кровью Китай под неслышанно чудовищной агрессией. Уже терзалась Испания, Абиссиния... Был длинен список насилий. Были поразительные поводы для пароксизма разрушений. Как часто бывает, главные выстрелы загремели не тогда, когда общественное мнение их ожидало. Будем ли надеяться, что бесчеловечные уроки прошлого, хотя отчасти изменят к лучшему существующее положение? Злобная разногласица мало ободряет к таким надеждам.

Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался. Может быть, опять будем работать для Красного Креста. Опять искусство будет напоминать о том, что недопустимо разрушительство, и опять будем надеяться, что хоть теперь человечество поймет, где истинные ценности и в чем смысл совершенствования человека.

1939 г.

ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА
Анри Дюнан (8.05.1828–30.10.1910)

– Ah, que ça devient noir (Ах, как стало темно!) – это были последние слова одинокого постояльца сельской больницы в Хайдене, скончавшегося 30 октября 1910 года. «Величественный, красивый и спокойный, он все еще источал любовь и утонченность в смерти», – запишет доктор Альтхерр, местный врач, два десятилетия находившийся рядом с Анри Дюнаном. Когда в 1887 году он пришел в Хайден, его здоровье было подорвано невероятными лишениями; правая рука была поражена экземой и от боли ею невозможно было писать. Его дядя и одновременно крестный отец завещал ему небольшую сумму, что дало возможность найти приют в небольшом швейцарском городке Хайдене в местной больнице.

Размышляя о трагической судьбе Анри Дюнана, посвятившего свою жизнь осуществлению, как назовёт её Николай Рерих, ПРОСТОЙ ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕИ о защите раненых и военнопленных, человека, который призвал все страны мира поднять знамя с символом красного креста на белом фоне во имя спасения человеческой жизни, вспоминается очерк «Судьба» Николая Рериха, пожизненного члена французского Красного Креста, по примеру Дюнана вступившегося за все сокровища человеческого гения и поднявшего над ними Знамя Мира. В очерке Николай Рерих размышляет: мог ли завершиться иначе жизненный путь Жанны д'Арк, Рембрандта, Конфуция?

«Люди говорят о судьбе. Из каких же замечательных звеньев складывается так называемая судьба? От мирного стада до костра пожирающего. От верха благополучия до высшего испытания нищетой. Какими же человеческими формами высказать такие высочайшие построения? Высказать-то их и нельзя, но можно почувствовать, ибо в них заключены светлые вехи нового мира. И необходимо знакомить каждого с такими тонкими ощущениями, потому что только через них можно постичь новый мир.

...Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за мир всего мира. Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сжигать Жанну д'Арк. Кому дано право унижить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений. Нищета Рембрандта – величественна. Костер Жанны д'Арк – прекрасен. Тернии Конфуция – поучительны. Терновый, великий Венец ведет мир» [1, с. 203]. Анри Дюнан был одним из тех, кто пронёс эту обязанность добротворчества через всю свою жизнь.

Жан Анри Дюнан родился 8 мая 1828 года в Женеве, был старшим из пяти детей небогатой, но очень уважаемой семьи. Несколько поколений семьи были священниками и заботились более о душах верующих, чем о материальном состоянии, в мемуарах он

Анри Дюнан (1828–1910)

с гордостью напишет: «всегда аристократ!» Его отец был вполне успешный предприниматель, часто работавший из французского Марселя, также он возглавлял совет по делам неимущих горожан. Мать, Анна Антуанетта Колладон, имела основное влияние на воспитание детей. Она была дочерью Анри Колладона, директора женевского госпиталя и депутата Палаты представителей. Семья Дюнан традиционно занималась благотворительностью. Религиозная, образованная и благочестивая мать Дюнана заботилась о сиротах, бедных и больных горожанах, посещала их убогие жилища, которые, по словам Дюнана, более походили на конюшни, она всегда брала в помощники Жана Анри. Навсегда в его сердце останется глубокое уважение к женщине, к силе сострадания и любви, заложенной в её материнской природе.

«Именно тогда я впервые осознал, что человек бессилён перед лицом таких страданий и что, если вы хотите хоть немного помочь, все человечество должно объединиться, чтобы устранить эту ужасную нужду» [2, с. 9].

В школе Дюнану не давались латынь и математика, из-за них в возрасте 14 лет его отчислили, несмотря на отличный результат по богословию. Вместе с

матерью он продолжал помогать бедным и больным. В возрасте 18 лет он стал посещать тюрьму, читал там книги заключенным и беседовал с ними. Тогда он вместе с несколькими единомышленниками основал «Ассоциацию четверга», которая в 1852 году стала «Христианским союзом молодых людей» (Union Chrétienne des Jeunes Gens). Союз насчитывал 50 человек, они были из разных церквей и разных слоев: банкиры, часовщики, торговцы, студенты, адвокаты, писатели. Как секретарь Дюнан был чрезвычайно активен, председатель едва мог удержать его энтузиазм. Он писал письма по всему миру: в Бельгию, Францию, Америку. Его голландские друзья рассказали, что в 1844 году в Лондоне возникла Христианская ассоциация молодых людей (Young Men's Christian Association) с такими же идеями, как и у Женевской группы. В 1853 году Дюнан предложил провести международную конференцию всех отделений, а в 1855 во время конференции оформилось международное движение YMCA. Устав организации был написан Дюнаном. По сей день штаб-квартира этой организации располагается в Женеве.

Семья поддерживала его в гуманистической деятельности, но также заботилась о профессиональной занятости сына. Отец договорился о стажировке Анри у нескольких успешных банкиров Женевы и с 1849 года Анри работал у Люллин и Саутер де Борегад. В 1853 году, в возрасте 25 лет, он получил временную должность директора «Общества швейцарских колоний в Сетифе» (Compagnie genevois des Colonies de Sétif) неподалёку от своего банка. Дюнан несколько раз ездил в Алжир, Тунис и Сицилию, сначала в качестве наемного работника, а затем и в качестве внештатного сотрудника. Он руководил, как он признался, «чрезвычайно смелой» торговлей зерном, акулами, скотом и лесоматериалами, эксплуатацией мраморных карьеров. Успех в бизнесе дал ему смелость основать в Алжире Общество мельниц Мон Джемилля (Mons Djémila Mill Company) с уставным капиталом в 500000 франков, по тем временам это были немислимые деньги. Столичные группы, особенно его семья, обеспечили его значительными средствами. Он также убедил друзей купить его акции. Он рьяно занялся строительством, не дожидаясь разрешений местных властей. Для начала работы мельниц Дюнану не хватало права водопользования. Местные власти отказывались предоставлять ему такое разрешение и он за ним отправился в Париж.

Казалось, что всё в жизни Дюнана складывалось как нельзя лучше, он мог прожить вполне благополучную жизнь. За эти годы, несмотря на неоконченное образование, он сам освоил много нового, живя в Алжире, он учил арабский, глубоко интересовался мусульманством. В 1857 году был опубликован его труд на 261 странице «Заметки о Тунисском регентстве», где он детально описывал малоизвестную в то время для европейцев страну. После этого он стал членом значительных научных объединений Парижа: по Азии, географии, американской этнологии. В 1858 г. вместе с

несколькими выдающимися учеными Дюнан основал географическое общество, вступил в Общество искусств и Общество книголюбов. В свои 29 лет он стал известным и уважаемым человеком.

Для запуска мельниц в Алжире ему требовалось построить водонапорную систему, а для освоения воды, как природного ресурса, требовалось разрешение правительства. На уровне министерств в Париже его проект явно не был в приоритете, оставалась последняя мера – аудиенция у императора. В это время Наполеон III, вступившись за Италию, ведущую войну за независимость, во главе французских войск сражался с австрийской армией молодого императора Франца-Иосифа на севере Италии. На поиски императора Анри Дюнан отправился в Ломбардию, не подозревая, что эта поездка полностью изменит всю его последующую жизнь.

24 июня 1859 г. неподалеку от местечка Сольферино Дюнану пришлось стать свидетелем самого кровавого сражения со времён битвы при Ватерлоо. Перед ним открылась страшная картина: «25 июня солнце осветило самое ужасное зрелище, какое только может представить себе человеческое воображение. Все поле битвы усеяно трупами людей и лошадей; дороги, канавы, овраги, кустарник, луга – все буквально завалено мертвыми телами, а в окрестностях Сольферино земля сплошь покрыта ими. Поля изрыты, пшеница и кукуруза затоптаны, изгороди сломаны, фруктовые сады разорены, кое-где стоят лужи крови. Деревни опустели, и везде видны воронки от бомб и гранат, следы пуль. Стены расшатаны и дали трещины; в них зияют огромные проломы от ядер. Многие дома изрешечены пулями, перекошены и разрушены. Жители более суток прятались в подвалах, оставаясь в темноте и без пищи. Теперь они выходят из своих убежищ, и видно по их лицам, какой страх они пережили. В окрестностях Сольферино, особенно на деревенском кладбище, земля усеяна ружьями, ранцами, касками, кепи, металлическими мисками, поясными ремнями, всевозможными частями обмундирования, обломками оружия и ключьями одежды, пропитанными кровью» [3, с. 19].

40000 мертвых и раненых солдат были оставлены на полях сражений, тогда впервые оружие дальнего действия применено против кавалерии и пехоты. Девять тысяч изувеченных, умирающих солдат лежали на улицах, площадях, в церквях. Поднимаясь по дороге, ведущей к главной церкви – Кьеза Маджоре, он увидел, как вдоль всего склона, по желобу, предназначенному для стока дождевой воды, непрерывным потоком текла человеческая кровь. У Дюнана не было медицинских знаний. Он всё делал, что было в его силах для облегчения участи страждущих: напоить, перевязать, написать письмо родным, утешить, о помощи он попросил местных женщин, которые не решались помочь солдатам неприятеля и тогда из глубины его сердца вырвался призыв «Tutti Fratelli!» (Все Мы – братья!).

Дюнан выяснил, что на девять тысяч раненых солдат в Кастильоне – всего шесть французских военных

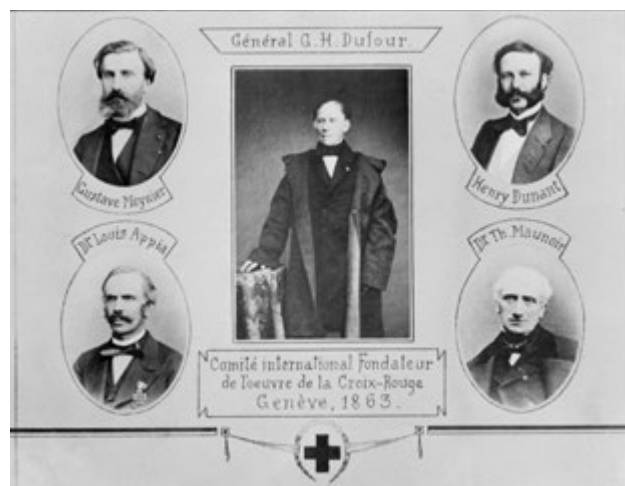
врачей и это дело обычное. Солдат, потерявший способность сражаться, никому уже больше не нужен. Эта несправедливость потрясла Дюнана.

Боль Сольферино не отпускала его, вернувшись в Женеву, у него не было сил встретиться со своими друзьями, чтобы поблагодарить за незамедлительную помощь, присланную по его просьбе на нужды раненых солдат. Дюнан уединился в горах, чтоб прийти в себя. Далее он снова прибыл в Париж, где ещё два года потратил на безрезультатное оббивание порогов чиновничьих кабинетов по вопросу земель в Алжире, но все двери были как будто заколдованы.

«Я долго размышлял перед тем как принял решение сжато описать чудовищные сцены, свидетелем которых мне довелось стать. При написании «Воспоминаний о битве при Сольферино» я как бы поднялся над собой, направляемый высшей силой и надыхаемый Божественным дыханием. Я чувствовал неявно, но глубоко в сознании, что мой труд был инструментом Его Воли; я чувствовал, что я должен это выполнить как Святое задание и, что плоды будут бесконечно значимы для человечества. Это предчувствие поддерживало меня и я ощущал, что какая-то внешняя сила подталкивала меня. Мне было не избежать: опыт чудовищный и грустный, увиденный мною в Сольферино, должен был быть изложен кратко, но правдиво – всё, что я увидел своими глазами» [4, с. 29].

Для написания Дюнан заточил себя в квартире и погрузился в изучение карт, военных отчётов, сделанных французами, австрийцами и итальянцами. В сентябре 1862 года рукопись была опубликована. Анри Дюнан разослал книги всем коронованным особам, принцам, министрам военного дела, министрам иностранных дел. Книга оказалась так востребована, что в ноябре понадобилось печатать второе издание. В марте 1863 вышло третье издание книги с переводом на немецкий, итальянский, английский и шведский языки. О книге писали все газеты, Чарльз Диккенс в своем еженедельнике «Круглый год» написал статью «The Man in white» (Мужчина в белом). Дюнан бережно хранил все отзывы, которые стекались к нему отовсюду. Безразличными не остались: французский писатель Виктор Гюго, сестра милосердия из Великобритании Флоренс Найтингейл, швейцарец генерал Гийом-Анри Дюфур. Так Дюфур писал Дюнану: «Люди должны на примерах, описанных вами, осознать цену, которая платится слезами и болью за прославление поля битвы. Это так удобно видеть только ослепительную сторону войны и закрывать глаза на все печальные последствия...» [5, с. 37].

За считанные месяцы вокруг Дюнана сложился Женевский комитет из пяти женевских граждан. Так через несколько дней после выхода «Воспоминаний о битве при Сольферино» к Дюнану пришел юрист Гюстав Муанье, председатель Общества общественной помощи (Société d'Utilité Publique) и предложил создать комитет, куда бы вошли все члены Общества общественной помощи, себя он предложил на роль председателя, Дюнану отводилась роль секретаря, к ко-

Члены Комитета пяти, который впоследствии стал Международным комитетом Красного Креста. Гийом-Анри Дюфур (в центре), Гюстав Муанье и Луи Аппиа (слева), Анри Дюнан и Теодор Мунуар (справа), 1863 г.

митету присоединились уважаемые граждане Женевы: генерал Гийом-Анри Дюфур, доктор Луи Аппиа и доктор Теодор Мунуар. Комитет поставил перед собой задачу созвать в 1863 году международную конференцию. Дюнан предложил, чтобы главы военных ведомств, встретившись, выработали международные правила, которые послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым в разных государствах Европы.

В своей книге «Воспоминания о битве при Сольферино» Дюнан уже наметил посильную задачу, которую взялся решать Комитет пяти. «Это воззвание должно быть адресовано в равной степени к мужчинам и женщинам, к принцессе, сидящей на троне, и простой служанке, доброй и преданной сироте, или к бедной одинокой вдове, желающей отдать последние силы на пользу страждущих ближних; оно относится к генералу, филантропу, писателю, который из глубины своего кабинета силою своего таланта может в своих публикациях разработать вопрос, касающийся всего человечества в целом и в частности каждой страны, каждого народа, каждой семьи, каждого лица, так как никто не застрахован от случайностей войны. Если австрийский и французский генералы могли сидеть рядом за гостеприимным столом прусского короля и мирно беседовать, кто помешал бы им обсуждать вопрос, достойный их внимания и интереса? В чрезвычайных случаях, когда собираются в Кельне или Шалоне главы военных ведомств разных национальностей, отчего бы им не воспользоваться такими собраниями, чтобы выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым в разных государствах Европы? Договориться и принять меры заранее тем более важно, что в самом начале разногласий, предшествующих войне, противники уже враждебно относятся друг к другу и всякий вопрос обсуждают единственно

Нарукавная повязка с красным крестом

с точки зрения своих подданных, настоятельно требует создания организаций такого рода; казалось бы даже, что это долг, для исполнения которого каждый влиятельный человек должен оказать содействие, а каждый добрый человек хотя бы задуматься. Какой правитель откажет в своей поддержке таким обществам и не захочет дать своим солдатам уверенность в своевременном и хорошем уходе, если они будут ранены? Какое государство не захочет покровительствовать людям, старающимся сохранить жизнь его подданных: разве воин, получивший ранение, защищая свое отечество или служа ему, не заслуживает того, чтобы родина о нем позаботилась? Какой офицер, какой генерал, если он видит в солдатах своих детей, не постарается облегчить труд таких добровольных фельдшеров? Какой военный интендант, какой главный хирург не примет с благодарностью помощь людей умных, знающих свое дело, образованных, работающих под мудрым руководством? Наконец, в наше время, когда так много говорится о прогрессе и культуре, если уж нельзя избежать войны, не важно ли стремиться предотвратить или хотя бы смягчить все ее ужасы?» [6, с. 61].

Больше узнать о войне Дюнану помог его голландский друг, военный врач Йохан Хендрик Кристиан Бастинг. У него он выяснил, что в тех случаях, когда военный врач оказывается между расположениями воюющих армий, неприятельские солдаты без малейших колебаний открывают по нему огонь. Военный врач носит мундир того рода войск, в котором служит, это делает его неотличимым от всех остальных.

Дюнан предложил решение, которое до того никому не приходило в голову – ввести опознавательный знак, общий для всех армий, юридический статус людей и объектов под этим знаком Дюнан назвал «нейтралитетом».

В начале сентября 1863 г., без консультаций с Комитетом пяти он отправился в Берлин на Международный статистический конгресс. Вместе со своим голландским другом Йоханом Бастингом Дюнан составляет меморандум с подписью «Женевский комитет», где выступил с предложением придать статус нейтралитета раненым, больным, медслужбе, напечатал его на свои средства и разослал всем европейским правительствам с просьбой прислать делегатов на Женевскую конференцию, об этом он просит офици-

альных лиц на приемах, проходивших в рамках конгресса. Его книгу уже читали все правители Европы, его принимают в Берлине, Дрездене, Вене, Мюнхене. Ему во время личных аудиенций удалось заручиться поддержкой и вызвать всеобщее воодушевление, но члены комитета и особенно Гюстав Муанье были не согласны, они были обеспокоены тем, что эта новая идея поставит под угрозу первоначальную и гораздо более гуманную идею создания специальных служб для оказания помощи раненым во всех странах, но как оказалось, идея Дюнана о нейтралитете стала главным пунктом в договоре.

Члены комитета отправили приглашение на конференцию 26 правительствам, к всеобщему восторгу на конференцию прибыли 62 делегата из 16 стран. Открывал конференцию председатель «Комитета пяти», автор швейцарского флага, генерал Гийом-Анри Дюфур, он говорил о том, что забота о раненых на поле битвы, – это пока только мечта, но достойная того, чтобы быть реализованной. В результате трехдневных дебатов все вопросы, кроме нейтралитета, были согласованы, вопрос нейтралитета был принят с формулировкой желательный, чтоб впоследствии его можно было бы включить в повестку. Доктор Аппиа представил эмблему: красный крест на белом, как на Швейцарском флаге, но цвета наоборот.

Конференция завершилась 29 октября речью доктора Бастинга, который вынес особую благодарность Дюнану и собравшиеся стоя аплодировали этому скромному человеку, который мог легко убеждать людей наедине среди четырех стен, но смертельно боялся публичных выступлений. Участники конференции договорились, что каждая страна должна иметь комитет, который обязуется в случае войны и, если возникнет такая необходимость, оказывать помощь санитарным службам вооруженных сил всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Персонал во всех странах носит единообразный отличительный знак – белую нарукавную повязку с красным крестом.

День принятия вышеперечисленных положений, 29 октября 1863 г. считается днём рождения Красного Креста.

За первый год после конференции было создано 10 обществ в разных странах, началась подготовка к Международной конференции 1864 года. Комитет делегировал роль приглашающей стороны на конференцию правительству Швейцарии, частное лицо не имело полномочий для приглашения правительств других стран. 8 августа 1864 г. на конференцию прибыли представители 16 правительств. Был подписан коллективный документ. В историю этот документ с десятью статьями вошёл как:

«Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны от 22 августа 1864 года».

Сохранился отчет американского банкира Чарльза Боула, который участвовал в конференции как наблюдатель от президента Линкольна. В Америке шла гражданская война, Дюнан послал письмо Линкольну

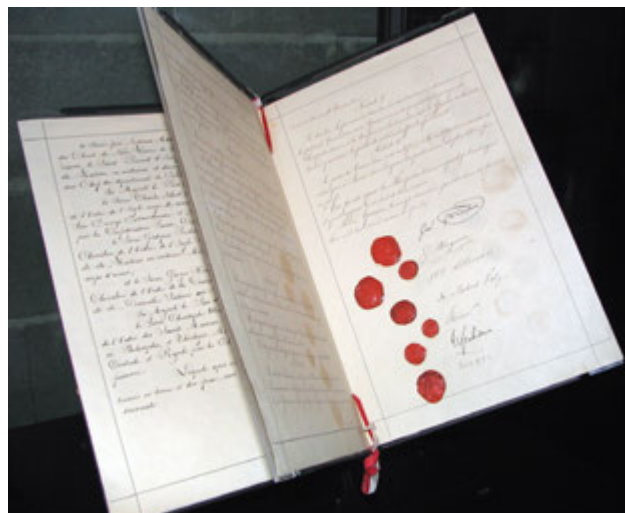
и оно произвело глубокое впечатление на президента, но министр иностранных дел ответил отказом принять участие в конференции по причине доктрины Монро, декларирующей невмешательство Европы в политику США, но Линкольн согласовал наблюдателей от американского правительства: посла в Берне и банкира Чарльза Боула.

Ценность этого отчета в том, что он отражает настоящую роль Дюнан в конференции. По официальным отчетам ему был поручен прием гостей, банкет, фейерверк и никаких содержательных функций. Вот текст отчета:

«В заключение я хотел бы высказать признательность за искреннее и неизменное гостеприимство Интернациональному комитету Женевы. Выражаем особую благодарность и признательность, не только персональную, но и общечеловеческую господину Ж. Анри Дюнану. С его интеллектуальным, общественным и материальным вкладом, с его мужеством и беспредельной энергией он был пионером, режиссёром и успешным руководителем этого европейского проекта. Он продолжает работать над проектом с неизменным прогрессом. С нашей стороны мы должны продолжать выполнять нашу роль и удерживать в этом ведущие позиции, приобретенные нашей страной, как и в других прогрессивных движениях цивилизации нашего времени» [7, с. 55].

В 1866 году разразился экономический кризис. Банк, где Дюнан был членом правления, разорился. Беды сыпались на Дюнана одна тяжелее другой. В 1867 году он должен был официально сообщить о банкротстве своей компании. Семья и родственники, а также другие граждане в его родном городе должны были заплатить более миллиона швейцарских франков. Комитет Красного Креста также посчитал, что обанкротившийся Дюнан не мог более быть секретарём Комитета. Муанье потребовал у Дюнана подать в отставку, как это ни парадоксально звучит, он был открытым врагом Дюнана до конца его дней, почти полвека железной рукой управлял Красным Крестом и ушёл из жизни на несколько месяцев раньше Дюнана. Впоследствии, 17 августа 1868 г. Гражданский суд Женевы осудил Анри Дюнана и обвинил его в сознательном обмане своих сотрудников. После этого обвинительного приговора Женева отказала ему в уважении как гражданину. В этом же году умерла его мать. У 40-летнего Дюнана не было другого выбора, кроме как навсегда покинуть свой родной город, в котором буржуазный кальвинизм, а Женева была родиной кальвинизма, истолковывал процветание как признак избранности, а обнищание – как позор и наказание от Бога. Только в 1963 году, на праздновании столетия Красного Креста, Дюнану был поставлен памятник в Женеве.

Дюнан поселился в Париже. В первой половине 1870-х годов он был в основном в Лондоне. О всех деталях десятилетий, которые он прожил между сорока и шестьдесятю годами, до сих пор точно неизвестно. Когда кто-то спросил о Дюнане в Женеве, прозвучало полуправдивое сообщение о том, что его больше не

Оригинал Женевской конвенции от 22 августа 1864 г.

знают, что он, должно быть, умер. Он выжил, зарабатывая случайными литературными произведениями, переводами и газетными статьями. Мы знаем, что несмотря на все неудачи, несмотря на горькую нищету и болезни, он не переставал работать над реализацией своих идеалов. Случалось так, что днём его принимали во дворцах, а ночевать приходилось на скамейке в общественном месте или в зале ожидания на вокзале. «Я был одним из них, – писал он в своих мемуарах, – которые чернят свою одежду небольшим количеством чёрных чернил и помогают воротникам рубашки мелом, кто носит потертую шляпу и набивает её бумагой, чьи туфли пропускают воду, кто ест в очень дешевых заведениях, не получает ничего в кредит, а вечером, когда возвращается домой, не получает ключ от номера, потому что не может позволить себе арендную плату, они часто ложатся спать без света, их печи производят больше дыма, чем тепла и у них расстроен желудок, потому что им еды не хватает или еда плохого качества.

...Мне пришлось провести две ночи на улице, потому что я не мог позволить себе арендную плату за свою комнату и поэтому не смел идти домой; и чтобы немного отдохнуть и выспаться, измученный усталостью, у меня не было выбора, кроме как пойти в залы ожидания одного из главных железнодорожных вокзалов, которые были открыты всю ночь из-за бесчисленных ночных поездов в Париж и обратно» [8, с. 13].

В записной книжке Дюнана есть такая запись: «Три месяца провёл в тюрьме за бродяжничество». Какую любовь к человечеству должен был иметь в своём сердце Анри Дюнан, чтоб взвалить на себя столь тяжкую ношу?

Надо сказать, что Дюнан разработал ещё несколько проектов, которые не были восприняты его современниками настолько, чтоб поддержать их. В 1866 году в Париже в виде памфлета была опубликована брошюра «Вселенский международный союз по возрождению Ближнего Востока». Дюнан предложил гуманитарное и экономическое решение вопроса создания в Палестине еврейского государства, став тем самым

С 1892 г. до своей смерти в 1910 г. Анри Дюнан жил в угловой комнате на втором этаже в районной больнице Хайдена

предвестником основателя сионизма Теодора Герцля. Палестина, которая была в то время под контролем Турции, должна была стать открытым для большого переселения государством. Он планировал, как порт Яффы будет соединен дорогами и железнодорожными путями с остальной частью страны, Святые места будут отреставрированы, проведена работа по орошению пустыни. Им была также высказана идея о нейтральном статусе этих территорий. Другой проект касался создания вселенской библиотеки – собрания письменных шедевров всех времен и народов Земли.

В одной из биографий Дюнана я прочла, что во время его пребывания в больнице в Хайдене один журналист, Йохан Георг Баумбергер, узнав, что основатель Красного Креста жив, решил взять у него интервью, а затем это интервью вышло 6 сентября 1895 года в Штутгарте в немецкой иллюстрированной газете «Über Land und Meer» (Над сушей и морем).

С тех пор как Дюнан поселился в Хайдене, он вел затворническую жизнь, так за три года у него было три посетителя, один из них – Баумбергер, казалось, Дюнан чувствовал, что его доверили тому, кто хотел испугать зло, случившееся с ним.

Мне захотелось найти это интервью. После недолгих поисков я нашла подписку газет «Über Land und Meer» за 1895 год в одном из антикварных магазинов Германии. Через несколько дней, получив подписку газет по почте, с волнением перелистывала пожелтевшие страницы в поиске 49-го номера, именно в нём был помещён материал об Анри Дюнане. Мне повезло, искомый номер оказался на месте. На всю страницу размещен портрет Анри Дюнана, каким его застал Георг Баумбергер 7 августа 1895 года:

«Анри Дюнан, основатель Красного Креста встретился с ним 7 августа этого года, во время поездки на прекрасный курорт Хайден в швейцарском кантоне Аппенцель.

Необходимо было навестить человека, который на сегодня, наполовину потерянный и забытый – основатель дела, которое увековечило себя, а также осенило поцелуем бессмертия лоб его создателя: Анри Дюнана.

Дорога к нему не привела ни к одному из многочисленных комфортабельных отелей или к одной из

изысканных вилл, которые рассказывают об уютном человеческом существовании, но к простой районной больнице, где Дюнан уже несколько лет живет в качестве благотворителя по цене пенсии в три франка в день. Дьякон ведет меня в комнату номер двенадцать – дом благородного человека.

Это чистая, светлая комната с двумя окнами. Кровать, бюро, диван с выцветшей обивкой, шкаф, два стула и стол составляют всю мебель. Стены гипсового цвета выглядят ледяными. Ни одна картинка не украшает их. Перед столом маленькое зеркальце, какие можете найти в комнатах для прислуги, термометр рядом с кроватью и “правила дома” на двери. Теперь я должен сразу добавить, что эта бедность не является безмолвным выражением упрека в адрес руководства учреждения. “Доктор Альтхерр – доктор и дьякон – лучший из немногих друзей, которые остались со мной”, – сказал господин Дюнан.

Он приветствовал посетителя очень любезно. Перед вами – замечательная личность, господин, которому почти семьдесят лет, с благородной, выразительной головой, с серебристо-белыми волосами и серебристо-белой бородой. Весь образ носит что-то патриархальное, но и что-то кавалерское в каждой линии, в каждом движении. Даже простой коричневый домашний халат, из-под которого выглядывают манжеты безупречно белого цвета, простая домашняя шапочка не скрывают, что перед вами человек благородного происхождения и с благородным характером. Эти впечатления только усиливаются, чем дольше вы говорите с господином Дюнаном.

...Модульный, мягкий, слегка высокий голос приобретает звучный, мощный тембр, взгляд, который в других случаях сияет чистой добротой, вспыхивает мощной искрой, а складки возле ноздрей раскрывают железную энергию, и понимаешь, что этот человек смог выполнить мировую миссию. И в то же время он по-детски скромный, эта духовная скромность, которая забывает о себе в свете миссии великой жизни и преданности ей» [9, с. 897].

Материал статьи написан на двух газетных листах, известно, что позже были напечатаны более подробные воспоминания Браумберга об этой встрече. Но свою главную задачу эта статья сделала. Справедливость была восстановлена.

В 1901 году Дюнану была присуждена первая Нобелевская премия Мира, он разделил её с Фредериком Пасси, основателем и первым руководителем «Международной Лиги мира». В его завещании вся премия, за исключением небольших сумм для его благодетелей, была передана на нужды Красного Креста Швейцарии и Норвегии. Таким необычным путем деньги, долг Дюнана от разорившегося банка, был возвращен народу Швейцарии. Земной круг завершился, долгов Дюнан не оставил, долг остался у жителей Земли.

1. Рерих Н. Судьба. Враги в будущее. – Рига: Виета, 1991. – 227 с.
2. Amann H. Henry Dunant. – Herisau: Appenzeller Druckerei, 2. überarbeitete Auflage, 2008. – 80 p.
3. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. Репринтное воспроизведение текста 1904 г. – 64 с. Место вып. оригинального издания С.-Петербург : типография Исидора Гольдберга / вступительная статья Пьера Буассье. – Москва : МККК, 2015. – 84 с.
4. Sybesma-Knol N. Henry Dunant. – Antwerpen; Apeldoorn : Garant, 2011. – 158 blz.
5. Sybesma-Knol N. Henry Dunant. – Antwerpen; Apeldoorn : Garant, 2011. – 158 blz.

6. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. Репринтное воспроизведение текста 1904 г. Место вып. оригинального издания С.-Петербург : типография Исидора Гольдберга / вступительная статья Пьера Буассье. – Москва : МККК, 2015. – 84 с.
7. Sybesma-Knol N. Henry Dunant. – Antwerpen; Apeldoorn : Garant, 2011. – 158 blz.
8. Amann H. Henry Dunant. – Herisau : Appenzeller Druckerei, 2. überarbeitete Auflage, 2008. – 80 p.
9. Baumberger G. Henri Dunant, der Begründer des «Roten Kreuzes». Deutsche Illustrierte Zeitung : Über Land und Meer. 1895. – № 49 (band 74). – 960 p.

Статья 1895 года в газете «Über Land und Meer» Георга Баумбергера – «Анри Дюнан – основатель Красного креста»

ГЕНИЙ ИЗ «ПРОВИНЦИАЛСКА»
В.Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ И ЕГО БИОГРАФ К. В. ШИЛОВ
К 150-летию В. Э. Борисова-Мусатова и 75-летию К. В. Шилова

Ил. 1

Ил. 2

Полуторасотлетний юбилей нашего великого земляка, трепетного художника Серебряного века Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова с его щемящими, ностальгическими, утонченными образами его поклонники отметили 14 апреля 2020 года. Борисов-Мусатов был символистом (или, как считают специалисты, предтечей символизма), – символично и то, что юбилей прозвучал так же печально, как звучат и перламутрово-серебристые краски на полотнах художника. Но погрузиться в это время в чудесно написанную искусствоведом Константином Шиловым биографию художника-символиста было самое время, тем более переизданная в 2018 году в серии «Жизнь замечательных

людей» книга [1], присланная автором, давно ожидала своего часа (ил. 1).

Благодаря тонкому пониманию нюансов жизни, личности Виктора Борисова-Мусатова, искусно изложенной биографом, поэтичному, образному языку, документальное повествование воспринимается как художественное – это хорошая повесть о творческой личности скромно обитавшего среди представителей богемного круга живописцев рубежа XIX–XX вв., и в то же время занявшего особую, нишу, прожившего «иную» жизнь в искусстве. Впервые читая так подробно изложенную историю Виктора Эльпидифоровича, с удивлением обнаруживаешь, что художник порой живописал и словом, попросту говоря, оставил немало стихотворных впечатлений от увиденного и пережитого. Стихи остались за кадром славы Борисова-Мусатова – художника, но не сумели скрыться от внимательного взгляда пытливого и увлечённого исследователя, – тем более, филолога, обладающего поэтическим чутьём.

Наверное, современным землякам художника до сих пор трудно поверить в то, что в Саратове (или, как иронично называл свой город в письмах Виктор Эльпидифорович, Провинциалске) жил самый обыкновенный гений. И мне с трудом верится, что буквально за углом от моего дома (стоит только повернуть с Белоглинской на Вольскую), стоит за невысоким ажурным забором его музей. Уж слишком опрятно на его усадебной территории, и сам деревянный домик – как игрушка, чистенький, с верандой, с беседкой в кустах сирени (ил. 2). Виктору Эльпидифоровичу предстояло провести в нём почти всю свою недолгую, полную мучительных поисков своего пути, стиля в изобразительном искусстве, жизнь – тридцать пять лет. Однако Музей В. Э. Борисова-Мусатова вместе с его директором Э. Н. Белонович регулярно устраивает пленэры, выставки, принимает гостей вполне радушно. И автор книги о художнике в нём, конечно, всегда почётный и желанный гость.

Мне посчастливилось познакомиться с Константином Владимировичем Шиловым весной 1985 года на областном литературном празднике для школьников, посвящённом 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы, четверо старшеклассников из школы № 3 им. А. С. Пушкина, показывали свои наработки в номинациях поэзии, прозы, критики, кто-то рисовал, кто-то пел песни... Мне пришлось выступить в роли экскурсовода по школьному музею. Константина Владимировича нам представили как писателя и краеведа. Понятно, что все «знаменитости» воспринимались нами как живые классики! Теперь уже смутно помню сам праздник, запомнилось в основном само путешествие на пароходе – через

Волгоград до Астрахани и обратно... Мною было сделано несколько снимков фотоаппаратом «Зенит-ТТЛ», и портрет Константина Владимировича у борта парохода, с трубочкой в руках и ироничным прищуром (ил. 3). Даже и не предполагала тогда, что буду через много лет зачитываться его книгами...

Чтобы познакомить читателей с самим искусствоведом, напишу вкратце то, что знаю (интервью наше запланировано на середину июня, предположительно оно должно состояться в Подмосковье, где он живёт ныне, однако пути Господни неисповедимы...)

Константин Владимирович Шилов родился 30 июля 1945 года в Одессе, в семье военнослужащего. Детство провёл в Молдавии, на румынской границе, и в Астрахани. Он окончил среднюю школу в Саратове, куда переехала семья, а затем, в 1962 году, поступил на филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. После службы в армии филфак Константин Шилов заканчивал на вечернем и заочном отделениях. После учёбы он работал научным сотрудником областного музея краеведения, Государственного художественного музея им. А. Н. Радищева, на областной станции юных туристов, научным сотрудником лаборатории конкретных социологических исследований Политехнического института...

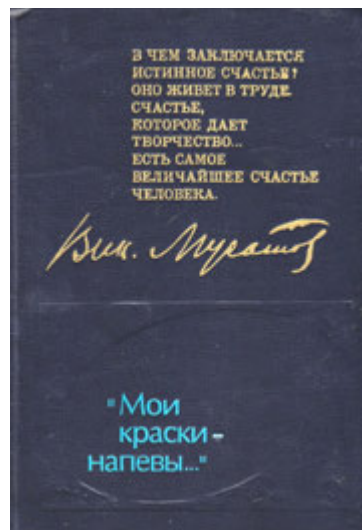
Увлечения историей и археологией Константин Шилов совмещал с занятиями в литературном объединении при областной молодёжной газете «Заря молодёжи» (столетие этой легендарной газеты отмечалось в 2019 г.). В 1960–1970-е годы в периодике и сборниках стали появляться материалы Константина Шилова, посвящённые истории русской культуры и литературы XIX–XX веков. Сотрудничал молодой автор и с телевидением. Читал лекционные курсы «История европейского искусства Средневековья», «История искусства Франции XVII–XIX вв.» в Саратовском театральном училище, в консерватории им. Л. В. Собинова, на историческом факультете Саратовского университета (1970-е годы).

Первая книга Константина Шилова с поэтичным названием «Мои краски – напевы...» вышла в Приволжском книжном издательстве в 1979 году, и это его первая монография о художнике Серебряного века [2] (ил. 4). В последующие годы дополненная биография любимого автором Борисова-Мусатова переиздавалась дважды издательством «Молодая гвардия» в престижной серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»). (ил. 5).

Примерно в это же время в альманахе «Прометей», издававшемся в столице, появилась достаточно объёмная статья Константина Шилова «Московский адрес», ставшая чуть ли не сенсацией в пушкиноведении [3]. Оказывается, молодой сотрудник краеведческого музея, выполняя задание начальства разобрать бумаги и выбросить ненужное, наткнулся на записку... самого Пушкина. В ней был записан адрес «Дом Хитровой на Арбате» – это адрес того дома, который сняли счастливые молодожёны Александр и Наталья Пушкины в Москве перед тем, как уехать в Петербург.

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

«Прометей» (ил. 6) со статьей К. В. Шилова о Пушкине и его саратовских знакомцах – Устиновых, Кривцовых – стал библиографическим раритетом и пользуется большим спросом у краеведов Саратова, да, наверное, и у пушкинистов из других городов. Но для Константина Владимировича эта статья стала отправной точкой, ключом к дальнейшим головокружительным поискам и находкам-откровениям.

В 2007 году в московском издательстве «Прогресс-Плеяда» вышла замечательно оформленная книга «Восстановление родства» [4], куда вошли публиковавшиеся ранее и более новые очерки, портреты и воспоминания о тех знаменитых людях, с которыми приходилось общаться автору на разных «тропах бытия». Это легенды отечественной культуры – академик, текстолог Дмитрий Сергеевич Лихачёв, искусствовед, пушкинист Татьяна Григорьевна Цявловская, бард, поэт-шестидесятник Булат Шалвович Окуджава, актриса и певица Елена Антоновна Камбурова... Настоящая русская интеллигенция, перед которой хочется склониться в низком поклоне за сохранение нашей духовной культуры, верность самым возвышенным идеалам.

Большая часть книги посвящена знаковым личностям в истории русской литературы и изобразительного искусства – А. С. Пушкину, П. А. Вяземскому, К. П. Брюллову, К. С. Петрову-Водкину, А. А. Ахматовой. Понимая, какая значительная часть творческих сил России оказалась безвозвратно за её пределами, автор уделил достойное внимание и русскому зарубежью. Очерк о Борисе Зайцеве «Восстановление родства» дал название всей книге. Книга получилась насыщенной, увлекательной, с цветными иллюстрациями и подробным справочным аппаратом (ил. 7).

Статью об авторе, завершающую этот сборник, литературовед Юрий Карякин назвал «Бессребреник, золотых дел мастер». Можно полностью согласиться с автором статьи. Добрые слова в адрес Шилова, по «пуговичкам» восстанавливающего духовную связь нескольких поколений, произносили в своё время Ю. Г. Оксман, И. Л. Андроников, Ф. Г. Раневская, А. И. Солженицын, – высоко ценя кропотливый труд Константина Шилова, его непереносимое желание восстановить не только «родство» – целую панорамную картину далёких эпох, филигранную работу над словом.

В 1983 году Константин Владимирович вступил в Союз писателей [5], в настоящее время он является членом Союза писателей Москвы, членом Литфонда Москвы и России и региональной общественной организации «Клуб писателей». В начале 1990-х годов писатель с семьёй переехал в Москву. Он расширил сотрудничество с московскими издательствами, в то же время откликаясь на предложения Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева участвовать с коллективных сборниках, не забывая литературно-художественный журнал «Волга», где время от времени появляются его публикации. По праву его имя включено в указатель «Литературная карта Саратовского края» [6].

Ил. 6

Ил. 7

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в серии «Библиотека мемуаров» вышел сборник «Марк Бернес в воспоминаниях современников», составленный и прокомментированный К. В. Шиловым (ил. 8). В предисловии к нему составитель раскрывает причину постоянного интереса к киноактёру и певцу, кумиру многих поколений советских людей: «Его легендарная, обаятельная улыбка... Голос – притягивающий, обволакивающий теплом, заряжающий бодростью и такой родной с детства!..»

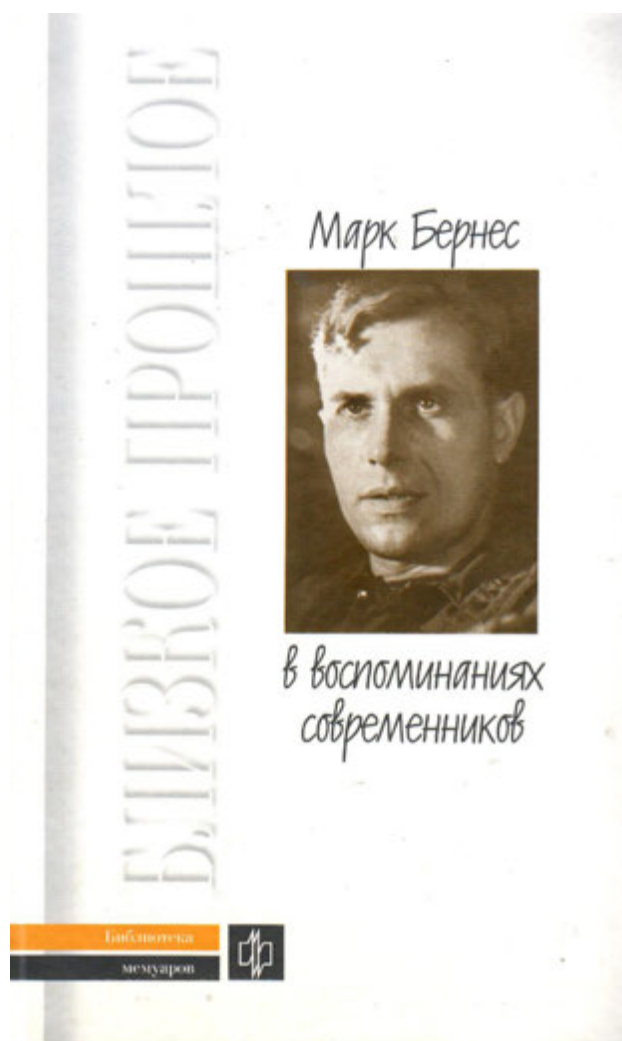
Марк Наумович Бернес... Каким он был человеком?.. Наступил XXI век... Забыт ли он? И возможно ли это забвение?» [7, с. 6–7].

К. В. Шилову удалось собрать под одной обложкой воспоминания о Бернесе Никиты Богословского, Бориса Андреева, Якова Хелемского, Константина Ваншенкина, Яна Френкеля, Владимира Высоцкого и многих других. Помимо них, в сборник вошла избранная переписка артиста.

Из книги можно узнать о судьбе всенародно любимых песен «Шаланды», «Тёмная ночь», «Журавли», ставших шедеврами песенного творчества советских лет, о присвоении малой планете № 3038 имени Марка Бернеса и о прочих наградах, полученных Марком Наумовичем уже посмертно.

В 2017 году в Москве вышел поэтический сборник писателя-юбиляра – «На скошенных травах» [8]. Несомненно, далеко не все творческие планы писателя и искусствоведа Константина Владимировича Шилова реализовались, и его читателей ждут ещё многие удивительные книги и публикации.

1. Шилов К. В. Борисов-Мусатов. – М. : Мол. гвардия, 2018.
2. Шилов К. В. «Мои краски – напевы...». – Саратов : Приволжск. кн. изд-во, 1979.
3. Шилов К. В. Московский адрес // Прометей. – 174. – Вып. 10. – С. 85–99.
4. Шилов К. В. Восстановление родства. – М. : Прогресс-Плеяда, 2007.
5. Шилов Константин Владимирович / Сайт Саратовского отделения Союза писателей России. – <https://sp1934.jimdofree.com> (дата обращения: 05.05.2020)
6. Шилов К. В. Литературная карта Саратовского края / сост. А. Б. Амусин, В. И. Вардугин. – Саратов : АСП, 2009. – С. 289–290.
7. Марк Бернес в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. К. В. Шилова. – М. : Мол. гвардия, 2005.
8. Шилов К. В. На скошенных травах: стихи. – М., 2017. – <https://knigogid.ru/books/543722-na-skoshennyh-travah-stihi>

Ил. 8

ПРИТЯЖЕНИЯ

В статье «Звучание народов» Николай Константинович Рерих размышлял: *«Разве великое имя царя Соломона не является символом целой огромнейшей психологии?»*

В одной из заповедей царя Соломона говорится: *«Нет большего блага, чем радоваться своим делам, ибо в этом и доля человека, – ибо кто его приведет посмотреть, что будет после?»*

Мир обновляется, и человечество в своей эволюции тянется к утверждению истинных ценностей, многие из которых были сформулированы для человечества легендарным Соломоном – третьим еврейским царем, который привел свое государство к наивысшему расцвету.

Землю Израиля и территорию современной Украины объединяют многие историко-культурные связи, некоторые из которых – уже достояние нашего времени. *«Мы творим Культуру»*, – утверждал Н. К. Рерих, – но для того, чтобы вочеловечить наш *«мир через Культуру»*, мы должны сначала пересечься. И здесь уж никак не обойтись без закона притяжения и его помощника гения-случая.

Иерусалим как начало начал

Все началось в Иерусалиме – 7 июля 2013 года – в День рождения Марка Шагала – в Иерусалимской русской библиотеке. Мы встретились с Еленой Григорьевной Петренко – директором Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха, понравились друг другу – и, как бы сказал мудрейший из царей, наступило *«время собирать камни»* и *«время строить»*, начались совместные проекты Объединения профессиональных художников Израиля с Одесским Домом-Музеем имени Н. К. Рериха. Нас объединило общее представление о прекрасном как главной функции искусства, доброжелательность, стремление к содружеству со многими народами, память об истории и национальных традициях наших народов, стремление к прекрасному будущему через служение Культуре. Партнерские отношения Объединения профессиональных художников Израиля с Одесским Домом-Музеем имени Н. К. Рериха стали первыми в ряду будущих проектов Объединения профессиональных художников Израиля с музеями Украины. Это пятнадцать международных проектов, благодаря которым в фондах музеев Одессы, Чернигова, Умани, Черкасс, Киева, Харькова, Николаева, Черновцов, Тернополя, Мелитополя, Бердянска, Херсона имеются работы выходцев из СССР и стран постсоветского пространства. Это живые и онлайн-выставки произведений израильских художников, проводимые государственными музеями Украины. Благодаря этим совместным проектам сегодня фондовые собрания музеев Украины насчитывают около 700 произведений искусства, переданных в дар израильскими художниками и автором проектов

из личной коллекции (автор и руководитель проектов – доктор Г. Подольская). При этом Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха остается лидером. Коллекция «израильского отдела» музея насчитывает более 280 работ, рассказывающих языком изобразительного искусства об Израиле и его миссии в мире – сохранить духовные истоки культурного бытия человечества. Неспроста три мировых религии оказались рядом на Святой Земле.

Притяжения

Проект **«Притяжения»** – особый проект, поскольку его организующим звеном является автобиографическая память, которая и обусловила грани содержания проекта. Это утверждение собственной идентичности, в которой соединяются здоровое воспоминание о прошлом с мягкой грустью о себе молодом и зрелость ощущения своего сегодня. Таково примирение прошлого с настоящим, положительная ностальгия, в которой художник не движется вспять, а укрепляется благодаря осознанию ранних этапов жизни и творчества. А еще – Одесса ментально дорога нашим художникам как город, сохранивший следы пребывания А. Пушкина – золота языковой культуры, которое не меркнет – независимо от места проживания.

Проект **«Притяжения»** – в определенном смысле очень личный проект. Это города и годы, люди и встречи, которые всякий раз открывали мне новую грань мира, когда случайное, как выяснилось, оказалось неслучайным, когда все внезапно уложилось в восприятии и приятии мира таким, каков он есть. И для осознания этого руслу жизни теперь нашлись и слова, и образы, способные выразить свое отношение к времени, в которое нам выпало жить, – с опытом понимания ретроспективы. Так наступило *«время говорить»* – время проекта, в котором золотой век юности уже не спорит со зрелостью золотой осени, ибо *«всему свой час и время всякому делу под небесами»*. Так родилась мысль о проекте, в котором соединились работы членов Объединения профессиональных художников Израиля и работы художников из моей коллекции. В силу экспонируемого под одной крышей материала текст настоящего издания сложился в новеллы об искусстве, объединенные экскурсами по местам путешествий, проделанных автором этого проекта, благодаря которым и проявились культурологические грани, предопределившие содержание каждой из новелл.

Проект **«Притяжения»** направлен на укрепление дружественных отношений между нашими странами и народами – это мир через культуру и созидание культурой нового общественного пространства, это сохранение и развитие традиций многонациональной культуры, воспринятой в странах исхода, и их художественное обогащение через опыт, воспринятый в Израиле.

Перемирие прошлого и настоящего

Н. К. Рерих был убежден, что *«теплота любви так же реальна, как тонкая боль сердца. Свет сияния мысли не только ощущаем глазом, но и доступен форме»*.

Понятия «притяжение» и «малая родина» – понятия, тесно связанные друг с другом.

Жизнь израильских художников, выходцев из Советского Союза и стран постсоветского пространства, показывает, что «малая родина» не так уж мала в их судьбе. Среди участников проекта нет коренных израильтян, но по закону притяжения и гения-случая эти люди оказались в Израиле и консолидировались в Объединение профессиональных художников Израиля. Художественное воплощение объектов Земли Обетованной стало ведущим направлением в деятельности Объединения профессиональных художников Израиля. И это не случайно, поскольку для художника визуальное восприятие мира, его изучение и воплощение в творчестве помогает почувствовать себя своим в стране, которая стала твоею.

Судьбы многих участников этого проекта связаны с Украиной.

Мой дедушка по отцовской линии – инженер **Дейченков Сергей Иванович** – проживал в городе Збараже Тернопольской области и похоронен в Збараже.

Классик офорта XX века – **Александр Постель**, работы которого являются жемчужиной настоящей коллекции, дополняя монографическое собрание Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха, родился в Одессе и по сути всю жизнь, исключая период эвакуации в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны, прожил и упокоен в родном городе, хотя часть его художественного наследия прошла «испытание» Святой Землею.

Племянник Александра Постеля – художник **Анатолий Финкель** – соответственно также родом из Одессы, но значительный период своей жизни проживал в Израиле. В 1990-е годы он приезжал в свой город белых акаций на открытие выставки офортов Александра Постеля, организованной Одесским художественным музеем, в котором находится значительная коллекция гравюр Александра Постеля.

Михаил Шапира – уроженец Николаева, где и получил азы художественного образования.

Художник **Андрей Чибисов** родился в Макеевке, учился в Донецке, реставрировал иконы XVII–XIX веков. Как иконописец, художник немало потрудился на духовной ниве во славу Божию для храмов Донецка, Запорожья, Мариуполя, Новоазовска.

Григорий Фирер родился в городе Змиеве Харьковской области, ребенком был перевезен в Дубровку (Житомирская область). На протяжении жизни не раз посещал Украину, прежде всего Харьков, бывал «на водах» в Трускавце. Эти впечатления художника и нашли отражение в его графических и акварельных работах, представленных в настоящей коллекции.

В послужном списке **Любови Минкович, Виктора Кинуса, Андрея Софьина, Анатолия Баратынского** есть и проекты, связанные с Украиной.

Людмила Беренштейн, работая над иллюстрациями к роману Шая Агнона «Вчера-позавчера», вплотную занималась изучением истории и традиции евреев Западной Украины.

Анна Зарницкая и **Андриан Жудро** – участники многих пленэров в Украине. Во Львове проходили совместные выставки художников. Кроме того, работы Анны Зарницкой экспонировались в Мариупольском художественном музее имени А. И. Куинджи, предстоит выставка в Музее западного и восточного искусства в Одессе.

Сама причастность столь значительной группы израильских художников к Украине очень важна для проекта, партнерами которого выступают Израиль и Украина. Это отражает личностную зрелость и неформальное отношение художников к избранной для проекта теме.

Когда художник пишет сердцем, рассказывая в своем произведении о мире, который полюбил, он оставляет на картине частичку себя. Так красками на холсте пишется послание художника зрителю, в котором автор надеется обрести единомышленника и дружественного сотворца. Во имя этого диалога и был задуман проект **«Притяжения»**.

Родительский дом – и впрямь начало начал, этапы взросления и познания мира, становление и осмысление себя в новом социуме в новом государстве и... возвращение на малую родину в новом профессиональном качестве с желанием оставить часть своего творчества на этой земле. Именно так – языком сердца – и создавалась настоящая коллекция. Порывы сердца творящего объединили между собой далекие времена, дальние страны, жизнь и творчество столь непохожих друг на друга художников, чьи судьбы вылились в новеллы об искусстве, вошедшие в это издание.

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Притяжение как гений-случай. Александр Постель

«Соприкасаясь с Культурой, мы менее всего нуждаемся в словах и более всего обязываемся к просвещенному действию» (Н. К. Рерих). Это то, что в полной мере согласуется и с моими убеждениями. В проект «Притяжение как гений-случай» из работ Александра Борисовича Постеля входят 9 офортов, две работы маслом, одна темперой, которые я передаю в дар Одесскому Дому-Музею имени Н. К. Рериха. Годы сотрудничества с музеем показали, что более активного музея в популяризации творчества А. Постеля просто не существует.

Все работы А. Постеля, ранее переданные мною в составе проектов «Мир через культуру», «Офорты и гравюры из Израиля», «Израиль – места и местечко Шагала», вошли в постоянную экспозицию Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха и активно экспонируются им в других музеях Украины. Совершенно оче-

видно, что именно «*взаимность есть более сердечное определение сотрудничества*» (Н. К. Рерих).

Часть первая

Дворик на Греческой. Одесса

Пробный камень молодости сердца

«Пробным камнем молодости сердца» называет Н. К. Рерих культуру, имея в виду пути Света, по которым она складывается. Так люди находят друг друга.

В мае 2018 года мне предстояло ехать в Одессу на открытие двух выставок Объединения профессиональных художников Израиля в музеях Украины. Учитывая мою слабость к опере, муж по букингу заказал мне жилье поближе к оперному театру. Это был дом на Греческой. Архитектурные детали здания четко указывали на начало XX века. Глубокий затененный арочный проход вел во двор. Затем – обычная для построек того времени парадная, ведущая к нынешним «номерам», которые в прежние времена были коммуналкой. Но сначала предстояло подняться по деревянной скрипучей лестнице на второй этаж, где тебя уже ожидали приметы цивилизации – современная дверь с кодом, застекленная веранда и несколько дверей в номера. Устроившись, я вышла на террасу с видом на тихий внутренний дворик, окинула взором проходившие по периметру веранды и вдруг почувствовала, как волна странных воспоминаний охватила все мое существо...

Когда решаешь расстаться с дорогой тебе вещью, невольно устраиваешь мысленный ритуал прощания – не для того, чтобы освободиться от цепляющихся друг за друга напоминаний и эпизодов собственной жизни, а чтобы сама память была достойной того, с чем прощаешься.

Такой день настал, когда я собралась передать Одесскому Дому-Музею имени Н. К. Рериха оставшиеся у меня офорты Александра Постеля. Стала вновь их пристально рассматривать, вглядываясь под лупой в знакомые детали и те, которые прежде почему-то не замечала, – так бывает, когда расстаешься с тем, с чем сросся... И вдруг на офорте «Дворик на Греческой» я узнала внутренний дворик дома, в котором мне довелось жить в Одессе, на который всякий раз смотрела с волнующей ностальгией, выходя из нынешнего гостиничного номера, недоумевая, что так волнует меня в нем? Почему помимо воли воображение дорисовывает провисающие под тяжестью крахмального белья веревки, поддерживаемые высокими шестами, колонку с водою и даже силуэт дяди Мити, который вечно ходил сдавать бутылки? Так было в дворике моего детства, но со временем почти стерлось из памяти...

И вот сейчас, вглядываясь в ювелирную гравировку на пожелтевшем офорте «Дворика на Греческой», я вдруг (ох, уж это вдруг!) увидела все то, чего мне словно не хватало в минуты странного волнения в Одессе, когда казалось, что я уже была в этом дворике, столь похожем на дворик моего детства, но словно в другом временном измерении...

В нашей жизни нет ничего случайного. Гравюра с «Двориком на Греческой» не один год была у меня в Иерусалиме, стояла в книжном шкафу у рабочего сто-

ла, настраивая то на лирический, а то и на боевой лад, когда проза бытия брала за глотку.

Я выросла в семье, где День Победы считался главным праздником. Мой дед – по материнской линии – вернулся с войны инвалидом. Бабушка работала санитаркой в госпитале. В правом нижнем углу офорта стоит дата его создания – 1946 год – то есть год спустя после победы над фашистами. Из воспоминаний членов семьи Александра Постеля известно, что в 1945 году после эвакуации в Узбекистан художник вернулся из Ташкента в Одессу, но не сразу смог въехать в свою довоенную квартиру на проспекте Гагарина (в то время улица Ботаническая). Во Вторую мировую войну многие архитектурные памятники были стерты с лица земли или очень пострадали от бомбежек. Как знать, не в этом ли дворике на Греческой в тот период и проживал Александр Борисович? Впрочем, если это и не совсем так, совершенно очевидно, что художник не раз здесь бывал и его офорт впитал ощущение тепла руки своего автора к этому месту послевоенной Одессы.

И вот теперь и мне довелось оказаться в «Дворике на Греческой», войдя в мыслимое пространство офорта А. Постеля... Притяжение как гений-случай?

Пробежавшая искра

Не всегда получается найти слова лучше, чем о том же самом сказали до тебя. В своих воспоминаниях об А. Постеле его племянник – художник Анатолий Финкель, чьи работы также включены в настоящее издание, – рассказывает: «*Александр Борисович Постель родился в Одессе 1 мая 1904 года в семье портного. Благодаря такому совпадению дат его друзья и родственники традиционно, после демонстраций собирались у него дома на проспекте Гагарина. Свою двухкомнатную квартиру он получил за пару лет до войны. До этого он проживал с женой в маленькой комнатухе на Садовой улице*». Настоящее вырастает из прошлого: «*Шел 1920 год. Романтика революции привела 16-летнего юношу добровольцем в бригаду Котовского*». Там он начал рисовать, что неожиданно обратило на себя внимание комиссара, который и отправил своего героя на учебу в Одесское художественное училище, которое в 1924 году было переименовано в Политехникум изобразительного искусства. А в 1930 году оно приобрело статус художественного института. Там преподавали такие талантливые художники-реалисты, как К. К. Костанди, А. А. Шовкуненко, Т. Б. Фраерман. Графическим факультетом руководил один из лучших украинских офортисов В. Х. Заузе». Это созвездие учителей во многом объясняет истоки культуры рисунка и цвета, к которым тяготел А. Постель в своем творчестве. С 1925 года А. Постель занимался офортом, к которому прикипел до последнего вздоха. Выработав индивидуальный стиль и великолепное владение очень непростой техникой офорта, А. Постель и получил всеобщее признание на родине и за рубежом, хотя сам Александр Борисович считал делом жизни педагогическую деятельность. Еще в довоенное время А. Постель начинает преподавать в Одесском художественном институте.

Среди книг из библиотеки А. Финкеля, привезенных в Димону из Одессы, мне посчастливилось держать в руках издание повести «Кола Брюньона» Романа Роллана, иллюстрированное Е. Кибриком, которое, как и офорты любимого дяди, внимательный племянник совсем не случайно взял с собою в Израиль. А. Постель и Евгений Кибрик были друзьями. Вместе учились в Одесском художественном училище, вместе оформляли клубы, через какое-то время Е. Кибрик уехал в северную столицу, но встреча в Москве вновь сблизила одноклассников, потом – Узбекистан, ознаменовавший новый виток дружбы двух художников и обращение к теме Узбекистана в творчестве. Общение с Е. Кибриком не могло не сказаться на вкусах А. Постеля и его сформировавшемся отношении к офорту и книжной графике, воспитав в нем понятие «сюжета» как стержня художественного произведения. В 1936 году Е. Кибрик подарил это издание А. Постелю с дарственной надписью. Но с того времени следы этого издания затерялись на Святой Земле.

И вот ведь – опять гений-случай: Анатолий Финкель нашел меня по одной из публикаций об изобразительном искусстве на страницах газеты «Вести». Ныне этой «пухлой» израильской газеты, издававшейся на русском языке, уже нет и в помине (разве что кургузая новостная версия в интернете). Но в те времена печатное слово обладало исключительной притягательной силой – мы познакомились с Анатолием Финкелем, договорившись встретиться на ближайшей выставке, и, как говорят, искра пробежала, – духовная близость с этим человеком открыла мне эпоху интеллигентов Одессы как носителей культуры. Прежде всего, это был Александр Постель и его творчество, память о котором свято хранил его племянник, бывший в семье вместо сына (своих детей у Постелей не было).

Мгновение как сюжет одесской реальности. Новые работы Александра Постеля для Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха

В 1945 году А. Постель возвращается в Одессу, продолжает работать в Одесском инженерно-строительном институте и Одесском художественном музее. Его творчество обретает новое дыхание, становясь многообразней по жанрам. Он работает маслом, темперой, гуашью, пишет акварели и пастели, рисует карандашом и углем. Позднее создает поразительную «Пушкиниану», серию портретов художников-офортистов, экслибрисы. Он овладевает фабулой графики, когда каждая запечатленная им минута наполнена сюжетностью. Суть мгновения как сюжета реальности – становится отличительной особенностью творчества А. Постеля в циклах «Одесский порт», «Одесса», «Одесские пейзажи», «Каховские пейзажи», «Вилковские пейзажи», «Пейзажи Прибалтики», «Натюрморты», «Портреты».

Замечу, что в настоящее время в собрании Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха есть работы по сути из всех серий, исключая экслибрисы и «Пушкиниану», по-

этому *можно говорить о монографической коллекции А. Постеля, главной темой которой является Одесса.*

Одесса изначально стала главной темой его творчества. Напомню, что первые шесть работ, созданные до эвакуации, были также связаны с одесским кругом автобиографических впечатлений. Среди них три живописные работы, отобразившие место проживания художника – это «Одесса. Двор на ул. Садовой», «Окраина Одессы», «Улица Одессы», и три офорта с портретами членов семьи. Из офортов этого периода две работы – «Портрет матери» и «Портрет брата» (1940) – можно увидеть в постоянной экспозиции Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха.

В настоящей коллекции представлены офорты, дающие представление об Одессе 1940-х–1960-х годов. Одесские офорты уникальны в плане временного пласта и многообразия затронутых в них внутренних тем. Серия создавалась с 1945 по 1960 годы, хотя, по сути, дополнялась до последних лет жизни. Достаточно обозначить объекты изображения – Одесский порт, городские пейзажи и, конечно же, люди.

Суровостью документального свидетельства о послевоенной Одессе веет от офорта «Строгановский мост». И тут же – тонкий лирический строй, окутывающий аурой светлых воспоминаний в «Дворике на Греческой». Неужели сохранился? И тот и другой офорт созданы художником в 1946 году.

У каждого времени свои визуальные приметы, передающие состояние эпохи и настроения, характерные для ее современников. На офорте «Вечер. Портклуб» (1957) в самом поведении молодых людей, толпящихся у портового клуба, запечатлено предощущение хрущевской оттепели. По размещению молодежных групп на панорамной лестнице можно пошагово проследить сюжеты, объединяющие каждую из компаний. По раскрепощенным позам персонажей ощущается дыхание оттепельной свободы, передающее пульс жизни нового поколения. Как легко дышать и как хорошо жить, если ты, как на офорте «Дорога на Пересыпь», строишь новую жизнь. Жанровые работы – зимний офорт «Дорога на Пересыпь» (1961) из новых поступлений и офорт «Весна. Прогулка» (1960) из серии «Времена года», который ранее был нами передан музею, – сюжетно и стилистически явно дополняют друг друга, как створки складня. Как же все это отличается от современных боевиков о том, ЧТО было ТОГДА – не глазами чекистов, а ощущениями интеллигентов своего времени.

Офорты «Сумерки» (1954) и «Сосна» (1965), скорее всего, отражают впечатления от одного и того же парка, но даны ближний и дальний планы – в сумерки и на восходе. На офорте «Каховка. Пейзаж с деревьями» (1961) ночь вступила в свои права. Пейзажи А. Постеля передают ощущение лирической первозданности мира живой природы – это перспектива, это лирическое ощущение состояния художника, это световая и воздушная среда, это изменчивость мгновения, которое, если ты не запечатлел, уже не вернется. Отсюда ощущение неповторимости неповторимого мира.

Офорт «Цветы» (1986) – из новых поступлений – отличается изысканной простотою приятной и гармоничной композиции, популярной в 1980-е годы для интерьеров жилища. Скорее всего, такого рода работы расхаживались по частным коллекциям.

Большая часть этих работ творилась «в мастерской, которую А. Постелью выделил Союз художников на 6 этаже нового дома по улице Горького. Там стоял рабочий стол с небольшим зеркалом, перед которым укладывалась металлическая пластина. На ней резцом он наносил изображение, глядя на его отражение в зеркале. Вдоль стен – стеллажи. На них хранились готовые картины, папки с гравюрами. А посередине мастерской стоял офортный станок. На нем изображение с пластины переносилось на бумагу» (А. Финкель).

Живопись А. Постеля и просто жизнь

Среди представленных в коллекции работ А. Постеля особняком стоит натюрморт «Кувшины на декоративной ткани» (1973), выполненный темперой на древесной плите. Работа построена на контрастах синего и розового цветов. Сами предметы на столе – деревянные глиняные кувшины и еловая шишка в придачу – сливаются с орнаментом драпировочной ткани, ниспадающей широкими складками. К сожалению, время и климатические условия Израиля сказались на состоянии работы, которую, мы надеемся, Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха реставрирует, и тогда она также найдет место в экспозиции музея. Этот натюрморт с шишкой дополняет имеющуюся в музее серию постановочных натюрмортов с кувшинами, но, на наш взгляд, наиболее интересен по цвету и сочетанию предметов.

Среди работ А. Постеля в настоящей коллекции можно увидеть и пленэрные работы маслом, датированные 1955 годом, – это «Берег Одессы» и «На причале». Работы примечательны тем, что имеют аналоги или узнаваемые ракурсы мест, зафиксированных на офортах, некоторые из которых имеются в Одесском Доме-Музее имени Н. К. Рериха. Это работы особой эмоциональной значимости в жизни А. Постеля и людей, сохранивших его наследие для нас. А. Финкель, племянник А. Постеля, в своих воспоминаниях говорит об отношении их семьи к названным работам: «Очень выразителен офорт «В выходной день» с рыбаками на старом причале (1955). Эта работа висит у меня под стеклом в салоне в Израиле, – так же, как много лет она висела в гостиной в Одессе у Александра Борисовича. Очень хочу, чтобы она висела до конца дней моей жизни. Таких причалов уже нет. В моей рабочей комнате висит ее живописный вариант». Речь идет о пейзаже «На причале», в живописи которого живет поэзия тишины и гармонии бытия, в которых заключена цельность натуры Александра Борисовича как носителя своего времени.

Заметим, что сердце художника всегда принадлежало Одессе. Он возвращается в родной город после Ташкента, продолжая преподавательскую деятель-

ность в художественном училище, строительном институте, получает звание доцента, работает в экспертно-закупочной комиссии Одесского художественного музея. При этом неизменно работает как художник.

В 1963 году А. Постелью было присвоено звание заслуженного деятеля искусств УССР. Его офорты имеются по сути во всех коллекциях столичных музеев постсоветского пространства – в Государственной Третьяковской галерее, Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Музее архитектуры имени Щусева в Москве. Особенно широко художник представлен в музеях Украины: Киеве, Харькове, Львове, Бердянске, Вознесенске, Волыни, Донецке, Житомире, Луганске, Николаеве, Полтаве, Сумах, Измаиле.

Ныне А. Постель – это классика XX столетия и это гордость Одессы. Работы художника имеются в собраниях Одесского художественного музея, Одесского историко-краеведческого музея, Одесского музея имени А. С. Пушкина, Одесского государственного литературного музея. В постоянной экспозиции Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха широко представлена печатная графика А. Постеля, есть рисунки графитным карандашом, масляная живопись, запечатлевшая пейзажи Украины, есть постановочные натюрморты, без которых невозможно представить художника-педагога. И я, как автор проекта «Притяжения», с радостью передаю имеющиеся в моей коллекции работы музею, который не просто хранит работы А. Постеля в своих фондах, а реставрирует их, включил в постоянную экспозицию, активно популяризирует творчество А. Постеля в музейном пространстве. В том, как это делает музей, видится рериховская сердечность. Будем надеяться, что поколение новых дарителей порадует новыми экспонатами экспозицию музея, поскольку солнечная сторона улицы всегда притягательна.

И вновь «Дворик на Греческой»

Сам факт, что в реальной жизни я неожиданно оказалась в пространстве «Дворика на Греческой», стал для меня знаковым. После выхода в свет, пожалуй, главного труда моей творческой жизни в Израиле – книги «Современное Израильское искусство с русскими корнями» (2011) – открылись неожиданные горизонты моего «бытия в искусстве». Одним из таких маяков стал Александр Постель, офорты которого – волею судьбы – стали объектом моего исследования. Таков закон неведомого притяжения в культуре... Так – просто в знак симпатии – по ощущению родственной души – без всяких обязательств и наказов – племянник художника подарил мне работы своего дяди. А далее притяжение притяжений уже само творило судьбу как нечто само собою разумеющееся, предопределяя мои действия и пути к музеям – хранителям культурной информации, из которой, в конечном итоге, и складывается история искусства.

Если наш путь в творчестве единственно верный, Вселенная меняется, пуская в ход Закон Притяжения, сокращающий пространства между тобой и предме-

том твоего творческого осмысления. Обладая одесской жемчужиной, я несу ее из духовной столицы мира к месту ее рождения, не потому ли, чтобы отпраздновать 75-летие этого поразительного офорта на его родине?

Часть вторая **Офорт как пакт о мире. Узбекистан**

«Расцвет дарования А. Постеля начался во время войны после эвакуации в Узбекистане (1941–1945 гг.). В Ташкенте А. Постель преподавал в эвакуированном Московском архитектурном институте, был одним из основателей, первым директором Республиканского художественного училища (которому позже было присвоено имя Павла Дунькова), затем первым заведующим учебной частью этого училища», – вспоминает А. Финкель.

Это был один из самых плодотворных периодов творческой деятельности А. Постеля. Талант художника принял новую ментальность и реальность жизни, душа его пропустила через себя этот незнакомый мир Востока. В своих работах он отразил своеобразие быта Средней Азии и памятников архитектуры прошлых веков, узкие улочки с глинобитными домиками, базары, чайханы, арыки и, конечно же, природу, с которой была связана жизнь живущих там людей. Серии «Узбекистан» и «Памятники Узбекистана» включают 48 офортов и 7 автолитографий, созданных с 1942 по 1945 гг. Пожалуй, в них и отразился лаконичный художественный стиль Александра Постеля.

В настоящей коллекции представлен офорт А. Постеля из серии «Узбекистан», на котором изображен Мавзолей Юнус-Хана (в подписи – «Юныс-хана»). Усыпальница была построена в XV веке в Ташкенте для потомка Чингисхана – Юнус-Хана Моголистанского, который в тринадцатилетнем возрасте был взят Темуридами в плен, пребывание в котором растянулось на 27 лет. Учитывая родословную связь юноши с великим завоевателем, Юнус-Хану и в плену выказывали должное почтение. Он получил блестящее по тем временам образование, в совершенстве овладел искусством каллиграфии, породнился с правителем Самарканда и выдающимся ученым своего времени Мирзо Улугбеком, чьи гуманистические идеи были восприняты Юнус-ханом, лично сформировав его как деятеля, радеющего за развитие образования, науки и искусства. Позже Юнус-Хану было дозволено вернуться домой в Ташкент, где, уже пребывая в почтенном возрасте, он окончательно отошел от государственных дел, поселился в районе Ташкента Шейхантаур, где и прожил остаток своих лет.

С точки зрения зодчества усыпальница Юнус-Хана не может не обращать на себя внимания, поскольку она нехарактерна для принятой в Средней Азии архитектуры мавзолеев. Перед нами Т-образная форма постройки, каменные колонны которой составляют единственное убранство усыпальницы. У гробницы полностью отсутствует декор, зато в створки дверей встроены механизм древнего музыкального инструмен-

та – чанга, благодаря которому двери мавзолея при их открытии и закрытии издают мелодии, чей звук подобен загадочному посланию из вечности. По мнению археологов, мазар был построен иранским архитектором, захваченным в плен так же, как когда-то Юнус-Хан.

Помимо особенностей местного колорита и живописной притягательности этого уникального уголка Узбекистана, что было, безусловно, значимым для А. Постеля, дорожившего культурной ценностью объекта изображения, вполне возможно, что внимание художника привлекло архитектурное своеобразие мавзолея. Напомним, что в годы пребывания в Узбекистане А. Постель – параллельно с работой в художественном училище – преподавал в Московском архитектурном институте имени Щусева. Помимо гробницы Юнус-Хана им были запечатлены и другие старинные памятники архитектуры Средней Азии – усыпальница Хазрат Имама (Кафаля Шаши) – первого переводчика Торы на арабский язык, медресе и мавзолей Зенги-Ата, мечети эпохи Темуридов, которые сегодня напоминают о вершинных творениях архитектурной летописи национальной культуры Средней Азии. Это то, что перекликается с идеями Н. К. Рериха о сохранении старины, изложенными им во многих публикациях и, прежде всего, в «Пакте Н. К. Рериха», зафиксировавшем Международный договор о защите памятников культуры и произведений искусства, подписанном в 1935 году в Вашингтоне. Об этом не лишне напомнить в год 85-летия принятия этого юридического документа в соответствии со всеми нормами международного права с целью *«содействовать моральному благосостоянию своих Наций».*

Поступление этого офорта очень важно для Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха, поскольку в его коллекции уже имеется лирический офорт «Улочка в Ташкенте» (1944) из серии «Узбекистан». Как известно, одинокие работы, особенно офорты, всегда мечтают о паре, не потому ли что – помимо графичности рисунка и цвето-теневого соотношения – они обладают тактильной притягательностью – на уровне осязаемых подушечками пальцев углублений и бугорков краски на офорте? Это то неповторимое чувство, которое ощущаешь, прикасаясь к прекрасной гравюре, поры которой дышат памятью о своем создателе.

Из воспоминаний А. Финкеля о Ташкенте:

«Александр Борисович с женой Малей Моисеевной Полонской жили первое время в старом городе Ташкента. Это был домик из кирпича-сырца с плоской крышей и глинобитным полом. С ними некоторое время жил и я – племянник Александра Борисовича. Впоследствии, когда было отведено помещение для художественного училища, Постелю был предоставлена жилая комната при училище. Это было нормальное помещение, в котором не лился на голову дождь сквозь потолок, полы в этой комнате были деревянными.

Ко всем трудностям этих тяжелых лет прибавился еще один малоприятный эпизод, который мог стоить ему жизни. Однажды во время этюдов Постель забрел на пустырь в окрестности старо-

го города. Расположился на берегу большого глубокого арыка с отвесными берегами. Он видел, что за ним наблюдают какие-то два подозрительных типа, но не придал этому значения. Как всегда, увлекся работой. Можно предположить, что его присутствие мешало их замыслам. Возможно, они приняли его за милицейского агента и решили просто покончить с ним. Неожиданно они подошли сзади и сбросили его в воду. Спасло Постеля умение плавать. Вынырнув, он поплыл по течению и добрался до места, где смог выбраться на берег. Этюдник с красками, конечно, пропал. Спасибо старшему брату Зиновию, который еще в Одессе научил его плавать (офорт с портретом Зиновия есть в коллекции ОДМ имени Н. К. Рериха. – прим. автора). День спасения Постеля от гибели его жена Маля затем ежегодно отмечала как второй День рождения дяди Саши».

В настоящее время в Одесском Доме-Музее имени Н. К. Рериха имеются две работы из цикла «Узбекистан» – работы принципиально разные, но взаимодополняющие друг друга. На офорте «Улочка в Ташкенте» перед нами открывается старый глинобитный город с плоскими крышами и аскетичной растительностью. Цветовое решение гравюры построено на контрасте глубокой тени на переднем плане и залитых ярким солнцем мазанок на заднем плане. Самое светлое пятно – идущая по солнечной стороне улицы узбечка – воплощенное солнце, закатившееся вместе с землетрясением в Ташкенте. И ничего-таки такого теперь в Ташкенте не сохранилось! Тем примечательнее и притягательнее сам факт, что на другом конце земли – в Одессе – благодаря офорту А. Постеля – есть подлинный кусочек большого сердца Ташкента времен Второй мировой войны, а теперь – и «Мавзолей Юнус-хана» – потомка Чингисхана, избравшего путь Улугбека. Таков мир через культуру и пакт о мире Александра Постеля.

Серии «Узбекистан» и «Памятники Узбекистана» стали уникальными университетами в жизни и творчестве Александра Постеля – художника, педагога, организатора системы профессионального художественного образования в Узбекистане. А. Постель раскрылся большому сердцу Ташкента и, наверное, мог бы остаться в Средней Азии, где профессионально все более чем складывалось... Однако А. Постель не мыслит себя без Одессы.

Притяжение времен

После смерти Анатолия Финкеля его жена Лариса сняла висевшие над письменным столом мужа две работы Александра Постеля – офорт «Рыбаки на причале» (1955) и пейзаж с видом этого места, написанный маслом, – и передала их мне, сказав, что выполнила завещание мужа. Пейзаж «На причале» я сейчас передаю Одесскому Дому-Музею имени Н. К. Рериха в составе представленной коллекции, а вот офорт с рыбаками и был в руках, да словно испарился (!) – не для того ли, чтобы осталась незримая нить со Святой Землей и ло-

вить его рыбакам не одесскую рыбку, а рыбу святого Петра в Галилейском море?

В отношении А. Постеля мне трижды повезло. Вначале, когда работы такого мастера из всех людей Святой Земли неожиданно попали ко мне. Второй раз я чувствовала себя поистине счастливой, когда передала «Ташкентские офорты» в дар Государственному музею искусств Узбекистана. На протяжении трех месяцев они экспонировались в самом крупном музее Азии. Благодаря им в Государственном музее искусств Узбекистана на протяжении всего этого времени были представлены и чудесные работы моих коллег по Объединению профессиональных художников Израиля. А по окончании выставки в Ташкенте все представленные на ней работы были приняты в фонды этого самого именитого в Азии художественного музея (проект «Земля Солнца»). И в третий раз я счастлива вновь – это говорит язык сердца: большая часть работ Александра Постеля передана мною на его родину – в Одессу.

Офорт как притягательный свет

Мы притягиваем события своими действиями. Переданные мною в музеи Ташкента, Одессы и Николаева работы активно выставляются в других музеях, вышло в свет несколько каталогов. Обретя своего зрителя, творчество Александра Постеля обрело новое дыхание, став предметом искусствоведения, а музейные экспозиции живут уже независимой от меня жизнью, став достоянием истории культуры. Так произошло с наследием Александра Постеля из моей коллекции, которое, в свою очередь, помогло оказаться в этих музеях и работам других близких моему сердцу художников.

Размышляя над тем, какие ощущения у зрителя должно оставлять произведение искусства, Александр Постель утверждал: «Нужно стремиться от души к душе». Наверное, в этом и заключается главный закон притяжения? Притягивает только то, что находит отклик...

Офорты Александра Постеля – воплощенная живопись в графике. Поразительно, ЧТО может выразить художник в одном цвете – черными штрихами! Пропорции и их взаимное соответствие. Тень, свет, блеск, выступы и углубления, благодаря чему каждая деталь предстает перед взором зрителя не одной только своей гранью. Свет с переливами от насыщенных тональных пятен, сочных и бархатистых, весомо-невесомых линий в глубоких бороздах бумаги. Порой они словно сталкиваются в прогибах около приподнятых или специально приглаженных гладилкой заусенцев. Визуальное и тактильное ощущение Света, в котором заложен энергетический лиризм художника.

Собственно, это чувство всякий раз и останавливало меня, когда время от времени я собиралась одеть их в паспарту и рамку, но потом опять словно накатывало: «Не хочу загонять живое под стекло!» Так и стояли они «неодетыми» просто в шкафу – «Мавзолей Юнус-Хана» и «Дворик на Греческой»... Впрочем, иногда я

помещала их в альбом, чтобы «мы» отдохнули друг от друга... Сейчас настала минута прощания, впрочем, в моей памяти они останутся живыми...

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Белорусское притяжение. Любовь Минкович

Любовь Минкович родилась в Минске в 1946 году, в 1973 году она окончила Академию художеств Республики Беларусь. С 1979 года начинается ее активная творческая деятельность. Л. Минкович принимает участие в республиканских выставках, международных биеннале художников-акварелистов, становится членом Союза художников Беларуси. В 1988 году Государственный художественный музей Республики Беларусь закупает более десятка акварелей Любви Минкович в свое собрание, ее работы приобретаются литературным и краеведческим музеями Беларуси. Особой популярностью пользуются ее пейзажные акварели с видами Беларуси.

В представленной коллекции 18 «белорусских акварелей» Любви Минкович, большая часть которых относится к 1980–1990-м годам. Эти акварели созданы на родине в период расцвета творчества художницы и посвящены Беларуси, где прошла большая часть жизни художницы и обращены многие грани души художницы.

Пейзажи Любовь Минкович передают ощущение того, что природа оберегает мир от волнений и тревог, даже если за окном гроза и шуршат камыши сильнее обычного. На акварелях Любви Минкович природа словно призывает тревожного человека успокоиться, слушать, внимать, любоваться этой благодатью как Божественным творением, в котором заключена прекрасная даль. Природа помогает обновлению души человека. И сейчас в наше непростое время, которое еще человечеству предстоит осознать, удивительно то, что художница в своих акварелях «призывает» беречь природу, находить гармонию в отношении человека и окружающего мира.

Это, конечно же, пейзажная лирика, отражающая многообразие душевных состояний автора, которые можно соотнести с временами года. Так первый снег зимою очищает душу, а яблони в цвету – и впрямь весны творенье и любви круженье, и с новым этапом человеческих отношений связаны сирень и огненные лилии.

Ты давно в новой стране, и все сложилось, есть крыша над головой, и солнце светит, и плещется морская волна, только стоит перед глазами льняное поле – голубое, как израильское море, – голубое от распустившихся цветов льна. И ты тонешь в этом поле в цвету и вслушиваешься в себя, как наливающийся льняной стебелек... И акварельная «Девушка в голубом» кажется автопортретом.

Две акварели в представленной коллекции стоят особняком – это работы, посвященные Здравнево – усадьбе Ильи Ефимовича Репина в Беларуси. Работы не случайные в жизни художницы.

За обновлением души в 1898 году И. Е. Репин приезжал на Святую Землю в качестве паломника. *«Впечатления здесь так грандиозны и трогательны, что после этого все кажется мелко и ничтожно»*, – заметил художник в одном из писем из Палестины. В Иерусалиме И. Е. Репин написал образ Спасителя для Церкви Александра Невского в Александровском подворье Императорского Православного Палестинского Общества – в качестве вклада за вечное поминовение своих родителей на Святой Земле в Иерусалиме у Порога Судных врат.

Говоря о Здравнево, не лишне напомнить историю усадьбы, находящейся на территории Витебской области. Когда Илья Ефимович приехал в эти края, облюбовав место для будущей усадьбы, в одном из писем к своим близким он записал: *«Сколько здесь евреев! Даже бурлаки в большинстве своем евреи!»* И далее: *«Какие прекрасные модели в Витебске – вот, где надо иллюстрировать Библию!»* И. Е. Репин был дружен с еврейской общиной. Усадьбу строили еврейские умельцы. На фронтоне деревянного дома красовалась звезда Давида.

Выдающийся русский художник Илья Ефимович Репин сыграл решающую роль в творческой судьбе многих белорусских живописцев, ибо только после его вмешательства в Императорскую Академию художеств были приняты Юдель Пэн (учитель Марка Шагала в Витебске), Яков Кругер, Лев Альперович.

Работы о Здравнево были созданы Любовью Минкович в 2014 году в Израиле, писались по памяти как впечатления от посещения Музея-усадьбы И. Е. Репина в Беларуси. Акварели были написаны к проекту Объединения профессиональных художников Израиля с Харьковским художественным музеем «Земля Израиля и И. Е. Репин», но по некоторым обстоятельствам не вошли в коллекцию.

В 2013 году в составе международной делегации от Израиля я была в Витебске с докладом о Марке Шагале. Витебск притягивал меня как исток истоков Шагала. Витебск не обманул – все случилось именно так, как я и ожидала. Но гений-случай не упустил свою изюминку! Восхитила экспозиция Юделя Пэна в Художественном музее! Поразил Музей-усадьба Здравнево – такая толстовская «Ясная поляна», но только И. Е. Репина! Через пару лет я отправилась отметить День рождения Ильи Ефимовича в Дом-музей И. Е. Репина в Чугуеве – имение, в котором родился Илья Ефимович и где похоронены его родители – Татьяна и Ефимий, чьи имена и по сей день звучат за упокой их души в Иерусалиме в русском православном храме, одна стена которого примыкает к Храму Гроба Господня...

А на следующий год Любовь Минкович подарила мне свои акварели о Здравнево – месте, оставшемся в моем сердце одним из самых ярких воспоминаний о Беларуси. *«Всемирность есть уже Беспредельность»*, – утверждал Н. К. Рерих. Не подкачивай судьбе – она приведет, если есть притяжение...

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ Мост притяжений рабби Нахмана

Землю Израиля и территорию современной Украины объединяют многие историко-культурные соприкосновения, одно из которых проходит по мосту, духовно соединившему наши земли благодаря Нахману из Брацлава (1772–1810). Рабби Нахман был лично широко одаренной. Вождь хасидизма и основатель брацлавского религиозного течения в Украине, он стал создателем учения, настолько опередившего время, что его мысли актуальны и в современном мире в свете психотерапевтических установок для людей, ищущих опоры в окружающем мире: *«Все, что есть у человека, – это один день и один миг. «Завтра» – это уже совершенно иная Вселенная».*

Зажги свой свет! Притяжение Умани

«Знай, весь мир – очень узкий мост, главное – совершенно не бояться. А чтобы не бояться, человеку следует целиком сосредоточиться на том, что он делает ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, – так, чтобы в его сознании не оставалось места для пустых страхов».

«Основное правило служения Всевышнему заключается в том, чтобы всем существом своим пребывать в СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ и думать именно о НАСТОЯЩЕМ МОМЕНТЕ».

Так писал великий провидец рабби Нахман, словно обращаясь к нам, сегодняшним! И то, что рабби называл Вселенной, – теперь это наше ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Хочется повторять советы рабби своим детям и внукам, чтобы эти «светлячки» стали для них путеводными звездами:

«Посвяти себя тому, чтобы делать добро, и зло исчезнет само собой».

«Правда – это СВЕТ, который помогает тебе выбраться из тьмы. Зажги его!»

«Служение Всевышнему должно совершаться в радости».

«Ты находишься там, где пребывают твои мысли. Так позаботься, чтобы твои мысли пребывали там, где ты хочешь быть».

«Есть что-то, чего ты очень хочешь? Тебе очень хочется, чтобы это что-то произошло? СОСРЕДОТОЧЬСЯ на этом полностью, изо всех сил. ПРЕДСТАВЬ себе это в мельчайших деталях. Если твое желание достаточно сильно, а сосредоточенность достаточно полна – то сможешь добиться, чтобы это на самом деле осуществилось».

«Речь обладает великой силой пробуждать духовное в человеке. Обращайся к Богу своими словами, составь для себя личные молитвы. Это пробудит в твоей душе силы и расширит твои возможности мыслить».

«Помни всегда: радость – это не что-то второстепенное в твоём духовном путешествии».

«Утрата надежды подобна утрате свободы: ты словно утрачиваешь собственное «я».

«Ничто не делает человека более свободным, чем радость. Она высвобождает твой разум и наполняет его спокойствием».

Живая трепетная речь! Словно это говорит не бордатый зануда, а, скажем, Моцарт в музыке, и вдобавок – наш современник.

Мысли рабби Нахмана афористичны. Немногословные, но по сути бездонные, они как манифест жизни поражают любовью и убежденностью в том, что мир, полученный нами от Всевышнего, безграничен. Однако вехи жизненного пути каждого из нас зависят только от нас самих, хотя, как намеченные цели, их можно отодвигать и приближать. А еще – этот мир так хрупок, что в один момент может исчезнуть...

Многие из этих крылатых фраз, сформулированных рабби Нахманом, разлетелись по свету. К счастью, их свет открылся и мне, но не сразу, а после посещения могилы цадика – места паломничества хасидов, которые в украинской Умани построили свой Израиль. Дважды мне приходилось побывать у святыни и увидеть воочию, как, помолившись, они распевают песни на стихи рабби, положенные на хасидские напевы: «Мицва гдола лихйот бе-симха» («Великий завет – жить в радости»), «Шират ха-асавим» («Песнь трав»), «Кол ха-олам кулло гешер цар меод» («Весь мир – очень узкий мост»).

Моя же «встреча» с рабби и его наследием произошла в 2015 году, когда я приехала в Умань на открытие выставки Виктора Бриндача «Двенадцать колен Израилевых» (из коллекции Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха) – мероприятия, приуроченного к Песаху. Бабушка израильского художника – Вера Моисеевна Уманская – родом из Умани. В постоянной экспозиции музея можно увидеть картину израильского художника «Иерусалим. Шаббат» с изображением хасидской семьи перед вечерней трапезой. В ежегодно действующей культурно-просветительской программе, созданной Уманским музеем для религиозных семей, экскурсия по музею начинается с картины Виктора Бриндача – с зачитыванием трогательного посвящения на лицевой стороне полотна: «Бабушке от внука». Вот вам и рабби Нахман: *«Делай все с искренностью дитя».*

В сентябре 2016 года я вновь оказалась в Умани – выступала с докладом «Израильское изобразительное искусство в музейных собраниях Украины» на Международной конференции, организованной Уманским государственным педагогическим университетом имен П. Тычины. На следующий день – открывала выставку в Уманском художественном музее, ставшую итогом проекта «Человек в мире», партнерами которого выступили Объединение профессиональных художников Израиля, Уманский художественный музей, Украинно-израильский центр образования, науки и искусства. Замечу, что сама тема проекта – «Человек в мире» – родилась из мыслей рабби Нахмана. Душой и инициатором всех уманских мероприятий была профессор Наталия Цымбал, директор Украинско-израильского центра образования, культуры и искус-

ства – подразделения Уманского государственного педагогического университета имени П. Тычины, частая гостя в Израиле и моя «подруга по духу». Задуманные мероприятия удалась, словно с благословения рабби Нахмана, приняв в Умани массовый характер. Не потому ли, что происходили в преддверии празднования 400-летия Умани и накануне еврейского Нового года – самого почитаемого рабби Нахманом праздника?

По словам мудрецов Талмуда, в Рош а-Шана – в первый день нового года определяется все, что произойдет до самого конца года. «Моя духовная сущность, – нередко повторял рабби, – полностью проявляется именно в Рош а-Шана».

Когда тысячи совершенно разных людей, преодолев расстояния и прочие препятствия, вопреки всему собрались здесь и вместе возносят молитву, провозглашая Всевышнего Царем Мира, то сила этой молитвы способна пробить все преграды. Сам рабби Нахман был убежден, что «Рош а-Шана – это подарок, который он получил от Всевышнего». И в Рош а-Шана он может «помочь человеку, приехавшему к нему, больше, чем в другие дни года».

Мне посчастливилось, как и тысячам других, прибывшим в Умань на Рош а-Шана, получить в подарок новый конспект жизни КАК жить в Израиле, ведь после посещения им Святой Земли она бесконечно жила в нем.

Быть там, где твои мысли: Притяжение Земли Обетованной

Правнук Исраэля бен Элизера Баал-Шем-Тов – будущий рабби Нахман – воспитывался в проникнутой мистическими настроениями хасидской среде. На 14-м году жизни его женили на дочери зажиточного арендатора помещичьих угодий, в доме которого в местечке Гусятин (Подольской губернии) Нахман из Брацлава и провел отроческие годы. Он усердно изучал талмудическую и каббалистическую литературу. Природа Подолии помогла укрепить религиозные чувства молодого человека, направив их на поиски исконной связи человека со Всевышним, часто уединялся он в каком-либо месте, где не было посторонних, – в лесу или на берегу реки – и изливал душу перед Всевышним на том языке, на котором в кругу его общения говорили между собой. В эти минуты он молился на идише, на свой лад, разговаривая со Всевышним так, как подсказывало ему сердце. По признанию самого рабби, эти беседы и «были самым главным, что помогло ему достичь того, чего он достиг».

После смерти тестя рабби Нахман переселился в местечко Медведевка Киевской губернии, где проживал до 1798 года, ставшего главной вехой в жизни рабби. Распродав все имущество, с мечтой об Иерусалиме он отправляется на Святую Землю.

В книге «Еврейские мудрецы» читаем о том, как все и произошло: «В дни праздника Песах 5558 (1798) года он принял решение посетить Землю Израиля. Продав всё своё имущество, он собрал необходимые

на дорогу деньги и уже спустя месяц, 18 ияра, в Лабба-Омер, покинул Медведевку, сопровождаемый одним из ближайших учеников. Добравшись до Николаева, они переправились на корабле в Одессу, а оттуда в Стамбул.

В Стамбуле им пришлось задержаться: в связи с начавшейся войной между Турцией и наполеоновской Францией, «община Стамбула приняла решение не позволять никому из евреев... отправляться куда-то морским путём» – ведь в период военных действий, когда «французский флот уже вышел в море», любое путешествие было бы смертельно опасным <...>.

И в пути, и во время вынужденной стоянки, рабби Нахман запретил своему спутнику рассказывать кому-либо о том, что он правнук Бешта и один из ведущих хасидских лидеров, в Стамбуле он проделывал всевозможные ребяческие поступки, ходил по улицам босиком, без пояса и без шапки, в одной кипе, носился по базару с подростками, играл в войну: одни представляли Францию, другие – противную сторону, ведя боевые действия по всем правилам военной стратегии и тактики».

Наконец, уже осенью, им удалось отплыть на Святую Землю, но турецкие власти не позволили рабби Нахману сойти в порту Яффо, т.к. «по виду его одежды и по непривычным для тех мест длинным пейзажам... они приняли его за французского шпиона». За два дня до Рош а-Шана судно отплыло из Яффо на север и в канун праздника «бросило якорь в Хайфе, напротив горы Кармель». Здесь рабби Нахман, наконец, «ступил на Святую Землю» <...>.

Большую часть зимы 5559 /1799/ года рабби Нахман провёл в хасидской общине Тверши, возглавляемой рабби Авраамом из Калиска, учеником Магида из Межерича.

Много лет спустя рабби Нахман говорил, что из всех встреченных им в жизни праведников «совершенством обладал лишь святой цадик из Калиска» <...>.

После того, как в Тверши вспыхнула эпидемия, рабби Нахман и его спутник перебрались в Цфат, а затем проникли в порт Акко, осаждённый войсками Наполеона. На турецком военном корабле они добрались до острова Родос, где провели праздник Песах...

Во время пребывания на Земле Израиля рабби Нахман поднялся на принципиально новый, прежде недоступный ему уровень постижения Торы («Еврейские мудрецы»).

Это знание рабби обрел в галилейских городах еврейской мудрости, в которых пребывал с 1798 по 1799 годы. В книге «Путь земли» рассказывается об их решающей роли в систематизации его знаний по истории иудаизма. Сохранился дневник, в котором каждый день рабби Нахман записывал «открытия, сделанные им в Торе». Он говорил, что для него «расстояние между изучением Торы вне Земли Израиля и Торой, открывающейся в ней, подобно расстоянию между землёй и небом» («Еврейские мудрецы»).

Напомним, что, согласно иудейской традиции, из святых городов на Земле Израиля – после Иерусалима –

Тверия (Тивериада) считается вторым по святости городом. Согласно Талмуду, здесь находился патриарх Иаков. Родословное древо еврейского народа идет от Двенадцати колен Израилевых – сыновей Иакова, чьи потомки и составляют основу еврейской нации.

Свое название город получил от имени римского императора Тибериус. После падения Иерусалима и разрушения Второго Храма в 70 году н.э. иерусалимские евреи поселяются в Галилее с духовным центром в Тверии – единственным в Римской империи городом, большинство населения которого составляли евреи. В Тверии было построено 13 синагог. Из Иерусалима в Тверию была перенесена высшая иудейская академия, в йешивах были все положения, составившие Мишну – главную часть Талмуда. Так Тверия по сути стала религиозной столицей иудаизма. Тивериадский синедрион считался высшей религиозной инстанцией для евреев. Такова Тверия – город еврейской мудрости и запечатленного (зафиксированного) Иерусалимского Талмуда, город национальных святынь – гробницы Рамбама (Маймонида), рабби Иоханана Бен-Заккая, рабби Акивы, рабби Меира-чудотворца.

Все это было чрезвычайно важным для рабби Нахмана, прибывшего на Святую Землю не только молиться у иудейских святынь, но и постичь мир еврейской учености из первоисточников.

Города и веси маршрута рабби на картинах художников

О городах и весях, ставших объектами пути и пребывания рабби Нахмана на Святой Земле, можно судить по картинам израильских художников, хотя признаемся, что этот блок коллекции, можно сказать, сложился спонтанно, но уж так распорядился гений-случай.

На картине **Андрея Чибисова** – Яффо – главный порт Древнего Израиля. Считается, что в Яффо Ной построил свой ковчег. И сюда же из Стамбула прибыл корабль, на борту которого в 1798 году находился рабби Нахман, намеревавшийся, как и другие паломники, из Яффо следовать в Иерусалим. Нашествие Наполеона и налетевшая, как саранча, чума вмешались в возвышенные планы цадика. Из-за военных действий в период франко-турецкой войны (1798–1802) никого с корабля не высадили, разве что позволили увидеть свирепый оскал библейских камней, запечатленный в графике **Виктора Кинуса**. Но вернемся к работе Андрея Чибисова – на фоне старой крепости – свидетельницы прибытия рабби Нахмана на Землю Израиля – изображена и современная изюминка города – парящее апельсиновое дерево – это живое дерево, посаженное в горшок в виде глиняного яйца, прикрепленный тросами к соседним домам. Так парит душа праведника, даже если его тело распято. Так судьба пересмотрела планы рабби, уготовив ему свой маршрут: вместо ожидаемого Иерусалима вместе с другими пассажирами рабби Нахману пришлось последовать в Хайфу!

На полотне **Андрея Софьиной** – Бат-Галим – старый район Хайфы. В 1761 году на городище Бат-

Галима начал строиться та самая Хайфа, в которой и высадили паломников, и первое, что увидел рабби, была гора Кармель, с которой, словно встречая рабби по Божьему повелению, спустился ангел, присев на живописный скит. На лике ангельского дитя играла трогательная полуулыбка, обращенная к рабби с его же словами: *«Улыбайся всегда! И тогда у тебя будет подарок жизни, чтобы приподнести его людям»*. Для тех, кто пришел за знанием небесным, нелегко и долог путь по Святой Земле: *«Бывает, что люди находятся в большой беде и им не с кем поделиться своим горем. Если ты подойдешь к ним с улыбкой на лице, то поддержишь их и дашь им новую жизнь»*, – и удивился рабби, узнав собственное наставление!

Работы **Михаила Шапиры** воссоздают пейзажи еврейской Галилеи, ширь которых сродни просторам полей и дорог средней полосы Украины. У рабби Нахмана есть слова: *«Когда только можешь, иди молиться в поле. Все травы присоединятся к твоим молитвам. Их пение сольется с твоей молитвой и даст тебе силы петь хвалебный гимн Богу»* (ох, как нужны были ему самому эти силы сейчас, чтобы найти своих единоверцев!). И, словно пытаясь поддержать заблудившегося путника, запели травы земли галилейской, направив его путь к «славянским» пейзажам, ну, прямо как в Подолии. Эти два милых сердцу пейзажа запечатлел в своих миниатюрах художник, чье имя до нас не дошло. Может, так оно и лучше? Как жить с такою ностальгией на новой земле? Разве что себя изводить тоской-кручиною? Разве что нагонять уныние на тех, кто пришел за Правдой слова Божия на Святую Землю? И задремал рабби под сонный ветер-дурман в родных сердцу подсолнухах! Но трепетною речью зашелестели лепестки подсолнуховых солнц: *«Все в мире – все, что существует, и все, что происходит, – это испытание, предназначение которого – дать тебе свободу выбора»*. А потом семечки разбухших сердцевин, словно шелк-шелк: *«Выбирай с умом!»* И очнулся рабби, вспомнив вдруг, зачем пришел, проделав столь опасное для смертного путешествие: *«Ты находишься там, где пребывают твои мысли. Так позаботься, чтобы твои мысли пребывали там, где ты хочешь быть»*.

И спала с глаз пелена – Святая Земля отворилась!

И брызжут яркими и сочными красками радости «Голаны» на полотне **Андрея Софьиной**. Как знать, может быть, и рабби с такой ошеломляющей декоративной живописностью открылся этот уголок израильской природы, что диаметрально не похож на ностальгические пейзажи галилейского севера. Здесь все – как пышный райский сад – с бриллиантовой зеленью и дарами Флоры, что переливаются чистыми цветами радуги. Здесь находятся многие заповедники, журчат ручьи и водопады, родники и реки, питаемые дождевой водою. И стекают они с Голанских высот в Иордан и Тивериадское озеро, на берегу которого и стоит Тивериада – град еврейских мудрецов.

В период Османской империи Голанские высоты входили в состав вилайета Палестины, впрочем, оставаясь во все времена неписанным объектом красоты

природы. Для Рабби Нахмана земля Голан не просто райская обитель, – это исконная земля Израильского царства, колена Манассии, одного из 12 колен Израилевых, в пределах которого находился библейский город Голан, упоминаемый во Второзаконии – пятой книге Пятикнижия и в Книге Иисуса Навина. В руках колена Манассии хранился один из свитков Торы, изготовленной Моисеем под диктовку Творца.

Голаны – краски радости, а *«когда ты пребываешь в радости, тебе легко найти немного времени, чтобы молиться с сердцем, полным раскаяния»*, – повторял рабби, когда с Голанских вершин перед ним, как на ладони, открылось Тивериадское озеро, на одном из берегов которого уже виднелся город иудейской мудрости. Тверия – врата доверия, к хасидам Тивериады и держал свой путь рабби. Работы **Людмилы Беренштейн** как раз и воссоздают приметы древней Тверии с постройками из черного базальтового камня, как строили в этих местах в эпоху путешествия рабби Нахмана. Тивериадское озеро – хранилище духовности всех времен. В нем – чистота праведников, несущих согласие и ищущих на земле единогласия с миром. Есть в тишине его кисельных берегов мистическое спокойствие и умиротворенность, и само озеро словно молочное, а облака над ним, как чертог из снега. Не об этих ли местах писал рабби со слезами восторга: *«Когда тебе удастся разбудить свое сердце и молиться Богу с таким чувством, что слезы польются из глаз, то ты стоишь, как плачущий маленький ребенок, ищущий утешения у родителей?»*

Убежденность рабби Нахмана о Божественном ладе, заложенном Всевышним при сотворении мира, была его броней, оберегающей душу в повседневном мире: *«Ищи Святое в обыденном. Ищи Удивительное – в повседневном. Разве Песнь Песней не является любовной песней? И в то же время – наиболее священной из книг Священного писания»*. Докатившаяся до Тверии эпидемия стала для рабби Нахмана причиной перемещения в иудейский Цфат – город в Верхней Галилее. Всемирный (по меркам того времени) центр каббалы, Цфат – один из четырех городов иудаизма, который наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тверией, относится к святым городам Земли Израила. В XVI–XVII веках Цфат стяжал славу раввинов-мистиков, обретших в этих местах спасение от преследований испанской и португальской инквизиции. Среди них были рабби Йосеф Каро, создавший свод еврейских законов «Шулхан арух» и рабби Моше Кордоверо, осветивший скрытые стороны Торы. Среди могил праведников особенно чтимо захоронение рабби Шимона бар Йохая и его сына. В годовщину его смерти – на Лаг-ба-Омер – в 33 день после первого дня Песаха сотни тысяч людей приходят сюда, ища облегчения от жизненных невзгод. И сегодня Цфат сохранил свой уникальный статус еврейского обучения. К этой традиции с уважением относятся представители других религиозных конфессий, проживающие в современном городе.

В нынешние времена Цфат известен и получившими всемирную известность фестивалями клезме-

ровской музыки, словно продолжившими завет рабби Нахмана, также оставившего свой след в ауре города: *«Заведи себе привычку напевать. Это даст тебе новую жизнь и наполнит тебя радостью»*. Наверное, в Цфате это происходит более естественно, чем в других местах, учитывая прозрачный воздух и открывающиеся отсюда панорамы Тивериадского озера, полей, холмов и даже заснеженных вершин Хермона. На полотне **Андреана Жудро** весь этот мир в движении – и Цфат, и окружающие его ландшафтные виды. Порывистый ветер разгоняет тучи, чтобы не сгустились над дорогами, ведущими к святому городу.

Работы **Анны Зарницкой** и **Анатолия Финкеля** обращают наше внимание к Иерусалиму, оставшемуся для рабби Нахмана недостижимой мечтой в его путешествии за три моря. На картинах художников Святой Иерусалим сияет и плачет одновременно, и зовет и уплывает из-под ног как нечто реально-ирреальное... Рабби Нахман всегда жил Иерусалимом духовно – вопреки расстояниям, вопреки войнам, вопреки эпидемиям, выкашивающим все живое. Цадик мысленно пребывал в духовной столице мира, черпая в ней себя, как в Святом Писании. Быть может, в этом и кроется одна из самых действенных «пружин», благодаря которой, как утверждается в книге «Еврейские мудрецы», он *«поднялся на принципиально новый, прежде недоступный ему уровень постижения Торы»*.

Мост радости

В кладезе мудростей рабби Нахмана заложены поразительные рецепты душевного равновесия на все случаи жизни: *«Заведи себе привычку танцевать. Танец развеет твою грусть и изгонит твои беды»*. Только вот не пришлось ему танцевать, как Давиду перед Ковчегом, в Иерусалиме, и не пришлось прикоснуться рукою к Стене Плача, чтобы порыдать навзрыд, как дитя без мамки... Не случилось... Но шелестела крона древних олив стихами священной Торы и пели воды Кинерета, как струны лиры в руках Давида. И нес в своем сердце рабби великую любовь к Святой Земле – нес высоко и бережно, не суетясь, чтобы не растратить и не расплескать эту любовь по пути к родимой сторонке.

Ему было в то время 27 лет. Рабби возвращался домой, в Украину, как в новую жизнь, из охваченной войной и чумою Османской Палестины. Он шел так, как если бы балансировал на канате, но словно сам собою – весело и радостно – пелся хасидский мотив, подсказывая рабби слова новой песни: *«Знай, весь мир – очень узкий мост, главное – совершенно не бояться»* (рабби Нахман).

Эпилог

Известно, что *«Рабби Нахман возвратился из Земли Израила совершенно преображенным <...>. Вскоре после праздник Шавуот 5559 (1799) года рабби Нахман возвратился к семье, в Медведевку. Год*

спустя он переехал в местечко Златополь, а начиная с месяца эзль 5562 (1802) года, обосновался в городке Бреслав (Брацлав), расположенном в Подольской губернии, между городами Немиров и Тульчин, на берегу Южного Буга» <...>.

В «Сихот Моаран» говорится о том, что цадик потребовал, «чтобы ученики никогда не записывали его прежних высказываний и не публиковали открытий, сделанных им до поездки в Землю Израиля», утверждая: «Подлинное постижение чудес Торы и ее грозных пророчеств началось для меня после посещения Земли Израиля до такой степени, что теперь я стыжусь своего прежнего понимания» («Гдолей Русия»).

Каждый, кто приходит почтить могилу рабби Нахмана в Умани, знает его слова, ставшие девизом для многих поколений ищущих натур: «Ты находишься там, где пребывают твои мысли». Поразительно, но Иерусалим, который рабби построил в своем сердце, в моей жизни оказался реальным городом – городом, в котором я живу и который люблю как суть творчества...

Примечания

Все слова в кавычках и курсивом – стихи Рабби Нахмана.

* Сегодня на Земле Израиля сложились крупные центры бреславского движения – в Иерусалиме, Бней-Браке и Цфате, находящиеся в тесном сотрудничестве с центрами в Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, Люблине. В 2018 году в Умани состоялась международная конференция, в которой приняли участие специалисты из этих центров (руководитель – проф. Наталия Цымбал).

* В биографии использованы открытые интернет-ресурсы, главным образом книга «Еврейские мудрецы», стихи рабби Нахмана – по сайту «Наследие».

Заключение

Притяжения как ступени грядущего.

Израиль – Украина

Мир так устроен, что все сущее на земле оставляет след. Израиль – вещественный источник прошлого человечества, страна, чьи ландшафты, археологические и архитектурные памятники, подобно ликам земли, хранят этническую и культурную память о преданиях и истории мира.

Тема Земли Обетованной и ее роли в духовном совершенствовании человека – одна из тем, которая на протяжении тысячелетий не утрачивает своей этической значимости. Израиль – непрдуманная страна и одновременно Святая Земля, в плоти которой переплелись судьбы героев Книги Книг, ставшей культурологическим феноменом, объединившим мир представлением о вечных ценностях. Земля Израиля, земля-надежда, земля-метафора, само ее существование вливало живую силу в жилы наших отцов, в ней – наша живая жизнь сегодня. Мифическая земля, которой суждено быть животрепещущей в веках, ибо все, что с ней связано, есть достояние общечеловеческой культуры.

Художественное осмысление памятников культуры через произведение искусства и сегодня помогает пониманию вечных ценностей, побуждая представителей культуры к их осмыслению во имя мира, который мы стремимся оставить будущим поколениям. Метафора Святой Земли стала объединяющей темой и для участников проекта «Притяжения» – членов Объединения профессиональных художников Израиля – людей, лично состоявших в Израиле, достаточно известных в музейном пространстве мира.

Вместе с тем, будучи выходцами из стран постсоветского пространства, они сохранили память о лоне материнской культуры и благодарность стране, одарившей их призванием – быть художником. Так рука потянулась к холсту и краскам, как к художественной лире.

В проекте «Притяжения» приняли участие члены Объединения профессиональных художников Израиля: **Любовь Минкович, Людмила Беренштейн, Андриан Жудро, Анна Зарницкая, Андрей Софьин, Михаил Шапира, Андрей Чибисов**. Работы **Александра Постеля (1904 – 1989), Анатолия Финкеля (1927 – 2018), Анатолия Баратынского, Виктора Кинуса, Сергея Теряева, Григория Фирера, Аркадия Барнабова, Любови Минкович** (две работы), **Ольги Самосюк** – подарены автором проекта – доктором филологических наук, искусствоведом **Галиной Подольской** из личной коллекции.

Надеемся, что настоящая коллекция, переданная Объединением профессиональных художников в дар Одесскому Дому-Музею имени Н. К. Рериха, расширит представление о культурологических контекстах, объединяющих прошлое и настоящее в истории культуры наших государств. Для Израиля – в рамках существующей модели международных отношений – это закономерно, поскольку каждый пятый гражданин Государства Израиля родом из восточноевропейских городов и весей. Подобно чувству унесенной ветром юности, память о малой родине с возрастом обостряется, возрастает потребность поделиться со своими соплеменниками обретенным прозрением, которое мы обрели на Святой Земле человечества как источник Культуры.

В статье «Защита старины» Н. К. Рерих завещал: «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего». Всякий раз, перечитывая эти слова, я воспринимала их как руководство к действию. Иерусалим – город, в котором я живу, – трансцендентальный перекресток культур. Здесь ощущаешь острее углы и точки схождения, связей, соприкосновений. Так сложилось, что моей судьбой распорядился гений-случай. Но лишь свет знакомых огоньков в вечных ценностях Земли Обетованной позволил приблизиться к этимкладам, обнажив желание выстроить свои ступени грядущего, опираясь на культуру, творимую моими современниками во имя будущих притяжений. Таково одно из звеньев великого предвидения Н. К. Рериха: «В творчестве народы будут стремиться к мирному самоусовершенствованию, иначе говоря, они обратятся к воссозданию Культуры своей».

О БАРОНЕ ФАЛЬЦ-ФЕЙНЕ С ЛЮБОВЬЮ

Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн (1912–2018)

Имя барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна навсегда вписано в историю русской культуры, нашей истории, в память нашего народа. Как рассказать об этом великом человеке в небольшой статье? О нем снято немало документальных фильмов, есть даже художественный («Лицом к лицу»), где прототипом главного героя – князя Баланчина – выступает именно Эдуард Александрович, меценат-альтруист «до мозга костей». Об Эдуарде Александровиче написана замечательная книга Надежды Данилевич «Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа». Прочитав ее впервые, загорелась желанием во что бы то ни стало познакомиться с этим легендарным человеком, который, как мне казалось, «шел с веком наравне», а выяснилось – опережал свой век на много лет вперед. Желание было столь сильным, что нашла у знакомых его телефон, но повода позвонить не представлялось. И вот в 2016 году в Москве готовилась к открытию выставка Ивана Айвазовского в честь 200-летия со дня рождения художника. Из биографии Эдуарда Александровича я знала, что его знаменитая бабушка была дружна с гениальным маринистом. Призвав на помощь отвагу, звоню в Лихтенштейн, в Вадуц домой Эдуарду Александровичу. Буквально через два звонка хозяин виллы «Аскания-Нова» снимает трубку и веселым голосом приветствует:

– Алло!

– Добрый день! Будьте добры Эдуарда Александровича Фальц-Фейна!

– Это я, – просто отвечает барон. Представляюсь по полной форме и спрашиваю, могу ли задать ему пару вопросов.

– Давай! – отвечает барон. У меня захватывает дух, как представляю, что говорю с человеком, которому через пару месяцев исполнится 104 года!

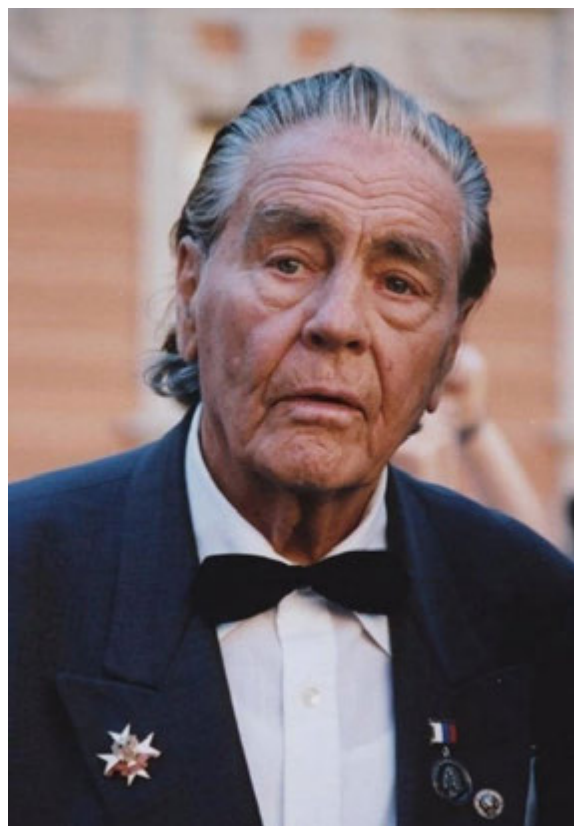
Рассказываю, что в Москве Третьяковская галерея готовит масштабную выставку к 200-летию Айвазовского, а Софья Богдановна была знакома с художником.

– Это моя бабушка! Айвазовский был большой друг моей бабушки и всей семьи и он подолгу жил у нас, очень подолгу, в «Аскании-Нова». Он там писал свои картины. И когда была революция в России 1917 года, все картины из нашего дома были вывезены, их попросту украли. Все картины, которые он в «Аскании-Нова» написал и подарил семье, они пропали... Как называется вилла, где он жил в Крыму?

– Он жил в Феодосии, там теперь музей и галерея с его картинами.

– Нет, было кино, где показывали его полотна, и я их все узнал, я вспомнил эти картины. А некоторые у нас просто украли. Ват такие дела!

«Вот такие дела!» – это излюбленная присказка барона Эдуарда Александровича. Разговор еще про-

Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн (1912–2018)

должался и был очень доверительным, а сердце мое было где-то вне меня, как будто находилась в открытом космосе. Казалось, что беседую с давно знакомым и дорогим мне человеком.

Эдуард Александрович родился 14 сентября 1912 года в селе Гавриловка Херсонской губернии Российской империи в семье Александра Эдуардовича фон Фальц-Фейна и Веры Николаевны, урожденной графини Епанчиной. Вера Николаевна была дочерью генерала от инфантерии, Николая Алексеевича Епанчина, директора Пажеского Его Императорского Величества Корпуса, который также состоял в свите Его Императорского Величества Николая II, был участником Первой мировой войны, писателем, чья монография «На службе трех императоров» была переиздана внуком в России в 1996 г. Другой дед Эдуарда Александровича (по отцу) немец по происхождению, был агрономом и богатым предпринимателем. В большой семье Фальц-Фейнов каждый был личностью выдающейся. Но даже при обилии ярких представителей фамилии Фальц-Фейнов особой харизмой отличалась бабушка Эдуарда Александровича – София Богдановна Фальц-Фейн, урожденная Кнауф. На ее руку в свое время претендовали два родных брата Эдуард и Густав Фальц-Фейны. Сердце выбрало Густава, но выходить

замуж пришлось за Эдуарда, поскольку он старший, и дед Фейн настоял на таком решении. В первом браке у Софии и Эдуарда родилось семеро детей – шесть сыновей и дочь Лидия. Именами своим и дочери София Богдановна назовет два собственных парохода «София» и «Лидия», которые курсировали по Черному морю в Европу. Об этом надо рассказать особо.

Софья Богдановна, немка по происхождению, очень прикипела к новой родине России. Будучи высокообразованной дамой, она неспроста интересовалась историей своего края – Крымским побережьем Черного моря, Херсонщиной и вычитала однажды у античного историка и географа Страбона о географических и климатических особенностях Каркинитского залива, где у херсонесцев была гавань. Смелая предпринимательница решила построить в незамерзающей бухте порт Хорлы. Зимой, когда завершалась навигация в портах Херсона, Одессы и Николаева, порт Хорлы недалеко от Перекопа и всего в трех километрах от собственного имения Софии Богдановны Преображенки (двенадцать тысяч десятин земли, доставшихся от второго мужа) продолжал принимать суда и баржи, груженные продукцией «Аскании-Нова» – руном, пшеницей, вином, консервами от заводов Фальц-Фейнов. Их торговой маркой была «золотая рыбка на велосипеде». Софье Богдановне можно было бы посвятить роман или достойную монографию. Она не только успешно занималась животноводством – ее мериносы не знали себе равных на российских и международных выставках, она была и дальновидной хозяйкой своего херсонского царства. Выстроила дороги, метеостанцию, провела электричество, телеграф, водопровод, автомобильные и рельсовую дорогу от порта до имения, выстроила в Одессе фабрики по производству мясных и рыбных консервов, кондитерскую фабрику, винные заводы, кинотеатр, училища для детей, открывала магазины, собственную типографию и издавала газету. Для своих наемных работников и их семей выстроила типовые дома, в которых размещалось до двух тысяч человек. В «Аскании-Нова» была даже своя внутренняя валюта для удобства оплаты в имении. Предприятия Софии Богдановны торговали с Австрией, Грецией, Германией, Италией. При этом её дом, вернее, дворец, который выстроил для нее второй муж Густав после того, как она овдовела, родной брат отца ее детей, всегда был гостеприимно открыт. Иван Айвазовский жил в этом дворце по несколько месяцев. София Богдановна устроила для него отдельную комнату-мастерскую. В благодарность за щедрость хозяйки художник дарил ей свои картины по её выбору. Живописных полотен было так много, что под них была отведена белая зала в мраморном дворце в Преображенке. Об этих картинах и говорил барон Эдуард Александрович в нашем телефонном разговоре, состоявшемся 10 июня 2016 года.

София Богдановна боготворила своего внука Эди. Однажды имение «Аскания-Нова» посетил император Николай II. Это произошло 29 апреля 1914 года. Вопреки особому протоколу, царь даже остался переночевать в имении. За утренним чаем, который на-

крыли на свежем воздухе, маленькому Эдуарду была оказана честь посидеть на коленях у самого правителя Российской империи. Как написал Николай II в письме 8 мая 1914 г. своей матушке, императрице Марии Федоровне: «...Мне предложили чай в саду. Вокруг стола разгуливали цапли, утки, гуси и журавли, смотрели на нас и некоторые подходили и толкали клювами, прося дать им хлеба». Царю так понравилось в «Аскании-Нова», где были и оранжереи с ананасами, манго и другими экзотическими фруктами, был питомник для редких животных и птиц, таких как жирафы и страусы, что император пообещал непременно посетить этот чудесный уголок Крыма вместе с семьей. К сожалению, обстоятельства оказались сильнее намерений, началась Первая мировая война.

Печальной, как мы знаем, была судьба «Аскании-Нова» и ее владельцев после революции 1917 г. Сыновья Софии Богдановны Фальц-Фейн вместе с семьями эмигрировали, пытаясь сохранить жизнь своим семьям, своим детям. Сама создательница и вдохновительница знаменитого имения категорически отказалась покидать ставшую ей родной Россию. «Я делала людям только добро... они не дадут меня в обиду», – логично рассуждала она. Нашлись иные. Движимые ненавистью и злобной завистью, ворвались в дом к 84-летней женщине, увезли в порт Хорлы и дело закончилось расстрелом. Узнав об этом в миграции в Ницце, сын Александр (отец барона) скончался от инфаркта. Семья Эдуарда Александровича осталась без кормильца, без поддержки. Мать Вера Николаевна поднимала двоих детей – Эдди и Таисию – одна. (Таяисия родилась в Ницце). Не имея достаточно средств, она была вынуждена продать огромный дом в Ницце вместе со всем содержимым – мебелью, драгоценностями, личными вещами. На вырученные деньги семья приобрела небольшое владение.

Эдуард Александрович взрастил в своем сердце огромную всепобеждающую любовь, которая питала корни большой фамилии Фальц-Фейнов и Епанчиных. К тому времени он уже был православным, нареченным в крещении именем Олег. Это было его сознательное желание, в котором он признался матушке Вере Николаевне ещё в Ницце. Получив возможность обосноваться в Вадуце – столице Королевства Лихтенштейн, где у его отца была куплена небольшая недвижимость, Эдуард Александрович очень скоро стал узнаваем в городе и в 1938 году получил статус гражданина Лихтенштейна и титул барона. На участке земли, что ему была продана в Вадуце, он возвел собственную виллу, назвав ее «Аскания-Нова» в честь колыбели своего детства. Унаследовав характерную всем Фальц-Фейнам коммерческую жилку, он, будучи спортивным журналистом, предложил князю Лихтенштейна организовать участие этого маленького государства в Зимних Олимпийских играх 1936 года в Гармише (Германия). Лично убедил князя Лихтенштейна в необходимости этого предприятия. С тех пор княжество – постоянный участник Олимпиад, за редким исключением по политическим причинам.

Казалось бы, жизнь наладилась. Журналистике барон предпочел коммерческую стезю. Со временем финансовая сторона была «закрыта» двумя, приносящими хороший доход, магазинами сувениров в Вадуце. Один из них был расположен на границе с Австрией, другой – в центре Вадуца. Европейские города открыты – езжай в любую сторону. Но Эдуарда Александровича тянуло в Россию. Вдохнув ее воздуха при рождении, он, еще несмышленишем, запомнил его навсегда. Так лосось, куда бы ни завело его течение реки, как бы далеко ни устремился он в своем водном плавании, непременно возвращается на нерест к истокам, где он появился маленькой икринкой. Рыба преодолевает неимоверные преграды и сопротивление быстрин, порогов, плывя против течения, обдирая жабры и чешую, но доходит до своей родины. Что уж говорить о человеке! Желание было столь велико, что Эдуард Александрович сделал всё от него зависящее, чтобы Олимпиада-80 состоялась в Москве, хотя на ее проведение претендовал американский Лос-Анджелес. Тогда он впервые попал в Россию в качестве президента Олимпийского комитета Лихтенштейна.

В Ленинграде в тот свой приезд он не нашел родных могил своих дедов – адмиралов Епанчиных, героев Наваринского сражения – на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Поискам помогло вмешательство писателя Сергея Михалкова. В следующий свой приезд уже в Петербург Эдуард Александрович поклонился ухоженным могилам Епанчиных с восстановленными надгробиями. Иначе обстояло дело с «Асканией-Нова», имение это исчезло из топонимики тех мест, именовалось по-прежнему Гавриловка. Семейный склеп Фальц-Фейнов вынесли из церкви, где он был установлен, останки свалили в яму и сровняли с землей. От того дома, где родился Эдуард Александрович, остались лишь каменные развалины. Преображенка, где красовался белораморный дворец и где часто останавливался у своих друзей Фальц-Фейнов Иван Айвазовский, теперь переименовано в поселок Красный Чабан. Могилу бабушки внук не нашел, но ему указали место ее расстрела. И он восстановил там и могилу и надгробие в память о великой созидательнице Софии Богдановне Фальц-Фейн, что превратила голые степи в плодородный рай.

Сам же Эдуард Александрович вместе с дочерью Людмилой приехал в Россию в 1994 году. Тогда отмечалось 200-летие со дня основания черноморского города Одессы. Главное торжество проходило в Национальном театре оперы и балета. Специально для Эдуарда Александровича был подготовлен сюрприз: симфонический оркестр исполнил «Марш Гавриловки» на музыку Александра Фальц-Фейна, отца Эдуарда Александровича. Он был одаренным человеком, и в минуты вдохновения, владея многими музыкальными инструментами, сочинял музыку. Сам был блестящим исполнителем.

К концу 1990-х гг. – нач. 2000 гг. барон уже немало сделал для своей исторической Родины – России. Он передал в Москву купленные на личные сред-

ства на аукционе Sotheby's книги из собрания Сергея Дягилева, среди них старинное издание о море XVIII века. Академии наук УССР в Киеве передал собрание библиотеки Дягилева и Лифаря, а также – бесценную семейную реликвию – походный сундучок императора Александра II, который царь подарил деду Эдуарда Александровича во время пребывания в Преображенке в знак благодарности за то, что тот безвозмездно поставил из своего питомника лошадей для царской армии.

Прах знаменитого Федора Шаляпина был перенесен из Парижа на Новодевичье кладбище в Москве при непосредственном ходатайстве барона Эдуарда Александровича. Он был дружен с сыном Шаляпина Федором Федоровичем и убедил его в необходимости возвращения праха певца на родину. В том же самом барон убедил и тогдашнего мэра Парижа Жака Ширака. Торжественная церемония перезахоронения состоялась, к сожалению, без двух основных её организаторов – барона Фальц-Фейна и писателя Юлиана Семенова. Забыли пригласить. Но в дальнейшем не помнящий зла Эдуард Александрович передал в музей Шаляпина в Петербурге выкупленные им у родственников и друзей певца семейные реликвии Шаляпиных, в том числе слепок руки Федора Ивановича.

О гражданском подвиге истинного сына своего Отечества – Эдуарда Александровича Фальц-Фейна свидетельствует и воссоздание в Царском Селе в Екатерининском дворце Янтарной комнаты, исчезнувшей в годы второй мировой войны. Сначала барон организовывал её поиски на свои средства по Европе и России. Затем решил восстановить по оставшимся эскизам полностью, закупив янтарь в Калининграде, а станки для его обработки – в Швейцарии. За этими двумя строчками – усилия, нервы, время, многоходовые операции и переговоры с влиятельными государственными деятелями. В благодарность Эдуарду Александровичу за это музей «Царское Село» сделал постоянную фотоэкспозицию, рассказывающую обо всех этапах поиска и воссоздания Янтарной комнаты, которую теперь могут видеть миллионы людей и иностранных туристов.

А сколько ещё принадлежавших России реликвий вернул на Родину Эдуард Александрович! Это и архив следователя Н. А. Соколова, который по горячим следам вел расследование убийства царской семьи Николая II. Это и драгоценный ковер с изображением в полный рост императора Николая II, императрицы Александры Федоровны и цесаревича Алексея, подаренный августейшей семье иранским шахом в Ливадии. Это и портрет князя Григория Потемкина-Таврического, украденный неизвестными из Воронцовского дворца в Алушке. Это и многочисленные документы из русской истории, которые регулярно поступали от барона Фальц-Фейна в советский Фонд культуры. Известно, что Фальц-Фейны были в родстве с Достоевским и Набоковыми. Об этом всегда помнил Эдуард Александрович. Понимая значимость этих имен для русской культуры, барон Фальц-Фейн на свои средства восстановил надгробие на могиле

дочери Ф. М. Достоевского, русской писательницы Любови Федоровны Достоевской на Севере Италии в г. Больцано.

Завершая краткий рассказ о беспрецедентном подвиге барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна во славу России, невозможно обойти вниманием его труды по прославлению памяти величайшего русского полководца, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Узнав, что суворовская армия, прорываясь из Италии от грозившего ей окружения французами, перешла заснеженные Альпы в Швейцарию, Эдуард Александрович начал искать свидетельства неизбежного привала русских в Лихтенштейне. Доказательства тому он нашел в одной из церковных книг в Вадуце, где была зафиксирована жалоба крестьянина местному батюшке на солдат суворовской армии, которые «украли у него 11 куриц». Беспримерному подвигу Суворова и его солдатам барон решил поставить скульптурный памятник недалеко от Люцерна на горном хребте Сен-Готард. Вместе со скульптором Дмитрием Тугариновым, который жил на вилле барона во время

работы над композицией, они разработали концепцию памятника. Воссоединили в замысле и величие суворовского гения, и солдатское мужество, и признание миром и Швейцарией в частности этого грандиозного военного перехода, вошедшего во все учебники мировой истории. Скульптурная композиция выполнена в бронзе: на коне в плащ-палатке Александр Васильевич Суворов возносит благодарную молитву Богу, а под узцы ведет его коня местный крестьянин, знающий тропы. Дата установки памятника – 1999 год, а в 1898 году русский князь Сергей Голицын на свои средства установил прямо в скале крест в честь 120-летия подвига Суворова и его армии.

Когда думаешь о таких мощных духовных побуждениях людей, понимаешь, что импульсы эти идут из глубинных недр души, питаемой любовью к родине. Она, эта любовь, дает нам силы хранить и удерживать память, вдохновлять на духовные подвиги такой высоты, какую проявлял всю свою жизнь истинно народный барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн. Светлая и вечная ему память!

Надпись на могильном камне: «Основоположнице порта Хорлы Софье Богдановне Фальц-Фейн от внука барона Фальц-Фейна»

Но молчали сердца человеческие, когда во время наших международных конференций в Бельгии предлагалось объявить некоторые исторические города неприкосновенными Музеями. Предлагалось вынести из таких городов-музеев всю военную индустрию и вывести войска. Казалось, на таком предложении можно договориться. Теперь оно принесло бы полезные плоды.

Н. К. Рерих

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И СТРОИТЕЛЬСТВО

ГЕРОСТРАТЫ

«Безумный грек Герострат для своего прославления сжёг великолепный храм Дианы Эфесской». Старинные хроники и учебники упрочили имя безумца. Оно стало нарицательным во всех веках для всякого вандализма. Не знаем, были ли вандалы столь же жестоки и разрушительны? И на нашем веку выросли целые банды геростратов. Геростраты ютятся в разных странах. Некий Герострат изрезал репинского «Ивана Грозного». Другой его собрат изуродовал «Анжелос» Милле. Доморощенный герострат уничтожил мои фрески. Много чего случилось. Видели вандализмы в Испании. Видели Лювен, Ипр, Реймс. Теперь Новгород, Ясная Поляна – длинный синодик разрушений. И не перечать! С каждым днём возрастает мрачный синодик вандализмов. В журналах остались снимки позорных аутодафе, когда на улицах сжигались ценные книги и предметы. Непростимы вандализмы, кем бы они ни совершались. Это уже не «прискорбные заблуждения», а ярое невежество. А невежество есть злейшее преступление. Уничтожать достояние народов может только невежда – тёмный и злой. Наверно, где-то ведутся списки вандализмов, но пусть они не останутся расплывёнными. Ради истины их нужно крепко запечатлеть. Имена всяких ге-

ростратов нужно записать погромче. Пусть они получат свою мрачную славу. Нечего утешаться тем, что христиане уничтожали Александрийскую библиотеку. И такая ярость должна быть записана. Пусть накопятся траурные тома на стыд и позор человечества. Пусть эти тома хранятся в школьных книгохранилищах, чтобы малыши запомнили о тёмных деяниях невежд. Устыдится человек зверства, жестокости, вандализма и запомнит об истинных сокровищах человечества. Пусть будут собраны особые комитеты – беспредрассудочные и справедливые – и соберут они архив ужасов. Весь народ запомнит о злодеяниях. Помню, с каким ударением нам показывали ядро в стене каирской мечети и шептали: «Ядро Наполеона». Даже такая подробность врезалась в народную память. А ведь сейчас перед человечеством целый океан ужасов. Да, да, да, пусть все вандализмы будут неприкрыто записаны и сохранены на позор человечества. Будь то наследники Гете и Шиллера, или Шекспира и Байрона, или Ярослава и Александра Невского, или Данте и Леонардо, если вандализм произошёл, он должен быть отмечен. Геростраты да получают свою славу срамную, мрачную.

2 мая 1943

Николай Перух

ОПАСНОСТЬ

Порушены собор св. Павла в Лондоне и государственная библиотека в Берлине. Синодик взаимных уничтожений растёт. Печатные листы сохраняют для потомства совершенно невероятные угрозы Афинам и Риму. Пишут, что в случае налета на Рим итальянцы сбросят имеющиеся у них британские бомбы на Ватикан. Италия отрицает, но Англия настаивает. Целая половина первой страницы газеты занята этим, против Ватикана, сообщением. Не верится, но сейчас в мире все возможно.

Умиравший Тагор вопиет о кризисе цивилизации. Жалуются на ненависть, всюду обуювшую человечество. Теперь возмущаются рушением городов. Гибель грозит Рафаэлю, Микеланджело и всем титанам живописи, скульптуры и архитектуры, собранным в Риме.

Но молчали сердца человеческие, когда во время наших международных конференций в Бельгии предлагалось объявить некоторые исторические города неприкосновенными Музеями. Предлагалось вынести из таких городов-музеев всю военную индустрию и вывести войска. Казалось, на таком предложении можно договориться. Теперь оно принесло бы полезные плоды. Но даже и не пытались обсудить государственно

это вполне применимое соглашение. Многие учреждения и группы выдающихся деятелей сочувствовали и прекрасно высказались, но государственные аппараты промолчали.

Онемели! Точно бы это до Европы и не касалось. А ведь конференции в Бельгии были десять лет тому назад. Было достаточно времени, чтобы попытаться договориться. Именно Европа почему-то промолчала. Впрочем, Масарик еще в 1930 году говорил нам о неинтеллектуальной некооперации. Он, очевидно, имел основание к такому определению. С тех пор и Лига Наций скончалась, и многое случилось.

Новгород и некоторые русские города были объявлены городами-музеями, но Европа не сочла нужным озаботиться о своем достоянии. А ведь на нашей третьей конференции 1933 года в Вашингтоне было представлено тридцать шесть стран. Но опять-таки Европа не озаботилась, точно бы мешки с песком могут помочь. Вот уже и Рим, и Лондон, и Берлин, и Афины, и Каир под опасностью... Не проще ли было попытаться договориться о городах-музеях?

26 апреля 1941

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжких болезней можно излечиваться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия самоотверженная, которая займется уходом? Ведь и у ней самой болит сердечко от огрубения. Помогите болящим, сестра милосердия!

Н. К. Рерих

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

ОГРУБЕНИЕ

Опять заговорили о возможности газовой войны. Правда ли это или только взаимные острастки – покажет будущее. Но уже одни толки допускают и этот чудовищный вид взаимоистребления. Так, чтобы не только человечество взаимоуничтожалось, но чтобы и сама земля отравлялась... Куда же дальше?

И без того уже ползает мрачное огрубение. Люди совершенно спокойно толкуют о таких ужасах, какие раньше бы и в голову не пришли. Зверство входит в обиход человеческий. За огрубением протолкнется и мохнатое одичание. Ужасен лик цивилизованного дикаря. И не только взрослые, но и дети уже болтают о диких выходках.

Влезло огрубение в сердце человеческое, и трудно будет изгнать такого отвратительного посетителя. Врачи говорят, что при болезни здоровье уходит фунтами, а при выздоровлении возвращается золотниками. То же можно сказать и об огрубении. Тиранически овладеет оно человеком, перестроит весь обиход, опошлит мышление и... где те меры в современном государстве, которые освободят человека от безобразного одержания?

Скажете – школы, но и в них влезло огрубение. Скажете – творчество, но ведь и оно в услужении гру-

бости. Даже язык человеческий превращается в какой-то тюремный, кабацкий жаргон. И все это влезает помаленьку да полегоньку. Но тяжеленько становится от такого «полегоньку».

Плохо утешение, что дикари вымрут, но как же быть с молодежью, с детьми? Яд огрубения хуже любого наркотика. Сколько потребуется лучших помыслов, чтобы изгнать беса дикости?

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжелых болезней можно излечиваться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия самоотверженная, которая займется уходом? Ведь и у ней самой болит сердечко от огрубения. Помогите болящим, сестра милосердия!

Теперь и «милосердие» особенное. Из «милосердия», пожалуй, сотворят такие чудовищные бомбы, что они будут разрушать целые города. Впрочем, ведь и гильотина изобретена из «человеколюбия». Из такого же «милосердия» изобретен и электрический стул. В Чикаго настоятельно звали посетить скотобойни. С гордостью заявляли об ежедневном убийстве пятидесяти тысяч скота. Помогите, сестра милосердия!

12 мая 1943

Николай Перух

АНТИФОБИИ

Беда в том, что ненависть возрастает. Эта болезнь скверная, затяжная, а часто неизлечимая. Причину этого мрачного явления ищут в Армагеддоне, в войне, которая уже столько лет отравляет растущее поколение. Война-то войною! От войны нечего ждать душевных и сердечных благ, но, кроме того, можно убеждаться, что война растравила многие внутренние воспаления человеческие, которые притаились в глубоких недрах. Кто знает, может быть, и в том благо, что разные внутренние нарывы обозначатся и будут подлежать лечению?

Наряду с ненавистью воспряла и отвратительная сестра ее – подозрительность. Все заподозрено, все охаяно, все осквернено. Можно ли сейчас говорить о Гете, о Шиллере, о Вагнере, как бы не попасть в пятую колонну! Можно ли слушать еврейские хоры Мусоргского или «Кадиш» в исполнении Кошиц, это будет уже юдофильство. Всевозможные фобии разрослись. Среди англичан пресловутая русофобия не только не вымерла, но даже как-то окрепла. Вообще вся Европа, да проще сказать, весь мир полны всяких фобий.

Смеху достойно, что люди говорят о каких-то свободах, а сами сковали себя невероятными предрассудками – фобиями. С одной стороны, находят множество всяких витаминов для оживления и оздоровления, а в то же время сами же люди мертвят себя всякими фобиями. Может быть, какой-нибудь ученый найдет эту глубоко угнездившуюся бактерию и отыщет достаточный антипод для ее уничтожения.

Правильно, что все сейчас должно быть на научном основании. Но ведь и сама биология говорит нам, насколько вредны разъедающие человеческие пагубные привычки. А разве все эти фобии, вся эта ненависть и все ее порождения не являются сквернейшими и опаснейшими привычками?! Не доказано, чтобы какая-либо фобия была врожденным свойством.

Взрослые – те самые, которые болтают о человечности, о справедливости, о свободе, они-то и заражают младшее поколение своими отвратительными фобиями и человеконенавистничеством. Экое длинное слово – человеконенавистничество, а следствия его еще длиннее. Сваливать на войну нечего, ведь она является лишь следствием извращенной психологии.

Дело в том, что словарь зла переполнился. Зло обычно заключается не только в каких-то вопиющих преступлениях, но в самом каждодневном домашнем обиходе. Злословить, поносить, клеветать, унижать – все это может быть допущено в лощеной форме в любом обиходе. А слова о добре, о взаимопонимании, об искренности будут прежде всего сочтены именно за неискренность. Вот куда вползла ехидна ненависти, что даже слово о добре много где будет неуместным!

Милые ученые, наряду с витаминами, найдите и антифобии, чтобы непреложным научным методом уничтожить разлагающие фобии. Беда в том, что ненависть возрастает. Лукавство, лицемерие множится!

23 сентября 1940

ИСТИННАЯ СИЛА

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды, под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель, под внушением, что в этой постели умер тяжело больной, получает все признаки этого заражения. Человеку внушается, что началось наводнение – и он тонет в своей комнате, и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей и, в большом обществе, находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слаонервных, а он как врач никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: «За эти Ваши слова сейчас, когда Вы пойдете от меня, Вы упадете на затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе». Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиной на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самой заразой, но тою же мыслью. При этом для заразы или для яда нужен инкубационный период. Но мысль вызывает те же последствия и производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то, естественно, она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, но все же постоянно и в профессиональной практике, и

просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безгранично, высоко образованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные послышки. Это не значит, что послышка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли как о таковой, вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и во всяком случае было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое духовное начало подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда поддерживается от нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особыми ярыми и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и, тем не менее, сразу же погружающихся в несносные, подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может прийти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиной необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод перенести в окружение классических греческих академий, то какому остракизму были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать над благородным словом о мысли. Как благородно и дружелюбно должно входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенной, сбереженной мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

Цаган Куре. 25 апреля 1935

ВЫДЕРЖКИ ИЗ УЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Сеть заградительная должна окружать тело. Очень важно, чтоб аура кончилась сетью искр жизнеспособных, потому даже лиловые и синие ауры должны иметь рубиновые искры в окружности. Явление только удаленных от земли тонов делает обладателя слишком чувствительным к проявлениям земли. Ширина ауры часто растет, вытесняя знамена земли. Терос и Тамас должны работать как братья, ибо представители Тамаса и Тероса должны быть неделимы. Дух наполняет излучением, но сеть делает его компактным. Осознанием сети можно оградить излучения, но протянуть сеть без Тероса нельзя, луч которого должен, как фонарь, проследить прорыв. Оттого может быть несоответствие касания с внешним миром. Это простое положение должно быть особенно усвоено. Ибо сеть регулируется обычным сознанием и приказом воли.

На первый взгляд, прыгающие искры лишь напоминают о движении аппарата, но они являются стражами, готовыми отразить врага.

Мой Друг особенно заботится об этой сети. Можно чинить ее и медициной. Потому мускус и валериан принадлежат к самым полезным воздействиям. Конечно, мускус должен быть обработан, иначе он будет только возбудителем. Также мята и смола. Фрукт лучше может причинить укрепление желез. Разнородные фрукты содержат одинаковое качество эссенции природной клетчатки. Лучше фрукты сырые, кроме мест разазы.

Например, очень полезно спать на корнях деревьев, но по условию жизни это почти невозможно. Пуховые подушки и волосяные матрасы очень полезны, ибо на перьях и на конском волосе сосредоточено электричество. Опасны металлы – не забудем, что В. погиб от заржавленного наконечника палки, когда друг его вошёл во время опыта. Конечно, без ржавчины лучше, но едва ли можно уследить всегда.

Лучше пробуйте мир растительный. Мудро, подобно пчелам, собирать накопления эссенций праны – аптека солнца.

(Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Озарение, 168).

С древних времен в час смятения предлагалось твердить краткое воззвание и ударами повторений отражать волну воздействий. Затем это средство превратилось в бессмысленное повторение религиозных слоев, – тем не менее принцип остается. Но иногда наш дух требует каких-то повторений и перечислений.

В лучшие времена жречества были избраны слова «Адонай», «Иштар», «Аллелуйя» и «Аум». Также употреблялось повторение алфавита или цифр. Конечно, практически сила не в самих словах, но в создании волн.

Дело в том, что иногда по призыву духа можно создать полезную волну. Но привычки подобны омертвлению, и даже сильное средство перестает действовать.

Иногда во время вихрей можно создать свою обезвреженную волну. Когда ядовитое дыхание готово коснуться, лучше сильно выдыхать. Также можно волей создавать как бы вуаль защищающий. Во время Таинства жрецы окутывались невидимым вуалем настолько, что переставали слышать и видеть, как бы перерубая нить существования, – своего рода очищение, когда атмосфера бывала полна смятения.

Напоминаю о мистерии волны защиты, ибо она получила начало в Азии.

(Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Озарение, 230).

Недавно начали исследовать сому организма. Также недавно вспомнили пурпуровую заградительную сеть. Оба явления относятся к области огня. Первое представляет следствие работы фосфора, второе дает мощь огня, привлеченного из пространства здоровым излучением организма. Так нужно беречь огонь тела, чтобы следствие его было мощно. Наши лекарства направлены на эти огни. Не мускулы, но огненная волна нервов заслуживает внимания. Нужно восстанавливать и питать ее.

Растение, принесенное вами с гор, даст ряд полезных опытов. Напряженная энергия сока питает мощь огня. Но нужно изучать и другие способы его применения. Теплота, соединенная с эссенцией листьев, и масло коры дадут лучшее защитительное средство для сети заградительной.

Между двумя началами Света и тьмы заградительная сеть сияет, как кольчуга. Поистине, эта черта есть граница Света и тьмы! С другой стороны подойдем к золотой середине Завета Будды.

Черта разделяет начала; как молния она исходит из единого принципа Первоначала. Как защита и как мост, Огонь соединяет противоположное. Как должны люди ценить мощь соединения! Кто ею владеет, тот есть победитель тьмы.

Следует врачам изучать значение сомы и заградительной сети.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 371).

Самой лучшей защитой не только от болезней, но и от явлений вражеских всегда будет сознательное применение психической энергии.

Развитие ее есть самая насущная задача человечества.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 569).

Если бы люди осознавали последовательность своих мыслей! Не будет преувеличением сказать,

что даже величайшие преступления порождались самыми малейшими мыслями. Можно указать людям, насколько материальна мысль. Можно указать, как живет она.

Не говорю о йогах, но каждый, развивший психическую энергию, будет защищен ею. Народ боится затрагивать человека, обладающего особыми силами. Мудрость помнит, как действует обратный удар, толкнувшийся о броню Тероса. Также помнит мудрость, что некоторые люди оставляют на вещах свое воздействие. Это верно, ибо психическая энергия отлагается на всех вещах прикосновением. Так можно следить за силою мысли и эманациями психической энергии.

Животные, особенно собаки, чувствуют эманации психической энергии. Ведь не по запаху они находят дом и хозяина, но по чему-то более существенному.

Спросят – как же начать приближаться к психической энергии?

Для начала будете помнить, что эта энергия существует.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 583).

Слово, идущее от сердца, насыщает пространство, потому мысли, идущие стремительным потоком, образуют сферу, которая является защитой против ядовитых газов планеты. Мысли являются заградительной сетью для человечества. Ведь только эти светлые излучения дают силы бороться против тьмы. Потому так важно прославлять пространство словами сердца: свет заключается в них. Так человечество возносится на крыльях мыслей. Так строится эволюция.

(Учение Живой Этики. Иерархия, 105).

...Удивляетесь, как люди могут глотать без вреда яды, но не подумаете, откуда пришел иммунитет? Не от строения желудка, но от огня, заложенного в сердце.

(Учение Живой Этики. Сердце, 98).

Годные устремления уничтожают явления заразы. Устремленный человек, поистине, полон иммунитета. Так же и с проходящими по краю пропасти. Лучшие крылья сотканы устремлениями. Даже лучшим противоядием будет тоже устремление. Огонь, рожденный напряжением стремительным, будет лучшим щитом. Древние объясняли, как стрелы не достигают стремящегося. Современные врачи могли бы указать на развитие особого вещества при духовном устремлении. Примените это в жизни как житейский совет. Указываю, насколько устремленный дух с быстротою света меняет свое положение и становится неуловимым. Так можно приучить себя к устремленности, являя ее как телесно, так и духовно. Учение без устремления – как мешок просыпанный. Нужно обнять сущность сказанного, ибо изучение одних слов и останется на языке. Но спаситесь от языка, устремленного при мертвом сердце. Так не забудем о противоядии истинного устремления.

(Учение Живой Этики. Сердце, 216).

Защищенность не есть еще сопротивляемость. Все мечтают о развитии сопротивляемости. Невосприимчивость есть лишь слабая степень явления сопротивляемости. Иммунитет – в сердце, но активная сопротивляемость тоже не в мозгу. Лишь энергия сердца делает человека неуязвимым и несет его поверх препятствий. Так можно запомнить о сердце как об оружии. Именно, оружие Света – сердце! Но пусть не заподозрят в нас противников мозга. Пусть добрый пахарь-мозг трудится над своими посевами, пусть он утучняет зерна и несет мысль утонченную, заостренную боями. Но современное погубительное положение создано извращенным помыслом мозга. Потому снова обратимся к сердцу, как к судье и водителю. Кто поможет близким найти путь сердца, тот найдет и свое совершенствование.

(Учение Живой Этики. Сердце, 399).

Страх и раздражение называются вратами тьмы. Прежде всего служители тьмы посылают страх, чтобы смутить дух... Сердце воспитанное, прежде всего, искоренит страх и поймет вред раздражения. Так сердце есть то самое оружие Света, которое посрамит уловки тьмы. Сердце, как утверждают, постоянно готово поражать тьму и обуздывать Хаос. Особенно прискорбно, что многие не хотят помыслить о мощи сердца. Тем они не только низвергают самих себя, но и вредят близким. Каждое неосознанное сокровище погружается в Хаос и тем усиливает тьму.

(Учение Живой Этики. Сердце, 558).

Братья милосердия, не выражаясь, вступали в злейшие очаги чумы, ибо передавали сознание свое Христу бесповоротно и безраздельно. Такой обмен сознания создавал вспышки огня очищения непробиваемого. Таким западным примером можно напомнить множество подобных нераздельных действий, вызывающих огонь напряжения сердца. Конечно, вы знаете о древнем биении в грудь в час, когда требовалось напряжение сознания. Отшельники не напрасно и не только для боли били себя камнем по Чаше. Таким первобытным способом они возжигали огонь сердца. Все бичевания и раздражения кожи власняницами принадлежат к тем же первобытным способам сердечного напряжения, когда все существо посредством боли напрягается по одному направлению. Но, конечно, мы не будем прибегать к таким первобытным способам, когда знаем, что высшая защита и восхождение заключаются в нераздельности устремления.

Можно сердцем передать сознание свое по Иерархии, тем делая себя неуязвимым и умножая силы свои. Значит, для такого существенного достижения нужны три элемента: Сердце, Иерархия и понятие нераздельности. Пусть мы приучимся постоянно ощущать сердце. Затем не будем забывать держать а третьем глазе Образ Учителя и поймем, что есть нераздельность устремления. Последнее может быть часто труднейшим. Люди не заботятся отгонять от себя летучих мышей мерзости, тем самым они раздробляют

свое даже зачаточное устремление – получается мохнатый клубок о том же без продвижения. Не надо повторять печальных рулад, так порождающих пространство и препятствующих соединению с Иерархией.

Хороший ученый пишет об иммунитете, но и он обходит центр сердца, как средоточие тонких энергий. Явление неуязвимости лежит в сердце. Можно даже постучать по Чаше, если не хватает торжественного устремления. Но не советую прибегать к этому первобытному средству, лучше запомнить три нужных понятия и взять их во всей жизненности.

(Учение Живой Этики. Сердце, 582).

«Окружись огнем и стань невидим» – завет древнейший. Но при огрубении люди стали забывать, о каком Огне указывалось мудрыми. Огонь стал физическим, и появились магические круги огня. Так люди всегда умаляют сущность свою. Конечно, всякий живой Огонь целителен, но никакая смола не может сравниться с Огнем сердца. Пусть хотя бы помнят о качестве земного Огня. Но, поистине, пришло время снова обратиться к первоисточнику, иначе нельзя переступить границу, у которой уже стоит человечество. Оно использовало и напрягло земные силы и встревожило мощь высшую. Только огненно озаренное сознание может соединить нарушенный мост восхождения.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть I, 15).

Сущность огненного иммунитета была описана Зороастром. Он указывал, что люди из каждой поры кожи могут вызвать огненные лучи, которые поражают всех вредителей. Человек, покрытый броней защитною, не может получить никакое зараженное явление. Можно усилить это напряжение единением с Иерархией. Так сердце становится как солнце, испепеляющее все микробы.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть I, 17).

Приступая к явлениям Огня, будем иметь в виду разные степени. Так называемые прохождения через Огонь будут совершенно различны. Низшие факиры нагирают тело золою с минеральной пылью и тем придают некоторую стойкость против Огня. Конечно, это чисто телесное, внешнее воздействие не может быть значительно. Йоги проходят сквозь Огонь и призывают как противодействие сердечную энергию. При этом Огонь внутренний пробивается через поры кожи и, будучи мощнее Огня земного, образует сильную защитную броню. Такие йоги могут без вреда проводить через Огонь и желающих следовать за ними. При этом йог распространяет свою энергию на следующих за ним, если они смогут всецело перенести свое сознание в сердце йога. Условие всемерного перенесения сознания в сердце Водителя вообще характерно для огненных действий.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть I, 23).

Беззащитность, происходящая от поражения ауры, ужасна. Можно представить, как одно проломление ауры ведет к искажению всего строения ее.

Сонливость, замечаемая при поражении ауры, происходит от однообразно усиленной деятельности огненной энергии, направленной к внешним излучениям. Пока идет такое восстановление, организм и особенно сердечная деятельность оказываются подавленными, потому так забочусь о бережности как в своих действиях, так и в возвратных ударах. Зачем во время боя отягощать сердца друзей? Можно произвести великое множество опытов, как нарушение излучений отражалось именно на сердце. Люди трудно воспринимают совет о наблюдении за своими излучениями, но даже до фотографирования их наука знает о существовании таких излучений от каждого предмета. Нужно проникнуться уважением к человеческой конституции и понять, что каждое столкновение, прежде всего, приносит вред астральному телу. При этом, конечно, организмы, сработавшиеся длительным общением, будут тем сильнее ранить друг друга; но не только друг друга, но и рефлектировать на других близких. Тем серьезнее нужно искоренять все столкновения. Можно представить, какая темная рать устремляется на каждый пролом ауры. Очень ужасно питать таких насекомых внутренними слоями излучений.

Только заградительная сеть препятствует нападению темных сил. Каждый пролом ауры угрожает и одержанием. Тем более будем бережны.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть I, 520).

Не новость, что трепет ужаса вызывает сокращение кожных нервов на затылке, но люди забывают, что нервное вещество позвоночника, как стрела, посылается для восстановления смущенного сознания. Можно думать, что дрожь в затылке есть выражение ужаса, но вместо того это лишь стрела защитная.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть II, 51).

Можно заметить и среди дня как бы отсутствие. Нужно очень внимательно присматриваться к этим состояниям. Они показывают, что тонкое тело частично выходит на дальние работы. Можно чутить головокружение и напряжение центра колокола. Происходит это от лишь частичного пребывания тонкого тела, которое подвергается особым давлениям Огненного Зерна. Не следует утруждаться в этом состоянии. Полезно посидеть спокойно с закрытыми глазами. Также можно мысленно послать токи к тонкому телу, которое на работе. При этом не нужно насиловать себя на географии и расстоянии, но нужно послать спокойное напутствие работающему тонкому телу; не утомлять себя, когда столько токов напрягается. Не только тяжкие токи утомляют, но и усиленные посылки удачи могут утруждать. Удары по ауре могут быть от самых различных причин. Неслучайно древние жрецы закрывали сердце левой рукой, как бы громоотводом, ибо пальцы очень отражают удары.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть II, 65).

В чем же главная польза от посылок мыслей? Кроме полезности для добрых дел, ради которых

мысль посылается, главная польза в укреплении самого пространства добром. Такое насыщение пространства есть великая защита здоровья планеты. Таким образом, можно приучаться много раз ежедневно посылать добрые мысли как пространственные стрелы. Мысли могут касаться как отдельных лиц, так и быть безличными. Явление добра есть великая ценность, не теряющаяся в пространстве.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть II, 308).

Заградительная сеть образуется из тончайших энергий. Все центры принимают участие в формировании этого мощного щита. Для полного круга необходимо, чтобы все духовные центры нагнетали свои энергии. Из центров духа нужно особенно нагнетать сердца, ибо оно в своей мощи может трансмутировать мышление. Правильное мышление даст устойчивость, которая является первым условием. Устойчивость изгонит двойственность, страх и сомнение. Заградительная сеть может сохранить человека, сделав его неуязвимым. Но щит его может лишь тогда утвердиться, когда все тонкие энергии сгармонизированы. Опыт Агни Йоги дает именно этот щит, но необходимо самое бережное отношение к центрам. Заградительная сеть должна постоянно насыщаться энергиями изнутри, как огненная, вечно восходящая спираль. Духовные центры должны питать эту мощь. Заградительная сеть переходит с духом в Мир Тонкий. Сотканная из тончайших энергий, она может ассимилироваться с Миром Огненным; в ней можно отразить лишь высшие устремления. Люди, живущие низшими центрами, не имеют явления заградительной сети. Одержимые не имеют этого щита. Потому на пути огненном нужно заботиться о сплетении тончайших энергий.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 112).

Ткань заградительной сети нагнетается самыми различными энергиями. Каждый духовный центр основан на собирании тончайших энергий, которые являют свои отложения в заградительной сети. Все центры трансмутируются и насыщаются Огнем, который тклет нити заградительной сети. Так этот щит есть утверждение всех космических токов, которые преломляются в заградительной сети. Каждый удар по ауре может, как бумеранг, отразиться на нанесшем его. Когда заградительная сеть может отображать все высшие огни, то, конечно, в этом горниле могут расплавляться столько явленных ударов! Каждое устремленное сознание должно ткать свою заградительную сеть. Можно отвратить много ударов и болезненных уколов, если заградительная сеть остается непроницаемой. Иммунитет духовных центров может достигать насыщенных размеров, когда заградительная сеть постоянно питается изнутри огнем. Потому нужно так заботиться о напряжении заградительной сети. Психическая энергия, устремление духа и огненная трансмутация дадут нужную ткань для заградительной сети. На пути к Миру Огненному напомним о мощи этого щита.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 114).

Заградительная сеть содержит в себе отражения центров. Невозможно утвердиться никаким явлениям, не затронув заградительной сети. Можно себе представить эти отражения центров как потенциалы центров, которые воспламеняются или пробуждаются в зависимости от того или иного чувства, устремления или действия. Даже при физических заражениях можно искать причину в несохранности заградительной сети. Эти процессы указывают, насколько важно следить за явлением заградительной сети и как легко можно нарушить эти излучения духа. Конечно, когда излучение насыщается высшими чувствами или устремлениями, заградительная сеть охраняется этими энергиями. Но пятна, наблюдаемые на ауре, нужно изучать как показатели разных духовных язв. Потому только тот, кто поймет всю творческую мощь духа, прозреет к устремлению охраны заградительной сети. Коснувшись Пространственного Огня, нужно понять все процессы лаборатории центров. Так на пути к Миру Огненному нужно утвердиться сознанием на губительном воздействии самости, которая вызывает раздражение, являя отравление именно империлом.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 159).

Твердь земная заражается и очищается самим человечеством. Каждое жизненное явление оставляет свои отложения на всем пространстве. Все должно трансмутироваться, все должно быть изжито. Так каждый слой представляет сферу, насыщенную человеческими вожделениями, пережитками и устремлениями. Флюиды сердца и духа, которые насыщают пространство чистыми огнями, разрезают пространственные наслоения. Равновесие может лишь таким образом устанавливаться, ибо энергии мечутся в пространстве, и человечество окружено как бы взрывчатыми снарядами. Эти флюиды накапливаются и взрываются во всех сферах. Так и цепь последствий утверждается насыщенными действиями человечества. На пути к Миру Огненному напомним о снарядах пространственных. Время требует огненных формул жизненного подвига.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 180).

Устремленная психическая энергия напрягается особенно огнем духа. Напряжение воли умножает запас и силы психической энергии. Можно убедиться в жизни, как явление напряженной психической энергии противостоит и противодействует различным запрудам. Токи психической энергии могут настолько магнетизировать окружающую атмосферу, что именно установится как бы огненный поток вокруг, который разбивает все надвигающиеся злобные энергии.

Сознательное напряжение психической энергии бесстрашия есть великий панцирь. Сознательное применение этих насыщений вызывает огненную стену, охраняющую утвержденное положение. Творчество психической энергии беспредельно.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 408).

Земной огонь скорее поглощает дерево в трещинах, нежели целый крепкий ствол, также и во всех

приближениях Огненного Мира. Когда предупреждаю о вреде всяких трещин, уже предвижу, как нужно обещать человечество от неразумия. Сами трещины как бы привлекают и поглощают низшее пламя. Нужно избегать всех зараз, и боль сердца утихнет. Мысль всепокрывающая будет целительным началом. Спросите врача, насколько дольше протекает болезнь человека, желающего болеть. Так личное желание уже показывает мощь мысли.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 606).

Правильно обращаете внимание на удары, отраженные аурой. Именно немногие осознают такие нападения мысленные. Обычно люди приписывают такие явления случайным физическим причинам, но развитое сознание даже во сне разберется в истинной причине. Сознание есть верный щит. Аура и сознание образуют доспех защиты.

(Учение Живой Этики. Аум, 275).

Можно заметить, что особо большие потрясения иногда гораздо меньше разрушают организм, нежели малые. Причина в том, что при больших потрясениях начинает особенно действовать психическая энергия, являя мощную защиту. При малых потрясениях и защита не будет сильна. Когда говорю: «Нагружайте Меня сильней, когда иду в Сад Прекрасный», – то это не будет только поэтическим образом, но практическим указанием. Давно сказано, что в больших потрясениях дух крепнет и сознание очищается. Но в таких процессах главным фактором будет всеначальная энергия. Потому не будем огорчаться, если она чем-то приводится в действие. Гораздо хуже, когда нечто маленькое подтачивает организм и спасительная сила бездействует. Такое положение надо осознать, иначе люди начнут стремиться к малому и удовольствуются ничтожным. Запас психической энергии должен быть пополняем. Без нагнетения она не получит Высшей Помощи. Даже такая энигматическая поговорка: «Чем хуже, тем лучше» – имеет некоторое основание.

Поразительно наблюдать, как утеснения и гонения умножают силы. Можно удивляться, откуда люди черпают силы сносить и противостоять поношениям. Та же спасительная энергия, которая очищает сознание, она же создает и оборону. Полюбим же ее и не отгоним легкомысленно. Люди молятся о защите и сами разрушают лучший дар.

(Учение Живой Этики. Братство, 240).

Урусвати знает, насколько люди мало знают воздействия космических токов. Люди полагают, что наиболее развитые организмы менее всего подвергаются таким воздействиям. Но из глубин древности дошло речение о «ноше мира сего». Несут такой груз именно самые избранные. Кто же более всего отзвучит на токи пространственные? Прежде всего, самые утонченные и возвышенные. Очень страдает, кто ощущает дальние землетрясения. То же самое происходит от ударов космических токов. Скорость таких токов превышает бы-

строгу света. Изучение космических токов находится в зачаточном состоянии. Только случайно наталкиваются на какие-то непонятные симптомы. Но врач должен помнить, что многие заболевания имеют отношение к космическим токам.

Мало того, что люди вырабатывают в себе сильные яды, они вдыхают их в припадке ненависти. Легенда о ядовитом дыхании имеет правдивое основание. Не только рев толп может потрясти пространство, но дыхание злобы может надолго отравить окружающую атмосферу. Особенно своевременно напомнить об этом во дни Армагеддона.

Люди пытаются прикрыться масками от ядовитых газов, но еще одной маской нужно запастись: осознать необходимо, что мысль может охранить от ядовитых дыханий. Пусть человек не скрывает от себя, что такая отравка существует, но в то же время пусть помнит, что мысль может отразить самые пагубные веяния. Только мысль может создать противоядие. Эти слова не следуют понимать как символ.

Мысль творит вещество и привлекает из пространства помогающие силы. Мы говорили о сопротивлении злу, мощным помощником будет мысль четкая, ясная, дисциплинированная. Много противоядия создает такая мысль. Даже в физическом смысле мысль может создать охранительную сеть. Так называемый иммунитет есть следствие мысли. Но если усилить мысль памятью о Нас, то мощь ее увеличится. Думайте о Нас. Думайте о реальном существе и примите ужасы Армагеддона.

Мыслитель утешал учеников, говоря: «Невидимый Посланник готов коснуться вас, допустите Его».

(Учение Живой Этики. Надземное, 291).

Урусвати знает, что каждый совет Наш имеет научное основание. Когда Мы настаиваем на полезности нравственной жизни, Мы прежде всего оберегаем основные законы Вселенной. Мы говорим: «Имейте чистые мысли», – и тем самым Мы заботимся о гармонии.

Подумайте, какое огромное значение имеет чистая мысль. Вы знаете, что такая мысль очищает ауру и дает свет лучезарный. Но не забудем, что чистота мысли есть лучшая защита от темных существ. Они присасываются к каждой темной мысли. Уже вижу, как некие ученые возмущаются, ибо в их словаре не имеются темные существности. Тогда скажем по их сознанию: каждая мысль есть своего рода магнит, она привлекает к себе подобное.

Пространство насыщено мыслями, каждая привлекает к себе сходные по качеству. Такие клубки существуют и растут в пространстве среди космических вращений.

Человек не имеет права порождать хаос и производить ущерб проявленному. Подумайте, что каждая чистая мысль есть зарождение добра и каждая темная есть колыбель зла.

Могут спросить, как человек распознает, когда он мыслит добро или зло. Слова человеческие могут быть лукавы, но среди мышления люди не обманыва-

ются. Они отлично понимают разницу между подвигом и преступлением. Облик деяния еще не есть его сущность, но эту сущность деятель отлично ощущает в сердце. Так пусть человек не становится рассадником разрушительных сил. Каждый пусть помыслит, что он может творить добро. Пусть каждый мыслит научно, тогда он поймет законы нравственности.

Мыслитель предупреждал: «Пока не приобретете знания, до тех пор будете в безнравственности».

(Учение Живой Этики. Надземное, 350).

Урусвати знает, что зрима не только человеческая аура, но и эктоплазма, которая тоже принадлежит к тонкой природе. Достаточно известно, что тонкие существа пользуются эктоплазмой медиума, из нее ткнут они свои видимые одеяния. Но сейчас хочу напомнить о постоянном проявлении эктоплазмы, каждый человек ею обладает. Существа тонкие вьются вокруг каждого и употребляют частицы эктоплазмы, – получается, что вокруг человека атмосфера наполнена такими лохмотьями вещества. Многие иногда замечают такие туманные пятна, которые проплывают в пространстве, принимая различные очертания. Врачи относят эти явления к несовершенству глаз, но они скорее доказывают именно совершенство глаза.

Могут спросить: «Такие истечения эктоплазмы могут ли отражаться на здоровье?» Конечно, могут, особенно в зависимости от свойств похителей. Низкие жители прожорливы и не считаются с вредом наносимым. Но могут приближаться и заботливые существа, которые поспешат восполнить похищенную плазму.

Также могут спросить, как можно противостоять нежелательным посетителям. Только бодростью духа, не позволяя касаться нашей сущности. Урусвати знает, как отскакивали назад нежелательные гости; при этом не требовалось отгонять их, они сами не могли продвинуться через заградительную сеть. Также естественные условия всегда самые лучшие, но для этого нужна естественная закалка духа.

Уныние является самым мрачным посредником. Также раздражение будет приманкою для самых безобразных гостей. Нужно, чтобы люди крепко запомнили, что эктоплазма выделяется вовсе не только на каких-то особых собраниях, но постоянно, и лишь крепкое и бодрое сознание не допускает чрезмерного истечения. Но какую плотную атмосферу образуют эти лохмотья, и люди должны дышать такими отбросами! Но могут быть и чудесные выделения, которые называются пищею богов, о них еще поговорим.

Мыслитель учил, что окружающее пространство наполнено веществом тонким.

(Учение Живой Этики. Надземное, 430).

Урусвати знает мощь победы над страхом. Что же есть страх – этот мрачный поработитель человечества? Ученый скажет: «Страх есть спазма вибраций, происходящая от негармоничного приближения». Мыслитель помнит, что страх есть невежество. Можно привести много определений страха. Они подтвержда-

ют, что страх лишает человека воли и тем делает его беззащитным. Но самое нужное определение будет, что человек накликает на себя страх, ибо он не осознал мира наземного.

Может ли поддаться ужасу человек, знающий закон надземный? Такой отважный исследователь знает, что человеческое существо нерушимо и самая сильная судорога вибраций может быть преодолена волею. Но и такое напряжение должно быть воспитано. Никто не будет защищен от страха, если он не хочет победить его.

Пусть человек помнит всегда, что негармоничные сочетания могут обессилить его и нужно сознательно прикрыться щитом воли. Уже Мы напоминали о воспитании воли. Не нужно думать, что можно преодолеть дисгармонию лишь обычным спокойствием. Удар предполагает противодействие. Пусть зло вернется на пославшего его. Мы не будем нуждаться в мече, если можно отбросить вражескую стрелу силою воли.

«Поистине, побеждающий должен быть на бесменном дозоре», – так заповедал Мыслитель.

(Учение Живой Этики. Надземное, 830).

Урусвати знает сущность самоохраны, так называемый ритм, дающий вибрационную защитную сеть. Не следует думать, что такая сеть может возникать извне. Она должна быть зарождена самим человеком. Свободная воля должна привести человека к осознанию необходимости защиты.

Стрелок сам должен пустить стрелу, но полет ее может быть утроен, если надземная связь крепка. Мы уже указывали, что высшая Помощь может быть приложена к добровольному решению; только так образуется сотрудничество, и в надземном мире тот же закон. Тем сильнее нужно желать сохранить четкое сознание о сотрудничестве, и Помощь не замедлит.

Так, среди всех условий жизни нужно научиться самоохране, ибо она защитит от нападений вражеских. Наш щит будет наготове принять все стрелы врага. Не будет преувеличением напомнить о битве. Она пусть будет преддверие победы.

Мыслитель говорил: «Не забуду о самоохране, ибо она подтвердит Мою готовность к битве».

(Учение Живой Этики. Надземное, 879).

«...Могут ли Высокие Духи болеть и даже подвергаться заразе?» Конечно, да, если по условиям своего задания они должны находиться в постоянном общении с людьми. Ведь высокий дух постоянно отдает часть своих сил окружающим и приходящим к нему, и, как бы ни был велик запас его психической энергии, все же при чрезмерной щедрости запас этот может временно истощиться. И вот такие минуты истощения полны опасности, ибо заградительная сеть ауры, не получая излучений, идущих из запаса, питающего наши центры, нарушается и микробы заразы могут проникнуть в наиболее слабое место. Вот почему в книгах Живой Этики так настойчиво указывается на хранение заградительной сети. Ученик, достигший известной ступени развития, не может долго оставаться в отрав-

ленной атмосфере городов и должен удаляться в природу для накопления праны и вести более или менее уединенную жизнь.

(Письма Елены Рерих 22.02.1936).

ИММУНИТЕТ

Прививки хороши, если им соответствует жизнеспособность, иначе они являются разрушительным пластырем. Жизнеспособное существо не нуждается в прививках, ибо оно имеет так называемый солнечный иммунитет.

(Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Озарение, 145).

Люди, правда, прикоснулись ко многим энергиям, но в большинстве случаев в одном касании, познавая лишь одиночные свойства. Из этой ограниченности могут возникнуть многие опасности...

Мы озабочены предупредить о своевременности иммунитета в отношении призыва новых энергий. Все Наши опыты указывают, что психическая энергия будет всегда готова трансмутировать удар прочих энергий в полезное явление. Мы видели, как психическая энергия заменяла прививки и уничтожала возможности заболеваний, так же она проверяет все воздействия энергий во благо.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 540).

Самой лучшей защитой не только от болезней, но и от явлений вражеских, всегда будет сознательное применение психической энергии. Развитие ее есть самая насущная задача человечества.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 569).

Многие заболевания предотвращаются психической энергией. Можно слышать о том, что некоторые организмы расположены или не расположены к известным болезням. Но в чем заключается эта защита или слабость, никто не может сказать положительно. Между тем, наблюдения за психической энергией дали бы лучшие ответы.

(Учение Живой Этики. Агни-Йога, 609).

Нужно в сознании защититься и создать непроницаемую броню нервных излучений. Даже великие эпидемии не могут развиваться, если народ владеет сознанием. Опыт с веществом психической энергии показал бы, какую мощную антисептику люди носят при себе. При этом нужны два условия. Первое – осознание психической энергии; второе – осознание Иерархии как единственного пути нагнетения психической энергии. Не следует смотреть на Иерархию, как на нечто отвлечение. Нужно усвоить прочно, что она есть сильнейший жизнедатель. У Нас называют ее первым целебным средством. Но даже любую пилюлю нужно проглотить и любую мазь приложить. Не будет действия от лекарства в сундуке, также и благодать Иерархии должна быть устремлением взя-

та. Только бесповоротное устремление даст целебное следствие.

(Учение Живой Этики. Иерархия, 418).

Удивляетесь, как люди могут глотать без вреда яды, но не думаете, откуда пришел иммунитет? Не от строения стенок желудка, но от огня, заложенного в сердце.

(Сердце, 98).

Годные устремления уничтожают явления заразы. Устремленный человек поистине полон иммунитета... Даже лучшим противоядием будет тоже устремление. Огонь, рожденный напряжением стремительным, будет лучшим щитом... Современные врачи могли бы указать на развитие особого вещества при духовном устремлении. Примените это в жизни как житейский совет... Так можно приучить себя к устремленности, являя ее как телесно, так и духовно... Так не забудем о противоядии истинного устремления.

(Учение Живой Этики. Сердце, 216).

Известный вам йог, принимавший без вреда сильнейшие яды, умер от малого замедления применения сердечной энергии.

Иммунитет заключается в сердце. Йог мысленно переводит яды на сердце, которое и разбивает следствие, приобщаясь к пространственному огню. Но для этого нужно разбудить огни сердца, и вы знаете, какое время нужно для этого! Конечно, прием яда должен производиться постепенно. В случае, вам известном, потребовалось семь лет на приучение организма к координации с огнями пространства. Лишь одна минута промедления вызвала преимущество сил яда. Нельзя ни на минуту отложить перенесение сознания в сердце.

(Учение Живой Этики. Сердце, 375).

Защищенность не есть еще сопротивляемость. Все мечтают о развитии сопротивляемости. Невосприимчивость есть лишь слабая степень явления сопротивляемости. Иммунитет – в сердце, но активная сопротивляемость тоже не в мозгу. Лишь энергия сердца делает человека неуязвимым и несет его поверх препятствий.

(Учение Живой Этики. Сердце, 399).

Следует помнить о соде не только в болезнях, но и среди благополучия... Но следует приучать тело к ней длительно. Каждый день нужно принимать ее с водой или молоком, принимая ее, нужно как бы направлять ее в нервные центры. Так можно постепенно вводить иммунитет.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть II, 461).

Спрашивают о причинах заражаемости, о свойствах крови и семени, но совершенно забывают, что в основании этих явлений лежит психическая энергия. Она предохраняет от заражения, она находится в качестве секретов. Не стоит принимать в соображение

механическую сводку сведений, если не принять во внимание участие психической энергии. Люди называют известный иммунитет притоком веры, но состоянии экстаза недаром называется сиянием Огненного Мира. Вот такое сияние защищает человека от заразы. Оно очищает секреты, оно как щит.

(Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть III, 450).

Следует сказать человеку: «Не обессиливай себя; недовольство, сомнение, саможаление поедают психическую энергию»...

Можно убедиться, что человек, не поддавшийся влиянию трех указанных ехидн, работает в десять раз лучше; кроме того, он сохраняет иммунитет против всех заболеваний. Так опять можно наглядно убедиться, что психическое начало главенствует над физическим.

(Учение Живой Этики. Аум, 303).

Мысль творит вещество и привлекает из пространства помогающие силы... даже в физическом смысле мысль может создать охранительную сеть. Так называемый иммунитет есть следствие мысли. Но если усилить мысль памятью о Нас, то мощь ее увеличится.

(Учение Живой Этики. Надземное. 291).

Сейчас кто-то начнет насмехаться, когда скажем, что главным фактором для приобретения иммунитета является добрая мысль.

(Учение Живой Этики. Надземное, 559).

Конечно, некоторые, уже испытанные, прививки против заразных заболеваний, например оспы, допускаются, а в некоторых местностях, где оспа особенно свирепствует, прививки эти пока являются единственным способом борьбы с этой заразой. Другие прививки еще мало исследованы, и, конечно, они могут быть опасны. Но когда имеется хороший запас психической энергии, никакая зараза не страшна. Но часто ли мы встречаем таких людей? Кристалл психической энергии даст иммунитет от всех заболеваний и явится истинным жизненным эликсиром. Потому пусть ученые и врачи направят все свое внимание на изучение и исследование психической энергии.

(Письма Елены Рерих 7.5.1938).

ЗАГРАДИТЕЛЬНАЯ СЕТЬ АУРЫ ЧЕЛОВЕКА Связь сети с иммунитетом

Причины заболевания и противостояния болезням человека были изложены и объяснены в медицине Востока, со времен глубокой древности. Священные писания всех религий мира хранили Учения, в которых излагались знания и так называемые «ключи» к происхождению как Космоса – Макрокосмоса, так и человека – Микрокосмоса. Знание делилось на внешнее, экзотерическое, и внутреннее, эзотерическое. Со временем «ключи», а их было семь, были для большинства утеряны, но сохранены посвященными в древнее знание и передавались только тем, кто способен были воспринять это знание без ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕГО В ЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ, НО ВО БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. На Земле существовали и существуют светлые школы для обучения лучших людей из многомиллиардного человечества и таких наберется совсем немного. Не нужно забывать, что существовали и существуют школы темного толка, использующие знание в личных и корыстных целях.

Впервые за долгое время доступно, а главное – достоверно были приоткрыты многие тайные знания Еленой Петровной Блаватской (1831–1891), основательницей Теософского Общества в 1875 году и Теософского движения. Были изданы капитальные труды на английском языке в двух томах: «Разоблаченная Изида» и «Тайная Доктрина» (Космогенезис и Антропогенезис) (1888). Впервые человечество получила истинное знание о происхождении и эволюции Вселенной, планет и человека, которое можно открыть, владея семью «ключами». На русский язык с английского был осуществлен перевод книг «Тайная Доктрина»

Еленой Ивановной Рерих (1879–1955), философом, писателем, глубоким знатоком восточных философий и религий.

С 1924 по 1938 год выходят в свет 14 книг научно-философского Учения Живая Этика, Агни Йога, соавтором которого была Е. И. Рерих. Имя Учителя обозначено в общем названии первых двух книг Учения: Листы Сада Мории. Зов (1924) и Озарение (1925). Огромное эпистолярное наследие Елены Ивановны, которое составило более 9 томов, явилось руководством для правильного понимания и проникновения в глубины текста не только Учения, но и основ Теософии, а также мировых религий. Законы мироздания, законы эволюции Космоса и человека, законы развития единой духоматерии позволили осознать смысл жизни и найти каждому подходы к познанию самого себя. Одним из основных «ключей» явилось знание об анатомии и физиологии, как физического человека, так и внутреннего, от которого зависит понимание эволюционного развития и предназначения каждого человека и человечества в целом – без разделения на расы, подрасы, нации и национальности. Время пришло, чтобы знание стало достоянием множеств и указало правильное развитие эволюционных процессов.

Здоровье человека, наличие заболеваний, сопротивляемость организма тотально связаны с его прошлым, проявленном в настоящем и проектированием в будущее. Основным законом является закон причинно-следственных отношений, обозначаемом на Востоке – кармой и связанным с ним законом реинкарнации – перевоплощения. Карма происходит от санскритского, как дело, действие, творится непрерывно мыслью, а затем как её следствием – действием. Таким образом, внутренний человек и его строение порождены качеством элементов мысли и чувств, и их сочетаний из предыдущих жизней, то есть каждый воплощенный на Земле наследует сам себя. Физическое же тело и его качества передаются отцом и матерью, то есть качественными особенностями рода. Из семени отца, его энергии строится зародыш человека и его тело, подобно тому, как качество любого урожая зависит от отборного зерна в земледелии и скотоводстве. Большую роль играет физический организм матери и его способность построить внутриутробно крепкое тело ребенка. Недаром в древние времена выбор невесты и жениха определялся качествами силы и характеристикой рода.

Любой человек анатомически выстроен следующим образом:

1. Физическое тело.
2. Прана, жизнь, жизненная энергия.
3. Эфирно-энергетическое тело, оно же жизненное, витальное или низшее астральное. В нем циркулирует жизненная энергия прана.
4. Кама рупа, тело желаний или собственно астральное (тонкоматериальное), животная душа. В этом теле действуют два принципа: желания и низший Манас, интеллект, рассужающая способность человека.
5. Высший Манас, духовная мысль, из которого вышел луч низшего Манаса.
6. Буддхи, духовная душа.
7. Аурическое яйцо. Вместе 7-й, 6-й и 5-й принципы составляют Высшую, неумирающую триаду человека – это и есть Бог в человеке. Остальные принципы составляют низшую, смертную червервицу. Задача каждого человека объединиться с Высшей триадой через утончение мысли и желаний. Сумма излучений всех тел человека составляют его цвето-световую ауру.

Аура всех людей должна иметь так называемую заградительную сеть, сотканую из огненных энергий, которая предохраняет от заражения и не позволяет болезнетворным агентам проникать во внутреннее пространство человека. «Заградительная сеть должна окружать тело. Очень важно, чтоб аура кончилась сетью искр жизнеспособных, потому лиловые и синие ауры должны иметь рубиновые искры в окружности...»

[1, с. Оз. 168]. Качество заградительной сети напрямую связаны с духовным развитием человека и установлением связи тонкого состава с бессмертным Высшим Я. Укрепляется сеть развитием психической энергии – энергии всенадельной, духовной. Именно

эта энергия, вырабатываемая развитым сердцем, лежит в основе иммунитета.

«Иммунитет – в сердце, но активная сопротивляемость тоже не в мозгу. Лишь энергия сердца делает человека неуязвимым и несет его поверх препятствий. Так можно запомнить о сердце как об оружии. Именно оружие Света – сердце...» [2, с. 223. Пар. 399]. Необходимо отметить, что страх, гнев, раздражение, все негативные реакции ослабляют действие заградительной сети, аура во время таких эмоций как бы опадает, скручивается и любой возбудитель заболевания проникает внутрь человека, поэтому все древние религии, все учения рекомендовали сохранять спокойствие и внутреннее равновесие. «Страх и раздражение называются воротами тьмы. Прежде всего, служители тьмы посылают страх, чтобы смутить дух... Сердце воспитанное, прежде всего, искоренит страх и поймет вред раздражения. Так сердце есть то самое оружие Света, которое посрамит уловки тьмы...» [3, с. 303. Пар. 558].

Об иммунитете, огненном иммунитете, говорили все основатели великих религий. Учение ссылается на Зороастра, который также указывал на это мощное противодействие организма заразе. «Сущность огненного иммунитета была описана Зороастром. Он указывал, что люди из каждой поры кожи могут вызвать огненные лучи, которые поражают всех вредителей. Человек, покрытый броней защитною, не может получить никакое зараженное явление. Можно усилить это напряжение единением с Иерархией. Так сердце становится как солнце, испепеляющее все микробы» [4, с. 19. Пар.17]. «Единение с Иерархией» обозначает значение молитвы и создание крепкой связи с избранным человеком духовным покровителем.

В организме человека имеются духовные центры, высшие расположены в центральной нервной системе: в головном и спинном мозге. Им соответствуют в физическом теле крупные нервные сплетения. Эти центры в литературе именуется символически по-разному: «лотосы», «чакры», «колеса». Они отражают и свидетельствуют о ступени духовного развития каждого человека и никогда не развиваются механическими приемами, которые рассматриваются как однозначно вредными. Отмечается, что люди, живущие низшими центрами и влекомые только животными устремлениями, не имеют заградительной сети. «Заградительная сеть образуется из тончайших энергий. Все центры принимают участие в формировании этого мощного щита. Для полного круга необходимо, чтобы все духовные центры нагнетали свои энергии. Из центров духа нужно особенно нагнетать сердце, ибо оно в своей мощи может трансмутировать мышление» [5, с. 101. Пар.112].

Необходимо учитывать огромное количество психических заболеваний, связанных с заражением Тонкого тела человека. Причина этих заражений также кроется в качестве и наличии заградительной сети, которая ослабляется качеством мышления и наличием так называемых духовных язв. «Конечно, когда излучение насыщается высшими чувствами или устремле-

ниями, заградительная сеть охраняется этими энергиями... Потому только тот, кто поймет всю творческую мощь духа, прозреет к устремлению охраны заградительной сети...» [6, с. 131–132. Пар.159].

Современное состояние сознания, качество мышления и чувств требуют срочного оздоровления, так как люди насыщают окружающее их пространство теми энергиями, которые коллективно и индивидуально порождают. Можно с уверенностью констатировать отравленную атмосферу и помещений. «Мало того, что люди вырабатывают в себе сильнейшие яды, они выдыхают их в припадке ненависти. Легенда о ядовитом дыхании имеет правдивое основание. Не только рев толп может потрясти пространство, но дыхание злобы может надолго отравить окружающую атмосферу. Особенно своевременно напомнить об этом во дни Армагеддона...»

Мысль творит вещество и привлекает из пространства помогающие силы. Мы говорили о сопротивлении злу; мощным помощником будет мысль четкая, ясная, дисциплинированная. Много противоядия создает такая мысль. Даже в физическом смысле мысль может создать охранительную сеть. Так называемый иммунитет есть следствие мысли...» [7, с. 28–29. Пар. 291].

Учение Живой Этики, рассматривая сложное строение человека, рассматривает сложное строение окружающего человека пространства, так как каждое из тел живет и развивается на своем плане разного качества материи и духоматерии. Так, физическое тело живет в физическом материальном мире, Тонкое тело живет и работает в многомерном тонкоматериальном пространстве или, как его называют в литературе, Астральном мире со многими планами жизни. Основой же духоматерии является изначальный Свет. Каждое из этих миров, или пространств обитаемо. В низших же сферах Астрального мира живут негативные сущности, которые влияют негативно на человека и основой этого влияния является их содружество с плохими мыслями и чувствами людей. Таким образом, каждый человек открывает врата своей ауры или высокому взаимодействию или низкому. Можно сказать, что именно сам человек привлекает и питает своими энергиями тонких существ.

«Подумайте, какое огромное значение имеет чистая мысль. Вы знаете, что такая мысль очищает ауру и дает свет лучезарный. Но не забудем, что чистота мысли есть лучшая защита от темных сущностей. Они присасываются к каждой темной мысли. Уже вижу, как некие ученые возмутятся, ибо в их словаре не имеются темные сущности. Тогда скажем по их сознанию: каждая мысль есть своего рода магнит, они привлекают к себе подобное.

Пространство насыщено мыслями, каждая привлекает к себе сходные по качеству. Такие клубки существуют и растут в пространстве среди космических вращений.

Человек не имеет права порождать хаос и производить ущерб проявленному. Подумайте, что каждая чистая мысль есть зарождение добра и каждая темная есть колыбель зла» [8, с. 116–117. Пар. 350].

Чувства человека очень влияют на состояние его ауры и заградительной сети, указывается на большой вред уныния, страха, депрессий и т. д. Такой человек разрушает свою защиту, а депрессия наглядно свидетельствует о разобщении со Светом и сильным воздействии негативных сил, причем человек сам и только сам загоняет себя в такое болезненное психическое состояние. «Уныние является самым мрачным посредником. Также раздражение будет приманкою для самых безобразных гостей» [9, с. 226–227. Пар. 430]. «Что же есть страх – этот мрачный поработитель человечества? Ученый скажет: «Страх есть спазма вибраций, происходящая от негармоничного приближения». Мыслитель напомнит, что страх есть невежество. Можно привести много определений страха. Они подтверждают, что страх лишает человека воли и тем делает его беззащитным... Пусть человек помнит всегда, что негармоничные сочетания могут обессилить его и нужно сознательно прикрыться щитом воли...» [10, с. 310. Пар. 830].

Таким образом, иммунитете заключается и целиком зависит от внутреннего человека и его мышления, чувств и воли. Могут ли помочь прививки для создания иммунитета? Конечно, могут, но при определенных условиях, если они будут взаимодействовать с жизнеспособным организмом. Кроме того, при прививках работает и механизм внушения, производимый врачом, и механизм самовнушения, который поднимает вибрации уверенности мысли и чувства о своей неуязвимости. В Учении Живая Этика рассматриваются вопросы прививок. «Прививки хорошо, если им соответствует жизнеспособность, иначе они являются разрушительным пластырем. Жизнеспособное существо не нуждается в прививках, ибо оно имеет так называемый солнечный иммунитет» [11, с. 70. Гл. IV, 18]. «Мы озабочены предупредить о своевременности иммунитета в отношении призыва новых энергий... Мы видели, как психическая энергия заменяла прививки и уничтожала возможности заболеваний, так же она претворяет все воздействия энергий во благо» [12, с. 329–330. Пар. 540].

В заключение вновь необходимо напомнить о роли психической энергии, всеначальной, духовной и сердца, о психическом состоянии организма и о качестве мышления, о связи каждого человека с Высшими Силами – Иерархией Света. «Многие заболевания предотвращаются психической энергией» [13, с. 363. Пар. 609]. «Иммунитет заключается в сердце... Но для этого нужно разбудить огни сердца...» [14, с. 212. Пар. 375]. «Защищенность не есть еще сопротивляемость. Все мечтают о развитии сопротивляемости. Невосприимчивость есть лишь слабая степень явления сопротивляемости. Иммунитет – в сердце... лишь энергия сердца делает человека неуязвимым и несет его поверх препятствий» [15, с. 223. Пар. 399]. «Следует сказать человеку: «Не обессиливай себя; недовольство, сомнение, саможаление поедают психическую энергию. Можно убедиться, что человек, не поддавшийся влиянию трех указанных ехидн, работает в де-

сять раз лучше; кроме того, он сохраняет иммунитет против всех заболеваний. Так опять можно наглядно убедиться, что психическое начало главенствует над физическим» [16, с. 149–150. Пар. 303].

«Конечно, некоторые, уже испытанные, прививки против заразных болезней, например, оспы, допускаются, а в некоторых местностях, где оспа особенно свирепствует, прививки эти пока являются единственным способом борьбы с этой заразой. Другие прививки еще мало исследованы, и, конечно, они могут быть опасны. Но когда имеется хороший запас психической энергии, никакая зараза не страшна. Но часто ли мы встречаем таких людей? Кристалл психической энергии даст иммунитет от всех заболеваний и явится жизненным эликсиром. Потому пусть ученые и врачи направят все свое внимание на изучение и исследование психической энергии» [17, с. 113].

1. Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Озарение. – М. : Международный Центр Рерихов, 1994. – 232 с.
2. Учение Живой Этики. Сердце. – М. : Международный Центр Рерихов, 1995. – 354 с.
3. Там же. – С. 303.
4. Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть первая. – М. : Международный Центр Рерихов, 1995. – 365 с.
5. Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть третья. – М. : Международный Центр Рерихов, 1996. – 372 с.
6. Там же. – С. 131–132.
7. Учение Живой Этики. Надземное. Кн. 2. – М. : Международный Центр Рерихов, 1996. – 430 с.
8. Там же. – С. 116–117.
9. Там же. – С. 226–227.
10. Учение Живой Этики. Надземное. Кн. 3. – М. : Международный Центр Рерихов, 1997. – 428 с.
11. Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Озарение. – М. : Международный Центр Рерихов, 1994. – 232 с.
12. Учение Живой Этики. Знаки Агни Йоги. – М. : Международный Центр Рерихов, 1994. – 413 с.
13. Там же. – С. 363.
14. Учение Живой Этики. Сердце. – М. : Международный Центр Рерихов, 1995. – 354 с.
15. Там же. – С. 223.
16. Учение Живой Этики. Аум. – М. : Международный Центр Рерихов, 1996. – 297 с.
17. Письмо Е. И. Рерих – Ю. Д. Монтвидене. 7 мая 1938 года // Письма / Рерих Е. И. – М. : Международный Центр Рерихов, 2006. – Т. 6 (1938-1939). – 560 с., илл.

О мире, о неубийстве приходится говорить. Что же это такое? Неужели все тысячелетия не научили людей тому, что заповедано всеми скрижалями? Но что же видим? Чем дальше, тем неотступнее нужно твердить о сущности мира. Где же тут эволюция, если грозная пушка уже наведена и смертный яд сеется безумно. Даже так умудрились люди, что яд и отравы уже нелепают с неба! Из того самого неба, откуда лилась панацейная прана.

Н. К. Рерих

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ КУЛЬТУРЫ Как это делается в Одессе

15 апреля – «Международный день культуры». Этот праздник был учрежден в честь принятия в Вашингтоне 15 апреля 1935 года «Пакта Рериха» – международного договора «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников». Художник и миротворец Николай Рерих считал Культуру главной движущей силой на пути совершенствования человеческого общества, видел в ней основу единения людей разных национальностей и вероисповеданий.

В основе международного журнала «Лига Культуры», издаваемого Одесским Домом-Музеем имени Н. К. Рериха, была заложена идея Н. К. Рериха о синтезе науки, искусства и культуры.

В этот знаменательный день, 15 апреля, в Одессе в Музее открылась выставка и прошла видеоконференция, посвященная **85-летию подписания Пакта Рериха**. В конференции принимали участие представители Украины, России, Израиля, Молдовы и Нидерландов.

Открыла конференцию директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха **Елена Петренко**. Она зачитала приветствие из Международного центра Рерихов, рассказала о Николае Константиновиче Рерихе, об истории подписанного Рузвельтом в Белом доме Пакта Рериха, о созданном Рерихом Знамени – «Знамени Мира». На белом фоне этого Знамени изображен красный круг вечности и 3 малых круга, которые символизируют прошлое, настоящее и будущее.

Главный редактор научно-публицистического журнала «Лига Культуры» **Татьяна Слонимская** (Израиль) поблагодарила собравшихся за вклад в пространство Культуры и представила новый 16 выпуск журнала, который издается с 2011 г. два раза в год. Презентации журнала проводились в разных странах, но стабильно в Одессе и в Израиле. Весной этого года, по причине коронавируса, презентация в Израиле не состоялась, но непременно состоится в будущем. Зато благодаря техническим возможностям и хорошей организации встречи сотрудниками ОДМ им. Рериха удалось объединиться онлайн всех вместе, увидеть и услышать авторов журнала из разных стран, а также познакомиться с Музеем Рериха дистанционно. Для тех, кто еще не смог побывать в Одессе, это стало прекрасной возможностью знакомства с Музеем.

Дом-Музей им. Рериха находится в центре Одессы, на Большой (на украинском – Великой) Арнаутской. Я понял, что именно здесь, в Одессе, делается культура, а «Лига Культуры» объединяет всех, кто готов к ее почитанию.

Как всегда, в журнале каждый из 10 разделов начинается статьёй Н. К. Рериха. Так в особо актуальной сейчас статье «Мир» (1936 год) Рерих писал: *«Войны бывают всякие – и внешние и внутренние, зримые и*

незримые. Какая война страшнее это ещё вопрос». Сейчас мы все ведём войну с незримым врагом – коронавирусом. И мы победим!

В другой опубликованной статье «Культура» Николай Рерих описывал сущность задач и стремлений: *«Мы помогаем Культуре!.. Мы слагаем Культуру»*.

Затем слово было предоставлено авторам журнала «Лига Культуры».

Постоянный автор журнала – врач, историк, исследователь, публицист, создатель белорусского КВН – Яков Басин, житель Иерусалима, высоко оценил работу Одесского музея и журнала «Лига Культуры» за их деятельность на ниве воспитания и просвещения, за поднятие на должную высоту имени Николая Рериха. Автор считает, что особенностью нашей трудной эпохи является то, что человек перестал читать книги. Басин отметил, что в историческом жанре надо правдиво показать эпоху, личность и драматичность ситуации, в которой находится личность.

Член редколлегии журнала, доктор искусствоведения, театровед Злата Зарецкая, автор книги «Феномен израильского театра», как всегда очень эмоционально рассказала о двух недавних культурологических конференциях в Одессе и Израиле. Она считает, что деятельность Николая Рериха до сих пор недооценена, а проведение этой видеоконференции явилось окном в мир в нынешнем «тюремном» коронавирусном режиме.

Библиотекарь Зинаида Тобияш из Хайфы поведала о судьбе «испанских детей» и их спасителях – евреях.

Валерия Юнда, искусствовед из Национального музея искусств имени Богдана и Варвары Ханенко (Киев), рассказала о китайской коллекции бронзы в этом музее.

В журнале опубликованы две статьи о военной Одессе лёгчика высшей категории Ивана Гавриловича Карпенко, участника освобождения города, доброй ему памяти, и две статьи о нем: его дочери Елены Карпенко и Виктора Веприка.

Искусствовед из Астрахани, заслуженный работник культуры России Галина Петрова рассказала о статье «Будем, как солнце», в которой повествуется о произведениях искусства, хранящихся в Астраханской картинной галерее имени П. Догадина.

Очень интересным было выступление филолога, переводчика Константина Гилевича из Нидерландов, который представил «Бюллетени Координационного совета Комитетов Пакта и Мира имени Н. К. Рериха» в Одессе, Нидерландах, Испании, Греции и Израиле.

Член редколлегии журнала, искусствовед из Иерусалима, доктор филологии Галина Подольская не смогла принять участие в конференции, но Елена Петренко выразила ей особую благодарность за 263 картины, подаренные Музею Рериха (по инициативе

Галины) Объединением профессиональных художников Израиля; поблагодарила за многочисленные совместные выставки, издания и публикации.

Не смог принять участие в конференции главный культуролог Азербайджана, доктор исторических наук, профессор Фуад Мамедов, президент Академии Культуры Азербайджана «Симург», но он обещал подготовить новую публикацию для следующего номера журнала.

Уже 5 лет все встречи с журналом «Лига Культуры» в Иерусалиме проводятся совместно с Международной Ассоциацией Израиль – Азербайджан «АзИз». В 16-м выпуске журнала была и моя статья под названием: «Библиотека, Рерих, январь, Баку». Статья посвящена очередной презентации журнала «Лига Культуры», ее 15 выпуска, проходившей в январе этого года в Иерусалиме и совпавшей с 30-й годовщиной «черного января», военных событий 1990 г. в Баку. В этой статье мне представилось рассказать и о комдиве моего отца, – генерале, лётчике, асе – Юрии Михайловиче Беркале, по приказу которого эскадрильи атаковали агрессора в 4 часа 5 минут, 22 июня 1941 года, о том, как Вторая мировая война превратилась в Великую Отечественную войну.

С большой радостью и желанием поздравил Елену Григорьевну Петренко с 30-летием служения на ниве культуры, поблагодарил Елену Петренко и Татьяну Слонимскую за поздравление «АзИз» с недавним 13-летием – «бармицвой». Рассказал об обстановке в Иерусалиме в период коронавируса, о закрытии синагог, мечетей и церквей, о закрытии Храмовой горы, Стены Плача и Храма Гроба Господня, об ограничениях, введённых в праздники Пейсах, Пасха и Рамадан. Празднование 85-летия подписания Пакта Рериха в Иерусалиме было отменено из-за закрытия мест наших встреч: Общинного Дома и Русской Городской Библиотеки. В Баку такая встреча состоялась в феврале этого года и была посвящена защите культурного наследия во время вооружённых конфликтов.

Забегая вперед, анонсировал желание иерусалимских и азербайджанских авторов почувствовать в 17 номере журнала «Лига Культуры».

И в заключение встречи, особо вдохновенно Елена Петренко произнесла всем знакомые слова А. С. Пушкина: **«Друзья мои, прекрасен наш союз!»**

Спасибо, Одесса! Спасибо, «Лига Культуры»! Онлайн встреча удалась! До новых личных встреч! «Пакту Рериха» – ура!

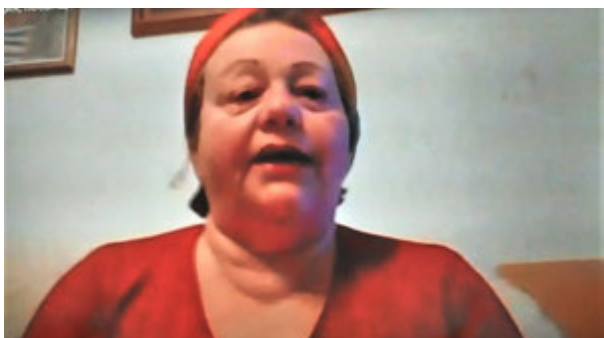
Александр Аграновский, Иерусалим

Видеоконференция

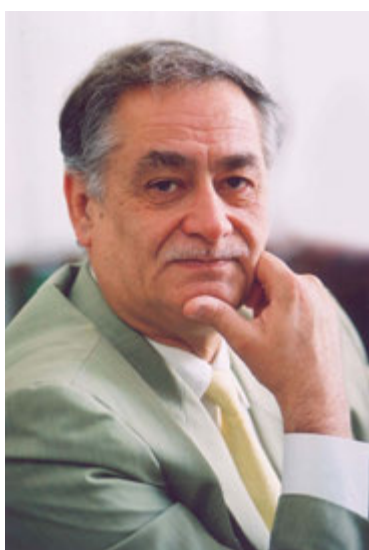
Директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха
Елена Петренко

Зинаида Тобияш, библиотекарь, журналист, Хайфа

Доктор Яков Басин, Иерусалим

Профессор Фуад Мамедов, культуролог, Баку

**Новый альбом Галины Подольской
для Одесского музея**

**Татьяна Слонимская, главный редактор
журнала «Лига Культурь»**

Татьяна Слонимская и Галина Подольская в Иерусалиме

НАШИ АВТОРЫ

Аграновский Александр – руководитель Иерусалимского отделения Международной ассоциации Азербайджан – Израиль «АзиИз», зам. председателя пресс-клуба при Общественном доме Иерусалима, выпускник факультета автоматизации Азербайджанского института нефти и химии, Общественного института изобретательского творчества в Баку. Автор сборника «Дорогие мои бакинцы» (Иерусалим, 2014) (Иерусалим, Израиль).

Балановская Татьяна – закончила Одесский национальный университет им. И. Мечникова, французское отделение факультета романо-германской филологии. С 1978 г. работает в Одесском музее западного и восточного искусства, в настоящее время заведует отделом западноевропейского искусства. Автор многочисленных публикаций и статей по искусству (Одесса, Украина).

Баршай Александр – журналист, публицист. Родился в мае 1941 года в Киеве. Вместе с матерью (отец погиб на войне) эвакуировался сначала в Саратов, затем в город Фрунзе (ныне Бишкек) – столицу Киргизии. Там окончил школу и университет. Трудился в газетах Киргизии и Казахстана. Более 15 лет проработал в Киргизском государственном телеграфном агентстве, был главным редактором. В Израиле – с 1995 года. Постоянный автор газеты «Вести», публикуется в других русскоязычных изданиях не только Израиля, но и США, Германии, Беларуси, Киргизстана. Автор трех публицистических книг – «Праотец Авраам любит их», «Гибель Ямита» и «Монетка на счастье» (Элазар, Израиль).

Басин Яков – закончил Минский медицинский институт, врач I категории, 34 года проработал врачом. Автор научных работ, лауреат Всесоюзной премии по борьбе с туберкулезом (1974). Награжден почетным знаком «Отличник здравоохранения» (1972). Историк, исследователь, культуролог, публицист. Автор ряда книг по истории евреев, исследований в области Холокоста и исторических очерков (Иерусалим, Израиль).

Белякова Зоя – родилась и выросла в Ленинграде. В 1954 году закончила английское отделение филологического факультета ЛГУ. Работала преподавателем английского и немецкого языков, гидом-переводчиком и лектором курсов повышения квалификации для гидов ВАО «Интурист». Многие годы работает над темой «Великие князья. Дворцы и судьбы» и «Род герцогов Лейхтенбергских де Богарне». Почти два десятка опубликованных ею книг основаны на изучении российских и зарубежных архивов, включая частные собрания потомков. Неоднократно читала лекции как в России, так и за рубежом в университетах, музейных и исследовательских центрах. В 2005 г. принята в Союз писателей С.-Петербурга. Объединением членов рода Романовых за «многолетнее служение» награждена памятным нагрудным знаком – «400 лет Дому Романовых» (Москва, Россия).

Биленко Галина – закончила Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. Образование – историк-медиевист. С 1973 года работает в Национальном музее искусств имени Богдана и Варвары Ханенко научным сотрудником, с 1989 года – заведующей отделом искусств стран Востока. Вместе с Анной Руды является автором современной музейной экспозиции «Восточная коллекция» (2006 год), куратор многочисленных выставок восточного искусства (Киев, Украина).

Глебова Ирина – заведующая отделом западноевропейского искусства Одесского музея западного и восточного искусства. Автор многочисленных публикаций по искусству (Одесса, Украина).

Егорова Надежда – закончила Московский государственный университет культуры и искусств. Библиотекарь-библиограф, кандидат педагогических наук, заведующая справочно-библиографическим отделом Дома русского зарубежья имени А. Солженицына (Москва). Автор многочисленных научных публикаций (Москва, Россия).

Зарецкая Злата – закончила филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Диссертацию, связанную со структурой традиционного театра, защитила в 1988 году во ВНИИ искусствознания имени Грабаря. В Израиле с 1990 года. Автор книги «Феномен Израильского театра» и многочисленных статей по еврейской и мировой культуре (Иерусалим, Израиль).

Костыничук Людмила – аналитик-исследователь в международной консалтинговой компании. По образованию – астрофизик. Образование получила на физическом факультете Одесского национального университета имени И. И. Мечникова в 1996 году. Сотрудник Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха с 1991 года. Администратор новостного блока на сайте Одесского Дома-Музея имени Рериха (Утрехт, Нидерланды).

Крижевская Светлана – член Национального союза художников Украины. Образование – высшее художественное. Активно участвует в художественных выставках в Украине и за рубежом. Произведения находятся в музеях Украины и других стран. Сотрудничает с Институтом энциклопедических исследований Национальной академии наук Украины в создании «Енциклопедії сучасної України», автор статей-персоналий о художниках. Старший преподаватель кафедры изобразительного искусства художественно-графического факультета Южноукраинского национального педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Член жюри творческих конкурсов (Одесса, Украина).

Малыш Светлана – закончила историко-теоретический факультет Одесской консерватории имени А. В. Неждановой по специальности музыковед. Преподаватель Одесского училища искусства и культуры имени К. Ф. Данкевича, руководитель общества им. С. В. Рахманинова с 1995 года, автор газетных, журнальных публикаций и книг: «Наедине с музыкой», «Постигая Рихарда Вагнера», «Под сенью Рахманиновской музыки». Лауреат муниципальной литературной премии имени К. Г. Паустовского. В Одесском Доме-Музее имени Н. К. Рериха ведёт музыкальные программы и тематические собрания общества им. С. В. Рахманинова (Одесса, Украина).

Мамедов Фуад Теюб оглы – доктор исторических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, президент Ассоциации культуры Азербайджана «Симург». Азербайджанский ученый, педагог, просветитель, общественный деятель, основоположник культурологической науки в республике. Автор многочисленных научных публикаций (Баку, Азербайджан).

Мартьянова Светлана – закончила Московской государственной институт культуры. С 1991 сотрудник Научной музыкальной библиотеки им. С. И. Танеева Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. В настоящее время – заведующая отделом комплектования. Член Постоянного комитета секции музыкальных библиотек Российской библиотечной ассоциации (Москва, Россия).

Морковина Анна – закончила филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского по специальности журналистика. Аспирантка кафедры литературы и библиотечной работы с детьми и юношеством Московского государственного университета культуры и искусств. Заведует Пушкинским сектором Саратовской ОБДЮ имени А. С. Пушкина, главный библиотекарь. Автор научных, публицистических и художественных публикаций (Саратов, Россия).

Ничипорук Владимир – закончил Киевский медицинский институт. Врач-реабилитолог высшей категории, отличник охраны здоровья, заслуженный врач Украины, почетный работник физической культуры и спорта. Работал заместителем директора Украинского центра спортивной медицины Министерства здравоохранения Украины, руководитель общественной организации Общество «Украина – Индия» (Киев, Украина).

Огнева Елена – закончила восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности тибетская филология. Кандидат исторических наук, учёный-востоковед, тибетолог, буддолог, старший научный сотрудник Института востоковедения имени А. Крымского (Киев, Украина). Специалист в области источниковедения, искусствоведения, музееведения, этнографии, геральдики (Луцк, Украина).

Пахомов Алексей – в 1995 г. окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва) по специальности физика. Кафедра космических лучей и физики космоса. Преподавал английский язык, математику, физику, астрономию. Работал инженером в институте океанологии РАН им. П. П. Ширшова. Окончил институт государственного управления и социальных исследований МГУ, магистратуру учебно-научного института гравитации и космологии Российского университета дружбы народов. Работает над диссертациями по специальностям теоретическая физика и философия науки. Член Международного Евро-Азиатского астрономического общества. Имеет публикации в научных и научно-популярных журналах. С 2005 по 2014 гг. регулярно участвовал в работе Гамовской летней астрономической школе в Одессе (Москва, Россия).

Петренко Елена – закончила Одесский медицинский институт имени Н. И. Пирогова, лечебное дело, музыкальную семилетнюю школу по классу фортепиано. Автор многочисленных научных публикаций и книг. Директор Одесского Дома-Музея имени Н. К. Рериха (Одесса, Украина).

Подольская Галина – доктор филологических наук, искусствовед, писатель, поэт. Действительный член Израильской независимой академии развития наук, член правления Объединения профессиональных художников Израиля. Автор многочисленных публикаций об искусстве (Иерусалим, Израиль).

Пономаренко Марина – кандидат искусствоведения, преподаватель кафедры изобразительного искусства Южноукраинского национального университета имени К. Д. Ушинского (Одесса, Украина).

Рерих Елена (ур. Шапошникова) (1879–1955) – русский философ, писатель, переводчик. Автор многочисленных научных публикаций и книг: «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (под псевдонимом Наталья Яровская), «Основы буддизма» (под псевдонимом Наталья Рокотова), «Криптограммы Востока» (под псевдонимом Жозефина Сент-Иллер), «Чаша Востока» (под псевдонимом Искандер Ханум). Соавтор 14-томного научно-философского Учения Живая Этика.

Рерих Николай (1874–1947) – русский художник, ученый, писатель, поэт, путешественник, общественный деятель. Автор многочисленных научных публикаций, книг: «Пути благословения», «Держава Света», «Нерушимое», «Твердыня Пламенная», «Алтай – Гималаи», «Шамбала», «Шамбала сияющая», «Цветы Мории» и других. Соавтор научно-философского Учения Живой Этики. Автор международно-правового юридического договора – Пакта Рериха по охране культурных и научных ценностей.

Слонимская Татьяна – закончила Ташкентскую государственную консерваторию имени М. Ашрафи по классу специального фортепиано. Журналист, автор многочисленных публикаций. Главный редактор журнала «Лига Культуры» (Лод, Израиль).

Студнева Елена – журналист, обозреватель журнала «Международная жизнь». Родилась в Москве. По окончании института работала в системе Гостелерадио СССР. Член Союза журналистов России с 1992 года. С 2006 года по 2009 год – журналист Кремлевского пула от ФГБУ «Голос России». С 2010 года по настоящее время работает обозревателем и входит в редколлегия журнала «Международная жизнь». Является членом Императорского Православного Палестинского общества – старейшей общественной организации России. В 2017 году в Вене стала лауреатом премии «Посол Мира» Международной общественной организации «Австрийско-Российское международное сотрудничество». Имеет награды от благотворительного фонда им. Андрея Боголюбского, фонда им. Её Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Романовой и др. (Москва, Россия).

Тарасенко Андрей – кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и методики декоративно-прикладного искусства и графики художественно-графического факультета Южно-украинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Автор монографии «Порталы Мифа. Изобразительное искусство Одессы в пространстве “большого времени”. Вторая половина XX – начала XXI века» (2015). Цель – введение одесской художественной школы в контекст мирового искусства (Одесса, Украина).

Твердислова Елена – кандидат филологических наук, литературовед, переводчик с польского (соч. Иоанна Павла II, Романа Ингардена, Юзефа Тишнера, Кшиштофа Михальского, Анджея Валецкого, Марека Скварницкого и др.), поэт (2 книги стихов), прозаик (книги о Папе Римском Иоанне Павле II, Чингизе Гусейнове), автор свыше ста статей о Фридрихе Горенштейне, Иосифе Бродском, русской и польской философии, культуре, литературе, поэзии (Иерусалим, Израиль).

Устинова Валентина – закончила Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, физико-географ, преподаватель географии. 1996 г. – Киевский межрегиональный институт усовершенствования учителей им. Бориса Гринченко – английский язык, отличник образования Украины, ответственный секретарь общественной организации «Общество “Украина – Индия”» (Киев, Украина).

Шпетная Александра – первое образование получила в Киевском музыкальном училище имени Р. М. Глиэра: в 1978 году закончила обучение на фортепианном отделении и стала преподавателем фортепиано и концертмейстером. Второе образование получала заочно на отделении истории искусств филологического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького: в 1987 году получила диплом искусствоведа. С 1985 года начала работать научным сотрудником в Киевском музее западного и восточного искусства (ныне – Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко). Позднее работала учёным секретарём в Государственных научно-реставрационных мастерских Украины, заместителем директора Центра реставрации и экспертизы в Киево-Печерском историко-культурном заповеднике, преподавала в Национальной академии руководящих кадров культуры и искусства Украины (в Киеве). С 2004 по 2009 год работала учёным секретарём в Киевском музее русского искусства (ныне – Национальный музей «Киевская картинная галерея»), а с 2010 года в том же музее – заведующей Центром реставрации и экспертизы. Подготовила к изданию каталог скульптуры Киевского музея русского искусства (Киев, Украина).

Щербакова Ольга – закончила Одесскую государственную консерваторию имени А. В. Неждановой по классу заслуженной артистки Украины, профессора Людмилы Наумовны Гинзбург. Кандидат искусствоведения, доцент Одесской национальной музыкальной академии им. А. В. Неждановой (Одесса, Украина).

Щербаков Юрий – закончил Одесскую государственную консерваторию им. А. В. Неждановой по классу заслуженной артистки Украины, профессора Людмилы Наумовны Гинзбург. Кандидат искусствоведения, доцент Одесской национальной музыкальной академии им. А. В. Неждановой (Одесса, Украина).

Н. К. Рерих. Богатыри проснулись. 1940. Холст, темпера. 91,4 x 152
Академия искусств и культуры им. Бирлы. Кольката (Калькутта), штат Западная Бенгалия, Индия

